

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4 (191)

Октябрь — Ноябрь — Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

Редакционный Совет

Акад. *Б. Б. Пиотровский* (председатель), д. филол. н. *В. И. Абаев*,
акад. *В. П. Алексеев*, член-корр. АН Азерб. ССР *И. Г. Алиев*,
д.и.н. *О. Д. Берлев*, акад. *Т. В. Гамкrellidze*, д.и.н. *И. М. Дьяконов*,
акад. АН Арм. ССР *С. Т. Еремян*, д. филол. н. *Вяч. Вс. Иванов*,
д.и.н. *Ю. К. Колосовская*, д. филол. н. *В. А. Лившиц*,
акад. АН Тадж. ССР *Б. А. Литвинский*, д.и.н. *И. Л. Маяк*,
акад. АН Груз. ССР *Г. А. Меликишвили*,
акад. АН Узб. ССР *Г. А. Пугаченкова*, д.и.н. *Е. М. Штаерман*

Редакционная коллегия

Г. М. Бонгард-Левин (главный редактор),
С. С. Аверинцев, *Ю. В. Андреев*, *Е. В. Антонова*, *Л. С. Баюн*,
Ю. Г. Виноградов (ответственный секретарь), *М. Л. Гаспаров*,
Г. Г. Гиоргадзе, *В. А. Головина*, *Е. С. Голубцова* (зам. главного
редактора), *М. А. Дандамаев* (зам. главного редактора),
И. С. Клочков, *Г. А. Кошленко*, *М. В. Крюков*, *В. И. Кузишин* (зам.
главного редактора), *Л. П. Маринович*, *А. И. Павловская*,
А. В. Подосинов, *Г. Х. Саркисян*, *В. М. Смирин*, *М. К. Трофимова*,
Э. Д. Фролов, *В. И. Уколова*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),
Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *S. Averintsev*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*,
E. Frolov, *M. Gasparov*, *G. Giorgadze*, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*,
I. Klochkov, *G. Koshelenko*, *M. Kryukov*, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *G. Sarkisyan*, *V. Smirin*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *Yu. Vinogradov*

Consultative Council

B. Piotrovsky (Chairman), *V. Abaev*,
B. Alexeev, *I. Aliev*, *O. Berlev*, *I. Diakonoff*, *T. Gamkrelidze*,
Vyach. Vs. Ivanov, *Yu. Kolosovskaya*, *B. Litvinsky*, *V. Livchits*,
I. Mayak, *G. Melikishvili*, *G. Pugachenkova*, *Ye. Shtaerman*, *S. Yeremyan*
Head, Editorial Office *I. Malkova*

Б. Б. Пиотровский
СКИФЫ И УРАРТУ*

В последнее десятилетие археологи обогатили науку замечательными открытиями, которые расширяют наши представления об истории народов, населявших в первую половину I тыс. до н.э. обширные территории. Был открыт совершенно новый мир, мир скифов, которых никоим образом нельзя причислять к бесследно исчезнувшим народам древности, так как сведения о них известны уже давно. Так, греческий историк Геродот, посетивший около 450 г. до н. э. Северное Причерноморье, оставил подробный рассказ о скифских племенах этого региона.

В 1715—1716 гг. царь Петр I получил из Сибири предметы из чистого золота, по стилю напоминающие скифское золото, найденное позднее, лишь в XIX в., при раскопках в курганах на северном побережье Черного моря. В 1763 г. генерал Мельгунов при раскопках на Украине (близ современного Кировограда) обнаружил в раннескифском кургане выдающиеся предметы искусства, на которых следует подробнее остановиться ниже.

С течением времени повсюду на бескрайних просторах между Дунаем на западе и Ордосом на востоке, до Китайской стены, обнаруживались памятники скифского стиля. Более чем на 7000 км простиралась зона находок между 40 и 50° широты; она охватывала степи, предгорья и горные пастбища. Скифский мир обнаруживался в многочисленных общих элементах культуры и одинаковых предметах.

Так, детали конской сбруи, оружие (короткие мечи, так называемые акинаки, трехгранные и двухлопастные наконечники стрел) и украшения обнаруживают повсюду родственные черты. Культурные и идеологические аналогии нашли свое отражение в искусстве и особенно проявились в так называемом скифо-сибирском «зверином» стиле, главной темой которого являются сцены борьбы животных. Многочисленные племена, населявшие эти обширные территории, были близки и по своей социальной структуре. Однако эти отношения существовали уже раньше, в доскифское, или «киммерийское», время в VIII—VII вв. до н.э. Это определенно подтверждают находки из кургана Аржан в Тувинской АССР на юге Сибири. Кроме предметов из кургана Аржан — расхищенного грабителями погребения вождя крупного союза племен, которое обнаруживает большое сходство с погребениями Восточной Европы, найдены остатки ткани иранского происхождения, примерно на 200 лет древнее иранских ковров и китайских шелковых тканей из кургана Пазырык на Алтае.

* Доклад был прочитан на заседании Баварской Академии наук (Мюнхен, 1984)

В 1976 г. М. Грязнов сравнил сходные предметы доскифского времени из трех курганов: «Пичата Могила» близ Варны (Болгария), Высокая Могила на Днестре (Украина) и кургана Аржан (Тува).

Таким образом, уже в киммерийское время были созданы предпосылки для связей между отдаленными территориями и группами народов с одинаковым типом полукочевого и раннекочевого хозяйства со значительной ролью коневодства, которое давало возможность преодоления больших расстояний. Взаимосвязи между этими группами народов компенсировали недостаток полезных ископаемых — в первую очередь металлов — в отдельных регионах.

Если в Средиземноморье преодоление больших расстояний осуществлялось при помощи судоходства, то в степях связи на далекие расстояния не представляли никаких трудностей благодаря коневодству. Хорошо вооруженные конные воины составляли подвижные подразделения.

Геродот приводит свидетельства о походах и вторжениях киммерийцев и скифов в Переднюю Азию, а вавилонская хроника Набупаласара сообщает об участии кочевых народов, и среди них скифов, в разгроме Ассирийской державы (616—609 гг. до н.э.).

Многочисленные, в большинстве случаев ассирийские, письменные источники подтверждают свидетельство Геродота о киммерийско-скифском вторжении в Переднюю Азию и более подробно обрисовывают события. Так, сведения ассирийских разведчиков, сохранившиеся в клинописных текстах из архива Ниневии, содержат данные о появлении киммерийцев в Передней Азии уже примерно в середине VIII, а скифов — в VII в. до н.э.

Археологический материал значительно дополняет и конкретизирует сведения о вторжении кочевых народов с севера в Переднюю Азию. Эта проблема уже освещалась в очень интересной работе Г. Косака. При раскопках урартских крепостей как в Советской Армении (Кармир-Блур), так и в районе озера Ван, в комплексах, относящихся к VII в. до н.э., были найдены типичные детали скифской конской сбруи, (рис. 1) большое число скифских бронзовых наконечников стрел, отличающихся от урартских, железное оружие (в том числе мечи), предметы из рога и кости, бусы из фаянса. Все эти предметы обнаруживают большое сходство с вещами из собственно Скифии, найденными в районе Днестра.

Многие предметы скифского типа были скопированы урартами со скифских образцов (рис. 2). Детальный обзор этой интересной и важной темы выходит за рамки данной статьи. Здесь следует лишь указать на то, что в Тейшебаини (Кармир-Блур) были открыты заготовки для изделий из рога и среди них небольшая головка грифа скифского типа, служившая в качестве образца. В Ассирии была найдена бронзовая литейная форма для трех наконечников стрел скифского типа, в то время как часто встречающиеся костяные псалии с копытом на одном конце и головкой лошади или грифа на другом, происходящие из района Днестра и из Урарту, указывают на определенные стилистические отклонения.

Находки скифских предметов из некоторых комплексов, датируемых исторически засвидетельствованным разрушением крепостей, дают повод ныне пересмотреть традиционные датировки ряда скифских курганов, и среди них Мельгуновского кургана на Украине и Келермесского кургана на Кубани.

На связях между двумя предметами — одного из Мельгуновского кургана (район Днестра), другого из Келермесского кургана (район Кубани) — следует остановиться подробнее. Это два меча-акинака с зо-

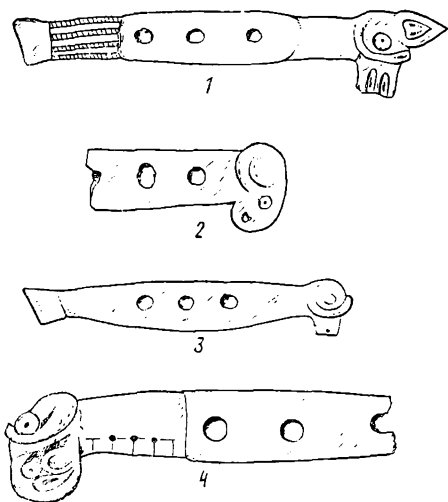

Рис. 1. Костяные тренгеля удил (Иран, Турция). Все рисунки выполнены Б. Б. Пиотровским

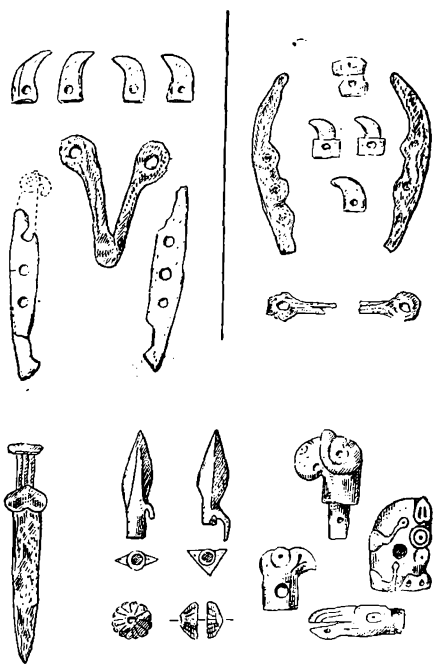

Рис. 2. Предметы скифского типа из Кармир-Блура (др. Тейшебаини)

лотыми рукоятками и золотыми ножнами. Впрочем, связи такого рода могут быть прослежены и на других находках из скифских курганов (рис. 3).

При интерпретации содержания изображения на золотой обкладке акинака необходимо привлечь к сравнению две группы памятников. В первом случае речь идет о находке, сделанной в конце второй мировой войны южнее озера Урмия в Зивийе и известной под названием «клад из Саккыза»; место находки расположено в области, которая в ассирийских источниках обозначена как страна Мана. Те же источники подтверждают присутствие скифов в этой стране.

Описание этой выдающейся находки было впервые дано А. Годаром и Р. Гиршманом в 1950 г. Они распределяют клад на три группы; одна из них обнаруживает явные связи с древневосточным и скифским искусством. «Клад» с уверенностью датируется концом VII в. до н.э.

Во втором случае речь идет об урартских бронзовых поясах, ставших известными нам благодаря раскопкам в центре государства Урарту; (рис. 4); сюда добавляются многочисленные экземпляры, которые из грабительских раскопок последних 20 лет попали непосредственно в западно-европейские антикварные салоны.

Лейтмотивом композиций обеих групп выступают гибридные существа, туловища которых состоят из частей разных животных, главным образом хищников. Определенные детали изображений на предметах из Зивийе повторяются на урартских бронзовых поясах. Несомненно, таким образом, одновременность находки из Зивийе с искусством Урарту. К тому же композиции на экземплярах из клада Зивийе распались и состоят из отдельных элементов, роль которых становится чисто декоративной.

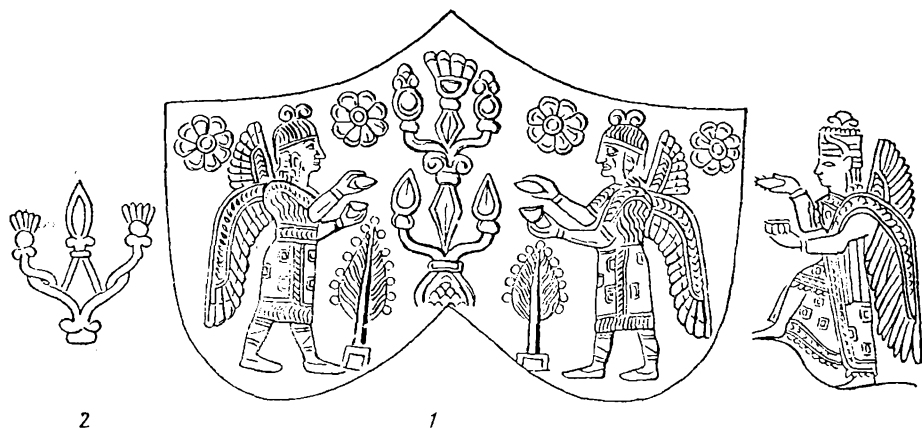

Рис. 3

Рис. 3. 1 — священное дерево с двумя гениями (золотая обкладка акина из Келермесса); 2—3 — урартское изображение древа жизни (Карс) и урартское изображение гения (Кеф-Калеси)

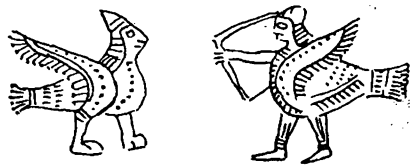

Рис. 4. Изображения фантастических существ на урартских поясах

Рис. 4

Подобное можно наблюдать и на золотых обкладках обоих акинаков из Мельгуновского и Келермесского курганов. Отделка состоит в сущности из рядов отдельных фигур, чаще всего мифических существ; лишь вверху на ножнах и внизу на рукоятке меча из Келермесса находится композиция, состоящая из древа жизни и двух фланкирующих его керубов, однако этот мотив был неверно понят торецтом. Сильно стилизованное древо жизни в центре композиции соответствует по форме шаблонному изображению этого символа на урартских поясах, представленных многочисленными образцами. Художник, неправильно понявший символическую форму древа жизни, скомбинировал его с двумя натуралистически трактованными деревьями, которые также совпадают с изображениями на урартских изделиях (пекторали из раскопок Леман-Хаупта в Ване). На мельгуновском акинаке головные уборы керубов и атрибуты в их руках переданы искаженно. Урартам изображения фланкированного керубами древа жизни были хорошо известны. Они, как видно по каменным рельефам из Кеф-калеси, очень близки к тем, которые воспроизвел на золотых обкладках акинаков из Мельгуновского и Келермесского курганов скифский мастер.

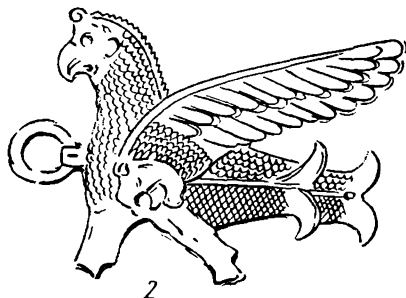

Рис. 5. 1 — изображение фантастического существа на Келермесском акинаке (Скифия); 2 — изображение фантастического существа на пряжке пояса (Урарту)

Примечателен способ изображения мифических существ, которые переданы в так называемом ковровом стиле; сами плоские фигуры покрыты мелким орнаментом, заполняющим всю плоскость.

Туловища быков и львов снабжены чужими головами и крыльями в форме рыб; у иных приставлена человеческая рука с натянутым перед грудью луком (рис. 5). Многие четвероногие мифические существа на мельгуновских ножнах имеют человеческие головы, что часто встречается в урартском искусстве. Крылья в форме рыб напоминают рыб на урартских бронзовых поясах. Но особенно примечательны пряжки от поясов, изображающие грифона с хвостом рыбы и крыльями, заканчивающимися изображениями львиных голов. Большинство фигур на ножнах акинака обнаруживают стилистическое сходство с торевтикой из Зивийе и на урартских поясах. Своеобразную форму имеют хвосты, напоминающие хвосты скорпионов. Изображение двух стоящих друг перед другом и борющихся хищных зверей в нижней части ножен совпадает по мотиву с изображением из Зивийе. На келермесском акинаке в состав изображенной группы хищников входит ещё один орнаментальный мотив — составленный из четырех линий с завитками на концах квадрат, до сих пор встречающийся только на урартских памятниках искусства. Многие элементы стиля, характерные для искусства Урарту и Маны, наводят на предположение, что эти предметы сделаны по урартским образцам; однако копирование предметов — частое явление в искусстве древности, что способствует шаблонности их внешнего вида и отдельных элементов.

Если бы мастер копировал декор ножен урартского меча, то ему должно было недоставать образцов для отделки обкладки, обычных на иранских мечах; эта обкладка оформлена в откровенно скифском вкусе, на ней изображены лежащий олень и головы птиц по краю обкладки. К тому же фигура оленя стилистически решительно отличается от плоских изображений «коврового» стиля на той же золотой оправе меча. Эта фигура оленя, обычная для скифского искусства, не имеет на поверхности никакого декора; она рельефна и слегка огранена, что соответствует деревянным образцам. Это поразительное стилистическое различие между оленем и мифическим существом, вероятно, подтверждает предположение, что речь идет о мастере-скифе.

Стилистически отличными от изображения на акинаке являются изображения на золотой обкладке рукоятки и обуха железной секиры из Келермеса. Вертикальный ряд рукоятки образуют отдельные фигуры

животных: пантеры, антилопы, оленя, кабана, лошади в узде, напоминающего слона мифического существа. На обухе секиры в медальонах изображены отдельные фигуры: лежащий каменный козел с повернутой назад головой, «скифский» олень, искаженная человеческая фигура, в которой с трудом можно признать стоящего при древе жизни керуба. Особого внимания заслуживает композиция на обухе секиры, состоящая из двух вставших на задние ноги каменных козлов по обе стороны от реалистически исполненного древа жизни.

Эта уникальная секира отличается от всех остальных скифских предметов искусства, при этом многие элементы ее декора встречаются в урартском искусстве. В этой связи следует указать на замечательную находку из раскопок на холме Армавир, впервые опубликованную Г. А. Тирацьяном, — отпиленный кусок оленьего рога, на полированных боковинах которого имеется рельефное изображение двух стоящих перед деревом каменных козлов, вплоть до деталей повторяющее композицию на келермесской секире (рис. 6). Кроме того, на боковинах представлены ромбовидная фигура, розетка и типичный для Урарту декоративный мотив — составленный из линий с вычурными концами ромб. Этот предмет из рога, несомненно, представлял собой штамп для изготовления восковых моделей, необходимых для отливки предметов из металла. Р. Минасян полагает, что рукоятка секиры и ножны акинака из келермесского кургана были изготовлены таким методом. Это могло бы означать, что мастера из центра Урарту на Южном Кавказе создавали вещи, подобные тем, что известны нам из области вокруг озера Урмия (Зивийе).

При своем вторжении в Переднюю Азию скифы поддерживали тесные отношения с урартами, через которых они получали железо и, вероятно, различные предметы и ткани. Мастера келермесских предметов подражали произведениям искусства, происходящим из Урарту, так что их изделия представляют собой смесь урартских, иранских и скифских стилизованных элементов. Выше уже указывалось на то, что и урарты, со своей стороны, подражали скифским изделиям.

Три подробно рассмотренных нами предмета искусства из скифских курганов района Днепра и Северного Кавказа представляют собой убедительное подтверждение связей между скифским и древневосточным искусством, которые поддерживались через урартские центры на Южном Кавказе.

В турецких музеях Анкары и Вана меня поразили многочисленные тяготеющие к скифской культуре предметы: бронзовые наконечники стрел, железные кинжалы, детали конской сбруи в виде костяных псалий. Однако особенно примечательной показалась мне в музее Анкары железная секира, которая бронзовой насадкой была соединена с головой птицы таким образом, что птичья головка оказалась непосредственно под острием (рис. 7). Секиры такой оригинальной формы встречаются на обширных территориях и распространены также в Сибири (Тува). Похожие секиры были найдены в Минусинске, Красноярске, Оренбурге, они типичны и для ананьинской культуры на Каме. Они встречаются также в Казахстане, а именно в могильнике Уйгарак юго-восточнее Аравийского моря. Отдельные экземпляры таких секир были найдены на Северном Кавказе и, наконец, одна секира была обнаружена в могильнике с скифскими вещами возле поселения Имирлер в Турции (рис. 8). Эти предметы говорят о разнообразии культурных связей скифских, сарматских и сибирских племен с Урарту, при этом, естественно, речь идет не только о прямых, но и о косвенных контактах.

Рис. 6. Урартская костяная матрица из раскопок Армавира (Армения)

Рис. 7. Скифские топоры-клевцы: 1 — Минусинск; 2 — Оренбург; 3 — Ананьино; 4 — Сибирь (?); 5 — Северный Кавказ; 6 — Уйгарак; 7 — Имирлер; 8 — Муш

Рис. 6

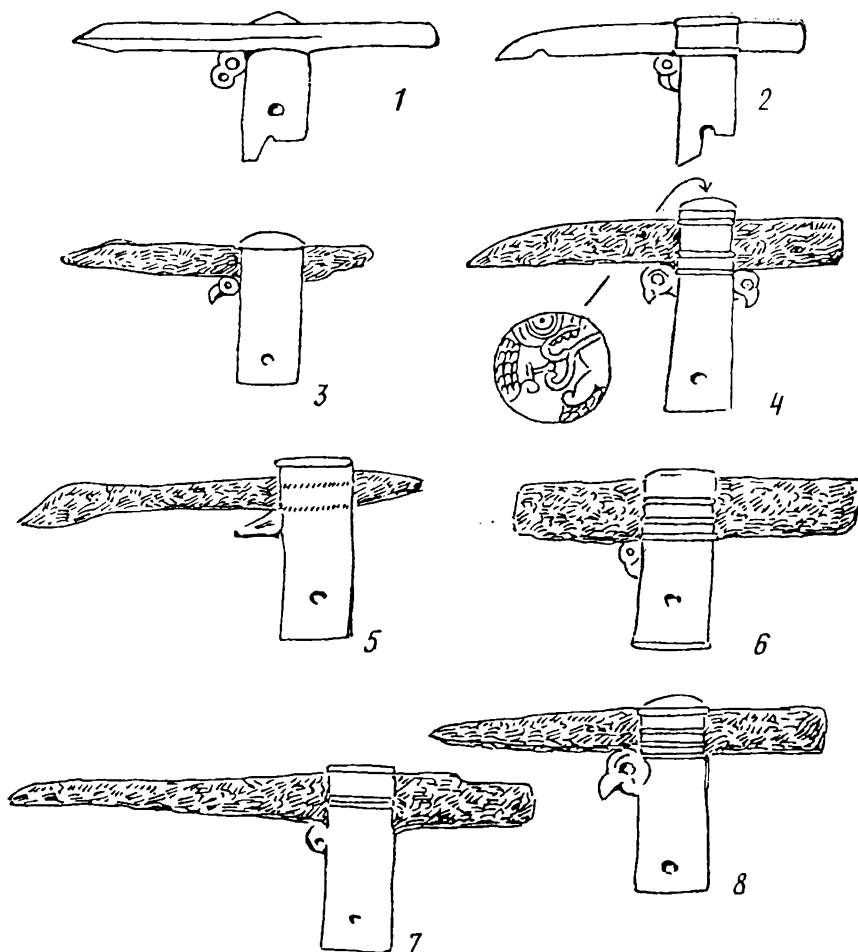

Рис. 7

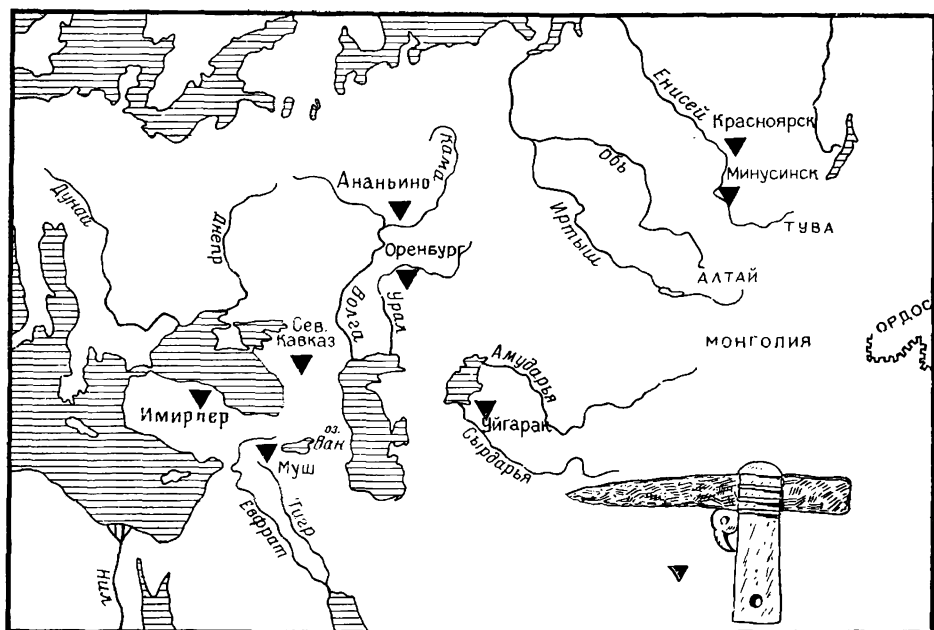

Рис. 8. Распространение скифских топоров

Таким образом, оказывается, что связи европейской и скифской культур в VIII—III вв. до н.э. осуществлялись через территорию, населенную родственными и находящимися на сходном культурном уровне племенами, которым были свойственны общие признаки и которые были объединены общим понятием «скифский» в широком смысле.

В III в. до н.э. эта племенная общность распалась, а вместе с ней и древний путь эстафетной связи между Европой и Дальним Востоком. Он был сменен в III в. так называемым шелковым путем, который вел через Сирию, Среднюю Азию, Иран, Туркестан вплоть до Китая. То, что этот путь проходил через различные страны, не создавало дополнительных трудностей. Он был уже пройден профессиональными торговцами, которые были в состоянии преодолевать большие расстояния. «Шелковый путь» просуществовал вплоть до XIV в.

Используя скифский путь, средиземноморские страны одновременно наводили и морской путь. Он вел через Красное море, мимо Йемена, в Индийский океан, посредством каботажного плавания между портами в Персидском заливе достигал Южной Месопотамии и простирался дальше до Индии и Китая. Этот путь оказался устойчивым и пережил оба вышеупомянутых.

SCYTHIANS AND URARTU

B. B. Piotrovsky

The article traces the connections between Scythian and ancient oriental art maintained through Urartian centres in the South Caucasus, from an analysis of objects d'art found in excavations in the Dnieper area, in particular of akinakes (short Scythian swords) with golden hilts and scabbards from the Melgunov and Kelermes barrows, on the one hand, and certain works of art from excavations in Zivie (the «Sakkes treasure»), and also of Urartian bronze belts from the territory of Armenia and Turkey, on the other hand. It is noted that a quite definite reverse influence is to be seen, in addition to the Scythian influence on the art of Urartu.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧЕРНОМУ ОХОТНИКУ¹

Как и многие другие неоднозначные явления, «Черный Охотник» может похвастаться двойной датой рождения. Как и Первый Интернационал рабочих, он может быть назван «французским ребенком, отданным английской кормилице», но не в столицу, а в Кембридж. Впервые доклад на эту тему был заслушан в Ассоциации содействия исследованиям Греции 6 февраля 1967 г. под заголовком «Le Chasseur noir», а год спустя, 15 февраля 1968 г., превратившись в «The Black Hunter», он прозвучал в Кембриджском филологическом обществе. Правда, я должен заметить, что в Париже слушатели, если и были, как мне сказали, заинтересованы, то все же остались немые. В Кембридже, напротив, дискуссия была оживленной. В ней участвовали не только специалисты-антиковеды, но и всемирно известный антрополог Эдмунд Лич, ставший впоследствии сэром Эдмундом.

Оба доклада были опубликованы — в Париже несколько позже, чем в Кембридже². Насмешливый структуралист не преминет отметить забавный хиазм: в Кембридже, университете, где антиковеды были одновременно антропологами (стоит ли напоминать имена Дж. Харрисон или Ф. Мак-Дональд Корифорда?), моему тексту оказал гостеприимство благоразумный филологический журнал, в то время как в Париже, где антропологи-эллинисты — Л. Жерне, А. Жанмер, Ж.-П. Вернан — проводили свои исследования чаще всего вне университета, работа была опубликована как раз в университетских «Анналах».

Маркс говорил, что люди загадывают себе только те загадки, которые в состоянии разгадать. Я не претендую на окончательную разгадку за-

¹ В основе данного сочинения лежит «Corbett Lecture», прочитанная 2 мая 1986 г. в Кембридже. Именно тогда я в последний раз видел моих друзей Мозеса и Мери Финли, памяти которых я и посвятил английскую публикацию этой работы (The Black Hunter revisited // PCPS. 1986. 212. P. 126—144). Предлагаемый ее вариант, значительно расширенный и пересмотренный, я посвящаю Пьеру Левеку, учеником которого я был еще в Коллеж Севинье в 1953—1955 гг. — в память о 33 годах сотрудничества в самых разных областях, которое помогло периодически возникавшим между нами временным разногласиям не повредить нашей дружбе, во взаимности которой я уверен. Я уверен также, что он не рассердится на меня за то, что я думаю одновременно и об уже ушедшем М. И. Финли, с которым ему часто приходилось спорить, и о нем, к счастью, живом и здоровом. Во всяком случае, интеллектуальное сотрудничество, соединившее нас, остается для меня незабываемым. Я сердечно благодарен Мод Сисанг, перечитавшей мой текст с обычной скрупулезностью. (Редакция ВДИ получила данную статью во французском варианте. Перевод выполнен А. И. Иванчиком. Ему же, за исключением оговоренных случаев, принадлежат переводы цитируемых греческих текстов).

² Vidal-Naquet P. Le Chasseur noir et l'origine de l'éphébie athénienne // Annales ESC. 1968. 23. P. 947—964; *idem*. The Black Hunter and the origin of the Athenian ephebeia // PCPS. 1968. 194. P. 49—64 (transl. by J. Lloyd). У истоков этих публикаций стояли также Ж. Ле Гофф и Д. Пейдж.

гадки, но уверен, что и загадки, и проблемы появляются на университетском небосклоне отнюдь не случайно. В начале 60-х годов я прочел полезную книжку римского антиковеда Анжело Брелича, посвященную взаимосвязи войны, религии и инициаций юношей в Греции³, т. е. по той теме, которая по существу стала одной из основных тем «Черного Охотника». Когда моя работа была опубликована, я отправил ее Анжело Бреличу, с которым не был лично знаком. Он ответил мне, что только что сдал в печать работу, которая в итоге стала его главным жизненным трудом, — книгу «*Paides e parthenoi*»⁴, целиком посвященную инициациям юношей и девушек в греческом мире.

Впрочем, если в моей статье и было что-то оригинальное, то это вовсе не то, что касалось юношеских инициаций. «Пионерской» работой на эту тему является все же, очевидно, работа А. Жанмера, «*Couroi et Courètes*»⁵, ученого, который еще в 1913 г. опубликовал свое знаменитое исследование «Лакедемонские криптии»⁶. В моем сравнении афинской эфебии со спартанскими криптиями также не было ничего нового — это было, по правде говоря, почти общее место. В то же время «Черный Охотник» был если и не первой попыткой применения «структурного» метода в антиковедении⁷, то, возможно, первой работой историка-эллиниста, использующей леви-строссовские концепции для понимания некоторых черт древнегреческого общества. Я сказал именно *историка* Греции, а точнее — историка греческого общества, поскольку моей задачей ни сейчас, ни когда-либо раньше не было изучение греческих мифов самих по себе и для самих себя (как это делали на определенных этапах своего научного развития или до сих пор такие ученые, как М. Детьен в Париже, Э. Пеллицер в Триесте или Дж. Фонтенроз в Калифорнии). Моей задачей было изучение соотношения между данными мифологии и историческим обществом или, лучше сказать, политикой.

С чего началось мое исследование⁸? Вначале речь шла не об Афинах, а о Спарте — о том, чтобы ответить на поставленный в 1913 г. А. Жанмером вопрос: был ли странный институт криптий лаконского общества военным предприятием? Отборнейшие юноши «крипты», которые зимой рыскали по горам и с помощью звериных хитростей убивали илотов, действительно ли они проходили испытание воинской подготовки? А. Жанмер возражал против этого, говоря о том, что вся военная история Спарты восстает против предположения, будто спартанские гоплиты ползали в кустарнике или карабкались на скалы и стены. И как же тогда гоплиты, если они проходили такую тренировку, могли во времена Леонида при Фермопилах оставить без охраны тропинку, по которой Эфиальт

³ Brelich A. Guerre, agoni e culti nella Grecia arcaica. Bonn, 1961.

⁴ Idem. Paides e parthenoi. Roma, 1969. Материал, изложенный в этой книге, можно дополнить с помощью рецензий на нее, особенно: Calame Cl. // Quad. Urb. 1971. 11. P. 7—47 и Sourvinou-Inwood Ch. // JHS. 1971. 91.

⁵ Jeanmaire H. Couroi et Courètes. Lille — Paris, 1939.

⁶ Idem. La Cryptie lacédémonienne // REG. 1943. 26. P. 121—150.

⁷ Можно назвать, например, статью: Vernant J.-P. Hestia — Hermès. Sur l'expression religieuse de l'espace et du mouvement chez les Grecs // L'Homme. 1963. III. 3. P. 12—50. С ней можно теперь ознакомиться в сборнике: Mythe et pensée chez les Grecs. Nouv. éd. P., 1985. P. 155—201.

⁸ Ниже «Черный Охотник» («Le Chasseur noir») будет означать статью 1968 г., Черный Охотник (Le Chasseur noir) — книгу 1981—1983 гг., а Черный Охотник — героя моего исследования. Напоминаю, что Черный Охотник содержит на с. 95—114 статью, написанную совместно с П. Левеком.

провел врагов-персов⁹? Я же пришел к выводу, что необходимо обратить внимание на контраст, понятый как ряд оппозиций — крипт относится к гоплиту так же, как горы — к равнине; «голый» (γυμνός), т. е. лишенный тяжелого вооружения, юноша — к воину в полном вооружении; коварный убийца илотов — к бойцу, сражающемуся в фаланге лицом к лицу с врагом, ночь — к дню, и, разумеется, сырое — к вареному¹⁰.

Из Спарты я перенесся в Афины и попытался понять миф, объясняющий происхождение Апатурий — ионийского праздника фратрий, во время которого молодые эфебы принимались в сообщество мужчин и граждан. Это рассказ о черном афинском герое Меланфе, который использовал хитрость (ἀπατή), чтобы на границе с Беотией победить царя Фив, белокурого Ксанфа. Станный и мрачный рассказ для эфебов, которые становятся гоплитами. Контраст со знаменитой клятвой, по которой они обязывались вести себя как подобает достойным членам фаланги, столь же поразителен, как и противоположность между спартанскими воинами и криптами. Во время доклада в Кембридже Эдмунд Лич обобщил мои наблюдения, подчеркнув, что во многих обществах при прохождении обряда инициации разница между *до* и *после* резко подчеркивалась: именно во время превращения в мужчин мальчики переодевались в девочек.

После Спарты и Афин наступил черед охоты. В то время существовало весьма небольшое количество исследований о греческой охоте¹¹. Я мог, конечно, использовать некоторые прямые свидетельства, например, о том, что знатные македоняне получали право возлежать, как взрослые, на пиру только после того, как убивали кабана без использования сетей (Athen. I. 18a). Я нашел в «Законах» Платона (VII. 822d—824a)¹² и в некоторых других других источниках противопоставление охоты «гоплитского» типа, какая практиковалась, например, в Спарте, и «догоплитского» эфебовского способа охоты, использующего хитрость, сети и покров ночи. Что до самого Черного Охотника, то, в конечном счете, этого персонажа не существует ни в греческой литературе, ни в эпиграфических или археологических памятниках, хотя мне случалось встречать его без малейшей ссылки в научной литературе, узнавая с удивлением даже, что он иногда

⁹ Jeanmaire. La Cryptie... P. 142. Или следует иметь в виду, как Кавафи в его знаменитой поэме, что в любом случае Эфиальт появился бы в конце концов: ὁ Ἐφιάλτης ἃ φανεῖ στὸ τέλος? Об идсале спартанского гоплита в целом см.: Cartledge P. Hoplites and heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare // JHS. 1977. 97. P. 11—27, перепечатано в книге: Sparta. Darmstadt, 1986. P. 387—425, 470; Loraux N. La belle mort spartiate // Ktéma. 1977. 2. P. 105—120.

¹⁰ Возможно, это покажется странным, но последняя оппозиция не сразу пришла мне в голову, и мой друг Ш. Маламу дополнил этот список — ведь очевидное часто пропускают.

¹¹ Основной работой долгое время была Manns O. Über die Jagd bei den Griechen // Progr. Cassel, 1888. S. 7—38; 1889. S. 3—20; 1890. S. 3—21. А. Шнапп предпринял по этой теме весьма глубокое исследование и уже защитил диссертацию 3-й степени. Та же тема стоит в центре его докторской диссертации. См. его статьи: Schnapp A. Pratiche e immagini di caccia nella Grecia antica // Dialoghi di archeologia. N.s. 1979. 1. P. 35—59; *idem*. Images et programmes: les figurations archaïques et la chasse au sanglier // Rev. Arch. 1979. P. 195—218; Schnapp A., Schmitt-Pantel P. Images et société en Grèce ancienne: les représentations de la chasse et du banquet // Ibid. 1982. P. 57—74. Теперь можно использовать также: Anderson J. K. Hunting in the ancient world. Berkeley — Los Angeles — London, 1985. См. еще очень краткую статью, опубликованную в то время, когда я готовил эту работу: Sherratt A. The chase, from subsistence to sport // The Ashmolean. 1986. 10. P. 4—7.

¹² Толкование этого текста, сильно отличающееся от моего, см.: Lonis R. Guerre et religion en Grèce à l'époque classique. Besançon — Paris, 1979. P. 32—33.

пользовался бумерангом¹³. Черный Охотник — это название одного из участников французской охоты на волков, но когда речь идет о греческом мире, его создателем являюсь я и именно я несу за него ответственность. Когда мне нужно было выбрать изображение на обложке книги, носившей его имя, я избрал по совету Николь Лоро Черного Охотника не из греческого искусства, а с картины Паоло Учелло, которая стала мне хорошо знакома после частых посещений Эшмолин Музеума в Оксфорде.

Не будем заводить парадоксы столь далеко. Разумеется, у моего Черного Охотника нет недостатка в греческих прототипах. Я уже назвал одного из них — Меланфа из мифа Апатурий, служившего образцом для афинских эфебов, которые сами в некоторых торжественных случаях¹⁴ носили черные хламиды. Меланф победил Ксанфа в битве в Мелайнах («черной стране»), во время которой он получил помощь от Диониса Меланэгида, т. е. «носящего шкуру черной козы», однако он не был охотником.

Другой прототип, которые тоже был для меня отправной точкой — носящий менее мифологическое имя Меланий, история которого частично рассказана хором старцев в «Лисистрате» Аристофана:

Сказку
Я хочу сказать, какую слышал
Маленьким ребенком,
Вот как.
Меланион жил молодой (*vzavískoz*) и, брака
Не желая, спасся бегством,
И в горах скитался,
И ловил он зайцев,
Им сплетая сети,
Взял собаку — друга.
И назад домой он не бежал во гневе.
Вот как
Не терпел он женщин.

Сткк. 781—797. Пер. Д. Шестакова

Но я помнил, конечно, и то, что супруг Аталанты Меланий был героем Калидонской охоты, настоящей коллективной охоты героев¹⁵.

Я сделал Черного Охотника символом эфеба, не прошедшего инициацию¹⁶, а также символом переходного состояния (однако весьма часто, к моему великому удивлению, мою концепцию просто не понимали)¹⁷.

¹³ Faure P. La vie quotidienne en Grèce au temps de la guerre de Troie. P., 1975. P. 148.

¹⁴ Хламида была признаком эфеба и в классическую, и в эллинистическую эпоху. Из последних работ см.: Gauthier Ph. Les chlamydes et l'entretien des éphèbes athéniens: remarques sur le décret du 204/3 // Chiron. 1985. 15. P. 149—163, с исправлением, опубликованным в том же журнале — Chiron. 1986. 16. P. 15—16. О черных хламидах афинских эфебов см. Le Chasseur noir. P. 160—161 и ссылки, данные в примечаниях.

¹⁵ Я отвечаю здесь Дж. К. Андерсону (Anderson. Op. cit. P. 159. Not. 3). См. «Le Chasseur noir». P. 962—963; См. также: Rubin N. F., Sale W. M. Meleager and Odysseus: A structural and cultural study of the Greek hunting-maturation myth // Arethusa. 1983. 16. 1—2. P. 137—171, но эти авторы знают Мелеагра гораздо лучше, чем Мелания.

¹⁶ Эти представления были правильно, как мне кажется, использованы С. П. Стеткевич для истолкования строения доисламской поэзии: Stetkevych S. P. The su'luk and his poem: a paradigm of passage manqué // JAOS. 1984. 104. 4. P. 661—678.

¹⁷ Я имею в виду в первую очередь замечания, которые были мне сделаны в статье: Pleket H. W. Collegium Iuvenum Nemesiorum. A note on ancient youth organisation // Mnemosyne. 1969. 22. P. 281—298, особенно 294.

Почему эфеб в своей знаменитой клятве клянется вести себя как го-лит? Ответ кажется мне совершенно ясным: для юноши хитрость (ἀπατή) — это настоящее, чувство же локтя в фаланге — будущее.

Таков был «Черный Охотник» в 1968 г. Остался ли он впоследствии самим собой? И да, и нет. Существует старая риторическая фигура: Жан имел нож, он сменил лезвие, затем ручку, но этот нож остался по-прежнему ножом Жана. Мое исследование было опубликовано еще на нескольких языках, а затем включено в сборник ¹⁸. Я воспользовался этим для того, чтобы усилить аргументацию и исправить неточности, на которые указывали критики ¹⁹. Но кроме этой необходимой «косметики» я постарался расширить материал исследования, обращаясь в своей работе к близким сюжетам: эфебия и трагедия (по поводу «Орестей» Еврипида и «Филоклетета» Софокла), эфебия как символическое место встречи исторического и антропологического методов и совсем недавно — Александр Великий, царская охота и охота эфебов ²⁰.

Конечно, «Черный Охотник» вызвал много споров и возражений ²¹. Некоторые ученые приняли по меньшей мере главную часть моей аргументации ²² — среди них лучший знаток эфебовских надписей IV в. до н.э. О. Реймут ²³. Иногда со мной спорили — вежливо или резко ²⁴. И наконец, мои гипотезы развивали применительно к разным периодам и моментам истории — либо используя их, либо отмечая различия ²⁵.

¹⁸ Il Mito. Guida storica e critica / Ed. M. Detienne. Bari, 1975. «Черный Охотник», естественно, вошел в книгу под тем же названием и был еще раз пересмотрен: см. Vidal-Naquet P. The Black Hunter. Baltimore — London, 1986. Эту статью часто цитируют по сборнику: Myth, religion and society / Ed. R. Gordon, Cambr., 1981. P. 147—162, с дополнительными примечаниями издателя.

¹⁹ См., например: Maxwell-Stuart P. G. Remarks on the black cloaks of the ephes // PCPS. 1970. 196. P. 113—116. Я обязан многими замечаниями моим друзьям, особенно М. Детьену и А. Шнаппу.

²⁰ См. две мои работы: Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Mythe et tragédie. V. I. P., 1972; Vidal-Naquet P. Le cru, l'enfant grec et le cuit (1974), переизданная в исправленном и расширенном виде в Черном Охотнике, с. 177—207; глава «Alexandre et les Chasseurs noirs» в работе: Flavius Arrien entre deux mondes // Arrien. Histoire d'Alexandre le Grand. P., 1984. P. 355—365. Упомяну здесь также совместную с Ж. Ле Гоффом работу о средневековом развитии этих представлений, которую можно найти в: Claude Lévi-Strauss / Ed. R. Bellour, C. Clément. P., 1979. P. 265—319, а также в: Le Goff J. L'imaginaire médiéval. P., 1985. P. 151—187 под заглавием «Lévi-Strauss en Brocéliande. Esquisse pour une analyse d'un roman courtois». Анализируемый роман — «Ивейн, или Рыцарь со львом» Кретьена де Труа.

²¹ Он даже вдохновил, что было более чем неожиданно, роман для детей: Weulersse O. Le Messenger d'Athènes. P., 1985.

²² См., например: Sourvinou-Inwood Ch. Rez.: Brelich A. Paides e parthenoi // JHS. 1971. 91. P. 172—177; Bruhns H. Initiation in der Antike: Tod, Wiedergeburt und Politik // Journ. für Geschichte. 1979. 1. S. 33—37; Mason P. The City of men. Ideology, sexual politics and the social formation. Göttingen, 1984. S. 50—58.

²³ Reinmuth O. W. The ephesic inscriptions of the fourth century B. C. Leyde, 1971. P. 126.

²⁴ Вежливо — Anderson. Op. cit. P. 159. Not. 3; резко — Di Benedetto V. Il Filottete e l'efebia secondo Pierre Vidal-Naquet // Belfagor. 1978. 33. P. 191—207, перепечатано в: Di Benedetto V., Lami A. Filologia e marxismo. Contra le mistificazioni. Napoli, 1981. P. 115—136.

²⁵ Кроме уже упомянутых работ А. Шнаппа см. Schmitt-Pantel P. Athéna Apaturia et la ceinture. Les aspects féminins des Apaturies à Athènes // Annales ESC. 1977. 32. P. 1059—1073. Б. Сержан развил некоторые послышки моей работы с почти барочной пышностью — см., например: Sergeant B. L'homosexualité dans la mythologie grecque. P., 1984. P. 250—256. Ниже я сошлюсь на важные дополнения, которыми я обязан Б. Браво и Ф. Готье, а также на исследования Дж. Винклера. О римском мире см. в совершенно независимом от моей работы, но связанном с исследованием А. Брелича, труде: Torelli M. Lavinio e Roma; riti iniziatici e matrimonio tra

Со своей стороны, когда я перечитываю первый вариант статьи, то чувствую себя достаточно неловко (чтобы не сказать больше) не столько из-за тех или иных ошибок, которые были мною позже исправлены (возможно, часть их еще сохранилась), сколько из-за общей тенденции использовать лишь первый уровень источников, какие бы они ни были — схолии, лирическая поэзия, трагедия, мифография. Все они одинаково привлекались как свидетельства для изучения социальной истории. Говоря об иконографии, я написал даже: «Каждый знает, и это подтверждается вазописью, что афинские эфебы носили черные хламиды вплоть до времени щедрых пожертвований Герода Аттика»²⁶. П. Максвелл-Стюарт²⁷ совершенно справедливо критиковал меня за это — исходя из существующих источников невозможно сформулировать столь общее утверждение. Данное утверждение очень ярко показывает, что в то время я разделял, как, возможно, и сам П. Максвелл-Стюарт, наивное или по меньшей мере упрощенное представление, будто вазопись вообще может отвечать на такого рода вопросы, касающиеся реальности.

Благодаря исследованиям таких ученых, как Ж.-Л. Дюран, Ф. Лисарраг, П. Шмитт-Пантель, А. Шнапп²⁸, я понимаю теперь, что сама постановка подобных вопросов лишена смысла. Но даже не будучи еще знаком с этими работами, я давно должен был бы знать, что в архаическую и классическую эпоху обычной формой изображения сражения в Афинах был поединок, а не фаланга, что, однако, не имело ничего общего с реальной практикой²⁹. Во всяком случае сейчас я знаю — изучать язык живописи как таковой, не отказываясь при этом от занятий социальной историей, — довольно трудное предприятие.

Если главной слабостью моей статьи 1968 г. была манера обращения с источниками, то, вновь проходя по старой дороге, я должен был в первую очередь показать, как их следует изучать.

Начну с Гомера. Как ни странно, свидетельства Гомера практически отсутствовали в моей статье. Конечно, я упоминал там «волка» Долона, черного козопаса и предателя Меланфа — Меланфия, а также его сестру служанку Меланфу, также виновную в предательстве. Но я ни слова не сказал ни о самом Одиссее, главном носителе *μῆτις*, ни о его знаменитой охоте у Автолика с дядями по матери в XIX песне «Одиссеи» — эпизоде инициации в чистом виде³⁰, который с полным основанием открывает недавнюю работу Дж. Андерсона.

Передо мной, как учеником М. Финли, встает вопрос, который является центральным, когда речь идет о Гомере, однако имеет значение не

archeologie e storia. Roma, 1984. P. 106—115. Что касается более позднего времени то сходства и различия с исследованным мной институтом отмечены в работах: *Pleket*. Op. cit. P. 281—298; *Jaczynowska M.* Les organisations des Iuvenes et l'aristocratie municipale au temps de l'empire romain // *Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique* / Ed. C. Nicolet. P., 1970. P. 265—274. О средневековье см.: *Guerreau A.* Le Bel inconnu. Structure symbolique et signification sociale // *Romani*. 1982. 409. P. 28—82; *Davidson O. M.* The crown-bestower in the Iranian book of kings // *Melanges*. Leiden, 1985; *Grisward J. H.* Archéologie de l'épopée médiévale. P., 1981.

²⁶ «Le Chasseur noir». P. 953. Я не упоминаю здесь классическую статью П. Русселя: *Roussel P.* Les chlamydes noires des éphèbes athéniens // *REA*. 1941. 43. P. 163—165, в которой говорится в основном о текстах, а не изображениях.

²⁷ *Maxwell-Stuart*. Op. cit. Not. 21.

²⁸ См., например, коллективный труд: *La Cité des images* / Ed. Cl. Bérard, J.-P. Vernant. Paris — Lausanne, 1984.

²⁹ Говоря о работе Ж. Бажана на эту тему, Метцгер (*Metzger H.* Bulletin archéologique, *Céramique* // *REG*. 1986. 99. P. 107 замечает: «Автор в некоторой степени ломится в открытые двери». Вполне ли он прав?

³⁰ См. *Rubin. Sale*. Op. cit.

для него одного. Когда мы говорим о каком-то общественном институте, например инициациях юношей, в какой степени мы подразумеваем реальный институт, функционировавший в когда-то существовавшем в реальности обществе? Или же мы обсуждаем лишь элемент эпического или сказочного сюжета? Другими словами, реальная инициация — это не то же самое, что инициация, описанная в литературе, или та процедура, о которой рассказывают народные сказки. Скажу даже больше — чем более знаком некий институт слушателю, тем реже он будет упоминаться, поскольку о том, что само собой разумеется, не говорят или говорят очень мало. Таким образом, мы должны делать выводы о существовании рассматриваемого института на основании данных поэмы. В случае Черного Охотника, как кажется, я могу привести пример соотношения этих двух уровней — общества и поэмы.

Идею, которую я сейчас разовью, подал мне Б. Браво³¹. Когда старый Нестор рассказывает в XI песне «Илиады» (ст. 670—762) о далеком времени своего ἡβή (ὥς ἡβώοιμι — ст. 670), он описывает распрю между его согражданами — пилосцами и эпейцами из Элиды после похищения теми скота. Пилосцы ответили на него набегом и угоном скота, можно сказать, контрнабегом, бывшем одновременно и войной, πόλεμος (ст. 684). Нестор, участвовавший в ней, убил одного из врагов. «И Нелей [его отец] обрадовался, потому что мне, юному, досталось многое, когда я отправился на войну» (ст. 683—684).

Так Нестор начал набираться военного опыта. Однако обстоятельства осложнились — появилось вражеское войско: «они же на третий день все пришли, и сами в большом числе и во всеоружии, и непарнокопытные кони» (ст. 707—709), вынудив пилосцев на мобилизацию. На этот раз Нелей запретил своему сыну участвовать в войне и спрятал коней Нестора: οὐ γάρ πῶ τί μ' ἔφη ἰδμεν πόλεμ' ἔργα — «поскольку, как он сказал, я еще совсем не знаю военное дело» (ст. 718). Как истолковать эту несостоятельность Нестора? Следует ли допустить, например, что весь пассаж более поздний и даже «до смешного неуместен» здесь³². Но даже если и так, проблема не исчезает. Следует ли в таком случае допустить, что «болтливый старик»³³ Нестор попросту слегка слобоумен? Но это тот самый тип «психологических» объяснений, от которых лучше было бы избавиться.

По предположению Б. Браво, в данном случае мы имеем дело с двумя разными способами ведения войны — войной юношей и войной взрослых. Действительно, рассмотрим внимательнее в текст. Здесь ничего не сказано о времени, когда происходит первое столкновение, однако поэт его решительно принижает. Люди Итимоней, противники Нестора, названы крестьянами (ἀγροῖται — ст. 676). Возвращение происходит ночью (ст. 683) и только распределение угнанного скота — днем (ст. 685). Напротив, когда приходит война взрослых, в которой Нестор участвовал как пехотинец среди колесничих (ст. 721), только отправление на войну происходит ночью. Поэт тщательно описывает события двух дней, происходившие при свете солнца (ст. 723, 725. 735). Первый посвящен жертвоприношениям и завершается вечерней трапезой ἐν τελέεσσιν — «по подразделениям» (ст. 730), т. е. воинским пиршеством. Второй — день правильного сражения μάχη (ст. 736). Нестор действительно первый убивает

³¹ Bravo B. Συλλὰν Représailles et justice privée contre les étrangers dans les cités grecques // ASNP. 1980. 3. 10. 3. P. 675—987, особенно 954—957.

³² Leaf W. The Iliad². V. I. L., 1900. P. 465 f.

³³ Ibid. P. 466: «garrulous old man».

в нем своего противника (ст. 738). Но важна еще одна замечательная деталь — в противоположном лагере имеется симметричный ему персонаж или, вернее, персонажи — двое Молионов, сыновей Актора ³⁴. Они «еще дети (παῖδες ἑόντες), не вполне пока знакомые со стремительной битвой» (ст. 710). Нестор собирается убить этих очень молодых людей, сражившись с ними, но Посейдон спасает их (ст. 750—752). Таким образом, им не удастся пройти инициацию. Весь эпизод не имеет решительно никакого смысла, если не допустить, что в гомеровскую эпоху (я имею в виду здесь время жизни поэта) противопоставление между эфебом и взрослым, о котором я говорю с начала данной статьи, действовало в полную силу. Переижда черту, Нестор отныне (разумеется, в его ретроспективном рассказе) находится по другую сторону ῥῆξη.

Я полагаю, что здесь мы имеем дело с обычной практикой «одиссеевского мира». Я готов согласиться с этим, тем более что отмеченное противопоставление, существующее в рассказе одного из персонажей (т. е. на втором уровне по отношению к речи поэта), фигурирует в описании (значит, по-прежнему на втором уровне), причем в самом знаменитом из всех — описании «щита Ахилла» в XVIII песне, представляющем собой квинтэссенцию гомеровского полиса ³⁵. На щите изображены два города — первый мирный, второй — окруженный войной и находящийся в осаде. Осажденные используют два способа ведения войны. Первый из них — засада (λόχος — ст. 520), устроенная с помощью σκοπῶν, лазутчиков (ст. 523), которая завершится угоном скота и убийством пастухов (ст. 520—529). Но рядом с этой «малой войной» происходит большая, μάχη — правильное сражение на берегу реки (ст. 533). Здесь, конечно, противопоставление возрастных классов не столь очевидно, как в XI песне, хотя на крепостной стене защищаются женщины, дети (νήτις τέκνα) и старики (ст. 514), о юношах же ничего не сказано. Не будет слишком смелым предположение о том, что они участвуют скорее в засаде, чем в сражении, и что это казалось поэту настолько очевидным, что он не испытывал необходимости в дальнейших уточнениях ³⁶.

От общественного института, объясняющего текст, обратимся к гомеровскому персонажу, близкому к Черному Охотнику как идеальному образу, по правде говоря, гораздо более, чем все остальные. Это молодой сын Приама и Гекубы, брат Гектора и «супруг» Елены — Парис-Александр, двойное имя которого само по себе составляет особую проблему.

Действительно, Парис описан как «неполный герой» ³⁷. То, что представлено как следовавшее одно за другим в жизни Нестора, сосуществует в облике Париса. Он действительно полноценный воин, убивший трех ахейцев — конечно, меньше, чем Гектор, но больше, чем Сарпедон. И, однако, с момента его появления на сцене в начале III песни «его одежда

³⁴ Именно это сказано в стихе 750, но дальнейший текст показывает, что они — сыновья Посейдона и жены Актора. Возможный смысл двойственного числа Μολίωνε — «Молион и его близнец» (ср. замечания Д. Пейджа, который опирается на Вакернелля: *Page D. L. History and the Homeric Iliad*. Berkeley — Los Angeles, 1959. P. 236).

³⁵ Этим указанием я обязан отчасти И. Малкину, моему другу из Тельавивского университета.

³⁶ Это противопоставление можно найти и в других местах, начиная с «Долонии» (X песнь), единственной ночной песни «Илиады». Однако следует ли напоминать, насколько «Долония» нарушает обычные нормы поэмы? См., например: *Schnapp-Gourbeillon A. Lions, héros, masques*. P., 1981. P. 104—131.

³⁷ Выражение «héros inachevé» использовано в заглавии диссертации 3-й степени моего бывшего ученика А. Гарциу-Татти, посвященной этому персонажу (*Gartziou-Tatti A. ENESS*, 1985).

и вооружение удивляют». Его двойственность в том, что он одновременно: лучник и классический воин, мужчина и женственное существо; он вооружен как луком, так и двумя копьями — «странное вооружение для лучника, но необычное также и для копьеносца»³⁸. Столь же странна накинутая им на плечи шкура пантеры (ее следует сопоставить со шкурой волка, в которую облачается Долон в X песне). Гектор, оскорбляя Париса, говорит, что он привез «прекрасную женщину из дальней страны, невестку воинственных мужей» (III.48—49), но сам — не мужчина и не воин и обладает только красотой, даром Афродиты (ст. 44). Когда в XI песне Парис ранит Диомеда, те же оскорбления слышатся из уст ахейского героя: «лучник, позорник, кичащийся луком, подстерегающий дев, если бы ты вступил в бой лицом к лицу в доспехах (ὄν τεύχεσι), тебе бы не помогли ни лук, ни частые стрелы» (ст. 385—387). Лук в гомеровских поэмах почти всегда играет двойственную роль³⁹. С одной стороны — это символ власти, оружие владыки Аполлона и владычицы Артемиды, Одиссея в его дворце. С другой — он связывается с охотой (для «Илиады» занятием не героическим⁴⁰) и ассоциируется с Пандаром, охотником и предателем, с незаконнорожденным (Тевкр) или подчиненными народами (например локрийцами Аякса малого). Лук — это по преимуществу оружие Черного Охотника.

По поводу вооружения Париса говорилось, что оно может быть знаком если не «культурного отличия», то «по меньшей мере» отличного мировоззрения⁴¹. В действительности значение этого странного костюма чисто греческое. Парис — это эфеб, как Ясон в IV Пифийской оде Пиндара: «и время пришло: пришел страшный, с двумя копьями в руке, с двумя одеждами на теле: здешняя, магнетская, в рост его дивным членам, и барсова шкура — сверху, от дрожи дождей. Не стриженными кудрями ложились волосы, а золотом растекались по всей спине»⁴². Вся легенда о Парисе-Александре⁴³ — сон Гекубы, воспитание «в лесах», пастушеская жизнь, первый брак с Эноей, другой фигурой «дикого» мира, победа в беге, классическом состязании эфебов — находится, разумеется, вне пределов «Илиады».

В какой мере Гомер знал эти легенды? Несомненно, хотя бы частично. Он не описывает суд Париса, но намекает на него, говоря о деревенском дворе (μέσσαιος — XXIV.29), где троянский царевич принял и оскорбил богинь. У Гомера Парис от крайней дикости переходит к крайне рафинированной цивилизованности: ему случается заниматься любовью среди дня (III.441—446), что, конечно, противоречит правилам гомеровской морали, но что позволяют себе Зевс и Гера в знаменитой сцене XIV. 292—351. Гомеровскую биографию Париса нельзя рассматривать как

³⁸ Выражения в кавычках заимствованы из книги: Kirk G. S. The Iliad: A commentary. V. I. Camb., 1985. P. 267b., где содержится комментарий к пассажиру III. 17—20 «Илиады». Дж. Кирк, впрочем, никак не объясняет это ощущение удивления. Пандирь Парис одолжил у Ликаона, человека-волка (III.333).

³⁹ Что совершенно не было понято в работе: Hijmans B. L. Archers in the Iliad // Mélanges A. N. Zadoks et J. Jitta. Groningham, 1976. P. 343—352.

⁴⁰ Schnapp-Gourbeillon. Op. cit. P. 135—148.

⁴¹ Beye C. R. The Iliad, the Odyssey and the epic tradition. London — Melbourne, 1968. P. 49.

⁴² Pind. Pyth. IV. 77—84 (пер. М. Л. Гаспарова). Ср. Le Chasseur noir. P. 154. suiv. и более пространный комментарий: Segal Ch. Pindar's Mythmaking. The Fourth Pythian Ode. Princeton, 1986. P. 56—60.

⁴³ Благодаря Ф. Жуану мне удалось использовать данные о Парисе, собранные Полем Ватле в его диссертации, защищенной в 1968 г. в Льеже: Wathelet P. Les Troyens de l'Iliade. Mythe et histoire. Liège, 1986. P. 263—334, 861—915.

прямое историческое свидетельство о жизни реальных военачальников X или Y. Как о всяком произведении искусства, о портрете Париса и его соотношении с реальностью можно сказать то же, что сказал Фрейд об отношении сна к бодрствованию: Гомер широко использует концентрацию (*Verdichtungsarbeit*), перестановки (*Verschiebungsarbeit*), наглядное изображение (*Darstellung*). Смело можно сказать, что юность Париса, в отличие от принадлежащей истории юности Нестора, вечна, как юность героя «Портрета Дориана Грея».

Вернемся к эпохе, гораздо более поздней, чем гомеровская. Ясон в IV Пифийской оде Пиндара обут лишь на одну ногу, что дополняет его облик мифологического эфеба. Платейские и афинские воины, бежавшие из осажденных Платей в 427 г. до н. э., также были обуты лишь на одну ногу, причем Фукидиду не удастся объяснить нам почему. Ясона можно сравнить с Парисом — Пиндар говорит о нем, как говорят о мифологическом персонаже, но эти воины — не мифические существа. Учитывая другие упоминания «монокрепидов», можно предположить, что они разыгрывали юношеский инициационный обряд. Наше дело понять этот обряд ⁴⁴.

Пусть мне будет позволено временно прервать свой исторический анализ, правда лишь для того, чтобы определить, что такое исторический анализ, когда речь идет о данной теме. Я должен сделать эти уточнения, поскольку довольно часто нам приходится иметь дело с двумя противоположными, но симметричными подходами, причем оба, на мой взгляд, неприемлемы.

Недавняя книга Дж. Андерсона «Охота в древнем мире» начинается (или содержит в самом начале) с утверждения, что «речь идет здесь об охоте древних греков и римлян, понимаемой как спорт, и о конкретных деталях ее ведения, как их описывают тексты и иллюстрируют археологические материалы». Андерсон сразу добавляет, что «многие важные темы здесь или едва затронуты, или совершенно опущены», среди них, например, «охота как источник литературных образов» ⁴⁵.

Коснемся вкратце проблемы «спорта». Андерсон сам понимает ⁴⁶, что спорт в современном смысле слова существовал в древности лишь в незначительной мере. Более того, если называть спортивными знаменитые состязания, которые начали устраиваться в архаическую эпоху и так часто воспроизводились во времена эллинизма, то окажется, что охота не входила в их число. В той мере, в какой можно определить идеал древнего спортсмена, он оказывается соотносенным с военным делом, а не охотой ⁴⁷.

Напомним об этом, следует спросить, действительно ли мы имеем право разделять охоту как практическую деятельность и охоту как набор

⁴⁴ См. *Pind. Pyth. IV. 75. 96; Thuc. III. 22.2*. П. Левек и я в статье 1960 г. (*Historia*) размышляли над этим странным сообщением Фукидида. См. *Le Chasseur noir*. P. 101 suiv. и мои более поздние комментарии на с. 116 и 154—155. Теперь см. еще одну статью на эту тему, наводящую на размышления: *Edmunds L. Thucydides on Monosandalism. III, 22, 2 // Mélanges Sterling Dow. Durham, 1984. P. 71—75*. За указание на нее благодарю Н. Лопро.

⁴⁵ *Anderson. Op. cit. P. XI*.

⁴⁶ *Ibid. P. XII*.

⁴⁷ *Pleket H. W. Games, prizes, athletes and ideology. Some aspects of the history of sport in the Greco-Roman world // Arena. 1976. I. P. 49—83*. Эта статья, кроме других достоинств, сводит воедино многие наблюдения, рассеянные в огромном количестве трудов Луи Робера. Я оставляю сейчас в стороне римскую часть проблемы, с которой связаны совсем иные вопросы.

образов? В работе «Охота и жертвоприношение в „Орестее“ Эсхила»⁴⁸ я попытался показать, что эти образы имели совсем другой смысл, чем это обычно видят. Разве можно отделять значение изображения как важный источник для анализа литературы от его роли документального источника? Я имею в виду вазопись и скульптуру, которые широко обсуждаются и комментируются в книге Андерсона. Но как он сам обращается с этой категорией источников? Когда ему нужно представить охоту на кабана с точки зрения техники как «спортивное предприятие, столь же опасное [в классическую эпоху], как и в героическую» (высказывание, к тому же совершенно лишенное смысла, поскольку «героический век» существовал лишь в *воображении* Гомера, а также поэтов и преподавателей постгомеровской эпохи), Андерсон целиком цитирует отрывок из «Кинегетики» Ксенофонта (X.1—8. 10—18), добавляя просто: «это восхитительное описание не нуждается ни в интерпретации, ни в комментарии»⁴⁹. Что здесь действительно восхитительно, так это само представление о том, что текст Ксенофонта совершенно прозрачен: как будто его руководство не вписывается в историю греческой *καὶδεία*, как будто оно не должно быть сопоставлено с тем, например, что говорит на этот счет Платон, и как будто оно могло быть написано во времена Пиндара, а не после кризиса Пелопоннесской войны (в то время, когда вокруг понятия *τέχνη* развиваются новые представления, характерные для софистов, и когда появляется то новое видение прошлого, которое заставляло Ксенофонта проповедовать новые идеи под видом древнего воспитания).

У Ксенофонта охота уже не относится к испытательному периоду, предшествующему гоPLITскому военному делу. Она включена в систему военной деятельности: чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть «Кинегетику» и «Киропедию»⁵⁰. Для этого есть объективные причины: спартанский опыт чрезвычайно коллективизированной охоты⁵¹ и в особенности практический военный опыт. В 427 г. до н.э. в сражении с «варварами» этилийцами афинский полководец Демосфен стал жертвой подвижных отрядов, которые сегодня были бы названы «егерями». Против них лучники действовали успешнее, чем гоPLITы (ср. *Thuc.* III.98). Знаменитый спор о сравнительных достоинствах лучника и гоPLITы в «Геракле» Еврипида (424 г.) был спором о ценности охоты для военного дела⁵². Для самого Ксенофонта экспедиция, о которой он рассказывает в «Анабасисе», была войной скорее егерской, чем гоPLITской. Теперь требовалось, чтобы Ксенофонт дал теоретическое обобщение этого опыта, что он весьма подробно и сделал. Был ли он здесь первым? Введем в обсуждение один мало известный и мало изученный текст⁵³. Он принадлежит Теофрасту и, следовательно, датируется более поздним временем, чем сочинения Ксенофонта, однако в нем приводится высказывание Гагнона, бывшего стратегом в Афинах до и после Пелопоннесской войны⁵⁴. Как Платон до него

⁴⁸ Vernant, *Vidal-Naquet*. *Mythe et tragedie*. V. I. P. 135—158.

⁴⁹ Anderson. *Op. cit.* P. 53.

⁵⁰ См. Schnapp A. *Représentation du territoire de guerre et du territoire de chasse dans l'oeuvre de Xénophon // Problèmes de la terre en Grèce ancienne* / Ed. M. I. Finley. Paris — La Haye, 1973. P. 307—321.

⁵¹ «Le Chasseur noir». P. 961.

⁵² Eur. *Her.* 151—205; Goossens R. *Euripide et Athènes*. Bruxelles, 1960. P. 348—354, где комментируются эти строки. Я принимаю датировку автора, но он не понял места охоты в этой проблеме.

⁵³ Благодаря Д. Левиса, обратившего мое внимание на важность этого фрагмента для обсуждаемой темы.

⁵⁴ Сначала во время экспедиции на Самос в 440 г. до н.э.: *Thuc.* I. 117.2.

(Legg. XII.951d — 952b, 961ab, 946e), Феофраст утверждает⁵⁵, что полезно, когда юноши тесно общаются с опытными мужами, и передает касающийся стратегов совет Гагнона, в котором тот использует пример из сферы охоты: «любители охоты всегда включают [в свору] щенков»⁵⁶.

Но вернемся к Дж. Андерсону. Было бы преувеличением сказать, что он никак не комментирует сообщение Ксенофонта об охоте на кабана. Таким комментарием служит дословная цитата из описания «вазы Франсуа» (ок. 560 г. до н. э.), знаменитого аттического кратера из Археологического музея Флоренции, сделанного оксфордским знатоком керамики сэром Джоном Бизли⁵⁷. Дж. Андерсон цитирует его так, словно слова Бизли и изображение Калидонской охоты одинаково прозрачны, словно замечания Ксенофонта могут быть представлены параллельно истории Мелеагра и Аталанты⁵⁸ и словно сам Бизли на той странице, которую цитирует Андерсон, не ссылается на данные, не имеющие ничего общего с техникой охоты на вепря, но тесно связанные с проблемами, изучаемыми в «Черном Охотнике», в особенности с возрастными классами: «Пелей безбород, поскольку предполагалось, что это событие произошло, когда он был еще очень молод, до его женитьбы». Естественно, Андерсон прекрасно сознает, что невозможно удовлетвориться тем, чтобы просто добавить Бизли к Ксенофонту, но ведет себя так, как будто этого не знает.

Добавлю еще несколько слов. Конечно, история охотничьей техники и практики — это одно, а история гражданских ценностей и идеологии, посредством которой происходило самоутверждение полисов, — другое. Но как можно понять, например, то, что во время Пелопоннесской войны ἀπάτη появляется в речах, вложенных в уста Перикла, и в рассказе Фукидида как характерная черта спартанцев и их полуостровных союзников, если не знать всегданнее их стремление быть воплощением идеала гошпита⁵⁹?

Если верно, что в научной литературе существуют те дурные привычки, которые я критиковал, избрав временной символической мишенью книгу Андерсона, столь же верно и то, что существуют и противоположные, симметричные недостатки, в особенности у французских ученых. Некоторые авторы имеют обыкновение, в значительной степени под влиянием плохо усвоенных работ Ролана Барта, считать эквивалентными факторы языка и факторы общества, что может привести лишь к абсурдным выводам. Почему необходимо делать различие между миром Одис-

⁵⁵ Я говорю о Fragmentum Vaticanum de Eligendis Magistratibus, который был опубликован в 1943 г. В. Али. Его принадлежность Феофрасту по меньшей мере очень вероятна; см. Szegedy-Maszak A. The Nomoi of Theophrastus. N.Y., 1981. P. 91—115. Текст, на который я ссылаюсь, — fr. B. 120. P. 97, перевод — P. 100.

⁵⁶ «Ἀγων ποτὲ συμβούλευεν Ἀθηναίους ἐπεὶ τῶν στρατηγῶν παραδείγματι χρησάμενος τῷ περὶ τὰ κυνηγία· καὶ γὰρ ἐκεῖ σκύλακας ἔφη παρεμβαλεῖν αἰε τοὺς φιλοκυνήγους. Сравнение между юношей и молодым псом см. Plato. Resp. III. 375a; о собаке как реальности и метафоре см. Mainoldi C. L'image du loup et du chien dans la Grèce ancienne d'Homère a Platon. Strassbourg — Paris, 1984.

⁵⁷ Beazley J. D. The Development of Attic Black-figure. Berkley — Los Angeles, 1951. P. 32—33. Прочитировано: Anderson. Op. cit. P. 53.

⁵⁸ Согласно Ксенофонту, мужем Аталанты был не Мелеагр, а Меланий (Cyneg. I. 7).

⁵⁹ См. замечания: Cartledge. Op. cit. P. 11—27, особенно 44; Heza E. Ruse de guerre, trait caractéristique d'une tactique nouvelle dans l'oeuvre de Thucydide // Eos. 1984. 62; ср. Said S., Tredé M. Art de la guerre et expérience chez Thucydide // Class. et Med. 1985. 36. P. 65—85. Главные упоминания у Фукидида: II.39; III. 30—2; V. 8. О засадах и военных хитростях в общем см. Pritchett W. K. The Greek state at war. V. II. Berkeley — Los Angeles, 1974. P. 156—189; v. III. 1979. P. 330 и, естественно: Detienne M., Vernant J.-P. Les Russes de l'intelligence, la Mêtis des Grecs. P., 1978².

сея и Квинта Смирнского или Иоанна Цеца? Я сам, как говорится, историк воображаемого, а это означает, что в принципе я считаю воображаемое разновидностью реального, но сразу добавлю, перефразируя знаменитые слова Орвелла, что некоторые уровни реальности более реальны, чем другие. Я охотно вслед за С. Голдхиллом допускаю, что в Афинах существовал «мир слов» (*Cité des mots*)⁶⁰, и я уже ссылаясь на «мир изображений» (*Cité des images*). Однако обнаружить в мире изображений очертания реальной политики нелегко, если вообще ни невозможно. Фриз Парфенона изображает собрание богов, а не людей, а на коринфских или аттических вазах лишь изредка изображается фаланга гоплитов, но никогда — народное собрание или совет. В то же время «мир изображений», отделенный от мира политики, полностью потерял бы возможность быть понятным⁶¹.

Позволю себе привести пример удачного, на мой взгляд, использования этого метода. Ф. Артог убедительно показал, что скифы в IV книге Геродота должны расцениваться как хитрые эфебы, а точнее — как эфебы-охотники и кочевники⁶². Таким образом, у Геродота греческая эфебия, институт, который мы видели сначала в гомеровском мире, становится семантической категорией, или, в терминах Кл. Леви-Стросса, «символическим оператором»⁶³. Артог напоминает нам также знаменитое отождествление скифов с эфебами у элейцев, о котором сообщает «Лексикон» Фотия⁶⁴. Аттические вазы предоставляют некоторое подтверждение изложенного, однако более хрупкое, чем то, на котором я основывал свое рассуждение о черных хламидах. Скифские лучники, охотники и эфебы, как показал Ф. Лиссарраг, взаимозаменяемы в изображениях на них, причем все они противопоставляются гоплитам⁶⁵. Парис-Александр в вазописи эквивалентен одному из этих скифских стрелков⁶⁶. Но если эфебия становится семантической категорией, то это, разумеется, происходит потому (что известно Ф. Артогу и Ф. Лиссаррагу), что она всегда была и всегда ощущалась именно греческим институтом⁶⁷.

Я отвлекся от изучаемого института, уйдя в разбор того, как он ощущался или угадывался в гомеровских текстах. Был ли он общегреческим институтом? Это предположение возможно, однако его, видимо, невозможно доказать. Вполне вероятно, что разные типы полисов, развиваясь, породили очень разные формы и функции рассматриваемого института.

В Афинах государственная эфебия, включавшая юношей от 18 до 20 лет, стала отличаться от эфебии во фратриях, куда входили 16—18-лет-

⁶⁰ Goldhill S. Reading Greek Tragedy. Cambr., 1986. P. 57 f.

⁶¹ Дискуссия по этой проблеме была вновь поднята в статье: Loraux N. Repoliti-ser la cité // L'Homme. 1986. 97—98. P. 239—255; ср. Schnapp A. La cité sans images? // Bulletin des amis de la Bibliothèque Salomon Reinach. 1978.

⁶² Hartog F. Le Miroir d'Herodote. Essai sur la représentation de l'autre. P., 1980. P. 69—79.

⁶³ Ср. удачное использование этого метода для анализа античности: Borgeaud Ph. L'animal comme opérateur symbolique // L'animal, l'homme, le Dieu dans le Proche-Orient ancien (Cahiers du CEPOA). Genève, 1986. P. 13—19.

⁶⁴ S. v. σφεεβρία.

⁶⁵ Lissarague F. Archers, peltastes et cavaliers. Aspects de l'iconographie attique du guerrier. Thèse du 3e cycle, EHESS. P., 1983.

⁶⁶ О скифах см. еще: Brown F. S., Blake Tyrrell W. M. Ἐκτιλῶσαντο. A reading of Herodotus' Amazons // CJ. 1985. 80. P. 297—302; Blake Tyrrell W. M. Amazons. A study in Athenian mythmaking. Baltimore — London, 1984.

⁶⁷ Именно поэтому «Storie di caccia» проанализированные Е. Пеллицером (Pellizzer E. Favole d'identità; favole di paura. Roma, 1982) кажутся мне, несмотря на интересные параллели, особенно на с. 40—46, зависящими от совершенно других явлений.

ние ⁶⁸. В знаменитой 42-й главе «Афинской политики» Аристотеля, которая касается гражданства, эфебы описываются как категория граждан ⁶⁹. В то время, т. е. в годы, последовавшие за принятием в 335/334 г. подержанного Ликургом ⁷⁰ «Закона об эфебах» Эпикрата, эфебия была двухгодичной военной службой, обязательной для всех молодых граждан. Эту службу они несли в основном в крепостях на границах, и ничто в ней не напоминало об инициационных обрядах, кроме ограничений, о которых Аристотель говорит следующее: «они несут гарнизонную службу в течение двух лет, и в это время одеваются в хламиды и освобождаются от всех повинностей. Чтобы не было предлога отлучаться, они не выступают перед судом ни как ответчики, ни как истцы, за исключением дел о наследстве или единственной наследнице-родственнице, или если кому-нибудь в его роде придется выполнять жреческие обязанности. По истечении же двух лет они становятся как остальные» (Ath. Pol. XLII.5).

Мы можем усмотреть в этом тексте пережиток обряда изоляции иницируемых, хотя во времена Ликурга и Аристотеля такого обряда уже не было. И однако, как я уже отмечал ⁷¹, допущение в состав граждан путем записывания в дем отца предшествует военной службе, а не является ее следствием ⁷². Разумеется, такая ситуация — результат долгой эволюции. Мы знаем, что эфебия существовала до Ликурга ⁷³, благодаря Ф. Готье мы знаем также, что в то время, когда Ксенофонт писал свои «Доходы» (ок. 335 г. до н. э.), ее проходили не все молодые граждане ⁷⁴. Мы знаем, наконец, что Эсхин «по выходе из детского возраста» был *περίπολος*, т. е. эфебом (ок. 371 г. до н. э.) ⁷⁵, это не означает, конечно, что система призыва по возрастным классам существовала с этого времени ⁷⁶. Однако все эти данные не позволяют нам утверждать с полной уверенностью, что данный институт существовал (в какой форме?), скажем, уже во времена Перикла ⁷⁷.

⁶⁸ Я упоминал об этом в «Черном Охотнике» (с. 949), опираясь в основном на исследование: *Labarbe J. L'âge correspondant au sacrifice du χοῦρειον et les données historiques de sixième discours d'Isée // BARBCZ. 1953. P. 358—394. См. также: Pélékidis Ch. Histoire de l'éphébie attique. P., 1962. P. 51—60.*

⁶⁹ См. недавний комментарий: *Rhodes P. J. A commentary on the Aristotelian Athenaiion Politeia. Cambr., 1981. P. 493—495*, однако автор не обсуждает всерьез проблему происхождения эфебии.

⁷⁰ См.: *Harpokration. S. v. Ἐπικράτης = Lycurg. Fr. 20 Blass (25 Sauppe).*

⁷¹ *Le Chasseur noir. P. 194.*

⁷² Это не было общим правилом в греческом мире даже в эллинистическую эпоху. Павсаний утверждает (VII. 27.5), что противоположное правило действовало в Пеллане в Ахайе. Эта противоположность отмечена в работе: *Haussoullier B. Traité entre Delphes et Pellana. P., 1917. P. 110.*

⁷³ См. *Reinmuth. Op. cit. P. 123—138.* Правда, дата самой ранней эфебовской надписи остается спорной: *Le Chasseur noir. P. 151. Not. 1; Ф. Готье (Op. cit. Not. 1) присоединяется к «верхней» дате — 334/333 гг. до н. э. вместо 361/360.*

⁷⁴ См. убедительное доказательство: *Gauthier Ph. Un commentaire historique des Poroi de Xénophon. Genève — Paris, 1976. P. 190—195.*

⁷⁵ *De Leg. 167.* Важность этого свидетельства была подчеркнута Л. Робером в его публикации «Клятвы эфебов» (*Etudes épigraphiques et philologiques. P., 1938. P. 306. Not. 3).*

⁷⁶ Данный вопрос дьявольски запутан, в особенности различными интерпретаторами этого текста Эскина; из недавних работ см.: *Andrewes A. The Hoplite Katalogos // Mélanges M. McGregor. Locust Valley. N. Y., 1981. P. 1—3.*

⁷⁷ Прямое и несомненное упоминание клятвы эфебов имеется в речи Алкивиада у Плутарха (Alcib. 15. 7—8), однако оно также может быть отнесено к его собственному времени или времени его эллинистических источников. Возможные намеки в «Филокете» Софокла были обнаружены мной (*Vernant, Vidal-Naquet. Mythe et Tragédie. V. I. P. 173 suiv.*) и в работе: *Østerud S. The concept of society in Sophocles.*

Чтобы продвинуться в решении данной проблемы, следует, по-моему, воспользоваться другим методом: сопоставлениями внутри всего греческого мира, а не только Афин, Спарты и Крита, как я делал в 1968 г. Некоторые ученые, кажется, по-прежнему считают, что после «гоплитской реформы» фаланга непосредственно сменила так называемый «гомеровский поединок»⁷⁸. В другом месте я попытался показать, что гомеровский поединок с исторической точки зрения является фикцией⁷⁹. Вне всякого сомнения, безличная фаланга — это, в свою очередь, такая же фикция. В действительности большинство греческих полисов воспитывали элитарные подразделения из трехсот или тысячи воинов, иногда носящие архаичные названия: «всадники» (ἵππεις) — в Спарте, «возницы» (ἡνίοχοι) и «колесничие» (πρῶτοι) — в Фивах⁸⁰.

Такие подразделения существовали в Спарте и Афинах, на Крите и в Аргосе, в Мегарах и Элиде, у фокейцев⁸¹ и в Сиракузах. Речь не идет в данном случае об окаменевшем институте, переходившем из века в век без изменений. Ксенофонт описывает всадников как юношей, набравшихся в количестве 300 человек тремя гиппагретами (Лас. pol. IV.3.), но в сражении при Фермопилах Леонида сопровождали триста воинов, набранных не только из числа всадников. В его отряде, кроме обычного подразделения из трехсот человек, было некоторое количество отцов семейств: ἐπιεξήμενος ἄνδρας τε τῶν κατ'εστῶτων τριηκοσίων καὶ τοῖσι ἐτόγγονον παῖδες ἔοντες (Herod. VII.205)⁸². В Афинах институт трехсот отборных воинов (λογάδες) существовал во времена битвы при Платеях (479 г. до н. э.) (Herod. IX.21). Пережил ли он «радикальную» демократию? Во всяком случае, мы вновь обнаруживаем подразделение из трехсот логодов во время осады Сиракуз⁸⁴. Идет ли речь в данном случае о том же подразделении, обновлявшемся, как «бессмертные» персов, из поколения в поколение? Я склонен скорее думать, что это был отборный отряд, набранный во время боевых действий. Действительно, эти триста воинов принадлежали другой элите — из легковооруженных воинов (φίλοι)⁸⁵, что вряд ли было возможно в начале V в. до н. э.⁸⁶

Существовала ли связь между эфебами или их эквивалентом и этими отборными отрядами? Это кажется вероятным для некоторых полисов Крита. Согласно знаменитому фрагменту Эфора⁸⁷, после того как мальчик,

Four interpretations. Bergen, 1976. P. 218. Наконец, см. небольшую подборку материала: Siewert P. Ephebic oath in Fifth century Athens // JHS. 1977. 97. P. 102—111. Все это достаточно правдоподобно, однако несомненное подтверждение отсутствует.

⁷⁸ См. Heza. Op. cit. P. 228: «В полисе не было обладателей личной славы — ни „военного класса“, ни героев. Существовала только община, члены которой носили оружие и, отказавшись от всяких индивидуальных подвигов, действовали в бою только коллективно».

⁷⁹ Vidal-Naquet P. L'Iliade sans travesti. Préface // Iliade. Traduction P. Mazon. Collection Folio. P., 1975. P. 22—27.

⁸⁰ См. в общем со ссылками на основные, если не все источники: Detienne M. La phalange. Problèmes et controverses // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne / Ed. J.-P. Vernant. Paris — La Haye, 1968. P. 119—142; Hoffmann H. Les choisis: un ordre dans la cité grecque? // Droit et culture. 1985. 9—10. P. 15—26.

⁸¹ О фокейцах см. Paus. X. 1.5. Указанием на это место я обязан П. Эллингеру.

⁸² Ср. Loraux. Op. cit. P. 117.

⁸⁴ Thuc. VI. 100.1. Я обязан этой ссылкой А. Эндрюсу.

⁸⁵ Καὶ τῶν φίλων τινὰς ἐκλεκτοὺς ὀπλισμένους — Thuc. VI. 100.1.

⁸⁶ В Сиракузах против афинян сражался отряд из 600, а не из 300 логодов. Половина их погибла, что было обычным для такого рода отрядов отборных воинов.

⁸⁷ FGrH. 70 F 149 (Strabo. X. 4.21). Этот фрагмент был подробнейшим образом прокомментирован недавно в работе: Sergent. Op. cit. P. 15—53. С точки зрения того,

похищенный своим любовником и проживший с ним некоторое время вдали от города, охотясь и кочуя, возвращался в город, он становился членом отряда, состоявшего из *κλεινοί*, «выдающихся». Нам известно, что аргосское подразделение из 1000 логаров (о которых Фукидид говорит, что они обучались на государственный счет *δημοσίαι*), в качестве профессиональных воинов набиралось из *νεώτεροι*. Эти юноши «были одновременно самыми сильными и самыми богатыми», что не мешало государству, как сообщает Диодор, «освобождать их от всех других общественных обязанностей и обучать полностью на свой счет... поэтому они, как из-за того, что тратится на них, так и из-за постоянных упражнений, быстро становятся отрядом атлетов, натренированных для военных действий»⁸⁸. Для Спарты, вероятно, можно принять предположение А. Жанмера, доказавшего, что чрезвычайно элитарное подразделение криптов, когда его члены становились взрослыми, принимало название *ἱππεῖς*⁸⁹. Однако ни в Аргосе, ни в Элиде, ни в Мегарах, мы не находим ничего похожего на спартанские криптии⁹⁰.

Наконец, если считать достоверным то, что говорит Плутарх о фиванском «священном отряде», состоявшем из гомосексуальных любовников, придется тем самым допустить, что в Фивах эфебы (как бы они там ни назывались) включались в число 300 вместе со старшими. Впрочем, мы знаем также, что этот институт реформировался по крайней мере дважды в течение IV в. до н. э. — сначала Горгидом, а потом — Пелопидом или Эпаминондом⁹¹.

В других местах разделение между эфебами и отборными воинами, логарами, исчезает. У Гесихия⁹² есть указание, ясно показывающее, что «триста» — это не что иное, как «эфебы и их организация». Таков был, вне всякого сомнения, обычай в Кирене. В этом городе официальные документы начиная с конца IV в. до н. э. разделяют тех, кто достиг и кто не достиг зрелости, *ἥβη*⁹³. Здесь существовал отряд «трехсот», *τριακῆτοι*, который состоял просто из воинов самого младшего призыва. Их начальники, *τριακῆταρχοί*, иногда причисляемые к начальникам пельтастов, в императорскую эпоху принимают более общее название эфебархов. Так же как афинские эфебы в системе, описанной Аристотелем, члены этого подразделения находятся по эту сторону *ἥβη*, т. е. являются уже воинами. Однако, вероятно, они не включали в себя весь возрастной класс; даже название «триста» является фикцией, наследием древней традиции⁹⁴.

что нас здесь интересует, см. особенно: *Jeanmaire. Couroi et Courètes. P. 450—455; Briquel D. Initiations grecques et idéologie indo-européenne // Annales ESC. 1982. 37. P. 454—469.*

⁸⁸ *Thuc. V. 67. 2; Diod. XII. 75.* Это подразделение из 1000 логаров, очевидно, сменило в Аргосе древний отряд из 300 воинов, бой которого с его спартанским аналогом описывает Геродот (I.82; ср. *Paus. II. 38. 4—5*). Павсаний говорит об аргосских логарах также в IX. 36.2, однако не называет их численности.

⁸⁹ *Jeanmaire. Couroi et Courètes. P. 540—552; ср. Xen. Lac. pol. IV.3: ἱππεῖς набираются из ἥβοντες.*

⁹⁰ Об Элиде см. *Thuc. II. 25.3*; о Мегарах: *Thuc. V. 60.3*.

⁹¹ *Plut. Pelop. 14.18—19.* Основные источники, кроме Плутарха: *Diod. XII. 70; Polyæn. Strat. II. 51; Athen. XIII. 602a* (цитата из Иеронима перипатетика).

⁹² S. v. *Τριακῆτοι οἱ ἐφῆβοι καὶ τὸ σὸςτῆρα αὐτῶν.*

⁹³ Об этом разделении см. SEG. IX. 72. 34—40.

⁹⁴ Основные свидетельства источников приведены и проанализированы в работе: *Luni M. Documenti per la storia della istituzione ginnasiale e dell'attività atletica in Girenaica, in rapporto a quelle della Grecia // Quaderni di archeologia della Libia. 1976. 8. P. 223—284, особенно 236—255; о командирах: SEG. IX. 55 (Schwyzer. 234). 14.51; IX. 51; XX. 742. 5. 6 (τριακῆταρχοί принимают название ἐφῆβαρχοί) Ев-*

Таким образом, Афины, Спарта, Фивы, полисы Пелопоннеса и Кирена предоставляют нам очень разные пути эволюции. Действительно, афинский эфеб IV в. до н. э. — это лишь очень дальний родственник спартанского крипта. По правде говоря, в классических Афинах единственной группой молодежи, которую можно было бы сопоставить со спартанскими криптами и всадниками, были не юноши, а девушки. Я говорю о тех маленьких «медведицах» Бравроний, о которых нам дают некоторые сведения знаменитые стихи «Лисистраты» (ст. 664—670). Они были, разумеется, немногочисленны, однако это не мешало им представлять афинских девушек. Некоторые сведения об этих «медведицах», правда не без некоторых трудностей, можно найти в материалах раскопок Браврона⁹⁵. В Афинах трансформация древней системы возрастных классов, которую применительно к Спарте изучили А. Жанмер и А. Брелич, была весьма радикальной, и рассказ Аристотеля точно отражает настоящее, а не прошлое. Между спартанским криптом и афинским эфебом в конечном счете была та же разница, что и между *βουλῆ* и *γερουσία*, между *ἐκκλησία* и *ἀπέλλα*, что, впрочем, вовсе не удивительно.

Существует еще один греческий, или, лучше сказать, афинский институт, который мне необходимо здесь рассмотреть, — театр.

Поскольку трагический поэт смотрит на древность (т. е. в первую очередь на мир эпоса) глазами гражданина, встреча Черного Охотника с трагедией была неизбежна и необходима. Древние мифы наполнены рассказами, ядром которых является обряд инициации, рассказами, в которых герой растет среди дикой природы или в изгнании и воспитывается животными, кентавром или просто чужеземцем, а став взрослым, приходит требовать отцовское наследство. Многие из этих героев стали персонажами трагедий, такие, как Орест, Ясон, Парис-Александр, о котором я уже говорил, и другие⁹⁶. Тот же Эдип может рассматриваться как эфеб, не понимающий, что его подвиг-испытание ведет к катастрофе. В примечании к «Черному Охотнику»⁹⁷ я заявил, что собираюсь изучить «Филоктета» Софокла. Что касается этого обещания, я его сдержал⁹⁸, но в конце концов оказалось, что в этом рассказе гораздо интереснее не взятый отдельно образ Неоптолема, а пара, состоящая из изгнанника Филоктета (раненого старца, живущего среди дикой природы и владеющего только луком) и юного воина Неоптолема (эфеба, который совершает подвиг, позволяющий ему перейти в мир взрослых с помощью хитрости). Оба становятся в конце трагедии воинами-гражданами под стенами Трои. Этот пример по-прежнему кажется мне хорошим, в то время как существуют, конечно, лучшие — например, «Ион» Еврипида, в котором показан мальчик, в начале пьесы сражающийся с птицами, а в конце становящийся афинским

стафий (ad I I.VIII. 518) замечает, что в Кирене эфебы назывались «тремястами», что связывает его замечание с сообщением Гесихия, цитированным в прим. 92. Я обязан знанием этих документов К. Добья-Лалу (C. Dobias-Lalou), диссертация которой будет содержать глубокий анализ частично неизданного материала.

⁹⁵ См. *Le Chasseur noir*. P. 197—199, где можно найти отсылку к работам Л. Каил (L. Kahil), а также недавнюю работу: Osborne R. Demos. The discovery of classical Attika. Cambr., 1985. P. 154—172. Для тех, кто посещал музей Браврона, то обстоятельство, что они видят там статуи мальчиков рядом со статуями девочек, толкуемыми как изображения «медведиц», составляет, однако же, определенную трудность.

⁹⁶ Внутренний список их можно найти в работе: Winkler J. J. The ephebe's song; tragôidia and polis // *Représentation*. 1985. II. P. 27—62, особенно 32—35.

⁹⁷ P. 964. Not. 1.

⁹⁸ Vidal-Naquet P. Le Philoctète de Sophocle et l'éphébie // *Annales ESC*. 1971. 26. Перепечатано: Vernant, Vidal-Naquet. Mythe et tragédie. V. I. P. 161—184.

гражданином и предком-эпонимом ионийцев⁹⁹. Еще лучше «Вакханки», где Пентей — царь-гоплит — первым делом пытается использовать го-литские методы для изгнания нового бога Диониса, а затем — переоде-вается в женщину (как бы регрессируя до статуса эфеба) и отправляется в горы шпионить за женщинами, против которых не мог применить ору-жие. Он действует как настоящий Черный Охотник, но сам становится объектом охоты и гибнет¹⁰⁰.

Мое исследование «Филоктета» вызвало решительные возражения в форме как резкой, так и любезной¹⁰¹. Не отвечая здесь подробно на эти возражения, я сделаю три замечания относительно них, одно специальное, два других — более общие. Р. Виннингтон-Инграм охотно допускает, что «афинская аудитория вполне могла смотреть на Неоптолема в свете эфебии», но у него есть возражение, которое он считает решающим. «Не-оптолем, — пишет он, — не действует на самом деле в окружении дикой природы» (does not in fact operate within the wild environment). Так ру-шится (falls to the ground) моя гипотеза, и английский ученый величест-венно добавляет: «Это изящная модель, которая могла бы лечь в основу какой-нибудь пьесы, но она не соответствует именно этой»¹⁰². Вот прекрас-ный пример полного непонимания. Можно отрицать, что Неоптолем явля-ется эфебом в техническом смысле слова, но как можно отрицать, что он действует как раз на окраинах (ἐσχατιαί, 144), на необитаемом острове (οὐκ οἰχομένη, 221), что совершенно не предписывается мифом?

Мое второе замечание опирается на одно замечательное совпадение. Благодаря М. Чьяни¹⁰³ я узнал о существовании фантастического романа Р. Силверберга «Человек в Лабиринте»¹⁰⁴, опубликованного в 1969 г. (т. е. не под влиянием моей гипотезы, которая в то время была высказана лишь в одном постраничном примечании). Действие этого романа проис-ходит на планете под названием Лемнос. На ней находится одинокий че-ловек, обладающий очень важным для людей даром. На его поиски от-правляются зрелый политик и молодой честный воин (сын погибшего ге-роя), для которого этот поход — первое военное предприятие. Разуме-ется, нет никакого сомнения, что это произведение вдохновлено трагедией Софокла. То, что Р. Силверберг истолковал трагедию так же, как я, не является доказательством правильности моей интерпретации, однако по-казывает по крайней мере, что она не просто отвечает моей личной фанта-зии и моей склонности находить повсюду «черных охотников».

Но вот что, пожалуй, самое удивительное: ни мои критики (что, впро-чем, вполне естественно), ни я сам (что вовсе не так естественно) не обра-щали внимание на миф о Неоптоleme вне трагедии Софокла¹⁰⁵. В то же время я давно должен был заметить, что имя героя «Неоптолем» означает

⁹⁹ Я излагаю вкратце гипотезу Я. Андреадиса, который обещал ее развить. Ис-следование М.-Е. Жиро о роли птиц в этой пьесе находится в печати в «Revue de Phi- lologie».

¹⁰⁰ Segal Ch. Dionysica poetica et Euripidis Bacchae. Princeton, 1982. P. 189—201.

¹⁰¹ См. Di Benedetto. Op. cit. P. 115—136; Winnington-Ingram R. P. Sophoclea // BICS. 1979. 16. P. 1—12. Подробно я отвечу на эту критику в другом месте. Мою ги-потезу, напротив, развивал и защищал С. Остеруд (Op. cit. P. 241—268). Эта глава озаглавлена: «Neoptolemus: from ephebus to hoplite».

¹⁰² Winnington-Ingram. Op. cit. P. 10—11.

¹⁰³ Ciani M. G. Filottete delle galassie // Sigma. 1981. 7. P. 15—25.

¹⁰⁴ Silverberg R. The Man in the Maze и французский перевод: L'Homme dans le labyrinthe / Trad. M. Rivelain. P., 1970.

¹⁰⁵ М. Детьен обращал на это мое внимание в 1969 г., и я был неправ, что совер-шенно не принял в расчет его предупреждение.

по наиболее распространенной этимологии «новая война»¹⁰⁶, имя, наиболее подходящее для эфеба, нового воина. И это еще не все — ведь у него двойное имя: Неоптолем является также Пирром, как Парис — Александром¹⁰⁷. Согласно традиции, на которую, очевидно, делает аллюзии Еврипид, Пирр был изобретателем «пиррихи»¹⁰⁸. Это изобретение было им сделано после того, как он, очевидно, впервые убил в битве врага. Его жертвой был Еврипил, сын Телефа¹⁰⁹. Пирриха — это исполняемый вооруженными детьми (ἔνοπλοι παῖδες) военный танец, который легко (с каким угодно количеством доказательств) может быть истолкован в качестве изображения перехода от детства ко взрослости. Именно так его понимал Платон¹¹⁰ и именно так его интерпретируют современные комментаторы¹¹¹. Пирриха может быть определена в качестве эквивалента клятвы эфебов в сфере танца. Что касается Неоптолема, то он, как Парис-Александр или Дориан Грей, является символом вечной молодости. Разве не был Неоптолем юношей в момент своей смерти¹¹²? Мне кажется, что этих данных должно быть достаточно, чтобы сделать приемлемой идею о связи между системой возрастных классов и, по крайней мере, некоторыми трагедиями.

Можно ли пойти еще дальше и сделать данное утверждение еще радикальнее? В замечательном исследовании, опубликованном в 1970 г.¹¹³, Ж.-П. Морель прокомментировал знаменитый экскурс VII книги «Римской истории» Тита Ливия¹¹⁴ о происхождении театра в Риме. Он показал, что в раннее время *Iuventus*, которая не была классом эфебов, а скорее всей совокупностью воинских возрастных классов, сыграла решающую роль в возникновении театра, по меньшей мере согласно тексту Тита Ливия, хотя и не создала трагедию. Морель, согласно Титу Ливию, предполагает, что *iuventus* способствовала возникновению ателланы и некой разновидности пародического театра, включающего сатиру. Параллели

¹⁰⁶ Я благодарен М. Казевицу, который обратил мое внимание на это обстоятельство. Другая этимология, заимствованная у Павсания (X.26.4), была предложена в работе: *Sulzberger M.* Ὁνομα ἐπώνυμον. Les noms propres chez Homère et dans la mythologie grecque // REG. 1926. 37. P. 381—447, особенно 389—390. Павсаний писал: «Имя „Неоптолем“ было дано ему Фениксом, потому, что Ахилл как раз начал воевать в то время, когда он был еще очень юн». Это говорит о том, что связь Неоптолема с эфебией ощущалась уже в античности. Этим указанием я обязан Ж. Свенбро.

¹⁰⁷ Имя Пирр, как пишет Павсаний (X.26.4), было дано Неоптолему дедом по матери, Ликомедом. Об этом двойном имени ср. замечания П. Левека: *Lévesque P.* Puthos. P., 1957. P. 87 suiv. В этой книге можно найти также множество данных о дальнейшей судьбе сына Ахилла.

¹⁰⁸ Androm. 1135; ср. *Pouilloux J., Roux G.* Enigmes a Delphes. P., 1963. P. 117. Прямые указания см. Schol. Pind. Pyth. II. 127; *Hesych.* Σ. v. πυρρίχα, πυρρίχας. πυρρίχαιον; *Diomed.* Ars gramm. III₁ (Grammatici latini. I. 475); *Luc.* De Saltat. IX.

¹⁰⁹ Об этом персонаже см. *Paus.* III. 26.9; *Hygin.* Fab. 112; *Strabo.* XIII. 584.

¹¹⁰ Legg. VII. 796b; ср. указание Аристоксена (*Athen.* XIV. 631c): «Древние исполняли танец обнаженных γυφ νοπαίδι(χ) и, прежде чем войти в театр, переходили к пиррихе».

¹¹¹ О пиррихе см. *Poursat J. C.* Les représentations de danse armée dans la céramique attique // BCH. 1968. 92. P. 550—615 и особенно *Scarpi P.* La pyrrhikè o le armi della persuasione / Dialoghi di archeologia. N. s. 1. 1979. P. 78—97.

¹¹² Он был νεανίας в момент смерти, согласно Еврипиду (Androm. 1104).

¹¹³ *Morel J.-P.* La Juventus et les Origines du théâtre romain // REL. 1969/1970.. 47. P. 208—252; см. также другие работы Ж.-П. Мореля в *Le Chasseur noir*. P. 437—438..

¹¹⁴ Имеется недавний комментарий, выдержанный в совершенно ином духе: *Du-pont F.* L'Acteur-roi ou le théâtre dans la Rome antique. P., 1985. P. 136—140.

такой реконструкции многочисленны в разных обществах¹¹⁵. Позже Ж. Винклер посчитал, что можно пойти гораздо дальше и поэтому назвал свою статью: «Песня эфэбов: трагедия и полис»¹¹⁶. Хотя эта статья содержит множество интересных наблюдений, я не считаю возможным принять общую идею, которая там развивается. Однако поскольку в этой статье объявляется о преемственности с «Черным Охотником», я чувствую себя обязанным высказать некоторые сомнения в законности этого родства¹¹⁷.

Ж. Винклер стремится доказать две главные гипотезы. Первая касается значения слова τραγῳδός. Его объясняют чаще всего как «козлиный певец», а трагедию как «козлиную песнь». И то, и другое, бесспорно, маловразумительно. Ж. Винклер предлагает другое решение: слово τραγῳζειν, особенно у Аристотеля¹¹⁸, означает ломку голоса, которая обычно происходит у подростков. Траγῳδοί, трагические певцы в таком случае должны означать не реальных подростков с ломающимися голосами (никто не может петь в это время), а подростков, обозначенных так метафорически по данному периоду их жизни. Таким образом, трагический хор будет «блеющим» (разумеется, метафорически), откуда и обращение к козлу (τράγος), голос которого кажется постоянно ломающимся¹¹⁹. Самое малое, что можно сказать по этому поводу — это то, что речь идет в данном случае об утверждении, ложность которого (в том смысле, в котором К. Поппер употребляет глагол to falsify) невозможно показать, и оно ускользает тем самым от возможности верификации.

Другой вопрос еще более важен. Винклер утверждает, что он может доказать, будто трагический хор действительно состоял из эфэбов. На этот счет нет никаких текстов, которые можно было бы привлечь. Источник, используемый Винклером в качестве главного доказательства, — так называемая ваза Пронима¹²⁰, знаменитый аттический кратер с волютами конца V в. до н. э., роспись которого обычно толкуется как изображение сатировой драмы¹²¹. Этот источник, столь же важный в аттической вазописи для изображений театра, как ольпа Чиджи в коринфской — для изображений различных форм боя¹²². Р. Сифорд отмечает, что художник «вероятно, имел в виду вполне определенную сатилову драму, поскольку большинство сатиров имеют обозначенные надписями имена, принадлежащие обычной афинской ономастике»¹²³. На этой вазе играющие опре-

¹¹⁵ Ж.-П. Морель опирается в основном на книгу: Eberle O. *Canalora, Leben, Glaube, Tanz und Theater der Urvölker*. Olten, 1955, которая существует и в итальянском переводе (Milan, 1966).

¹¹⁶ См. прим. 96.

¹¹⁷ Я посвятил этой статье несколько занятий моего семинара и, настаивая на своих сомнениях и оговорках, все же могу гордиться тем, что отчасти вдохновил столь смелую попытку.

¹¹⁸ Hist. An. VII. 581a. 18—25; Gen. An. V. 787b. 30—788a. 5. В указанном месте «Истории животных» Аристотель как раз противопоставляет τραγῳζειν — «блеять» и хоровое пение.

¹¹⁹ Я здесь пересказываю близко к тексту то, что пишет Ж. Винклер (Op. cit. P. 47 f.).

¹²⁰ Хранится в Неаполитанском музее: Beazley. ARV². 1136; очень часто воспроизводится, например: Pickar-Cambridge A. *The dramatic festivals of Athens*. Oxf., 1968². Fig. 49; Seaford R. *Euripides: Cyclops*. Oxf., 1984. Fig. III; Charbonneaux J., Martin R., Villard F. *Grèce classique*. P., 1969. P. 274 suiv.

¹²¹ Д. Левис, однако, сообщил мне, что он считает ее изображающей хор дифирамба.

¹²² Я основываюсь здесь на исследовании Ф. Лиссарата, которое вскоре должно появиться в «Трудах» конференции, организованной в 1986 г. GITA (Междисциплинарная группа по античному театру Университета Поль-Валери, Монпелье).

¹²³ Seaford. Op. cit. P. 3. Not. 129.

деленные роли актеры и участники хора сатиров держат в руках соответствующие маски. Все маски бородаты, но носители масок сатиров, в противоположность актерам, безбороды, из чего Винклер заключает: «Как свидетельствует иконография, они — эфебы»¹²⁴. Впечатляющий аргумент, поскольку контраст между актерами и хоревами бесспорен, хотя безбородый мужчина может быть с таким же успехом *уεος*, как и эфеб. Однако даже если допустить, как это делается обычно, что в V в. до н. э. трагические поэты использовали один и тот же хор в трагедиях и сатировой драме, данный источник слишком поздний и изолированный для того, чтобы делать такие обобщения. Более того, можно утверждать, что между сатирами и эфебами вообще существует некоторое родство, на аттических вазах они взаимозаменяемы. И те, и другие находятся *μεταξύ*, одни — между дикостью и цивилизацией, другие — между детством и зрелостью, причем эти четыре понятия попарно совпадают. Как отметил еще Р. Сиффорд¹²⁵, освобождение сатиров из плена или рабства — одна из основных тем сатиновых драм, а это действие можно сблизить с обрядом инициации. Не совсем ясно, как можно отклонить эти аргументы, говоря о персонажах, которых представляет хор.

Пора подводить итоги. Однако прежде чем сделать это, я упомяну еще одну проблему, которая была совершенно определенно поставлена в самом конце «Черного Охотника» 1968 г. В противопоставлении архаического эфеба или крипта, с одной стороны, и гоплита — с другой подразумеваются два противоположных способа ведения войны: война ночная и дневная, хитрость и сражение лицом к лицу, поединок и коллективный бой, беспорядок и порядок. Разумеется, «беспорядок» прекрасно выстроен — это организованный и в какой-то степени концептуальный беспорядок. Нельзя считать историчной противоположность, которая отмечается, например, между яростью (*λύσσα*) гомеровского воина и самообладанием (*σωφροσύνη*) воина-гражданина или (*τάξις*) порядком гоплитской фаланги¹²⁶. Ведь гомеровская война также имела свою форму порядка, а война граждан — свой беспорядок. Здесь можно прибегнуть к сравнительному методу для объяснения этого противопоставления. Существует множество его видов, и социология, как и этнология, могла бы быть нам полезной. Однако я говорю сейчас о той специфической разновидности компаративистики, которой мы обязаны Ж. Дюмезилю и его исследованиям индоевропейцев.

В 1940 г. в первом издании своего труда «Митра — Варуна» Дюмезиль открыл двойность первой из своих трех функций — функции верховной власти. Митра в ней воплощает порядок, Варуна — беспорядок и насилие. То же противопоставление, перенесенное в область истории, существует в Риме между двумя первыми царями — Ромулом (со стороны «Варуны») и Нумой (со стороны «Митры»). Я задаюсь вопросом: не было ли аналогичной двойности внутри второй, воинской функции? В некоторых основных работах Ж. Дюмезиля можно встретить указания на ход его мысли именно в этом направлении, как относительно индийцев, так и относительно скандинавов¹²⁷, однако, насколько мне известно, он не подвергал

¹²⁴ Winkler. Op. cit. P. 39.

¹²⁵ Seaford. Op. cit. P. 33—36.

¹²⁶ См. исследование М. Детьена о фаланге (Op. cit. P. 123).

¹²⁷ Например, Dumézil G. Mythe et Épopée. V. I. P., 1968. P. 63—65; *idem*. *Neur et malheur du guerrier*. P., 1985³. P. 140, 161—168.

образ римского воина систематическому исследованию под этим углом зрения ¹²⁸.

Работы двух очень разных, хотя и являющихся учениками Ж. Дюмезиля исследователей, ираниста и медиевиста, которые оба оказали мне честь, поддержать их мнением аргументацию «Черного Охотника», позволяют думать, что это предположение не лишено смысла. О. М. Дэвидсон открыла эти два способа ведения войны в «Шах-наме» Фирдоуси, правда, связанные там не с юношами и взрослыми, а с иранцами, которые, очевидно, относятся к сфере порядка (*ṛāṣṭra*), как сказали бы греки, и их врагами туранцами ¹²⁹. Со своей стороны, Дж. Грисворд нашел в героических песнях цикла о Гильоме Коротконосом то же противопоставление, которое Дюмезиль отмечал в скандинавском мире между Тором и Одинем, а в «Мах-абхарате» — между тяжеловооруженным воином (при этом лучником! — все зависит от значения лука) Арджуной и вольтижером Бхимой. Я же указал на тот же характер противопоставления в «Черном Охотнике» — между гоплитом и спартанским криптом ¹³⁰.

Если эта идея — идея двоичности воинской функции — имеет какую-то ценность и какое-то будущее, будь то в изучении греческого мира ¹³¹ или любой другой области, не мне, а кому-то другому предстоит ее развить. Как бы то ни было, здесь я кончаю свою работу.

¹²⁸ Как ни странно, в книге «Mitra — Varuna» (Р., 1948². Р. 48—54) Дюмезиль проводит параллель между фламинами и луперками как между *seniores* и *iuniores*. Однако он считает, что луперки относятся к первой функции, хотя и цитирует Валерия Максима (II.2), который определяет их в качестве «молодежи всаднического сословия» (*equestris ordinis iuventus*). Не должен ли этот вопрос быть пересмотрен? Благодарю Дж. Шейда за указания, которые он мне дал на этот счет.

¹²⁹ Davidson. Op. cit. Р. 61—148, особенно 81—87.

¹³⁰ Grisward. Op. cit. Р. 222—224. Однако я не думаю, что оппозиция «внутреннее — внешнее», которая, согласно Дж. Грисворду, разделяла воинскую функцию в средневековье, может считаться универсальной. В Афинах эфесб, согласно этому критерию, был бы «внутренним», поскольку он был обязан находиться на территории полиса, что дало бы пару оппозиций, противоположную той, какую предполагает Грисворд.

¹³¹ См. попытку связать греческие инициации с индоевропейской идеологией при широком использовании «Черного Охотника»: Briquel. Op. cit.

ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА РИМСКИХ КОЛОНОВ в IV—V вв.

(По данным императорского законодательства)

Начало IV в. в развитии римского колоната было важным рубежом: к этому времени относится появление в законодательстве запрета колонам покидать место своего проживания — CTh.V.17.1 — 332 г. * (ср. CI.XI.68.2 — 319)¹. Однако отсутствие у конституции 332 г. императивного характера уже давно привело исследователей к мысли, что она не была законом, устанавливавшим зависимость или крепость колоннов, а лишь основывалась на более раннем оригинальном законе, который не сохранился². В известной степени по этой причине распространено мнение о том, что юридический запрет колонам покидать имения, где они работали, был тесно связан с реформами Диоклетиана³. В ли-

* Далее при ссылках на Кодексы год обозначается только цифрой.

¹ Мы не касаемся здесь спорного вопроса о том, были ли в начале IV в. прикреплены к земле колонны всей империи, что следует из обращения Константина в конституции 332 г. ко всем провинциалам, или же в отдельных провинциях их прикрепление к земле растянулось до конца IV в. (371 г. — Иллирия, 386 г. — Палестина, 393 г. — Фракия), как часто считается в связи с оценкой конституций CI.XI.51.1 — 386, CI.XI.52.1 — 393, CI.XI.53.1 — 371. См., например: *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. С. 681; *Левченко М. В.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. // Византийский сборник. М.—Л., 1945. С. 22; *Stevens C. E.* Agricultural and Rural Life in the Later Roman Empire // Cambridge Economic History of Europe. V. I. Cambr., 1942. P. 115; *Collinet P.* Le colonat dans l'empire romain // Recueils de la Société Jean Bodin. Le Servage. Bruxelles, 1959. P. 88—89; *Velkov V.* Les campagnes et la population rurale en Thrace au IV-e—VI-e siècle // Byzantinobulgarica. I. Sofia, 1962. P. 45—47; *Jones A. H. M.* The Roman Colonate // The Roman Economy / Ed. by P. A. Brunt. Oxf., 1974. P. 297; *Held W.* Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des römischen Reiches. B., 1974. S. 98.

² *Clausing R.* The Roman Colonate, the Theories of Its Origin // Studies in History, Economic and Public Law. Columbia Univ. V. 117. № 1 (260). N. Y., 1925. P. 17; *Brockmeyer N.* Arbeitsorganisation und ökonomisches Denken in der Gutswirtschaft des römischen Reiches. Diss. Bochum, 1968. S. 434. Anm. 54; *MacMullen R.* Roman Government's response to Crisis A. D. 235—337. New Haven — London, 1976. P. 179—180; *Ранович А. Б.* Колонат в римском законодательстве II—V вв. // ВДИ. 1951. № 1. С. 84; несколько по-иному представлял дело Н. Д. Фюстель де Куланж (Римский колонат / Пер. с франц. под ред. И. М. Гревса. СПб., 1908. С. 90 сл.).

³ *Фюстель де Куланж.* Ук. соч. С. 92; *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. С. 12; *Walbank F. M.* The Awful Revolution. The Decline of the Roman Empire in the West. Toronto, 1969. P. 54; *Piganiol A.* L'Empire Chrétien (325—395). 2 ed. P., 1972. P. 306. Not. 4; *Held.* Die Vertiefung ... S. 98; *Finley M. I.* Private Farm Tenancy in Italy before Diokletian // Studies in Roman Property / Ed. M. I. Finley. London — New York — Melbourne, 1976. P. 104.

тературе наиболее четко прослеживаются два основных подхода, хотя они далеко не всегда осознаются и выдерживаются исследователями в чистом виде. Иногда акцентируют внимание на длительном ухудшении социально-экономического положения колонов и установлении их фактической связи с именными еще в течение II—III вв. Уже для того времени их зависимость рассматривается как фиксированная в праве: при этом обычно ссылаются на Dig. 19.1.49 pr.; 30.112; 43.32.1.1; 50.15.4.8; Paul. Sent. III.6, 48. Исходя из этого полагают, что в начале IV в. (в 332 или другом году) были лишь юридически закреплены уже давно сложившиеся отношения господства и подчинения между землевладельцем и колоном⁴. Поэтому некоторые исследователи на основе такого подхода считают, что колона сразу же после его юридического закрепления в имении можно трактовать как адскрипция. Его имущество они рассматривают как пекулий, а его самого — как лицо рабского или почти рабского статуса⁵. Из такого подхода следует, что положение и статус (вопрос об их различии практически при этом не ставится) колонов претерпели наибольшие изменения в течение II—III вв., а позднеантичные колоны сохраняли уже сформировавшийся к IV в. более или менее однозначный статус, на основе которого происходило лишь некоторое ухудшение их положения в сторону сближения с положением рабов. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что в текстах юристов II—III вв. статус колонов как лиц зависящих ничем, кроме их возможной устойчивой связи с землей, себя не обнаруживает.

Иной подход состоит в том, что прикрепление колонов к месту их жительства (*origo*), имению или земле явилось началом качественно нового этапа в развитии колоната и дало стимул последующему оформлению принципиально нового статуса зависимого колона. При этом отношения фактической зависимости, складывавшиеся в предшествующий период, как бы игнорируются, поскольку они не фиксировались юридически (иными словами, понятия «положение» и «статус» качественно различаются)⁶. Этой позиции придерживаются в основном исследователи, объясняющие

⁴ *Fustel de Coulanges*. Ук. соч. С. 89 сл.; *Schulten A.* Die römischen Grundherrschaften. Weimar, 1896. S. 96—97; *Heitland W. E.* Agricola. A Study of Agriculture and Rustic Life in the Graeco-Roman World from the Point of View of Labour. Cambr., 1921. P. 383—384; *Ganshof F. L.* Le status personnel du colon au Bas-Empire // *L'antiquité classique*. 1946. T. 14. P. 262; *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 105, 501; *Brockmeyer*. Arbeitsorganisation ... S. 267 ff.; *Held*. Die Vertiefung ... S. 279.

⁵ См., например: *Schrot G.* Die historische Stellung der *glebae adscriptio* des Kaisers Constantin vom Jahre 332 u. Z. // *Wiss. Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Univ. Greifswald. Gesellsch. und Sprachwiss.* Reihe 2/3. Ht 14. 1965. S. 210—212; *Brockmeyer N.* Antike Sklaverei. Darmstadt, 1979. S. 227; *Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium from the Origin to the Twelfth Century. Galway (Ireland), 1979. P. 47.

⁶ Наиболее последовательно в этом вопросе выступил Ш. Сомань, положивший в западной науке начало качественно новому этапу в изучении позднего колоната. См. *Saumagne Ch.* Du rôle de l'«origo» et du «census» dans la formation du colonat romain // *Byzantion*. 1937. V. 12. P. 487—581. Большинство последователей Соманя, стремившихся преодолеть чрезмерную схематичность его концепции и ее зависимость от юридического материала, пришлось признать, что фактическая зависимость колонов существовала уже во II—III вв. Поэтому во многих современных исследованиях, особенно общего характера, неосознанно присутствует попытка совместить два разных подхода в оценке перехода от колоната Ранней империи к позднеантичному колонату. (Эта последовательность фактически уходит корнями в обсуждавшуюся еще в 80—90-х годах XIX — начала XX в. проблему соотношения данных эпиграфических и юридических памятников о колонах. Одним из ключевых вопросов этой проблемы было соотношение «положения» и «статуса» колонов.)

закрепление колонов в имениях потребностью государства отладить механизм новой фискальной системы, складывавшейся в результате реформ Диоклетиана⁷. По их мнению, запрет покидать имения не привел сразу к установлению связи колонов с землей, а был не более чем предпосылкой для последующего формирования юридической зависимости, т. е. нового статуса колона⁸. Эта зависимость впервые проявила себя не в конституции 332 г., где нет речи об обязательной связи колона с землей, а лишь два десятилетия спустя в CTh.XIII.10.3—357⁹. В связи с этим вторая половина IV в. в современной западной литературе считается важным переломным периодом в развитии колоната¹⁰.

Таким образом, вопрос о статусе позднеримских колонов ставится так: либо он оформился в начале IV в. в связи с юридическим прикреплением колонов к земле, либо он вызрел постепенно в течение IV—V вв. Применительно к имеющемуся в нашем распоряжении материалу источников эта дилемма оборачивается другим вопросом: появляется ли в императорском законодательстве IV—V вв. этот статус сразу же с появлением прикрепленных к земле колонов или какое-то время их новое положение не имело социально-юридических последствий?

Законодательство императоров IV—V вв. о колонах известно по Кодексам восточноримских императоров Феодосия II (438 г.) и Юстиниана (529—534 гг.), а также по Новеллам императоров Валентиниана III, Майориана, Севера II, дополняющим Кодекс Феодосия. Сохранившиеся в них данные законодательства далеко не полны, а отобранные издателями Кодексов конституции приспособлены для целей кодификации, чаще всего не связанных непосредственно с характеристикой колоната. Лишь составители Юстинианова Кодекса попытались создать целостную картину колонатных отношений. Первые попытки отнестись к колонату как к институту проявляются, правда, еще в первой половине V в.: в конституциях Аркадия и Гонория¹¹ и в 31-й и в 35-й новеллах Валентиниана III. Однако по-настоящему колонат оформился как юридическое явление, видимо, только в законодательстве Юстиниана. Очевидно, поэтому все пред-

⁷ Белоруссов М. Колонат (Очерк возникновения римского крепостного права). Варшава, 1903. С. 57; Ранович. Ук. соч. С. 83; Clausen. Op. cit. P. 157; Pallasse M. Orient et Occident à propos du colonat romain au Bas-Empire. Lyon, 1950. P. 8; Kaser M. Das römische Privatrecht. Bd 2. München, 1959. S. 97; Jones. The Roman Colonnate. P. 297 f.; Goffart W. Caput and Colonnate. Towards a History of Late Roman Taxation // Phoenix. Suppl. 1974. V. 11. P. 72; Petit P. Histoire générale de l'empire romain. P., 1974. P. 687; MacMullen. Op. cit. P. 295. Not. 95; Eibach D. Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besonderer Berücksichtigung der Terminologie. Köln, 1977. S. 50.

⁸ Saumagne. Op. cit. P. 508—509, 536; Piganiol. Op. cit. P. 306. Not. 4; Goffart. Op. cit. P. 74; Eibach. Op. cit. S. 49; Brockmeyer. Antike Sklaverei. S. 227.

⁹ Saumagne. Op. cit. P. 538; Goffart. Op. cit. P. 79; Eibach. Op. cit. S. 52, 208; ср. Held. Die Vertiefung ... S. 101.

¹⁰ Еще в прошлом веке П. Г. Виноградов выделил этот период (Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. С. 22. Прим. 1). Но лишь после работы Ш. Соманя это стало общим местом в литературе о колонате. См.: Saumagne. Op. cit. P. 508; Segrè A. The Byzantine Colonnate // Traditio. 1947. V. 5. P. 108; Pallasse. Op. cit. P. 17; Rémondon R. La crise de l'empire romain de Marc Aurèle à Anastase. 2 ed. P., 1970. P. 178—179; Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Oxf., 1964. P. 798; Piganiol. Op. cit. P. 307; Goffart. Op. cit. P. 76—77; Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975. S. 184 f.; Eibach. Op. cit. S. 243 ff. В советской литературе на это лишь вскользь обращено внимание в работах: Ранович. Ук. соч. С. 92—93; Штаерман Е. М. К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи // ВДИ. 1952. № 2. С. 111; Гемп А. Г. Трибутари и инквильины Поздней Римской империи // ВДИ. 1954. № 4. С. 83.

¹¹ Ср. Виноградов. Ук. соч. С. 42.

пешствующее законодательство о колонах использовалось в Кодексе Юстиниана лишь как своего рода строительный материал. Приспособление конституций IV—V вв. для новых нужд вело и к изменению первоначального смысла юридического текста в новом правовом контексте того или иного титула Кодекса, и к корректировке его содержания посредством интерполяций, купюр и т. п. Это заставляет, исследуя статусные изменения на материале всех дошедших до нас конституций, соотносить данные конституций из Кодекса Юстиниана с общей картиной, рисуемой конституциями Кодекса Феодосия. Использование последних в качестве источника — также немалая проблема. Многие из них откорректированы посредством частичного сокращения для нужд кодификации комиссией Феодосия, в отношении других имеются сомнения в аутентичности текстов¹². Ряд конституций этого Кодекса дошел в Бревиарии Алариха (*Lex Romana Wisigothorum*), опубликованном в 506 г.¹³ Здесь некоторые из конституций по распоряжению Алариха были снабжены интерпретациями вестготского компилятора Гоиарикуса: это те тексты, содержание которых за прошедшее столетие устарело, но представлялось удобным для использования в смысле, отличном от первоначального¹⁴.

Сделав необходимые оговорки, обратимся к вопросу об эволюции ряда сторон положения позднеимперских колонов, отражение которой в праве позволит выявить основные закономерности изменения их статуса.

Право на судебный иск. В IV в. колоны без ограничений выступали в суде истцами и ответчиками. — CI.XI.50.1 — 325; CTh.II.1.1 — 349 *Interpret.*; CI.III.26.8 — 355; CTh.X.4.3 — 370?; CI.XI.50.2 — 396. Конституция 386 г. призывает сенаторов, куриалов, посессоров и колонов обличать нечестных судей (CTh.IX.27.6 = CI.IX.27.4 — 386). Либаний в одной из речей (47.13—14) сообщает, что когда у него возникли трения с колонами, он обратился в суд и проиграл процесс. В другой речи он показывает, что государство часто шло навстречу землевладельцам в их спорах с колонами: «Если они (колоны. — *А. К.*) не примирятся с корыстолюбием господ, то без долгих слов воин с оковами посылается в деревню и темница встречает узников» (*Orat.* 45.5). Но вряд ли отсюда следует заключать, что государство всегда поддерживало усиление эксплуатации колонов со стороны землевладельцев. В законодательстве императоров не раз упоминается запрет нарушать установившиеся «обычаи» (*consuetudines*) во взаимоотношениях с колонами, в частности изменять или повышать арендную плату, не говоря уже о каких-либо экстраординарных поборах в пользу землевладельца¹⁵. Не следует, однако, считать, что государство заботилось только о благосостоянии земледельцев: в большей степени оно стремилось не допустить перераспределения поступлений с колонов в ущерб фиску. Поэтому, как показывает пример самого Либания, когда землевладельцы пытались усилить давление на колонов, оно этого не терпело. В CI.XI.50.2 — 396 особенно подчеркивается, что за колоном сохраняется право иска против господина в случае взимания

¹² *Gaudemet J.* La formation du droit séculier et du droit de l'église aux IVe et Ve siècles. 2 ed. P., 1979. P. 48—74; *Honoré T.* The Making of the Theodosian Code // *ZSS. RA.* 1986. Bd 103(116). P. 156—161.

¹³ *Honoré.* Op. cit. P. 156.

¹⁴ *Gaudemet.* Op. cit. P. 53—54.

¹⁵ CI.IV.65.16—260; CI.IV.10.3—286; CI.IV.16.19—293; CI.XI.63.1—319; CI.XI.50.1—325; CI.XI.48.5—366; CTh.XIII.1.8—370; CI.XI.68.5—386; CTh.V.6.3—409; ср. CI.XI.63.3—383.

платежей сверх законной меры¹⁶. Из-за подкупности судей и администрации, правда, в разных ситуациях предпочтение могло быть оказано и колонам (Liban. Orat. 47.13—14), и землевладельцу (Cyprian. Ad Donat. 10). Поэтому власть последнего над его колонами часто зависела от его богатства и социального веса¹⁷.

Некоторый перелом в отношении к праву колонов на участие в суде наступил, видимо, в конце IV в. Конституция 396 г., адресованная комитету Азии Небридию, гласит: «Но, как в делах гражданских (*ut in causis civilibus*), мы, запрещая такому роду людей (*huiusmodi hominum generi*) возбуждать иск против господ или патронов и отказывая им в праве вызова в суд, делаем исключение для случаев взимания платежей сверх законной меры, против чего и прежние принцепсы предоставляли им возможность протестовать, так и при исходящем от государства обвинении в уголовных преступлениях (*in criminum accusatione, quae publica est*) у них не отнимается возможность (*licentia*) судиться по поводу незаконный по отношению к ним самим и их близким» (CI.XI.50.2.4 — 396). По всей вероятности, у колонов было отобрано реально утратившее уже значение право судиться с землевладельцем по вопросам, которые не касались непосредственно их имущественных отношений¹⁸. Наличие этого права указывало на принадлежность колона и землевладельца к одному гражданскому коллективу, устранение его показывало, что римское гражданство расслоилось на сословия, и колоны и землевладельцы попали в разные. Этим, видимо, и объясняется восклицание авторов конституции: «... как мог бы он (господин. — А. К.) выступать в суде на равном праве против такого лица (*quemadmodum contra eius personam aequo poterit iure consistere*)», чьи права перестали быть равными его правам. Юридическое лицо (*persona*) колона перестало быть равноправным «лицу» землевладельца. Свободный статус колона сохранился, но понятие «свобода» теперь было своим для каждого сословия¹⁹.

Для императорских колонов к середине V в. это привело к изъятию их гражданских и уголовных дел из практики провинциальных судей

¹⁶ CI.XI.50.2—396: ... *superexactionibus, in quibus retro principes facultatem eis super hoc interpellandi praebuerunt.*

¹⁷ Held. Die Vertiefung ... S. 65.

¹⁸ Д. Айбах, правда, в противовес общепринятому в литературе мнению, считает, что фигурирующий в этой конституции «запрет права иска» означал лишь подтверждение правового положения (*condicio*) колона, которое состояло в принуждении их к исполнению ежегодных *functiones*. На такое принуждение, по его мнению, колоны и не могли жаловаться, и в конституции, таким образом, не содержалось никакого новшества (Eibach. Op. cit. S. 26—27). Однако, рассуждая подобным образом, в конституции можно заметить иной акцент. Несоднократное, как подчеркивает конституция, предоставление колону права жаловаться в суд на чрезмерные требования землевладельца, указывает на два момента. Во-первых, на практике колоны мало пользовались этим правом: как отмечала не раз Е. М. Штаерман, «человек экономически зависимый... не смел высказывать мнение, неугодное тому, кому был чем-то обязан» (От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 27); во-вторых, государство настаивало на использовании колоном этого права, видя в колонах не только эксплуатируемый землевладельцами класс, но и подданных-налогоплательщиков.

¹⁹ Можно упомянуть в этой связи соображения Э. Леви, который (со ссылкой на Э. Бетти) указывал, что *status libertatis* не был сравним со *statu* *civitas* и *familiae*. Свободные имели правовую защиту не как таковые, но поскольку являлись гражданами Рима или других признанных Римом государств (Levi E. *Libertas und civitas* // ZSS. RA. 1961. Bd 78. S. 142). Классическая юриспруденция признавала *libertas* и *civitas* двумя самостоятельными институтами, каждый из которых определялся своими собственными нормами. Утрата *civitas* в классическом праве не влекла за собой потерю *libertas* (ibid. S. 154).

и передаче их комиту и препозиту (СІ.ІІІ.26.11 — 442), что означало полное подчинение этих колонов юрисдикции их господина (т. е. императора). Для частных колонов такой прямой путь был исключен. Их право на иск против господина сохранялось и в VI в.²⁰ Однако, если на Востоке, вероятно, ввиду большей прочности государственной организации они могли его использовать, хотя, быть может, и не всегда успешно, то на Западе они, видимо, оказались полностью беззащитны перед землевладельцами (ср. Salv. De gubern. Dei V.8—9). Возможно, отнятие у колонов права доноса на господина стояло в связи с аналогичными постановлениями в отношении рабов²¹ или, по крайней мере, так это воспринималось.

Отношение к военной службе. Общеизвестно, что в IV в. колоны набирались в армию в соответствии с принятым порядком, и новобранцев выставлял господин имения²². Колонов возвращали из войск к их обязанностям лишь в тех случаях, когда они уходили в армию тайком по собственному почину, а не будучи выставлены землевладельцами²³. Достаточно отчетливо это показывает сокращенная в Кодексе Юстиниана конституция Аркадия и Гонория магистру обоих родов войск Пульхру: «Твоему высочеству следует бдительно следить, чтобы ни колоны, ни пастухи не принимались в армию по собственному их предложению и не принуждались к воинской службе против их воли (inviti) (СІ.ХІІ.33.3 — 395/402). А. Джоунз даже высказал мнение, что в IV в. набор на военную службу был для колонов единственным легальным способом избежать зависимости. Он полагал, что с V в. они утратили эту возможность²⁴. Однако конституции времени Феодосия II и Валентиниана III, собранные в Новеллах к Кодексу Феодосия, показывают, что и в середине V в. колоны рассматривались как материал для воинского набора²⁵. Поэтому конституцию этих императоров в Кодексе Юстиниана, запрещающую допускать колонов к должности аппариторов военного магистра, следует понимать не как запрет им служить в армии, а как запрет поступать туда по вольному найму: «Полагаем, что колонов никоим образом не следует допускать ни

²⁰ 14.СІ.ХІ.48.20—529; СІ.ІV.21.19—529; coloni ad dominum certantes. 80-я новелла Юстиниана (539 г.) сообщает, что колоны приезжают в столицу многочисленными группами для возбуждения судебных процессов против своих господ. Квестору предлагается добиваться их отправки обратно. Для ведения дела должны оставаться двое-трое из них; эти дела предписывалось решать максимально быстро, чтобы не задерживать колонов в столице и не причинять убытков ни им самим отрывом от сельских работ, ни господам (ср. Липшиц Е. Э. К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. (Эволюция законодательства о колонате в 505—582 гг.) // Византийские очерки. М., 1971. С. 115 сл.). Однако не ясно, к одной ли категории принадлежали колоны, фигурирующие в новелле и в конституциях IV—V вв.

²¹ SNA.9.4; СІ.ІІІ.1.6; СІ.ІІІ.41.5—294; СІ.ІV.20.8—294; Сth.ІХ.6.2—376; Сth.Х.10.17—382; Сth.ІХ.6.3 = СІ.ІХ.1.20—397.

²² См. Сth.VІІ.13.6—370. Нередко, видимо, чтобы освободить от набора своих сыновей или получить за поставленных воинов освобождение от нескольких ставок податей, землевладельцы выставляли бродяг, беглых новобранцев и ветеранов, нанимая их за определенную мзду. Конституция 370 г. запрещала это. Но вместо недобросовестности землевладельцев, на которую жаловался и Вегетий (Veget. De re militari. I.7), составителей Кодекса Юстиниана заинтересовала только запретительная часть конституции: «Пусть не принимается на военную службу ни беглый новобранец, ни ветеран, ни обязанный цензу (censibus obnoxius)» (СІ.ХІІ.43.1—370). В таком виде сокращенный текст конституции вполне может производить впечатление запрета принимать колонов в армию. Быть может, в VI в. редактировавшие конституцию исходили из изменившихся условий.

²³ СІ.ХІ.68.3—364; СІ.ХІ.63.4—386; СІ.ХІ.64.1—386; СІ.ХІ.64.4—409?

²⁴ Jones A. H. M. The Caste System in the Later Roman Empire // The Roman Economy / Ed. by P. A. Brunt. Oxf., 1974. P. 417.

²⁵ Nov. Val. 6.1—440; 13.8 — 445; Nov. Theodos. 7.4.2—441.

к каким, хотя бы и низшим, воинским должностям. Но и не позволяем, чтобы вписанные в ценз добивались должности аппариторов магистерской власти, так как в этой части мы заботимся и о праве господ, и о чести государства» (CI.XI.48.18 — 426)²⁶. От военной службы с V в. освобождались только императорские колоны. Согласно CI.XI.75.3 — 397, за подлежащих набору с императорских земель выплачивался денежный взнос. Эта льгота императорским имениям, приведшая к еще большему подчинению императорских колонов их посессорам, была логичным проявлением традиционной императорской политики покровительства собственным землям, которая выражалась в неоднократно повторяющихся запретах привлекать императорских земледельцев к экстраординарным повинностям, *munera sordida* и т. п. Однако, по всей вероятности, окончательное оформление освобождения императорских колонов от службы в армии следует относить ко времени Юстиниана, в Кодексе которого конституция 397 г. дана в сильном сокращении: «Предписываем, чтобы за новобранцев, требуемых в (военное) сословие из имений наследственных арендаторов наших частных владений, вносилась плата».

Отношение к гражданским должностям и обязанностям. В первой половине IV в., видимо, не существовало специальных запретов колонам занимать гражданские должности. В CTh.VIII.1.3 — 333 «вписанные в ценз» (*censiti*) исполняют обязанности аннонариев и писцов, причем Константин предписывал освобождать их за это от подушной подати. В Кодексе Юстиниана две конституции запрещают привлекать к исполнению должностей и повинностей в пользу городской общины императорских колонов (CI.XI.68.2 — 319; CI.XI.68.1 — 325). Но, видимо, сам факт нахождения колонов на какой-либо службе не был криминалом. Единственное, что заботило при этом императора, это отвлечение колонов от их занятий земледелием²⁷. Быть может, поэтому из сокращенной в Кодексе Юстиниана CI.XI.48.11 — 396 его издатели сумели извлечь для характеристики колонов VI в. лишь наиболее общий запрет привлекать их к почетным обязанностям и должностям: «Предписываем, что колоны оригинарии не могут быть оправданы никакими привилегиями, ни званием, ни авторитетом ценза, но, лишенные всего, чего добились ... благодаря чьему-то влиянию, должны быть возвращены господину или имению».

²⁶ Запрет повторяется в Nov. Theodos. 7.4.2 = CI.XII.54.3—441. Ср. также CTh.IV.10.3 = CI.VI.7.4—426.

²⁷ Иногда как указание на привлечение в курии зажиточных колонов-оригинариев воспринимается CTh.XII.1.96—383; «Куриалам провинции Мезии разрешается привлекать к декурионским повинностям (*ad decurionatus munia*) достаточно зажиточных из плебса, чтобы состоятельные лица, находящиеся в подчинении, не избегали из-за неизвестности своего ничтожного имени обязанностей, для которых подходят по имущественному положению. (1) К ответу на их ходатайство нужно добавить еще и то, что *originales*, которые перешли на различные службы в провинциях со времени божественного Юлиана, пусть без всяких сомнений возвращаются к обязанностям куриалов (*ad curiales functiones*)». Однако по контексту *originales*, которых отождествляют с оригинариями, вовсе не являются колонами. Это те потомственные декурионы, которые разбежались из курий и которых предписывается возвращать (*retrahantur* — !) обратно. Недаром в первом предложении конституции плебеи привлекаются к «*п о в и н н о с т я м* декурионата», а во втором — *originales* возвращаются к «*о б я з а н н о с т я м* куриалов». Д. Айбах обратил внимание, что и в CTh.XII.1.82—380 *originalibus vinculis occupati* — декурионы, обязанные нести свои повинности (Op. cit. S. 206). Иное дело «те из плебса», которые были «подвластными лицами» (*quos c. plebe ... ad decurionatus munia devocent, ... personae famulantium*). Было ли последнее определение простым указанием на более низкий статус плебеев по сравнению с декурионами, или его следует понимать буквально: «лица, находящиеся в подчинении», не ясно.

С 400 г. вопрос о привлечении колонов к службе в аппарате стал рассматриваться с точки зрения 30-летнего срока давности (CTh.XII.19.2 — 400). Колонам она по-прежнему запрещалась, но уже не только как нарушение их связи с имением и землей, но и из-за их принадлежности к особой социальной группе. Только прослужив 30—40 лет, они могли избавиться от статуса колона. В CTh.VIII.2.5 = CI.X.71.3 — 401 запрещается на должности табуляриев назначать колонов как противостоящих (наряду с рабами) свободным (*liberi homines* — в конституции; *ingenui* — в интерпретации). С этим, видимо, связан и запрет занимать должности аппариторов военных магистров в CI.XI.48.18 — 426.

Вступление в клир. Конституции, связанные с вступлением в клир, появляются только с начала V в. Первая из них — CI.I.3.16 — 409, видимо, была проявлением выраженной несколько ранее тенденции назначать церковных служителей в сельских церквях из числа местных жителей (CTh.XVI.2.33 = CI.I.3.11 — 398). Быть может, это как-то было связано с укреплением позиций ортодоксальной церкви в среде земледельцев имений в период борьбы с ересями (CTh.XVI.5.52 — 412; CTh.XVI.5.54 — 414). Но, вероятно, и развитие самих колонатных отношений привлекало внимание к вступлению колонов в клир. CTh.V.3.1 = CI.I.3.20 — 434 показывает, что в числе клириков и монахов было и какое-то количество колонов (*censibus adscripti*). И конституция считает незаконным не их пребывание там, но только переход их имущества (так же как и имущества отпущенников и куриалов) к церкви, если они умрут, не оставив завещания. Такое отступление от колонатного права, видимо, разрешалось государством в интересах господствующего класса в целом при условии, что оригинальное право соблюдалось. Так, согласно CI.I.3.16 — 409, причисленный к цензу должен воздерживаться от церковных должностей, если это не отвечает господской воле. Однако в селении, где он родился и проживает, он может стать клириком и получить священнический сан, с тем чтобы сам господин заботился о бремени капитации (подушной подати) и заместил такого священника в сельских работах кем пожелает. Эта льгота, освобождающая колонз-клирика от подати, устанавливается «ради почитания церквей»²⁸. Но там, где оригинальное право нарушается, законодатели неумолимы, и колоны наряду с прочими зависимыми подобного рода должны быть возвращены (см. Nov. Val. 35.3 — 452). Обойти это право можно было только прослужив 30 лет без перерыва или достигнув звания епископа или пресвитера: «Однако оригинарии, или рабы, которые отклонившись от уз рождения, передали себя в церковное сословие, за исключением имения или села, пресвитеров, пусть возвращаются в право господ, если не провели в этой службе тридцати лет: так что диакон такого происхождения пусть передаст господину вместо себя викария, возместив так же и весь пекулий...» (Nov. Val. 35.6 — 452). Однако император Лев предписал, чтобы возврат подвластных лиц, стремящихся укрыться в церкви, осуществлялся без промедления (CI.I.12.6.5 — 466). Церковь, видимо, тоже была заинтересована в беглецах. Другая конституция

²⁸ Льгота очевидна при сравнении с более ранним постановлением Аркадия и Гонория: «В церквях, которые будут учреждены, как это обычно делается, в имениях различных лиц, а также селах или каких-либо иных местах, клирики пусть назначаются не из другого имения или села, но из того, где будет учреждена церковь, чтобы они сохраняли тяготы и бремя собственной капитации, так, чтобы определенное число клириков устанавливалось решением епископа в соответствии с величиной и известностью церкви того или иного селения» (CI.I.3.11—398).

Льва и Антемия, развивая идею СІ.І.3.16 — 409, специально обращала внимание на то, что колоны в клир могли приниматься только с согласия господина (СІ.І.3.36 — 484). Это и понятно, так как он оказывался ответственным за их подати и повинности государству. Но эта его обязанность давала ему по отношению к колонам и соответствующие права, которые в этой конституции уже трактуются как *ius proprium*. Таким образом, уход из имения в клир рассматривался как нарушение права собственности господина (*ius proprium*). Это показывает, насколько изменилось не только отношение к колонам, но и их место в законодательстве.

Колоны и плебс. До начала V в. в императорских конституциях не встречается сопоставлений колонов с сельскими плебеями. Это указывает на то, что вопрос о включении колонов в сословие плебеев в IV в. и не ставился, так как колоны не отделялись от плебеев²⁹. Некоторые косвенные данные вполне подтверждают это. В СTh.XIII.1.10 — 374, вероятно, выражение *ex rusticana plebe* относится к колонам³⁰. В СTh.XI.1.26 — 399 говорится об «имениях, к которым было приписано определенное количество плебса» (*praedium, cui certus plebis numerus fuerit adscriptus*), т. е. колонов, в связи с чем далее говорится о запрещении отделять этот плебс от обрабатываемой им земли. В конституции 366 г. потомственные колоны (*coloni originales*) противопоставляются колонам, имевшим свою собственную землю, т. е. мелким крестьянам, дополнительно арендовавшим участок в соседнем имении. Такие крестьяне связаны с государством не через землевладельца, а прямо, т. е. они, очевидно, плебеи (см. СTh.XI.1.14 = СІ.XI.48.4 — 366). Однако это не является показателем, отличавшим их от безземельных колонов, т. е. и те из плебеев не исключались. Быть может, и *personae famulantium, quos e plebe... ad decurionatus munia devocent* в СTh.XII.1.96 — 383 тоже были колонами (см. прим. 21). Лишь в СTh.X.12.2 — 368?, посвященной процедуре розыска беглых земледельцев, случай, когда задержанный бродяга оказывался рабом, трибутарием, инвильном или колоном, противопоставлялся случаю, когда он объявит себя «плебеем и свободным». Однако представляется, что в данном контексте «плебеем и свободным» следует понимать как «свободным, т. е. независимым плебеем» в отличие от других, тоже плебеев, но зависимых. Показательны также конституции, устанавливавшие наказания за укрывательство дезертиров в имениях. Рабы в этих конституциях (акторы, прокураторы) резко отделяются от свободных, в том числе и колонов: рабы карались смертной казнью (сожжением)³¹, а лица «плебейского и ничтожного статуса» (*plebeiae et humilioris condicionis*) заключались в оковы (СTh.VII.18.1 — 365)³².

²⁹ Корсунский А. Р. О положении рабов, отпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. // ВДИ. 1954. № 2. С. 65; Новицкая К. И. Отражение социальной структуры позднего римского общества на судопроизводстве // ВДИ. 1968. № 4. С. 143; Туркина Л. Г. К вопросу о социальном составе и структуре позднеримского плебса по Кодексу Феодосия // Некоторые вопросы всеобщей истории. Вып. 6. Челябинск, 1971. С. 130.

³⁰ Ср. Корсунский А. Р. Сельское население Поздней Римской империи // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. М., 1985. С. 80—81.

³¹ СTh.VII.18.2—379; СTh.VII.18.5 = СІ.XII.45.1—381; СTh.VII.18.7—383.

³² Правда, в некоторых конституциях грань в тяжести наказания устанавливалась не по линии рабы — свободные, но отделяла рабов и *humiliores* от *honestiores*. Например, в СTh.IX.21.2—321 (§ 4) актер имения или раб или инкола или колон, помогавшие фальшивомонетчикам, карались, в отличие от землевладельца, смертной казнью. Также и в СTh.VII.18.8—383 (391?) колоны приравняются в наказании к рабам: «Тот, кто примет у себя дезертира... подвергается наказанию по закону в соответствии с сословным и личным достоинством. Тот, кто подлежит телесным нака-

Иное положение складывается к середине V в. Еще в конституциях CTh.XVI.5.52 — 412 и CTh.XVI.5.54 — 414, касающихся процессов по делам рабов и колонов, обвинявшихся в ереси, отношение к ним разное. Но уже в Nov. Val. 23 — 447 судопроизводство для рабов и колонов, виновных в осквернении могил, общее. Плебеи, также наказывавшиеся за подобное преступление смертью, тем не менее в тексте новеллы от рабов и колонов отделены³³. Видимо, вопрос о включении колонов в сословие плебеев к середине V в. стал решаться отрицательно. Вероятно, поэтому в письме Сидония Аполлинария статус плебея противопоставлен статусу колона (plebeum potius incipiat habere personam quam colonarium)³⁴.

Характер зависимости. Иногда указание на ухудшение статуса колона видят в том, что землевладелец назывался в конституциях господином (dominus). Предполагается, что для обозначения землевладельцев в IV в. был характерен термин «патрон», а в V в. — «господин», что указывает на превращение колона V в. в собственность землевладельца³⁵. В. Зейфарт справедливо назвал такой взгляд на словоупотребление конституций излишне прямолинейным³⁶. Как dominus землевладелец обозначается и в текстах Дигест Юстиниана, которые не рассматриваются как свидетельство зависимости колонов³⁷. По-видимому, в этих текстах dominus подразумевается как dominus fundi (см., например, Dig. 19.2.24.4; 41.2.40.2), а не dominus colonorum. На такое же употребление термина domi-

аниям, в соответствии с сутью права или наказывается палками и отдается в оковах для общественных работ, или иногда с позволения цензора наказывается вечным изгнанием... (1) Если же убежище дезертиру предоставит без ведома господина прокуратор имения или актор или даже колон, уличенный в преступлении, то он карается смертной казнью...». Контекст конституции показывает, что в отношении колонов это была экстраординарная мера «...даже колон...», видимо, вызванная сильным раздражением правительства слишком распространившимся злом, против которого направлены эти конституции. На это указывает изданная в том же году сходная конституция, устанавливавшая наказания за укрывательство разбойников — CTh.IX.29.2 = = C.IX.39.1—383 (391?). В ней дана градация наказаний в зависимости от «качества лица» (pro qualitate personae): актор и прокуратор (рабы) — сожжение, ingenua et vilior persona — палкой, melior — штраф. Очевидно, что колоны попадали во вторую категорию.

³³ Nov. Val. 23.1.3—4—447; «Рабов и колонов, схваченных в этом преступлении, следует немедленно вести на пытки. Если они сознаются, что сделали это только по своему безрассудству, то искупают свою вину кровью; если укажут во время дознания, не спрашиваемые никем, и на господ, караются так же. Свободнорожденные <...>, если это неимущие плебеи, караются смертью; люди же более высокого слоя и достоинства искупают нечестие конфискацией своего имущества».

³⁴ Sidon Apoll. Ep.V.19.1—2: «Дочь моей кормилицы похитил сын твоей: бесчестный поступок этот поссорил бы нас с вами, если бы я с самого начала не знал, что ты не ведаешь о содеянном ...Я удовлетворюсь при условии: если ты, став патроном вместо господина, освободишь облобзателя от прирожденного инквилината (si stupratorem pro domino iam patronus originali solvas inquilinatu). Женщина же эта уже свободна. В этом случае, если наш виновник, за которого ты просишь, из трибутария сделанный клиентом, станет иметь статус плебея, а не колона (mox cliens factus e tributario plebeum potius incipiat habere personam quam colonariam), окажется, что она не подверглась насилию, а взята в жены. Ибо мое оскорбление, даже незначительное, загладит только такое и примирение, и удовлетворение; я удовлетворюсь таким твоим желанием и дружбой, и если свобода мужа будет расширена, кара не достигнет похитителя».

³⁵ Seck O. Colonatus // RE. 1900. Hlbd 7. Sp. 507; Корсунский. О положении рабов... С. 65.

³⁶ Seyfarth W. Soziale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus. B., 1963. S. 88. *idem*. Die Rechtstheorie und die Entwicklung der Sklavenklasse an der Basis in der späten römischen Kaiserzeit // Acta Antiqua Philippopolitana. Studia Historica et Philologica. Sofia, 1963. S. 64.

³⁷ Dig. 19.2.15.2; 19.2.19.2—3; 19.2.24.1—2; 19.2.25.6; 19.2.35; 19.2.60.1 и 5; 19.2.61; 20.2.7; 33.2.30.1; 39.3.4.2; 39.3.5; 43.16.1.22; 43.24.13.7.

pus указывает и ряд конституций IV—VI вв., в которых он — *dominus agri* (CI.I.3.16—409; Nov. Major 7.1—458), *dominus terrae* (CTh.V.6.3 — 409; CI.XI.48.20 — 529; CI.XI.48.22.3 (1) — 531; CI.XI.48.23 pr.; 5—531/4), *dominus praedii* (*praediorum*) (CI.XI.48.5 — 366; CI.XI.50.2 — 396; Nov. Val. 35.18 — 452; Nov. Major. 7.1—2—458), *dominus fundi* (*fundorum*) (CI.XI.51.1 — 386; CI.XI.48.11 — 396; CI.I.3.36 — 486), *dominus possessionis* (CI.XI.51.1 — 386; CTh. V.3.1 = CI.I.3.20 — 434; CI.I.3.36 — 484). Видимо, употребление термина *dominus* для обозначения землевладельца не является показателем тождества его отношений с колоном отношениям господина и раба³⁸. Но вряд ли можно согласиться и с мнением, что в IV в. термины *dominus* и *patronus* приобрели одинаковое значение. Скорее сближались реальные отношения в сельском хозяйстве, связанные с обоими терминами. По-видимому, отношения землевладельца с потомственным колоном (*colonus originalis*, *colonus indigenus*, *colonus adsiduus*), издавна определявшиеся «доверием господина» (*fide dominica*), имели не меньший элемент личной связи, чем его отношения с рабами, использовавшимися как колоны (*quasi coloni*), для которых он был господином (*dominus*), и колонами из бывших рабов, для которых он — *patronus* и одновременно *dominus fundi*³⁹.

А конституциях термин «патрон» используется для обозначения землевладельца в его отношении к колону всего несколько раз — CTh.V.19.1 — 365, CI.XI.52.1 — 393, CI.XI.50.2 — 396 и, быть может, в CTh.XII.1.50 — 362 — и только в постановлениях, датируемых второй половиной IV в. Вероятно, именно на это время приходится правовое осмысление колона как клиента своего землевладельца (*dominus fundi*).

В конституции 393 г. речь ведется в общем-то не о господах колоннов, а о поссессорах, которые в отношении колоннов должны пользоваться правами и патрона, и господина⁴⁰. Вероятно, через сочетание традиционных «патрон» и «господин» авторы (или издатели — ?) конституции пытались выразить особый характер прав и власти землевладельца над колоном⁴¹, особый статус которого также пытались выразить через традиционное «рабы самой земли» (*servi terrae ipsius*). Похожую двойственность «патрон — господин» мы находим и в другой конституции из Кодекса Юстиниана — CI.XI.50.2 — 395: *...huiusmodi hominum generi adversus dominos vel patronos et aditum intercludimus*. Все это показывает, что землевладелец был *dominus* в отношении колона не в буквальном, строго юридическом смысле, как в отношении раба. Но и *patronus* он столь же условный.

Более определенны данные конституций из Кодекса Феодосия. В CTh. V.19.1 — 365 использованием термина «патрон» подчеркивается, что колоны, о которых ведется речь, являются не зависимыми земледельцами, по отношению к которым землевладелец — *dominus*, а свободными крестьянами, дополнительно арендующими в имении землю. Возможно, в IV в. аренда земли влекла за собой и установление клиентских отношений⁴². В этой связи показательна конституция Юлиана префекту прето-

³⁸ Ср. *Seyfarth*. Die Rechtstheorie... S. 64.

³⁹ По крайней мере еще у Апулея мы находим такое словоупотребление (*Apul. Metam.* 8.31.1: *nam quidam colonus partem venationis immanis cervi pinguissimum femus domino illi suo muneri miserat...*).

⁴⁰ CI.XI.52.1—393: *...possessor eorum iure utatur et patroni sollicitudine, et domini potestate*.

⁴¹ Если, конечно, здесь в оригинале текста не имелись в виду две разные категории колоннов, для одной из которых землевладелец — господин, а для другой — патрон.

⁴² Можно в таком смысле трактовать и CI.XI.50.2—396. У вписанных в ценз колоннов (*coloni censibus dumtaxat adscripti*) предполагается две возможные категории

рия Северу: «Если же без ведома господина его (декуриона.— А. К.) примет раб, он карается смертью, а свободнорожденный (*ingenuus*), который это сделает без согласия патрона,— высылкой» (CTh.XII.1.50 — 362). Колон здесь не назван, но указание на то, что под властью патрона находится не отпущенник, а *ingenuus*, делает такое предположение вполне вероятным. Тогда для колона IV в. землевладелец в гораздо большей степени патрон, чем господин. Судя по конституциям 393 и 396 гг., дошедшим в Кодексе Юстиниана, в VI в. это было не столь очевидно. Перелом, видимо, наступил в течение V в., и на это указывает полное отсутствие в конституциях V в. обозначения землевладельца как патрона. Показательно переосмысление в интерпретации вестготского компилятора 506 г. текста упоминавшейся CTh.V. 19.1 — 365, где землевладелец фигурирует как патрон: *In tantum dominis coloni in omnibus tenentur obnoxii, ut nescientibus dominis nihil colonus neque de terra neque de peculio suo alienare praesumat*. Землевладелец все больше превращается из *dominus praediorum* в *dominus colonorum* (ср. *Interpretatio Nov. Val.* 35 — 452), но это превращение осуществлялось на новой социальной основе и поэтому не было тождественно *dominus servorum*.

Сказанное находит подтверждение и в том, что в IV — начале V в. покидавшие имение колоны возвращались не самому господину, а «к месту происхождения»⁴³, «к древним пенатам, где они приписаны к цензу, воспитаны и рождены»⁴⁴, «к отцовским обязанностям или к обработке полей»⁴⁵, «к дедовскому положению и своему праву»⁴⁶, «на родную землю» и «в имение, где рождены»⁴⁷. Они лишены свободы передвижения вследствие зависимости не от землевладельца, а от земли и традиции проживания в имении. Колоны — это «лица, подчиненные праву земель»⁴⁸, они «подчинены земле»⁴⁹, «обречены земле»⁵⁰. Этим определениям императорских конституций вторит и Августин: «колонами называются те, которые своим положением обречены родившей их земле для сельского хозяйства под властью поссессоров»⁵¹. Поэтому «в селении они пребывают в силу своего происхождения и родственных связей»⁵² и «служат земле не на основе податных обязанностей, но под именем и титулом колонов»⁵³. «Они ведь удерживаются оригинальным правом и поэтому, хотя бы они казались по своему положению свободнорожденными, должны считаться рабами самой земли, на которой родились...»⁵⁴. А их *condicio* состоит

господ: 1) «те подати, которым не делают колонов подвластными», 2) «те, которым колоны подчинены ежегодными повинностями и своим положением». Поэтому вполне вероятно, что употребляемые в последнем предложении конституции обозначения *patronus* и *dominus* относятся к разным категориям землевладельцев.

⁴³ CTh. V.17.1—332: *origini suae restituat*; ср. *interpr. CTh.* IV. 23. 1—400.

⁴⁴ CI. XI. 48.6—366: *ad antiquos penates, ubi censiti atque educati natiqque sunt*.

⁴⁵ CI. XI. 64.1—386; *ad munera patriae vel ad agrorum cultus*.

⁴⁶ CI. XI. 63.4—386: *hi, qui eos colentes solum eorum verterant ... ad avitas condiciones et propria iura revocantur*.

⁴⁷ CTh. V. 18.1—419: *ad solum genitale ... loco, cui natus est*.

⁴⁸ CTh. X. 20.10 = CI. XI. 8.7—380: *originaria seu colonaria possessionis alienae = iuri agrorum debitas personas*; ср. CTh. V. 18.1—419: *agrorum iuri*.

⁴⁹ CTh. V. 19.1—365: *arva, quae subigunt*.

⁵⁰ CTh. V. 18.1—419: *solo, cui debebantur*.

⁵¹ *Augustin. De civ. Dei.* X. 1.2: *appellantur coloni, qui condicionem debent gentili solo, propter agriculturam sub dominio possessorum*.

⁵² CI. XI. 53.1—371: *rure, in quo eos originis agnationisque merito certum est immorari*.

⁵³ CI. XI. 53.1—371: *Inserviant terris non tributario nexu, sed nomine et titulo colonorum*.

⁵⁴ CI. XI. 52.1—393: *ipsi quidem originario iure teneantur, et licet condicione videantur ingenui, servi tamen terrae ipsius, cui nati sunt, existimentur...*

в ad originem pertinet vindicandum (CI.XI.48.13 — 400) ⁵⁵.

Таким образом, похоже, что в IV в. только власть над именными давала власть над колонами ⁵⁶. Эта связь с землей продолжала оставаться основой зависимости колона и в последующее время ⁵⁷, однако отмеченные для IV — начала V в. аргументы все больше уступали в законодательстве место другим ⁵⁸. Уже в конституциях конца IV в. зафиксирована некоторая двойственность зависимости колона ⁵⁹. В конституции «О фракийских колонах» посессорам предоставлялось право пользоваться по отношению к колонам «и обязанностями патронов, и властью господина» (CI.XI.52.1—393: ... possessores eorum iure itantur et patroni sollicitudine, et domini potestate). Вероятно, с этим связан и запрет в CI.XI.50.2 — 396 колонам привлекать к суду по гражданским делам в равной степени и господ, и патронов, как бы уравнивающий последних по отношению к колонам ⁶⁰. Может быть, поэтому в первой половине V в. права землевладельца в отношении колона начинают рассматриваться как особое право господ (CI.XI.48.18 — 426: dominorum iuri; Nov. Val. 35,6 — 452: ad dominorum iura redeant).

С начала V в. колоны все чаще рассматриваются как подчиненные не

⁵⁵ В литературе особый акцент делается на конституциях, в которых говорится о продаже колонов вместе с землей (CTh. XIII. 10.3 = CI. XI. 48.2 — 357, CI. XI. 48.7—374, ср. CTh. XI. 1.26—399, CI. XI. 48.21—530). Это воспринимается как показатель прочной связи колонов с землей (Корсунский. О положении... С. 53; Сюсюмов М. Я. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи // ВДИ. 1955. № 1. С. 58; Удальцова З. В. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана) // ВВ. 1964. Т. 24. С. 15; John K.-P., Köhn J., Weber V. Die Kolonen in Italien und Westlichen Provinzen des Römischen Reiches. В., 1983. С. 18) или даже как первый признак складывающегося подчинения колонов господину, а не имению (Saumagne. Op. cit. P. 538; Goffart. Op. cit. P. 79). О передаче колонов с землей (имением) имеются сообщения и в Дигестах Юстиниана (30.112 pr; ср. 50.15.4.8), что также рассматривается как следствие их зависимости от земли или господина (Gilberti G. Servus quasi colonus. Forme non tradizionali di organizzazione del lavoro nella società Romana. Napoli, 1981. P. 133; John, Köhn, Weber. Op. cit. S. 159 f.). Однако такая продажа или передача вовсе не требовала прочной наследственной или юридической связи земледельцев с землей, они могли быть даже свободными арендаторами на срок, поскольку продавалась земля, а у колонов, продолжавших сидеть на ней, лишь менялся землевладелец. Продавец имения должен был заботиться, чтобы колоны оставались у покупателя на тех же условиях (Dig. 19.2.25.1). Другое дело, что с прикреплением колонов к именным в праве начинает смещаться акцент: если прежде говорилось о продаже земли с сидящими на ней колонами, то теперь тот же самый акт воспринимался как продажа земли и колонов.

⁵⁶ Ср. CTh. XI. 1.14 = CI. XI. 48.4—366: «Пусть те, в чьих руках власть над именными (hi, penes quos fundorum dominia sunt) ...приняв на себя ответственность, побуждают к уплате... тех потомственных колонов (colonis originalibus), которые... приписаны к цензу в этих самых именях (quos in locis eisdem censitos esse)».

⁵⁷ CI. XI. 48.15—414; glebis inhaerere; CI. XI. 48.23 pr. — 531/4: inhaereat terrae; terram, quae ab initio adscriptitios habebat, suis quodammodo membris defraudari («...земля, которая изначально владела адскрипциями, обманом лишилась как бы своих частей»).

⁵⁸ Вероятно, с этим определенным образом связана концентрация именно в конце IV — начале V в. конституций, определяющих «колонатное право» (iure colonatus — CTh. XII. 1.33—342; CTh. V.6.3.—409) как «право земли» (ius agrorum — CTh. X.20.10 = CI. XI.8.7—380; CTh. V.18.1—419) и «оригинарное право» (ius originarium — CI. XI.52.1—393). Ср. CTh. XIV.18.1 = CI. XI.26.1—382; CI. XI.51.1 — 386). Для более позднего времени оно уже выступает как ius proprium (CI. I.3.36—484).

⁵⁹ См., например: CI. XI.48.11—396 ... domino vel fundo esse reddendos. Правда, следует указать, что конституции, донесшие эту двойственность, дошли к нам в Кодексе Юстиниана и с ними явно перекликается известная CI. XI.48.21—530, в которой сформулирован вопрос об отличии адскрипции от раба.

⁶⁰ Если справедливо предположение о более поздней датировке конституции CI. XI.52.1—393?, то последовательность ее связи с CI. XI.50.2—396 будет обратной и более логичной.

имению, земле или месту проживания (*origo*), а их владельцу либо их специфическому статусу (*condicio colonis*), что заставляет относить оформление последнего именно к этому времени. В *CI.XI.50.2* — 396 колоны определяются как *debito condicionis obnoxii*, а в *CTh. IV.23.1* = *CI.XI.48.14* — 400 говорится об их *necessitatem propria condicionis*. В 35-й новелле Валентиниана III колоны, уходя из имения, *vinculum debitae condicionis evadat* (*Nov. Val. 35.3* — 452), в этом случае они считаются *qui iugum natalium declinantes* (§ 6) и должны *originis iure et titulo revocari* (§ 18). В интерпретации к новелле последнее осмысливается как *ad condicionem propriam revocetur* (= *debitam condicionem*) и связывается с правом господина. В *CI.I.12.6.9(5)* — 466 колоны уже возвращаются *ad locum statum que proprium*, хотя *omnis ubique census, qui non personarum est, sed agrorum* (*Nov. Val. 10.3* — 441).

В 31-й новелле Валентиниана III колон *vindicet iure colonario servitutum* господину (*Nov. Val. 31.1* — 451). Не случайно интерпретация начала VI в. переосмысливает возвращение колона *originis suae* в *CTh.V. 17.1* — 332 как возвращение *in servitium*. Рожденные в имении дети колон — *in eorum iure et dominio, apud quos creati sunt vel creantur, colonario nomine perseverent*. Их удерживает в имении (в качестве *semper obnoxios*) *nexus colonarius* (*Nov. Val. 31.6* — 451)⁶¹. Та же мысль проводится и в *Nov. Sever. 2* — 465: ... *agnationem eorum ad eos dominos pertinere, quorum inquilinus vel colonus fuisse constiterit*. Естественно, что со временем право господина в отношении колон — выступает уже как его *ius proprium* (*CI.I.3.36* — 484). Это позволяет в VI в. указать колонам: «Поэтому право господина должно оставаться непоколебимым, и покуда в имении остаются либо его (колона. — А. К.) предки, либо потомство или родственники, сам он считается пребывающим там»⁶².

Таким образом, к VI в. *colonaria condicio* (*CI.XI.48.23.1* — 531) включала в себя крепость земле (*inhaereat terrae* = *ius originarium*) и *ius proprium* господина. Хотя форма зависимости колона (*glebae inhaerere*) не изменилась со времени ее установления в начале IV в., с начала V в. изменяется ее осмысление. Если первоначально в конституциях делался акцент исключительно на новой форме зависимости колона, то к V в. в ее рамках вызревает новое содержание, на которое и смещается акцент. Иными словами, первоначально зависимость колона не имела для него иных последствий, кроме утраты свободы передвижения. Но со временем этот частный первоначально показатель нового статуса колона повлек за собой и юридическое признание его личной зависимости от господина. Конечно, как подчеркивает Д. Айбах, *ius originarium* не превращало человека в раба, но лишь охраняло его связь с землей и давало землевладельцу право на захват колона в случае его ухода⁶³. Но последнее, даже не будучи правом на личность как в отношениях господина и раба и имея другую основу (*ius originarium*), тем не менее фактически ничем от права на личность не отличалось. И особенность (вульгаризация?) позднеримского права состояла в том, что оно акцентировало внимание именно на этом фактическом подобии и в меньшей степени заботилось о соблюдении чистоты юридической логики.

⁶¹ Показательна интерпретация этого места конституции в Бrevиарии Алариха: *Post vicesimum autem annum nati illius dominio adquirentur, cui colonam tempus addixerit*.

⁶² *CI.XI.48.22.5*—531: *Maneat itaque domino ius inconcussum, et donec eius vel antiquitas, vel posteritas, vel cognatio in agrum remanet, ipse videatur ibi resedissee*.

⁶³ *Eibach. Op. cit. S. 57.*

Показательно, что личная зависимость колонов от господина начиная с V в. проявляется и в том небольшом количественно наборе неюридических текстов, которые позволяют судить о статусе позднеримских колонов. Как показали исследования И. Ф. Фихмана, в египетских папирусах именно V—VI вв. подчеркивается прежде всего личная зависимость колона от господина⁶⁴. Сидоний Аполлинарий в письме соседу Пуденту считает само собой разумеющимся как свое право сделать зависимую свободной, так и право соседа превратить своего инквиллина-трибутария, для которого он господин, в клиента-плебей, для которого он патрон (см. прим. 27). Однако юридически обосновать такой происшедший на практике к началу V в. перелом в статусе колонов было непросто. Так в *СІ. XI.50.2* — 396 выдвигается следующий аргумент: «...не терпимо, чтобы они (колоны. — *А. К.*) осмеливались тревожить тяжбой тех, кем как господами они сами могут быть распроданы вместе с имениями». Фактически здесь имеется в виду продажа имений с сидящими на их земле колонами, что само по себе не наносило какого-либо ущерба правам колонов, но с их прикреплением акцент в их отношениях с землей и ее владельцем, как видим, сместился (см. прим. 55). Юридически это было неправомерно, но императоры в гораздо большей степени исходили из реального положения, подтягивая к нему право, чем это делали юристы Ранней империи.

В IV в. государство, как отмечает Г. Е. Лебедева, не признавало никаких возмещений, связанных с «владельческими правами» на личность колона⁶⁵. Но с 386 г. при возвращении беглых колонов по всей империи, кроме возмещения убытков земледелию и податям, стали еще платить штраф⁶⁶. Это, несмотря на иную юридическую мотивировку, фактически было равнозначно штрафу за укрывательство беглого раба⁶⁷.

В IV в. уход колонов из имения затрагивал государство тем, что земля оставалась без обработки, а фиск без податей. В V в., хотя причины остаются теми же, в законодательстве все чаще называются другие мотивы возврата колонов. На первый план выдвигается оформляющийся статус зависимого колона, принадлежность его господину. На рубеже IV и V вв. — судя по сохранившимся в Кодексах законодательным актам, с 400 г. (*СTh.XII.19.2* = *СІ.XI.66.6*—400) — при возвращении беглых колонов начинает применяться 30—40-летний срок давности, со времени Константина действительный только для вещных исков (см. *СTh.IV.11.2*—349)⁶⁸. А с 419 г. 30-летний срок давности становится общей нормой, регулирующей право собственности на колонов (*СTh.V.18.1*—419; *Nov.Val. 31*—451). По-видимому, ее утверждение было частным проявлением внедрившегося на протяжении IV в. в право закона о 30-летней давности владения (см. *СTh. IV. 14.1*=*СІ.VII.39.3*—424)⁶⁹: «Владение, полученное на его основе, рассматривалось как полное и неприкосновенное господ-

⁶⁴ Фихман И. Ф. Приписные колоны (адскрипции — энапографы) по данным папирусов // Проблемы социальных отношений форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984. С. 179.

⁶⁵ Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 104.

⁶⁶ *СTh.V.17.2/СІ.XI.64.2*—386. Впервые штраф за принятие чужих колонов зафиксирован с *СІ.XI.53.1*—371, направленной в Иллирию, где его размер определялся на усмотрение правителя провинции.

⁶⁷ *СІ.VI.1.4* — 317; *СІ.VI.1.5* — 319; *СІ.XI.53.1/СІ.VI.1.7* — 371.

⁶⁸ Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. С. 66.

⁶⁹ *Dominicus M. de. I coloni «adscripticii» nella legislazione di Giustiniano* // Studi in onore di Emilio Betti. V. III. Milano, 1962. P. 90—91.

ство над имуществом»⁷⁰. По этой причине начинает употребляться отсутствовавшее прежде выражение «владеть колонами»⁷¹. С этого же времени колон рассматривается в законодательстве как находящийся в *dominium* землевладельца⁷² и в его *potestas*⁷³. Точную параллель такому отношению к колонам дает Сальвиан⁷⁴. Именно с этого времени в законодательстве появляются сообщения о праве господ переводить колоннов из одного имения в другое⁷⁵. Поэтому в CTh.IV.23.1 = CI.XI.48.14 — 400 говорится уже не просто, как в начале IV в., о возвращении колоннов к месту происхождения, но добавляется — и собственнику (*causam originis et proprietatis agitari*).

Таким образом, только в конце IV — начале V в. в римском праве начинают оформляться черты нового статуса зависимого колона. Хотя первые данные законодательства о прикреплении колоннов к месту жительства относятся к началу IV в., еще в течение почти столетия римское право рассматривало колона как арендатора по формальному договору.

THE CHANGE OF STATUS OF ROMAN COLONI IN THE FOURTH AND FIFTH CENTURIES A. D.

(according to the data of imperial legislation)

A. V. Koptev

The paper surveys the reflection in law (from the Codex Theodosianus and Codex Justinianus, and the Novellae of Valentinian III, Majorian, and Severus II) of the evolution of a number of aspects of the position of late Roman *coloni*: the right to sue, relation to military service and civic duties and obligations, entry into the clergy, *coloni* and plebs, the character of dependence, the «freedom» and «slavery» of *coloni*, the legal status of their property. The author concludes that the new status of the dependent *colonus* in Roman society took shape in the later fourth century A. D. and early fifth. It was described in law by traditional terms with the counter-posing of «slavery» and «freedom» typical in antiquity and classical times. But this formula in fact only furthered increase of the *colonus*' dependence on the lord; he was converted into a serf, but not a slave. His status could not be adequately appraised by classical legal norms. It is possible that legal recognition of it came about as a result of the introduction in A. D. 400—419 of a 30-year period of duration of residence of a farmworker on the land of an estate and adoption of the codification of Theodosius II (A. D. 438).

⁷⁰ Липшиц. Право ... С. 67.

⁷¹ CTh.IV.23.1 = CI.XI.48.14 — 400: *coloni quos bona fide quisque possidet*; CTh.V.18.1 — 419: *de cuius proprietate certatur*. В круг этих же представлений о собственности землевладельца на колоннов, видимо, входит и выражение *non proprios colonos* (CTh.V.6.3 — 409), ставшее предметом обсуждения В. Зейфарта (*Soziale Fragen ... S. 86 ff.*; ср. Лебедева. Социальная структура... С. 40 сл.). В свое время А. Р. Корсунский высказал мнение, что в V в., в отличие от IV в., официальное право рассматривало колона как собственность землевладельца (О положении рабов ... С. 65). Оспаривая его, В. Зейфарт доказывал, что слово *proprius* здесь и вообще в эпоху поздней античности не означало «находящийся в собственности», но было равнозначно *suus*, не связанному с отношениями собственности (*Soziale Fragen ... S. 87*). Однако показательно, что в конституции IV в. еще не проникло само словосочетание *non proprios colonos = alienis sensibus adscriptos* (CTh.V.6.3 — 409), в IV в. говорили не о «чужих колонах», а о «колонах чужого права» (CTh.V.17.1 — 332; CTh.V.17.2 = CI.XI.64.2 — 386).

⁷² Nov. Val. 31.6 — 451: *in eorum iure et dominio*; interpretatio CTh.V.18.1 — 419, interpret.: *in alieno dominio et iure*; *ad eius dominium pertinebit*; CI.XI.48.21 — 530: *adscriptitium cum terra dominio suo expellere*.

⁷³ CI.XI.48.21 — 530: *in domini sui positus sit potestate*.

⁷⁴ Salv. De gubern. Dei V.9.45: *Nam quos suscipiunt ut extraneos et alienos, incipiunt habere quasi proprios: quos esse constat ingenuos, vertuntur in servos*.

⁷⁵ CI.XI.48.13.1 — 400; Nov. Val. 35.18 — 452. Сообщение о переводе колона в другое имение в «Сентенциях Павла» (III.6.48) в литературе уже давно считается позднейшей переработкой (Johne, Köhn, Weber. Op. cit. S. 185).

АРХАИЧЕСКАЯ КАПИТЕЛЬ ИЗ ТАМАНИ

В 1986 г. на территории городища Гермонасса-Тмутаракань¹ найдена уникальная для Северного Причерноморья капитель ионийского ордера.

Капитель была открыта в средневековых слоях XIII—XIV вв. в хозяйственном помещении, погибшем в результате пожара. Судя по тому, что вокруг не было найдено никаких материалов, которые могли бы говорить о вторичном использовании капители в качестве строительной детали, остается предположить ее бытовое использование (скамья, подставка?).

Капитель изготовлена из керченского светло-серого известняка, сохранность ее достаточно хорошая: частично поврежден профиль, обрамляющий волюты и абаку, сбиты выступающие части эхина (тем не менее форма иоников в целом прочитывается). Длина ее — 85, ширина — 46, высота — 26 см. Диаметр опорной площадки шейки капители равен 48 см, в центре опорной площадки высечен паз для крепления к стволу колонны. Размеры паза 7 × 9 см, глубина 4 см (рис. 1). По пропорциям капитель выглядит удлиненной, а по форме — массивной и тяжеловесной. Ее центральная часть — подушка — имеет энергичный прогиб, крупные спирали волют туго скручены окантовывающим их тонким валиком. Эхин моделирован в виде трех ионийских ов, окаймленных валиком и разделенных стержнями. Пояс жемчужника под эхином отсутствует. Прямоугольная плита абак первоначально была профилирована четвертным валом (но не классическим каблучком). Судя по характеру слома профиля, можно предположить порезку абак ионийскими овами. Боковые стороны капители образованы четырьмя закручивающимися лепестками-каннелюрами, каждый из которых обведен по контуру валиком, так что балюстрада представляет собой форму, близкую к цилиндрической и расчлененную рядом параллельных скожий и сдвоенных валиков. Раструбы балюстры едва намечены у лицевой и тыльной сторон капители. На нижней поверхности в раструбах балюстры хорошо сохранились пальметты, утраченные на фасадах капители. (Рис. 1 см. вклейку).

Яркое художественное своеобразие исследуемой капители обусловлено прежде всего оригинальной композицией ее главного элемента — волюты. Так, например, спираль волюты совершает не три, а только два пол-

¹ Работы проводились объединенной Таманской археологической экспедицией Краснодарского гос. историко-археологического музея и ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством А. К. Корониной.

ст. Арзаманова Г. Ф.

Рис. 1. Ионическая капитель из Тамани. V в. до н. э.

ст. Столба В. Ф.

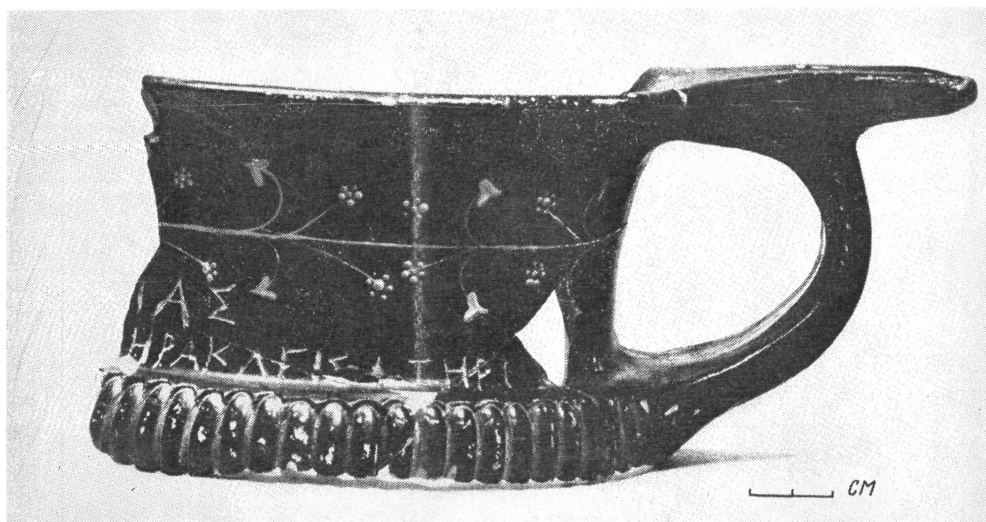

Рис. 1. Фрагмент канфара с граффито из поселения Панское I

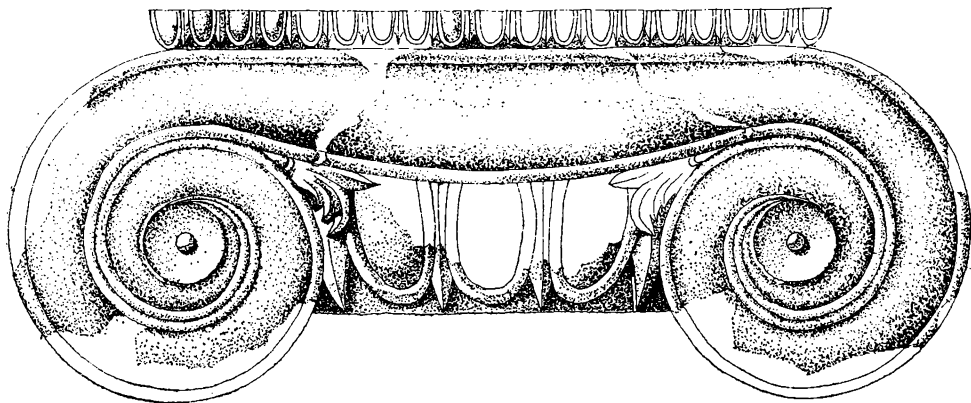

Рис. 2. Реконструкция фасада ионической капители

ных оборота, заканчиваясь широкой вогнутой розеткой². В центре розетки расположен выпуклый полусферический глазок (горизонталь, соединяющая глазки волют, проходит посередине высоты эхина). Нижний валик, очерчивающий прогиб подушки, не сливается с верхним валиком, завершающим первый виток спирали: оба они продолжают закручиваться параллельно, в виде сдвоенного валика³. И, наконец, главное, что обращает на себя внимание — выпуклый профиль завитка волюты! (рис. 2).

Этот признак заставляет нас отнести капитель из Тамани к необычно раннему для Северного Причерноморья времени. История эволюции ионийского ордера свидетельствует о том, что выпуклый профиль сечения волюты — один из наиболее характерных атрибутов архаики, форма, имевшая распространение в VI в. до н. э. В последней четверти VI в. волюта с вогнутым профилем повсеместно вытесняет выпуклую. Известно лишь несколько отдельных образцов волюты с выпуклым завитком, относящихся к началу V в.⁴ И только одна капитель с выпуклыми волютами датируется серединой V в. до н. э.⁵ Последняя датировка иногда оспаривается, что, впрочем, не имеет большого значения. Даже если допустить, что волюта выпуклого профиля в единичных проявлениях действительно «доживает» до периода зрелой классики⁶, то этот факт придется признать исключением, только подтверждающим общее правило. Кроме того, в нашем случае имеет место не какой-либо отдельно взятый признак, но целый комплекс реликтовых черт.

Типологически капитель из Тамани довольно легко укладывается в рамки современных представлений о путях и этапах эволюции ионийского ордера. Характерное решение балюстры, а также наличие развитой

² Украшение волюты розеткой известно в капителях архаического Артемисиона (так называемая «капитель Хогарта»): *Личикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 107. Рис. 34, 4.

³ Среди классических примеров ионического ордера подобным образом решена капитель пропильей Афинского акрополя (*Durm J.* Die Baukunst der Griechen. Lpz., 1910. S. 181).

⁴ Причем некоторые из них представляют собой уже переходный тип, сочетающий выпуклый профиль волюты на наружном фасаде с вогнутым профилем внутреннего фасада: *Alzinger W.* Alt Ephesos // *Das Altertum*. 1967. Bd 13. Ht 1. S. 35 f.

⁵ *Ibid.* S. 35.

⁶ Равно как и вогнутая форма волюты известна начиная с первой половины VI в. до н. э.: *Amandry P.* La colonne des naïens et la portique des athéniens. P., 1953. P. 28 suiv. Pl. XI—XV.

абаки при общей архаичности форм свидетельствуют о том, что изначально (хотя и опосредованным) ее прототипом послужила гигантская капитель храма Артемиды в Эфесе ⁷. Среди многочисленных и надежно датированных архитектурных деталей Малой Азии наиболее близкие аналоги исследуемой капители мы находим в группе позднеархаических капителей эфесского типа ⁸.

К сожалению, непосредственно на Боспоре материалы для сравнительного анализа практически отсутствуют. Исключение составляет, пожалуй, только архитектурный фрагмент второй половины VI в. до н. э. из Керчи ⁹ — единственный из найденных до настоящего времени на территории Северного Причерноморья, который демонстрирует выпуклый завиток волюты. Уместно также сопоставить исследуемую капитель с капителью из Керчи ¹⁰, выполненной из такого же известняка, и, вероятно, принадлежавшей к храму Аполлона в Пантикапее ¹¹. Анализируя стилистику последней, И. Р. Пичикян приходит к выводу, что она (как и другие известные детали этого сооружения) занимает промежуточное положение в общем эволюционном ряду между архаическими памятниками второй половины VI в. до н. э. и классическими памятниками. Датируется капитель из Керчи первой половиной V в. до н. э. вплоть до его середины ¹².

Композиция обеих капителей основана на малоазийских архитектурных традициях и существенно отличается от композиции аттико-ионийской капители времен зрелой классики и эллинизма. Общим для них является абрис кривой прогиба подушки, горизонтальная вытянутость, мягкий рельеф, отсутствие жемчужника. Почти в точности совпадают даже габаритные размеры (85 и 86 см). В формах капители из Тамани мы находим архаизмы, которые говорят в пользу ее более раннего происхождения (в первую очередь — выпуклый профиль волюты), но все же основное стилистическое отличие ее от пантикапейской определяется не хронологическим, а типологическим фактором.

Как уже говорилось, исследуемая капитель обнаруживает явное сходство с эфесскими капителями, и в то же время она принципиально отличается от капителей самосско-милетского художественного круга. Эти последние представляют другую ветвь архаической ионийской архитектуры, восходящую к ордеру Герайона на Самосе с его своеобразной капителью без абаки, с нерасчлененной и слегка сужающейся к центру балюстрой ¹³. Самосская и эфесская школы в середине VI в. до н. э. сформировали две самостоятельные (более того — принципиально разные) концепции ионийской капители ¹⁴, которые широко распространились

⁷ В исследуемой капители повторена структура балюстры, прорезанной четырьмя скоциями с двойными разделительными валиками, идущая от капители Артемидеона (Пичикян. Ук. соч. Рис. 34, 4).

⁸ Как считает И. Р. Пичикян, ссылаясь при этом на мнение большинства специалистов-антиковедов, все капители этой переходной группы должны датироваться в интервале между 530 и 480 гг. до н. э. (Ук. соч. С. 115).

⁹ Пичикян И. Р. Архаическая волюта из Керчи // КСИА. 1975. 143.

¹⁰ Марти Ю. Ю. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею. Симферополь, 1937. С. 9.

¹¹ Пичикян. Малая Азия... С. 157.

¹² Там же. С. 165.

¹³ Gruben G. Die Kapitelle des Heratempels auf Samos: Diss. München, 1960. S. 16.

¹⁴ В самосском варианте явно выражена идея конструктивного прообраза ионийской капители — деревянной подбалки; прообразом эфесского варианта в большей мере послужила эолийская капитель-крона: Арамазов Г. Ф. Образ колонны в архитектуре Востока и классический ордер античной Греции // Информ. бюл. МАИКЦА. Вып. 14. М., 1988.

в эллинском мире и, активно взаимодействуя, обусловили практически весь спектр композиционных исканий позднеархаического периода. Мы вправе ожидать, что этот процесс синтеза единого ионийского канона нашел отражение и в архитектуре Северного Причерноморья.

Находки архитектурных деталей самосского типа на Боспоре общеизвестны (в том числе упомянутые капители и архаическая волюта из Керчи), а эфесская традиция проявила себя впервые. На наш взгляд, это скорее всего является следствием недостатка археологических данных и не соответствует истинному положению вещей. Приоритет в регионе самосского стиля мог бы быть объяснен влиянием Милета¹⁵ как основного поставщика архитектурных идей в Северное Причерноморье. Однако на рубеже VI—V вв. до н. э. уже нельзя связывать напрямую проявление определенного стиля с воздействием какого-то одного центра. Результаты исследований и находки последних лет¹⁶ показывают, что эфесская традиция известна в Милете, как и самосская, что, будучи более плодотворной, она с конца VI в. до н. э. воспринимается уже как равнозначная общей тенденции развития ордера (в том числе и в Милете). Изменение в стилистике хорошо видно на примере двух милетских капителей второй половины VI в. до н. э.

Первая из них, найденная в сел. Йеникёй близ Милета¹⁷, очень архаична, не имеет абак и должна быть безусловно отнесена к самосскому стилю. В то же время в ней есть отступления от ортодоксальной самосской традиции, образцом которой может служить архаическая волюта из Керчи. Так, в частности, резкий излом при переходе от верхней грани капители к завитку волюты оказывается смягченным. Окантовывающий валик плавно завершает спираль волюты, и в образовавшийся между волютой и нижней поверхностью архитрава острый угол вписана двухлепестковая полупальметта, превращающаяся на боковой стороне капители в некоторое подобие абак (реминисценция эолийского стиля). Датируется капитель третьей четвертью VI в. до н. э.

Определенный шаг вперед в композиции ордера представляет угловая капитель из Милета конца VI в. до н. э.¹⁸ Линии здесь становятся более мягкими и более отточенными, чем в капители из Йеникёя, проявляется профилированная четвертным валом абак и сложная эфесская балюстра. Эта капитель уже может быть в прямую сопоставлена с исследуемой, которая в наметившемся ряду явно занимает третью строчку.

Более позднее по сравнению с милетскими происхождение исследуемой капители подтверждается такими признаками, как появление глазка волюты и порезка абак ионийскими овами. Остролиственная пальметта — «живая», свободная по рисунку, сильно отличается от схематичной архаической пальметты. Не имея возможности проследить закономерность эволюции на милетских капителях (пальметты на обеих полностью утрачены), привлечем для сравнения многочисленные синхронные по времени фрагменты аротериев из Милета¹⁹. Вывод однозначен — аналоги паль-

¹⁵ Самосская архаическая традиция прослеживается в Милете вплоть до первой половины V в. до н. э.: *Gerkan A. von. Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung // Milet. Bd. I. Ht 8. B., 1925. S. 66. Abb. 37.*

¹⁶ *Koenigs W. Ionische Kapitele // Ist. Mitt. 1979. 29. S. 187 ff.*

¹⁷ *Ibid. S. 187 ff. Beilage 2, 3.*

¹⁸ *Ibid. S. 191 ff. Beilage 4, 5, 6.*

¹⁹ *Koenigs W. Bauglieder aus Milet // Ist. Mitt. 1980. S. 56 ff.*

метте таманской капители можно обнаружить в памятниках раннеклассического периода ²⁰.

В целом капитель настолько элегантна и пропорциональна, что дату ее изготовления трудно отодвинуть за рубеж VI—V вв. Если же обратиться к такому фундаментальному датирующему признаку, как пропорциональная длина, то окажется, что исследуемая капитель короче милетских, но заметно длиннее пантикапейской. Известно, что эволюция венчающего элемента ионийской колонны шла по пути уменьшения площади соприкосновения с архитравом, уменьшения консольного выноса волют. Волюты «прижимались» к стволу колонны до тех пор, пока абака не приобрела квадратные очертания в плане. Пропорциональная длина ионийской капители при этом сократилась ровно наполовину (с трех до полутора квадратов в плане). Показателем древности может служить коэффициент выноса волют — отношение максимальной длины капители по фасаду к верхнему диаметру ствола колонны (см. табл.). Как и следовало ожидать, наибольший коэффициент имеет «старшая» капитель из Йеникёя; ближе всех к каноническим пропорциям капитель храма Аполлона в Пантикапее.

Сравнительный анализ пропорций, так же как и анализ стилистики, убеждает нас в правильности хронологической последовательности, позволяя датировать капитель из Тамани первой четвертью V в. до н. э. А это значит, что среди очень немногих архитектурных деталей такого качества и сохранности из музеев нашей страны она оказывается самой ранней, исключая только керченскую архаическую волюту ²¹.

* * *

К какому сооружению можно отнести эту великолепную по композиции капитель? Где оно находилось? Каковы были его архитектурные характеристики? Ответить на эти вопросы, к сожалению, пока невозможно. Достаточно точно определяются параметры ордера ²², но об остальном приходится лишь догадываться.

До настоящего времени ни в архаических, ни в классических слоях Гермонассы не найдено остатков сколь-нибудь значительных ордерных построек. Эпиграфические данные свидетельствуют о существовании здесь храмов Аполлона и Артемиды Эфесской, но первые надписи относятся к IV в. до н. э. ²³ Конечно, капитель могла бы подтвердить вывод о раннем расцвете города ²⁴, бывшего, как предполагают некоторые исследователи, первоначальной резиденцией Археанактидов ²⁵. Однако существует другой взгляд на историю и Археанактидов, и Гермонассы, в рамках которого факт строительства в это время крупного общественного здания объяс-

²⁰ Показательно сравнение пальметт позднеархаического и раннеклассического угловых акротериев Дельфиниона: *ibid.* Taf. 32, 33. Beilage 9, 10.

²¹ Которая, впрочем, не являлась частью капители, а лишь деталью алтаря (*Пичилян.* Архаическая волюта... С. 90).

²² При высоте колонны около 5,5 м он лишь немногим уступал ордеру храма Аполлона в Пантикапее (*Пичилян.* Малая Азия... С. 166 сл. Рис. 60).

²³ КБН 1037—1040.

²⁴ *Зест И. Б.* Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 1974. № 4. С. 82.

²⁵ *Блаватский В. Д.* О происхождении боспорских Археанактидов // Античная археология и история. М., 1985. С. 209.

Наименование позиций (в см)	Капитель из Йеникёя	Угловая капитель ²⁹ из Милета	Капитель из Тамани	Капитель из Керчи
Максимальная длина по фасаду (L)	105	94	85	86
Высота капители от опорной площадки до верха абаки (H)	29	23	26	25
Ширина капители в плане (B)	48	44	46	?
Диаметр верхнего сечения ствола колонны (D)	45	49	48	56
Коэффициент удлиненности L/B	2,19	2,14	1,85	?
Коэффициент выноса волют L/D	2,33	1,92	1,77	1,54

нить затруднительно²⁶. Нельзя даже однозначно утверждать, что капитель, оказавшаяся в средневековых слоях Тмутаракани, происходит именно из Гермонассы, а не привезена сюда гораздо позже (что при отсутствии местного строительного камня вполне вероятно). А если привезена, то откуда?

Остановимся лучше на том, что нам доподлинно известно: колонну крупного монументального сооружения, построенного раньше храма Аполлона в Пантикапее²⁷ и сравнимого с ним по масштабу ордера, уже в начале V в. венчала капитель из Тамани. Совершенство форм, изящество прорисовки дают возможность подходить к ней с самыми строгими мерками не только как к историческому документу, но и как к произведению искусства. Не будет преувеличением сказать, что таманская находка открывает новую страницу в истории античной архитектуры Северного Причерноморья, значительно расширяя наши представления о размахе и художественном уровне строительства в период образования Боспорского государства²⁸.

AN ARCHAIC CAPITAL FROM HERMONASSA

G. F. Arzamanov

The author describes in detail an archaic capital of the Ionic order found in 1986 on the site of Hermonassa. The form of the capital, and its proportions and style, enable it to be dated to an early period in the development of the Ionic order. From several archaic features (the convex surface of the abacus and the scroll of the volute, and the cylindrical form of the temple of Artemis in Ephesus), the author classes the studied capital as an archaic monument proper, suggesting that it was made by craftsmen from Ephesus. The dating adopted is the middle to end of the sixth century B. C. and beginning of the fifth. Relying on the findings of epigraphy the author suggests that the capital might have belonged to the temple of the Ephesian Artemis that existed in Hermonassa.

²⁶ Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 396.

²⁷ По мнению И. Р. Пичикяна, храм Аполлона в Пантикапее мог быть построен только на объединенные средства Боспорской амфикистии, т. е. после полного объединения Боспора в 480/79 гг. до н. э.: Пичикян. Малая Азия... С. 185.

²⁸ Согласно периодизации В. Ф. Гайдукевича (Боспорское царство. М.— Л., 1949. С. 26 сл.).

²⁹ Размеры даны в пересчете на нормальную капитель.

НОВОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА И АСПЕКТЫ КУЛЬТА ГЕРАКЛА В ХЕРСОНЕССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В 1985 г. во время раскопок на поселении Панское I, проводившихся Тарханкутской экспедицией ЛОИА АН СССР, был найден фрагмент крупного чернолакового канфара с частично сохранившейся греческой надписью¹. Обломок сосуда обнаружен при расчистке пола помещения 97, которое находилось в западном углу дома (блока) 15, входящего в состав крупного строительного комплекса V7 (конец IV — первая треть III в. до н. э.). По аналогии со зданием V6, где два помещения в западном углу были заняты святилищем², можно допустить, что и пом. 97 блока 15 могло исполнять функции домашнего святилища.

Еще до начала систематических работ на поселении в 1969 г. угол пом. 97 был разрушен бульдозером. Поэтому заполнение помещения, в котором найдено граффито, частично уничтожено. От канфара сохранился значительный фрагмент верхней части тулова с ручкой и выходом на нижнюю каннелированную часть вместилища (рис. 1). Шип на ручке сосуда приподнят. Диаметр устья равен 15,7 см; восстанавливаемая высота канфара — около 18 см; диаметр основания ножки — 8 см³ (рис. 2). (Рис. 1 см. вклейку).

С внешней стороны на верхнюю часть тулова нанесен накладной орнамент в виде гирлянды из листьев плюща и цветов. Канфар изготовлен из хорошо промытой розово-коричневатой глины. Лак хорошего качества, густой, черный, внутри оливкового оттенка. Все это говорит об аттическом происхождении сосуда. По типу и размерам это уже второй подобный канфар с поселения Панское I. Фрагменты первого были обнаружены в 1971—1973 гг. во дворе строительного комплекса V6⁴. Аттические канфары такого типа датируются второй половиной IV в. до н. э.⁵ Интересным представляется сравнение канфара из Панского I с сосудами, изображенными на известняковых рельефах из Северо-Западного Крыма.

¹ Хранится в ЛОИА АН СССР, инв. ТЭ-85, II 1, V7/97, оп. 140/33. Автор благодарит А. Н. Щеглова за разрешение опубликовать памятник и за ценные советы в работе над статьей.

² Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь, 1976. С. 137 сл.

³ Высота канфара и диаметр основания ножки восстановлены по аналогии с сосудом из комплекса V6.

⁴ Хранятся в ЛОИА АН СССР, ТЭ-71-72-73/II I, V6/двор, кв. В-3.

⁵ Sparkes B. A., Talcott L. Black and plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // The Athenian Agora. V. XII. Princeton — New Jersey, 1970. № 704, 711.

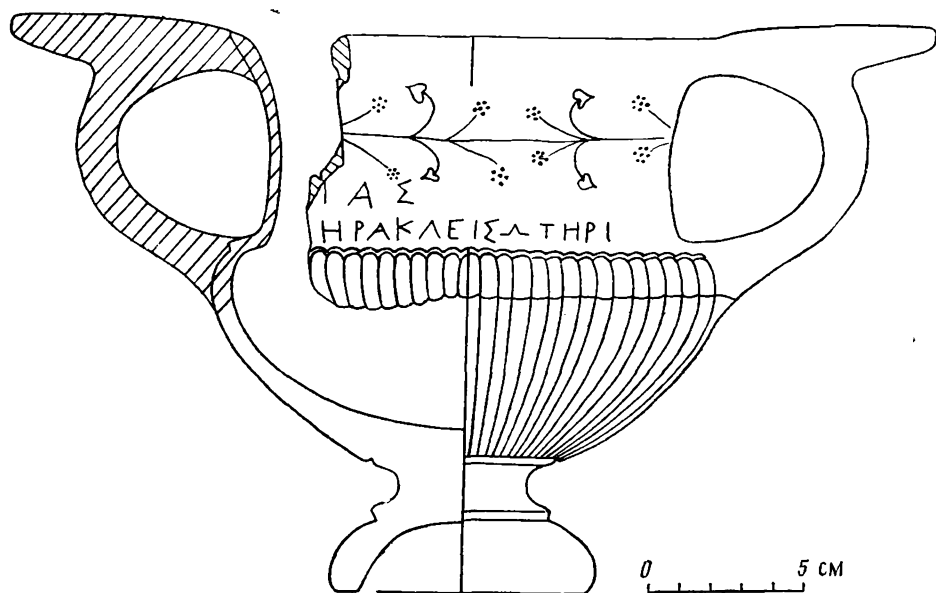

Рис. 2. Реконструкция канфара и прорись посвящения из Панского I

Почти полную аналогию наш канфар находит на рельефах из Сак⁶, с городища «Чайка»⁷ и поселения в с. Межводное⁸, что может служить отправной точкой при установлении хронологии последних.

Особого внимания требует анализ надписи на публикуемом сосуде. Она исполнена в две строки в верхней части тулова, причем буквы первого ряда крупнее, размашистее букв второго. Высота знаков первой строки — 0,9—1,2 см, знаков второй — 0,4—0,9 см. Если начало надписи вырезано крупно и тщательно, автор в некоторых местах дважды проводил стилосом по одной и той же линии, то окончание дописано менее крупными буквами, хотя очень аккуратно. В первой строчке сохранились лишь три буквы-ΙΑΣ. Перед ними можно разглядеть остаток вертикальной гасты, уходящей в облом и располагающейся очень близко от Ι. Ввиду этого он мог принадлежать лишь Η или Ι. Буквы первой строки являются остатком имени дедиканта, стоящего в именительном падеже. В итоге, учитывая остаток буквы, мы имеем два варианта окончаний имени собственного: ——]ΗΙΑΣ или ——]ΙΑΣ⁹. От второй строки сохранилось только 13 букв — два слова в дательном падеже: ΗΡΑΚΛΕΙΣ ΤΗΡΙ. Перед именем Геракла едва заметен остаток косой гасты. Необходимо отметить, что в нескольких местах на буквах и рядом с ними просверлены точки, не связанные с надписью. Располагаясь на одном уровне, они не связаны и с линией облома канфара. Назначение их пока непонятно.

⁶ Наливкина М. А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма // СА. 1940. VI. С. 108. Рис. 1.

⁷ Карасев А. Н. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории // АО 1965 г. М., 1966. С. 117 (рис.).

⁸ Высотская Т. Н. Новая находка рельефа с изображением Геракла // АО 1967 г. М., 1968. С. 211 (рис.).

⁹ Обратный словарь Ф. Дорнзайфа и Б. Хансена дает лишь два имени с окончанием на-ΗΙΑΣ: Πασιγιάς, Κισσιγιάς и всего одно имя на-ΙΑΣ: Παροϊας. См. Dornseiff F., Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. В., 1957. Подобная огласовка окончаний личных имен характерна для дорийского диалекта.

Исходно весь текст надписи начинался, видимо, от самой ручки сосуда и располагался несимметрично, аналогии чему встречаются среди пантикапейских посвящений¹⁰. Вся надпись условно восстанавливается следующим образом:

— — —] ΗΙΑΣ
 — — —] ΗΡΑΚΛΕΙΣΩΤΗΡΙ
 (ἀνέθηκεν)

Перевод: (Такой-то) Гераклу Спасителю (посвятил).

Форма сигмы с широко расставленными гасками, формы каппы и омеги позволяют датировать надпись концом IV — началом III в. до н. э.¹¹ Эту же дату дают форма сосуда и качество лака.

При работе с материалами херсонесской керамической эпиграфики Э. И. Соломоник были выделены устойчивые, на ее взгляд, группы по характеру связи содержания надписи с местом, которое она занимает на сосуде: 1) граффити с именами владельцев или дедикантов, поставленными в родительном падеже, делаются на донышках сосудов; 2) посвящения богам, имена которых поставлены в дательном падеже, расположены также на донышках; 3) имена богов в родительном падеже написаны обычно под венчиком¹². Наше граффито, исполненное в верхней части тулова по формуле: ὁ θεῖνα τῷ θεῷ, не соответствует ни одной из выделенных групп. Посвящения такого рода можно, однако, найти среди граффити Афинской агоры, а также Боспора, что, возможно, дает основание для выделения их в особый разряд¹³.

Посвящение Гераклу Спасителю, найденное на поселении Панское I, является уникальным в своем роде. До сих пор мы не имели памятников, надежно фиксирующих культ Геракла Сотера в Херсонесе и принадлежавшей ему территории в Западном Крыму. Только в 1897 г. Э. Штерном было издано граффито из Херсонеса — ΗΡ ΣΩ, трактованное как посвящение Гераклу Сотеру¹⁴. К такому чтению фрагмента присоединилась и Э. И. Соломоник¹⁵. Однако в сборнике «Граффити античного Херсонеса», учитывая расположение надписи, она трактует последние две буквы ΣΩ как начало имени дедиканта, например ΣΩΠΟΛΙΣ и др.¹⁶

Особый интерес в связи с публикуемым памятником представляют два граффити из Херсонеса, изданные Э. И. Соломоник в 1976 г.¹⁷: граффито на фрагменте чернолакового канфара, датированного серединой IV в. до н. э. (сохранились буквы -ΟΣΣΩΤΗΡ надпись исполнена прямо под бортиком) и граффито на фрагменте чернолакового сосуда с отогнутым венчиком; предположительно датировано V в. до н. э. (со-

¹⁰ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М. — Л., 1953. С. 111. № 185.

¹¹ Форма сигмы с разведенными гасками обычно считается более древней, однако вариант с горизонтальными гасками находим в керамической эпиграфике еще для конца V в. до н. э. (Lang M. Graffiti and Dipinti // AA. V. XXI. Pl. 15. F 100).

¹² Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978 (далее — ГАХ). С. 6—8, 14; Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 125—127.

¹³ См. Lang. Op. cit. Pl. 31, G 21; Толстой. Ук. соч. С. 81. № 125, 126.

¹⁴ Штерн Э. Graffiti на античных южнорусских сосудах // ЗООИД. 1897. XX. С. 177. № 31.

¹⁵ Соломоник. Ук. соч. С. 126. Прим. 19.

¹⁶ ГАХ. С. 67 сл. № 885.

¹⁷ Соломоник. Ук. соч. С. 125 сл.

хранились лишь 4 буквы -ΟΣΣΩ)¹⁸. Обе надписи автор публикации восстановила как посвящение Зевсу Спасителю — Διὸς Σωτῆρος (канфар) Зевса Спасителя, при этом она ссылается на распространенность этого культа вообще в Причерноморье и в Ольвии и на Боспоре в частности. Приводя близкие аналогии надписей на канфарах из Гермонассы и Мирмекия¹⁹, Э. И. Соломоник указывает также и на граффито V—IV вв. из Каллатиса²⁰.

Действительно, Ф. Дорнзайф утверждает, что среди богов Зевс чаще всех сопровождается эпиклезой «Сотер»²¹. Но нужно отметить, что в отдельных районах ввиду специфики их развития могли быть отклонения от общей нормы.

В Ольвии и ионийских колониях на Боспоре культ Зевса вообще²² и Сотера в частности в самом деле получил широкое распространение, на что указывают лапидарные эпиграфические памятники и граффиты эллинистического и римского времени²³. Однако для дорийского центра Херсонеса этот культ надежно засвидетельствован лишь строительной надписью II в. н. э.²⁴ Необходимо указать и на блок с надписью III в. до н. э. — ΔΙΟΣ, в которой, впрочем, с таким же успехом можно видеть и посвящение Диоскурам²⁵.

Таким образом, мы не можем с уверенностью говорить о наличии в Херсонесе культа Зевса Спасителя в столь раннее время, которым датируются названные граффиты, до появления более полных и надежных надписей. Напротив, читая рассмотренные фрагменты как посвящения Гераклу Спасителю — Ἡρακλέος Σωτῆρος, мы находим подтверждение уже известного благодаря находке из поселения Панское I факта о наличии культа Геракла Сотера в Херсонесском государстве уже в раннеэллинистическое время. Из героев Геракл, как известно, наиболее часто получал прозвище Сотер²⁶. Граффиты из Херсонеса служат хорошей аналогией по расположению и датировке надписи посвящению из Панского I.

Описанные граффиты представляют, как известно, далеко не единственное свидетельство в пользу существования культа Геракла в античном Херсонесе. Для IV—III вв. до н. э. мы располагаем довольно обширным комплексом материалов. К первой половине III в. до н. э. относится наибольшее число граффиты, представляющих собой начертанное на сосуде имя Геракла, иногда в полном виде, иногда в виде аббревиации²⁷. В некоторых случаях сокращения можно трактовать и как начало теофорных имен, однако и этот факт может служить подтверждением того, что в пер-

¹⁸ Исходя из палеографических особенностей, граффито, видимо, следует датировать началом — первой половиной IV в. до н. э.

¹⁹ Соломоник. Ук. соч. С. 126 сл.

²⁰ См. *Porpescu Et. Zeus Soter la Callatis* // SCIV. 1964. 4. (русс. рез. — с. 548).

²¹ *Dornseiff F. Σωτῆρ* // RE. 1927. 5 Hlbd. Sp. 1212, 20.

²² *Карышковский П. О.* Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 90.
²³ IOSPE. I². 25, 161, 162 (Ольвия); КБН, 26, 36, 76, 868; *Толстой*. Ук. соч. № 160, 161; *Волтунова А. И.* О культе Зевса Сотера на Боспоре // Культура античного мира. М., 1966. С. 29—38; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города. Мирмекий. Раскопки 1957—1965 гг. Л., 1987. С. 53. Рис. 3 на с. 59.

²⁴ IOSPE. I². 438.

²⁵ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 66 сл. № 24.

²⁶ *Dornseiff F. Σωτῆρ*. Sp. 1212, 50; *Штерн*. Ук. соч. С. 177.

²⁷ Соломоник Э. И. Граффиты с хоры Херсонеса. Киев, 1984. № 123, 124, 158, 201, 236, 434, 461; *Сапрыкин С. Ю.* Граффиты и метки на сосудах из херсонесских усадеб // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 63; *Щеглов*. Ук. соч. С. 137 и др.

вой половине III в. культ Геракла обретает огромную популярность²⁸.

Известно также большое количество произведений изобразительного искусства, сюжетом которых выступает опять-таки образ Геракла. С названного уже поселения Панское I происходит известняковый рельеф с изображением стоящей фигуры Геракла с палицей и шкурой в левой руке. Рельефы были также найдены в окрестностях Сак, на городище «Чайка», близ Межводного, два — на земельной округе Керкитиды²⁹.

Сакский Геракл датирован М. А. Наливкиной III веком до н. э.³⁰ Но тип канфара говорит, как кажется, о более раннем времени — второй половине IV в. до н. э., скорее всего о конце столетия. Не убеждает и датировка Мойнакского рельефа и рельефа из Одесского музея с пометкой «Евпатория», также рассмотренных М. А. Наливкиной. Датируя первый концом II в. до н. э., второй из стилистических соображений она относит к более раннему времени — рубежу III—II вв. до н. э.³¹ Сопутствующий мойнакской находке археологический материал, который приведен исследовательницей, на самом деле позволяет предположить более раннюю дату. А именно: амфорная ручка с клеймом $\text{HPEA} \dots \text{MOYNTOS}$, датированная М. А. Наливкиной эллинистическим временем, скорее всего принадлежит херсонесскому клеймению астинома Героя ($\text{HPEA} \mid \text{ASTYNO MOYNTOS}$) и должна быть датирована первой третью III в. до н. э.³² В связи с этим близким временем, вероятно, следует датировать и Мойнакский рельеф. Но если последний относится к первой трети III в. до н. э., то дату евпаторийского рельефа следует, видимо, отодвинуть к рубежу IV—III вв. до н. э., так как стилистически он перекликается с более ранним рельефом из Сак.

Таким образом, рассмотренные рельефы из Северо-Западного Крыма принадлежат довольно узкому хронологическому периоду — конец IV — первая треть III в. до н. э. и соответствуют времени усиления опасности со стороны степных племен.

К названным памятникам, связанным с культом Геракла, нужно добавить находки терракотовых — палицы героя из усадьбы в окрестностях Калос Лимена и фрагмента торса стоящей фигуры Геракла из городища Беляус. Кроме того, известна герма Геракла из с. Межводное³³. Фиксируют почитание Геракла и терракотовые статуэтки из самого Херсонеса³⁴.

Вопросам культа Геракла в Херсонесе и публикации памятников, связанных с этим культом, посвящен ряд исследований³⁵. Однако среди

²⁸ См. *Fränkel E.* *Namenwesen* // RE. 1935. 16. Sp. 1622.

²⁹ *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 125. Здесь же см. и литературу. Еще один рельеф был обнаружен в окрестностях Черноморского городища; хранится в местном музее.

³⁰ *Наливкина.* О некоторых памятниках.... С. 109.

³¹ Там же, С. 116.

³² *Кац В. И.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 103.

³³ См. *Щеглов.* Северо-Западный Крым... С. 125, с литературой.

³⁴ *Белов Г. Д.* Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. 1976. № 4. С. 203—208.

³⁵ *Пятыхева Н. В.* О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. 1948. № 2; *Щеглов А. Н.* Подвиги Геракла (По памятникам Херсонеса Таврического). Л., 1964; *он же.* Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974; *Белов Г. Д.* Херсонесские рельефы // ВДИ. 1940. № 3—4. С. 281; *он же.* Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. 1976. № 4. С. 203—208; *Сапрыкин С. Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 38 сл.; *Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 12 сл.; *Наливкина.* О не-

них отсутствуют работы, где рассматривается вопрос о почитании здесь Геракла Сотера. Большинство исследователей отмечали в основном другую сторону в почитании Геракла херсонеситами — хтоническую, делая на этом основной акцент³⁶. Это и понятно, до появления конкретных памятников трудно было говорить о других особенностях его культа. Н. В. Пятышева в 1948 г. писала: «Вопрос о существовании культа Геракла в Херсонесе решался всегда предположительно. Таких прямых данных, как посвятельные надписи или упоминание храма Геракла, — мы не имеем»³⁷. С тех пор наша источниковая база по этому вопросу значительно пополнилась. В этом смысле особую ценность приобретает и публикуемая находка.

Что же касается хтонической стороны культа, то здесь нужно отметить, что эту особенность в образе Геракла не все исследователи, занимавшиеся разработкой херсонесского материала, понимают однозначно. Так, С. Ю. Сапрыкин, сопоставляя рельефы с изображением отдыхающего Геракла со сценой загробной трапезы на надгробиях, в частности из Гераклеи Понтийской и Херсонеса, пришел к выводу, что в основном этот культ в эпоху эллинизма имел там хтонический характер, связанный с почитанием мертвых³⁸. Но следует отметить, что подобного рода памятники не являются единственными, имеющими отношение к культу Геракла, и поэтому не могут давать оснований для таких обобщающих выводов. Выше уже говорилось о святилище на поселении Панское I и прочих памятниках. Э. И. Соломоник отметила еще один момент: «Надгробия со сценой загробной трапезы, с которыми С. Ю. Сапрыкин сближает рельефы эллинистического времени из округа Херсонеса, появляются в Северном Причерноморье только в первые века нашей эры. Хотя культ героев был связан с культом мертвых, сцена загробной трапезы с героизацией умерших, скорее всего, сама восходит к изображению пира богов и героев, а не наоборот»³⁹. Критикуя точку зрения С. Ю. Сапрыкина, она была склонна считать, что хтоническая сторона культа Геракла проявлялась преимущественно в покровительстве земледелию и плодородию⁴⁰. В качестве аргументации своего мнения Э. И. Соломоник приводит сюжет одного из мифов, по которому Геракл помогал во Фригии местному богу Литиерсу во время жатвы и способствовал вызыванию духа хлеба и дождя⁴¹. Также она ссылается и на то, что во многих местах Греции Геракла почитали вместе с божествами, покровительствующими земледелию и плодородию: Деметрой, Корой, Матерью (Кибелой), даже приводит примеры памятников Херсонеса и его хоры, в частности культовый комплекс Панского I⁴². Но необходимо заметить, что хотя в домашнем святилище и зафиксировано почитание Геракла, Деметры и Сабазия, ни о каком смешении функций, видимо, не может быть и речи. Традиционные покровители сельскохозяйственного производства — Деметра и Сабазий почитались, вероятно, вместе — посвящения и тому и другому божеству на-

которых памятниках... С. 107 сл.; *Высотская Т. Н.* Новая находка рельефа с изображением Геракла // АО 1967 г. М., 1968. С. 211; *Карасев А. Н.* Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории // АО 1965 г. М., 1966. С. 117.

³⁶ Пятышева. Ук. соч.; Сапрыкин. Ук. соч.; Соломоник. Граффити с хоры Херсонеса.

³⁷ Пятышева. Ук. соч. С. 197.

³⁸ Сапрыкин. Ук. соч. С. 46—52.

³⁹ Соломоник. Граффити с хоры Херсонеса. С. 15.

⁴⁰ Там же. С. 14.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

ходились вместе, в одном помещении ⁴³. Под святилище же Геракла была выделена отдельная, проходная комната ⁴⁴. Таким образом, очевидно, что сами жители усадьбы совершенно четко улавливали разницу в функциях того или иного божества.

Что касается мифологических сюжетов, то здесь, на наш взгляд, можно привести значительно больше примеров, в которых Геракл выступает как защитник страны от опасностей, победитель ужасных чудовищ и страшных хтонических сил. Достаточно назвать лишь некоторые из его канонических 12 подвигов: Немейский лев, Лернейская гидра, Стиμφалийские птицы и т. д., т. е. проявляется именно сотерическая его функция. При желании круг примеров можно значительно расширить. Вряд ли правы исследователи, считающие, что такие мифологические сюжеты, как борьба Геракла с Андом в «Илиаде» Гомера, похищение героем в облике демона Танатоса у смерти жены Адмета и возвращение ее к жизни, спуск Геракла в Аид через Ахерузскую пещеру и извлечение оттуда Кербера, подчеркивают хтоническую сущность его образа ⁴⁵. Напротив, эти эпизоды скорее всего следует рассматривать как противопоставление сил света и темных хтонических сил, как борьбу добра и зла.

Э. И. Соломоник в качестве аргумента своей точки зрения указывает еще на одну деталь. Она считает, что с хтоническим характером культа Геракла сопоставим тип херсонесских медных монет с палицей в венке из колосьев ⁴⁶. Подобный тип появляется со второй четверти IV в. до н. э. На реверсе монет помещены три первые буквы названия города и изображение палицы в венке ⁴⁷. Однако утверждение, что этот венок составлен из колосьев, проблематично. Рассматриваемые монеты представлены в основном мелкими номиналами — не крупнее тетралептона, что значительно затрудняет анализ. Но все же очень близкую аналогию подобным венкам можно найти на херсонесских монетах I в. н. э., причем более крупного номинала ⁴⁸. Здесь мы можем убедиться в иной природе венка.

Особого взгляда на характер культа Геракла в Херсонесском государстве придерживается А. Н. Щеглов ⁴⁹. Анализируя комплекс памятников из Северо-Западного Крыма, он приходит к выводу, что Геракл рассматривался, видимо, как незримый покровитель, владелец и защитник полиса и хоры херсонеситов, к тому же как покровитель и заступник социальных низов общества ⁵⁰.

В связи со всем этим уникальным по своему значению является новое посвящение с херсонесской хоры, публикуемое в настоящей статье. Эпиклеза, с которой Геракл выступает в надписи, заставляет обратить особое внимание на военно-охранительные функции божества. При исследовании именно этих особенностей культа Геракла в Херсонесском государстве незаменимым по своему значению источником служит нумизматический материал Херсонеса. В связи с интересующим нас вопросом исследователями высказывались различные предположения. Так, например, В. А. Анохин в развитии двух основных монетных типов — богини Девы

⁴³ Щеглов. Полис и хора. С. 139.

⁴⁴ Там же. С. 137.

⁴⁵ Алексеева Е. М. Культы Горгиппии // СА. 1986. № 4. С. 37.

⁴⁶ Соломоник. Граффити с хоры Херсонеса. С. 15.

⁴⁷ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). Киев, 1977. Табл. I. № 13—15, 19.

⁴⁸ Там же. Табл. XIV. № 213, 214.

⁴⁹ Щеглов. Полис и хора. С. 138 сл.; он же. Геракл отдыхающий. С. 54 сл.

⁵⁰ Там же.

и Геракла видит отражение борьбы аристократии и демократии в Херсонесе⁵¹. Основное место в типологии первых выпусков, как полагает автор, занимают изображения богини Девы и ее атрибутов⁵². Следует отметить, однако, что в большинстве случаев мы наблюдаем не борьбу типов, а их единство и сочетание. С самых первых выпусков херсонесских монет, где на аверсе имеется изображение головы Девы в профиль, на реверсе устойчивым типом выступает изображение палицы, т. е. атрибута уже не Девы, а Геракла⁵³. И наоборот, в последующих выпусках, когда на лицевой стороне появляется голова Геракла в львиной шкуре, то одним из типов реверса является изображение Девы, сидящей на тропе⁵⁴.

Как и культ Девы, культ Геракла получил широкое распространение в Херсонесе и имел здесь особое значение. Историю развития изображений Геракла в монетной типологии, по-видимому, далеко нельзя объяснять только памятью о дорийском происхождении города, так как уже с конца II в. до н. э. изображения Геракла и его атрибутов полностью исчезают из репертуара монетных типов⁵⁵. Стабильным типом херсонесских монет являются различные изображения городской богини Девы. Что же касается Геракла и его атрибутов, то эти эмблемы появляются на денежных знаках Херсонеса периодически. Но прежде чем подробно остановиться на этом, представляется целесообразным обратиться еще раз к вопросам датировки монетных серий. Это кажется тем более необходимым, что схему непрерывного хронологического ряда монетных выпусков, предложенную В. А. Анохиным (ук. соч., с. 17 сл.), трудно признать удовлетворительной в связи с тем, что она не учитывает реальной возможности существования значительных перерывов между отдельными выпусками и в некоторых случаях исключает вероятность одновременной эмиссии медной и серебряной монеты. Вызывает сомнения и абсолютная датировка отдельных серий IV—III вв. до н. э.⁵⁶ С другой стороны, видимо, есть основания внести коррективы и в схему, выдвинутую А. Н. Зографом.

Особый интерес для нас будут представлять монетные выпуски конца IV—III в. до н. э. с изображением Геракла или его атрибутов. Все выпуски серебра с изображением на л. с. Геракла в львиной шкуре, включая и более ранние экземпляры с магистратским именем ΝΑΝΩΝΟΣ, датированные А. Н. Зографом рубежом IV—III вв. до н. э.⁵⁷, В. А. Анохин помещает исключительно в III в. до н. э.⁵⁸ Однако для экземпляров с именем ΝΑΝΩΝΟΣ III в. до н. э. представляется слишком поздней датой. Стилистические особенности, качество исполнения штемпеля делают возможным отнести этот выпуск еще к концу IV в. Ближним временем датируются, видимо, и массовые монеты типа: голова Геракла — бодающий бык⁵⁹. Чеканенные, очевидно, на рубеже IV—III вв. по персидской весовой системе⁶⁰, что облегчало торговые сношения с метрополи-

⁵¹ Анохин. Ук. соч. С. 50.

⁵² Там же.

⁵³ Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. 16. Табл. XXXV. № 1—3; Анохин. Ук. соч. Табл. I. № 2—7.

⁵⁴ Зограф. Ук. соч. Табл. XXXV. № 19; Анохин. Ук. соч. Табл. VI. № 93; VII. № 94—105.

⁵⁵ Анохин. Ук. соч. С. 50 сл.

⁵⁶ См. корреляционную хронологическую таблицу в приложении.

⁵⁷ Зограф. Ук. соч. Табл. XXXV. № 19—22.

⁵⁸ Анохин. Ук. соч. Табл. VI. № 92—93; VII. № 94—105; VIII. № 107—119.

⁵⁹ Зограф. Ук. соч. Табл. XXXV. № 22; Анохин. Ук. соч. Табл. VIII. № 107—119.

⁶⁰ Бертье-Делагард А. Л. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и парей Сарматии и Тавриды // Нум. сб. Т. 2. М., 1913. С. 69; Зограф. Ук. соч. С. 147. Ср. Анохин. Ук. соч. С. 38.

ей, эти экземпляры, по мнению А. Н. Зографа, не могут далеко заходить в III в. до н. э., так как уже в этом столетии чеканка монеты по персидской системе становится нецелесообразной⁶¹. Гемидрахма подобного типа с именем ΝΕΟΠΟΛΙΣ, относимая В. А. Анохиным к 220—240 гг., также, видимо, была выпущена в первой половине этого века, возможно, еще в первой трети. Лунарная форма *сигмы* в магистратском имени не дает оснований для поздней датировки. Монеты, граффити, аморфные клейма представляют порой ранние образцы употребления курсивного письма, появляющегося в лапидарной эпиграфике намного позже⁶². Для IV в. до н. э. *сигма* в виде полумесяца зафиксирована граффити Афинской Агоры⁶³, Ольвии и Нимфея⁶⁴, а также Херсонеса⁶⁵. В начале III в. до н. э. она известна в керамических надписях херсонесской хоры⁶⁶. Аналогичное магистратское имя ΝΕΥΠΟΛΙΟΣ встречается на монетах подобного типа, но более крупного номинала, что также дает возможность перенести дату выпуска указанной гемидрахмы ближе к началу III в. до н. э.⁶⁷

В целом последовательность херсонесских монетных выпусков конца IV—III в. до н. э. с изображением Геракла или его атрибутов представляется следующей.

1. Медные монеты типа: Артемида, разящая лань — бодающий бык; и соответствующие им серебряные тетрадрахмы типа: голова Девы — бодающий бык; дидрахмы типа: головы Девы — Артемида, разящая лань⁶⁸. Серебро носит надчеканки: ⚡, «молния», «дельфин», причем в одном случае «молния» перекрывает надчеканку ⚡ (Анохин. Ук. соч. Табл. VI. № 88), в другом — «дельфин» перекрывает «молнию», что указывает на последовательность их наложения.

2. Серебряные монеты типа: голова Геракла, влево — сидящая Дева, с именем ΝΑΝΩΝΟΣ (старший номинал) и серебро типа: голова Геракла — Артемида, разящая лань, с именами ΒΑΘΥΛΛΟΥ, ΠΡΑΚΛΕΙΤΟΥ. Весовое соотношение номиналов первого и второго типов — 1 : 2.

3. Серебро различных номиналов с типом: голова Геракла, вправо — сидящая Дева. Весовое соотношение номиналов — 1 : 2. На монетах старшего номинала — надчеканки: «молния», «дельфин». По сравнению с предшествующей группой наблюдается понижение веса.

4. Серебряные драхмы типа: голова Геракла, вправо — бодающий бык, с надчеканками и без надчеканок; гемидрахмы того же типа, без надчеканок.

Датировать выделенные группы, скорее всего, следует временем с конца IV по первую треть III в. до н. э.⁶⁹

⁶¹ Зограф. Ук. соч. С. 147.

⁶² ГАХ. С. 14.

⁶³ Lang. Op. cit. Pl. 18, F 165.

⁶⁴ Толстой. Ук. соч. № 38, 61, 123.

⁶⁵ ГАХ. № 189. Табл. II. № 190—192, 1049; XVII. № 1531; XXV.

⁶⁶ Соломоник. Граффити с хоры Херсонеса. № 224. Табл. XXII. № 236. Табл. XXV.

⁶⁷ Имя ΝΕΥΠΟΛΙΣ засвидетельствовано для Херсонеса также граффито IV в. до н. э. и керамическими клеймами середины III в. (см. ГАХ. Табл. XXI. № 1269; Кац. Ук. соч. С. 110, 2-я группа, подгр. Б; с. 105).

⁶⁸ За такое сближение типов говорит тождественность сюжетов, представленных на монетах. Учитывая последовательность наложения надчеканок, вряд ли следует относить монеты с изображением головы Девы к более позднему времени, чем монеты типа: голова Геракла — бодающий бык, с надчеканкой «молния», так как на монетах с Девой — надчеканка ⚡, явно предшествующая «молнии» (ср. Зограф. Ук. соч. С. 149).

⁶⁹ Такую дату в III в. обуславливает, видимо, объем эмиссии.

Возвращаясь к вопросу о периодичности появления изображений Геракла и его атрибутов в херсонесской нумизматике, можно выделить, на наш взгляд, три основных этапа: 1) с начала по середину IV в. до н. э.; 2) конец IV — первая треть III в. до н. э.; 3) конец II в. до н. э.

Предлагаемая автором периодизация материала не претендует на абсолютную завершенность, однако, как кажется, она не лишена смысла и логики, что мы и попытаемся доказать ниже.

Периодичность в появлении Геракла и его атрибутов в качестве монетной эмблемы, возможно, следует объяснять не переходом власти из рук в руки в результате внутривластной борьбы между демократией и аристократией⁷⁰, а искать разгадку этого явления в нестабильности внешнеполитической жизни в Западном Крыму. Мы знаем уже примеры в херсонесской нумизматике, когда события внешнеполитического характера получили свое яркое отражение в монетной типологии. Речь идет о хорошо известных медных монетах типа: квадрига — воин. Эта серия датируется А. Н. Зографом серединой — второй половиной IV в. до н. э.⁷¹ А. М. Гилевич, опираясь на концепцию А. Н. Щеглова, высказала предположение о том, что эта группа монет выпущена в Херсонесе в честь присоединения Северо-Западного Крыма в результате военной победы⁷².

Первый из выделенных периодов в херсонесской нумизматике сопоставим с началом херсонесской экспансии в Западном Крыму. А. Н. Щеглов высказывает предположение об ольвийско-херсонесском конфликте в это время⁷³. С военной деятельностью Херсонеса в Северо-Западном Крыму, видимо, связаны первые пожары на поселении Панское I во второй четверти IV в. до н. э. и последующая его перестройка⁷⁴.

К середине IV в. Херсонес уже надежно обосновывается в Северо-Западном Крыму. Укажем на тип херсонесских монет этого времени, имеющих на оборотной стороне изображение бодающего быка и атрибутов Геракла — палицы и лука. А. Н. Зограф предполагал, что этот тип заимствован из Гераклеи⁷⁵. Как символ агрессивной внешней политики Херсонесу он пришелся, по-видимому, как нельзя кстати. Изображение атрибутов Геракла на указанных монетах явилось, как кажется, выражением функций божества как защитника, заступника херсонеситов и незримого помощника в ратных делах.

В связи со сказанным следует отметить, что Геродот (II.44), Арриан (Anab. Alex. II.16.2) и другие древние авторы упоминали о чертах родства между Гераклом и финикийским Мелькартом, который в одной из своих ипостасей выступал как завоеватель новых земель, покровитель колонизации (Археget)⁷⁶. Названная особенность финикийского двойни-

⁷⁰ Анохин. Ук. соч. С. 50.

⁷¹ Зограф. Ук. соч. С. 148.

⁷² Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э. // ИЭ. 1970. VIII. С. 6.

⁷³ Щеглов А. Н. Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985. С. 86; он же. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община (Проблемы социально-политического развития и идеологии). Л., 1986.

⁷⁴ Щеглов. Процесс... С. 166 сл.

⁷⁵ Зограф. Ук. соч. С. 147.

⁷⁶ Ziegler K. Melkart // RE. Suppl. VI. Sp. 293 ff.; Циркин Ю. Б. Мифология Мелькарта // Античный мир и археология. Саратов, 1977. Вып. 3. С. 88 сл.; Макушин М. Н. Миф о Геракле как источник по истории Северо-Западной Сицилии в догреческую эпоху // Нордия. Воронеж, 1978. Вып. 2. С. 12.

ка Геракла, по-видимому, нашла отражение и в почитании великого греческого героя. Эпитет «Сотер» сопровождает изображение Геракла на монетах Фасоса II в. до н. э.⁷⁷ Направляющим стрелу в толпу врагов Геракл был изображен на воротах города⁷⁸. Жители Греции, как бы отдавая себя под защиту героя, писали на домах: «Здесь обитает Геракл»⁷⁹.

Выступая в роли агрессора, Херсонес, вероятно, и сам неоднократно подвергался серьезной опасности со стороны варваров. Свидетельством того наряду с прочими памятниками, на наш взгляд, выступают граффити середины — второй половины IV в. до н. э. с посвящением Гераклу⁸⁰. К числу таковых памятников, по-видимому, можно отнести и посвящение, открытое на поселении Панское I в 1985 г. Источником, также свидетельствующим о наличии популярного культа Спасителя, выступают теофорные имена⁸¹, производные от Σωτήρ, получившие широкое распространение в это время.

Резкие изменения в греко-варварских отношениях произошли в начале III в. до н. э. в связи с изменением обстановки в степном варварском мире. В первой половине III в. до н. э. прекращается, как известно, жизнь на сельских поселениях степного Причерноморья. В первой трети III в. гибнет и поселение Панское I⁸². Причина катастрофической гибели поселений связывается с вторжением сарматских племен в первой трети III в. до н. э. в Скифию, которое привело в движение весь кочевой мир⁸³.

После некоторого перерыва с конца IV в. на монетах Херсонеса снова появляется изображение уже самого Геракла. Эти серии, продолжая существовать примерно до конца первой трети III в., соответствуют второму выделенному нумизматическому периоду.

Получившие широкое распространение изображения Геракла и его атрибутов, посвящения ему, популярность теофорных имен, а равно и возрождение в херсонесской нумизматике типа с изображением головы Геракла перед лицом внешней опасности, по-видимому, наполнялись особым смыслом и должны были содействовать скорейшей ликвидации угрозы. Последнее значительное «явление» Геракла в херсонесской нумизматике (конец II в. до н. э.) следует связывать, вероятно, с финальным этапом скифо-херсонесских войн, нанесших огромный ущерб могуществу греческого государства.

На причину отчетливой периодичности в активизации культа Геракла в Херсонесе проливает, как кажется, свет рассказ Диодора в 13-й и 14-й главах XX книги, имеющий отношение к почитанию в Карфагене двойника Геракла — Мелькарта. Карфагеняне, по словам сицилийского историка, оказавшись в чрезвычайно тяжелом положении из-за осады города войсками Агафокла, решили, что это несчастье явилось им от богов. Считая, что более всего на них гневается Геракл: νομίσαντες μάλιστα μῆνειν αὐτοῖς τὸν Ἡρακλέα τὸν παρὰ τοῖς ἀποικισταῖς (Diod. XX.14.1),

⁷⁷ Bergquist B. Herakles on Thasos. Uppsala, 1973. P. 29.

⁷⁸ Brackertz U. Zum Problem der Schutzgottheiten griechischer Städte. B., 1976. S. 96.

⁷⁹ Pfuhl G. Elemente der griechischen Epigraphik. Darmstadt, 1968. S. 24.

⁸⁰ ГАХ. № 808—811; в виде лигатуры IP: № 821—870 и др.; Соломоник. Граффити с хоры Херсонеса. № 7, 123, 472а.

⁸¹ Fränkel. Op. cit. Sp. 1622.

⁸² Щеглов А. Н. Тарханкутская экспедиция в 1969—75 гг. // КСИИ. 1978. Вып. 156. С. 65.

⁸³ Он же. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985. С. 192 сл.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

№ в изд.	Металл	Тип		Датировка		
Анохин Зограф		Л. С.	О. С.	Зограф	Анохин	Предлагаемая корректурa
1—7 XXXV, 2	AR	Голова Девы в кекрифале влево	ХЕР. Рыба и палица влево	390—370	390—380	
8 XXXV, 9	Æ	Дева на щипце вправо, справа лань	ХЕР. Бодающий бык на палице влево	375—350	380—370	
9—12 XXXV, 15	Æ	Голова быка в фас, украшенная гирляндой	ХЕР. Рыба и палица	350—300	Ок. второй четверти IV в.	
19—20 XXXV, 14	Æ	Кратер	Венок, в нем палица, слева — ХЕР			
21—22 XXXV, 13	Æ	Дельфин	ХЕР. Палица влево			
13—15 XXXV, 3	Æ	Голова Девы в венке	Венок, в нем палица. ХЕР	Первая половина IV в.		
16 —	Æ	Голова Девы в короне вправо	ХЕР. Рыба вправо, палица			
23; 25 XXXV, 4	AR	Голова Девы в три четверти влево	ХЕР. Бодающий бык на палице	Ок. 370	370—364	
26 XXXV, 26	Æ	Голова Девы в кекрифале вправо	ХЕР. Морда льва в фас, внизу палица влево	III в.	364—350	

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ в изд.	Металл	Тип		Датировка		
33—34 XXXV, 7	Α	Голова Девы с короткими волосами в повязке влево	ХЕР. Бодающий бык на палице вправо	ок. 350	ок. 355	
77—81 XXXV, 24	Α	ХЕР. Дева, поражающая лань	II группа Бодающий бык на палице влево	300—250	300—290	Конец IV в.
82—87	Α	Голова Девы вправо, сзади лук и колчан. Надчеканка: ΔΡ «дельфин», «молния»	ХЕР. Бодающий бык влево, вверху палица ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ, ΑΔΩΝΟΣ, ΑΓΑΣΙΚΛΕΟΣ, ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΥ, ΙΣΤΡΩΝΟΣ	250—200	290—280	Конец IV в.
91—92 XXXV, 21	Α	Голова Геракла в львиной шкуре вправо	Дева, поражающая лань влево ΒΑΘΥΛΛΟΥ, ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΥ	IV—III вв.	280—270	IV—III вв. ¹
93 XXXV, 19	Α	Голова Геракла в львиной шкуре влево	ХЕР. Дева, сидящая на троне влево, за спиной лук и колчан ΝΑΝΩΝΟΣ	IV—III вв.	270—260	IV—III вв. ²
94 —	Α	Голова Геракла вправо, внизу палица	ХЕР. Дева, сидящая на троне влево, справа — ΖΩΓΙΟΥ		260—250	Первая треть III в.
95—106 XXXV, 20	Α	Голова Геракла вправо, внизу палица. Надчеканка «молния»	ХЕР. Дева, сидящая на троне влево, надчеканка «дельфин» ΠΡΩΤΙΠΠΟΥ, ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΥ, ΔΙΩΝΟΣ, ΑΠΟΛΛΑ, ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ, ΠΡΥΤΑΝΙΟΣ, ΝΕΥΠΟΛΙΟΣ, ΞΕΝΩΝΟΣ, ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΣ, ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ, ΗΡΑΚΛΕΙΟΥ, ΙΣΤΡΩΝ	IV—III вв.	250—230	Первая треть III в.

ПРИЛОЖЕНИЕ (окончание)

№ в изд.	Металл	Тип		Датировка		
107—120 XXXV, 22	Α	То же. Надчеканка «молния»	ХЕР. Бодающий бык влево. Надчеканка «дельфин» ΠΡΩΤΙΠΠΟΥ, ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΥ, ΔΙΩΝΟΣ, ΑΡΤΕΜΙΔΩ, ΑΠΟΛ- ΛΑ, ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ, ΠΡΥ- ΤΑΝΙΟΣ, ΝΕΥΠΟΛΙΟΣ, ΙΕΥΠΟΡΟΣ, ΞΕΝΩΝΟΣ, ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ, ΗΡΑΚΛΕΟΥ, ΠΥΡΡΙΝΟΥ, ΖΩΓΙΑΟΥ	IV—III вв.	250—230	Первая треть III в.
127—130	Α	Голова Геракла вправо, внизу палица	ХЕР. Бодающий бык влево ΝΕΟΠΟΛΙΟΣ, ΗΡΩΙΔ, ΖΩΙΑ, ΜΕΝΕ		220—210	Вторая чет- верть ³ III в.
147—149 XXXVI, 9	Α	Голова Геракла вправо	То же ΑΡΧΙΚΛΕΙΟ, ΒΟΛΛΙΩΝΟ, ΜΑΤΡ	II в.	210—200	Вторая чет- верть — сере- дина III в. ⁴
150—153	Α	Мужская голова в повязке вправо	ХЕР. Палица влево ΑΡΧΙΚΛΕ, ΒΟΛΛΙΩΝ, ΜΑΤΡ, ΔΕΛΦΟΥ			
145—146	Α	Мужская голова в повязке вправо	ХЕР. Палица влево ΞΕΝΟΚΛΕΟ, ΧΟΡΕΙΟΥ			
III группа						
182—183 XXXVI, 15	Α	Голова безбородого Геракла в повязке	ХЕР. Палица влево ΜΟΙΡΙΟΣ, ΔΙΟΥΤΙΜΟΥ	110—108	120—110	Последняя четверть II в.
170—171	Α	Голова вправо	ХЕР. Нос корабля, под ним палица ΑΛΚΙΝΟΥ, ΤΡΥΘΩΝ		150—140	Последняя четверть ⁶ II в.
131—132 XXXVI, 10	Α	Голова Геракла в львиной шкуре вправо, палица	Прора влево ΣΙΑΑΝΟΥ, ΓΕΡΟΝΤΟΣ	Конец II — начало I в.	220—210	Последняя четверть ⁶ II в.

¹ Имя ΒΑΘΥΛΛΟΣ известно среди херсонесских астиномов конца IV в. См. Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 108; 4-я группа, подгруппа А; с. 103.

² Имя ΝΑΝΩΝ также известно на херсонесских амфорных клеймах первой группы, подгруппы А, по В. И. Кацу (Ук. соч. С. 108, 103).

³ Гемидрахи этого типа предлагается датировать временем, близким моменту выпуска предшествующей группы монет не только по стилистическим соображениям и полному типологическому сходству, но и исходя из общности некоторых магистратских имен ΝΕΟΠΟΛΙΟΣ, ΖΩΛΑΟΥ. Не исключено, что указанные гемидрахи входят в качестве младшего серебряного номинала в предшествующую группу серебра аналогичного типа.

⁴ Тип медных монет с головой Геракла и бодающим быком стилистически и сюжетно весьма близок гемидрахам типа: Анохин. Ук. соч. № 127—130. Сближает эти монеты и характер расположения легенды на реверсе: название города (ΧΕΡ) — сверху, магистратское имя — внизу под обрезом. Различный контингент магистратских имен на серебре и меди говорит, видимо, за чуть более поздний выпуск последней. В списке херсонесских астиномов с конца 30-х годов III в. до н. э. известны имена ΒΟΛΛΙΩΝ, ΔΕΛΦΟΣ (Кац. Ук. соч. С. 110, 105).

⁵ Магистратское имя ΧΟΡΕΙΟΣ известно среди выпусков меди конца IV в. (тип: коленопреклоненная Дева — грифон). Еще довольно ранние образцы начертания букв в имени ΞΕΝΟΚΛΕΩΝ: Ν — с заметно укороченной правой гаской (№ 143), форма Κ — все это свидетельствует, как кажется, о более ранней датировке монет типа голова Геракла (?) — палица, нежели 210—200 гг. в соответствии с датировкой В. А. Анохина, возможно, еще первой половиной — серединой III в. На амфорных клеймах Херсонеса имя Χορείος известно в первой и последней четвертях III в. до н. э. В последней четверти фиксируется имя Ξενοκλῆς (Кац. Ук. соч. С. 108, 111, 103, 106).

⁶ Относительно датировки монет типа: голова Геракла в львиной шкуре — прора, с именами ΣΙΛΑΝΟΥ, ΓΕΡΟΝΤΟΣ кажется убедительным обоснование А. Н. Зографа (Ук. соч. С. 151 сл.). Близким временем из типологических соображений следует, вероятно, датировать и медные монеты с изображением мужской головы на л. с. и проры на оборотной с именами ΑΛΚΙΝΟΥ, ΤΡΥΘΩΝ. Столь необычный сюжет — нос военного корабля — видимо, не случайно появляется в качестве монетной эмблемы. Отражая реальные исторические события, он напоминал о какой-то значительной морской победе. Весовое соотношение меди двух последних типов — 2 : 1.

они отправили в Тир множество сокровищ и самых дорогих жертвенных даров. Ниже Диодор поясняет сказанное: «...ибо, переселяясь из Тира, они (карфагеняне. — В. С.) имели обыкновение в первую очередь отправлять десятину именно этому богу из всех, оказывающихся на религиозной процессии. В дальнейшем же приобретя огромные богатства и предпринимая более значительные религиозные церемонии, отсылали совсем малое, обращая мало внимания на божество. Вследствие этого несчастья они, придя в раскаяние, снова вспомнили тирских богов διὰ δὲ τὴν συμφορὰν ταύτην εἰς μεταμέλειαν ἐλθόντες πάλιν τῶν ἐν τῇ Τύρῃ θεῶν ἐμνημόνεον» (Diod. XX.14.2).

Таким образом, используя новое посвящение и памятники, уже введенные в научный оборот, мы попытались выявить основные особенности культа Геракла в Херсонесском государстве. Насколько удалось показать хтоническая сторона в его культе если и имела место, то значительно уступала другой его стороне, которая, видимо, являлась основной в почитании Геракла. Речь идет о его сотерических функциях, о Геракле как покровителе и незримом, могущественном защитнике херсонесской земли. С точки зрения этих указанных в ходе всей работы особенностей в культе Геракла, как кажется, можно объяснить его большую популярность в рассматриваемый период резких внутри- и внешнеполитических перемен.

A NEW DEDICATION FROM THE NORTH-WESTERN CRIMEA
AND ASPECTS OF THE CULT OF HERAKLES
IN THE CHERSONESE STATE

V. F. Stolba

The article publishes a graffito of the fourth century B. C. on a fragment of a big black-glaze kantharos discovered at the Panskoe I site during the Tarkhankout expedition excavation in 1985. The inscription is a dedication to Herakles Soter, whose cult has not been previously recorded in the Chersonese state of Hellenistic times.

The author argues against those who assume that the cult of Herakles in and around Chersonesos had a predominantly chthonic character, adducing several additional arguments in support of the view that the cult of this hero was mainly soterical. The typology of Chersonese coins enabled the author to identify three main periods when the images of Herakles and his attributes formed coin types: 1) from the beginning to the middle of the fourth century B. C.; 2) from the end of the fourth century to the first third of the third century B. C.; 3) the last quarter of the second century B. C. A certain activation of the cult in these periods is also traced from other groups of memorials. The author is inclined to see the reason for such an obvious periodicity in the instability of external relations in the Western Crimea.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

АНТИЧНЫЙ МИР. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

© ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА И ГОСУДАРСТВО В АНТИЧНОСТИ

Концепция, положенная в основу статьи Е. М. Штаерман, во многом близка моим представлениям о природе и путях становления греческого полиса, которые я попытался сформулировать в некоторых ранее опубликованных работах. «Основная особенность полиса, отличающая его от всех других типов и форм организации господствующего класса, состоит в том, что государство, которое здесь, как и в других случаях, действует прежде всего как орудие классового господства, тем не менее сохраняет унаследованную от предшествующей исторической эпохи (эпохи первобытно-общинного строя) форму соседской общины... При этом община не вытесняется и не поглощается государством, как это обычно бывает в других раннеклассовых обществах, например, в странах Передней Азии. Напротив, само государство уподобляется здесь общине или, говоря иначе, конституируется как община, что позволяет считать полис особой, если можно так выразиться, сублимированной формой общины»¹.

Однако, как ясно следует из приведенной только что цитаты, по крайней мере в одном пункте наши позиции принципиально расходятся. В то время как Е. М. Штаерман склоняется к мысли, что римский полис в специфической форме республики сложился на базе по сути своей еще бесклассового общества (отсюда следует принципиально важный для автора вывод о том, что республика до начала эпохи гражданских войн в сущности еще не может считаться государством), я рассматриваю классический греческий полис как государство, хотя и в достаточной мере своеобразное.

Из рассуждений автора статьи следует, что греческий полис, как и римский, тоже не был государством, поскольку в нем, во-первых, еще не сформировались основные классы рабовладельческого общества, и, во-вторых, в нем еще не было специального аппарата принуждения, отделенного от народа. По мнению Е. М. Штаерман, греки вообще оказались неспособными самостоятельно создать у себя государство, и это сделали за них в конце концов эллинистические цари. Только так, очевидно, можно понять следующее высказывание: «И вряд ли могло существовать государство, совпадавшее с общиной граждан, где не было отделенного от народа аппарата принуждения и подавления. Только с дальнейшим разделением труда, конституированием класса рабов, с обострением конфликта внутри гражданского общества возникает потребность в государстве, привнесеном эллинистическими царями». Но если последовательно идти по этому пути, повинаясь логике автора, мы неизбежно столкнемся с целым

¹ Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 200 сл. См. также: *он же*. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Л., 1979. С. 20 сл.; *он же*. Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 9 сл.; *он же*. К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985 № 3. С. 25 сл.

рядом трудно разрешимых исторических парадоксов. Так, например, мы должны будем признать, что если в Спарте государство сложилось уже в IX в. до н. э. (сразу после прихода дорийцев в Лаконию) или же самое позднее в конце VII в. (после окончательного завоевания Мессении), так как масса поработанного илотского населения здесь, по свидетельствам древних, намного превосходила численность свободных граждан, то Афины еще и в V в., в пору расцвета демократической системы оставались бесклассовым и безгосударственным обществом, хотя по общему признанию всех историков древней Греции они в это время уже далеко опережали Спарту по уровню социально-экономического развития. Правда, мы и до сих пор не знаем, сколько рабов было в Афинах, скажем, во времена Перикла и в каком соотношении их численность находилась с численностью свободных граждан и других категорий населения. Тем не менее у нас вряд ли есть основания сомневаться в том, что уже в V в. концентрация рабов в таком крупном центре тогдашней мировой торговли, к тому же ведущем весьма активную великодержавную политику, была чрезвычайно высокой и основные социальные структуры рабовладельческого общества конституировались уже достаточно четко. В противном случае был бы трудно объяснить (исходя из концепции самой Е. М. Штаерман) затяжной кризис афинской гражданской общины, по существу начавшийся уже в годы Пелопоннесской войны.

Конечно, нельзя не считаться с тем, что развитие массы греческих полисов как в самой Греции, так и в пределах периферии шло крайне неравномерно и степень их участия в общегреческом процессе становления рабовладельческих отношений и рабовладельческого государства могла быть различной, так как зависела от множества привходящих факторов, в том числе от размеров и численности населения каждого отдельно взятого полиса, его участия в общегреческом товарообороте, колонизации, войнах с другими полисами и с варварскими племенами и т. п.

Если взять, так сказать, «среднестатистический» полис, то, учитывая его микроскопические размеры и преимущественно (еще и в V—IV вв.) крестьянское население, вполне можно представить его себе как довольно-таки примитивный социальный организм, видимо, и в самом деле недалеко ушедший в своем развитии от первобытной соседской общины. Но нельзя забывать также и о том, что полисы этого второго или даже третьего ряда были лишь частью довольно сложной системы классической греческой цивилизации, и, рассматриваемые под этим углом зрения, могут быть охарактеризованы как своего рода сельская периферия таких крупных экономических центров, как Афины, Коринф, Милет, Родос, Сиракузы и другие мегаполисы.

Если вернуться теперь опять к основной теме статьи — характеристике римской гражданской общины в пору ее относительной стабильности и процветания, то здесь нельзя не обратить внимание прежде всего на явно недостаточную освещенность социально-экономической истории Рима в источниках именно в этот период (IV — III вв.). Между двумя имеющимися в нашем распоряжении первоисточниками — «Законами XII Таблиц» и катоновским трактатом «О земледелии» — лежит огромная, почти ничем не заполненная хронологическая пауза, что само по себе должно нас предостеречь против слишком категоричных оценок состояния римского общества в этом временном промежутке. Недостаток конкретной информации вынуждает автора статьи довольствоваться в основном констатациями негативного порядка вроде того, что римские *ordines*, например, патриции и плебеи не могут считаться классами в собственном значении слова, а лишь «функциональными сословиями». Но по крайней мере какой-то процент в каждом из этих сословий могли составлять люди, владевшие рабами, хотя общая их численность нам, конечно, не может быть известна. Во всяком случае уже одно то, что Аппий Клавдий Цек считает необходимым в конце IV в. поставить вопрос о включении вольноотпущенников в римские трибы, свидетельствует о том, что эта социальная прослойка в тогдашнем Риме уже играла достаточно важную роль, очевидно, так же, как и порождающий ее класс рабов. Конечно, в чисто экономическом отношении Рим в это время еще сильно отставал и от Афин, и от Сиракуз, и от Карфа-

гена (известно, что первые серебряные монеты здесь начали чеканить лишь незадолго перед началом первой Пунической войны). Тем не менее трудно представить, чтобы республика, овладевшая к 70-м гг. III в. большей частью Италии, подчинившая себе все ее разноплеменное население, уже готовившаяся к борьбе за господство над Западным Средиземноморьем, в социальном и политическом отношениях все еще оставалась на уровне древней соседской общины или конгломерата таких общин. Тем более неприемлемой кажется такая оценка в приложении к Риму конца III — начала II в. до н. э., когда он уже сокрушил своего главного соперника — Карфаген и стал центром провинциальной системы, охватившей все северное побережье западной части средиземноморского бассейна. Правда, сам по себе факт завоевания, как справедливо замечает Е. М. Штаерман, еще не может служить непреложным свидетельством существования государства, поскольку известны многочисленные примеры подчинения одних варварских племен другим. Но начавшееся в III в. до н. э. формирование мировой Римской державы, конечно же, было явлением принципиально отличным, допустим, от покорения части галльских племен полудикими германцами во главе с Аристом (эта параллель проводится в статье).

Довольно много внимания уделено в статье известному марксистскому тезису, согласно которому государство возникает лишь вместе с «публичной властью, отделенной от массы народа». По мнению Е. М. Штаерман, такая власть в Риме впервые появилась лишь в период сулланской диктатуры, а окончательно была закреплена лишь с установлением принципата Августа, т. е. с переходом от республики к империи. Следовательно, еще и во II—I вв. до н. э., а не только в IV—III вв. Рим еще не был настоящим государством. В связи с этим, наверное, уместно будет напомнить о том, что сама формулировка «публичная власть, отделенная от массы народа», впервые была введена в оборот Ф. Энгельсом в V главе труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В качестве примера такого рода власти в классических Афинах Энгельс ссылается на существовавший здесь полицейский корпус из трехсот государственных рабов в основном скифского происхождения. Пример выбран явно неудачно, так как скифы-полицейские находились, как хорошо известно, в подчинении у пританов, а те, в свою очередь, зависели от Совета 500 и Народного собрания. И все же, признавая, что реальная власть в Афинах была сосредоточена в руках совета и народа, Энгельс находит возможным говорить об афинском государстве начиная, по крайней мере, со времени реформ Клисфена. В этой связи, наверное, стоит обратить внимание на неопределенность самого выражения «масса народа». Если в это понятие включаются только полноправные афинские граждане, то в рассуждения Энгельса в этом месте «Происхождения семьи...» явно вкралась логическая ошибка, так как никакой публичной власти, которая стояла бы над народным собранием, в демократических Афинах действительно не существовало, и, следовательно, мы должны согласиться с Е. М. Штаерман в том, что здесь еще не было в наличии главного определяющего признака государства. Но под «массой народа» можно понимать и все население Афинского государства, включая в него женщин, метеков, рабов, вольноотпущенников и другие его категории, не принимавшие реального участия в управлении делами полиса. По отношению к этой «массе народа» полноправные граждане составляли лишь незначительное меньшинство, которое вполне может расцениваться и как правящая элита общества, и как публичная власть, отделенная от его основной массы. Само собой разумеется, что в таких государствах, как Спарта или Рим, где власть народного собрания никогда не была столь же безграничной и всеобъемлющей, как в Афинах, пропасть между небольшой кастой власти имущих или людей, делающих политику, и теми, кто реального доступа к государственным делам не имел, была еще глубже. Едва ли есть надобность напоминать о том, что в Римской республике демократические потенции, заложенные в системе народных собраний, были в значительной мере сведены на нет противостоящей ей системой аристократических магистратур, которые и во времена империи продолжали замещаться выходцами из очень узкого круга нобилей.

Итак, при всей своей специфичности, во многом зависевшей от той роли, которую играли в ее жизни социальные и политические институты, унаследованные от эпохи родового строя, античная гражданская община, не исключая и такой ее конкретной разновидности, как Римская республика, несомненно, и может, и должна быть признана государством. Я готов согласиться с автором статьи в том, что становление римского государства было весьма длительным и сложным процессом, но мне трудно разделить ее убежденность в том, что процесс этот был настолько длителен, что то, что мы обычно принимаем за агонию республиканского строя, имея в виду события II—I вв. до н. э. или гражданские войны, на самом деле было родовыми муками, сопровождавшимися появлением на свет настоящей, а не мнимой государственной машины, первой в истории Рима.

Ю. В. Андреев

© РИМСКАЯ CIVITAS III—II вв. до н. э.:
АРХАИЧНЫЙ РАННЕКЛАССОВЫЙ СОЦИУМ
ИЛИ ГОСУДАРСТВО?

В статье Е. М. Штаерман поднят вопрос о соотношении понятий полис и государство. И греческому полису, и римской civitas доимперской эпохи отказано в праве называться государством, поскольку они, согласно ее точке зрения, не соответствуют представлению о мощном аппарате управления (и принуждения), выделившемся из гражданского общества и стоящем над ним. Второй аргумент Е. М. Штаерман против трактовки полиса как государства — указание на непрочный базис римской государственности, на слабое развитие классовой структуры и частной собственности в Риме до конца II в. до н. э.

Оставляя в стороне мое согласие или несогласие с конкретными характеристиками римского полиса, хочу кратко высказаться по сути самой проблемы. Каковы бы ни были наши представления о внутренней структуре римской гражданской общины, целостный образ Рима III—II вв. до н. э. резко контрастирует с обликом архаичного раннеклассового социума типа племенных варварских союзов эпохи Великого переселения народов (сравнение такого рода Е. М. Штаерман предпринимает в статье). Не только размах внешней политики Рима, но характер римских войн и дипломатии, сложная организация огромной державы, правовой и культурный уровень римского общества, его технические достижения, формы экономики являют собой тип мощной и достаточно зрелой державы. Непризнание ее государственной природы выглядит искусственным. Если Римская республика эпохи Пунических войн или полисы классической Греции, как полагает Е. М. Штаерман, не соответствуют нашим критериям определения государства, то позволительно заподозрить недостаточную аргументацию принятых в нашей науке определений государства. Понятия полис и государство не следует противопоставлять, но следует говорить о полисе как особом типе античного государства.

Именно так рассматривается полис в работе К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Маркс совершенно определенно ставит знак равенства между государством и античной гражданской общиной и выявляет особенности этого государства-общины, определяющие его неповторимое своеобразие.

Государство, как известно, появляется вместе с классами. Суть этого явления состоит в том, что частные интересы, интересы социальных групп, которые переросли

уже родовой строй, разрушают архаические родоплеменные структуры, образуя связи иного характера. Должен ли историк, исследующий процессы зарождения государственности, скрупулезно определять: класс ли это, или еще не класс? Можно ли точно установить соответствие между древними классами и сословиями? Есть ли надежные показатели, указывающие на степень развитости классовых отношений? Чаще всего — нет. Примечательно, что в том же блестящем очерке Маркса об античной форме собственности говорится об идеальной модели государства — общины — полиса как о бесклассовом социуме, базу которого составляют равноправные сограждане.

В самом деле, для истории формирования и греческих полисов, и раннего Рима характерен период мучительного изживания существенных классовых противоречий, естественно зарождавшихся внутри гражданской общины. Результатом этого процесса стал неповторимый феномен полиса, направлявшего государственную функцию подавления на массы людей *вне* гражданского коллектива (и это не только рабы, но неполноправные, союзники и различного типа подданные).

Общая черта античного пути развития государственности — затяжной характер процесса: для Греции два столетия борьбы демоса и аристократии, для Рима — патрициев и плебеев. Таким образом, можно согласиться с выдвинутым в статье Е. М. Штаерман тезисом о позднем становлении Римского государства, но с одной существенной поправкой: бурный период патрицианско-плебейских противоречий завершается к концу IV в.; его итог — устойчивая гражданская община-государство, римская *civitas* III—II вв. до н. э.

Е. М. Штаерман дает оригинальную характеристику патрициев и плебеев. К ее наблюдениям хочется прибавить следующее соображение. Римская историография в лице Цицерона и Ливия дает весьма определенную картину возникновения двух основных сословий: патриции — сенатские семьи царской эпохи (потомки сенаторов — *patres*), плебеи — остальная масса членов римской общины. По свидетельству латинских авторов, сенат утратил характер аристократической корпорации с первого года Республики, когда плебеи вошли в курию без изменения своего сословного статуса. Факты римской традиции хорошо согласуются с этой схемой.

Не разделяя основного вывода статьи Е. М. Штаерман, хочу приветствовать творческий импульс работы. Ее полемический характер призывает к тщательному конкретному изучению аппарата власти Римской республики, в частности — к исследованию низших магистратур и корпораций рядовых платных служащих, работавших в канцеляриях выборных магистратов. Но главное достоинство статьи состоит в том, что в ней остро и ярко вновь поставлена проблема самого понятия государства, большей или меньшей гибкости этого понятия.

Н. Н. Трухина

© ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Для решения вопроса о том, когда, почему и как возникает государство, необходимо прежде всего договориться об основных понятиях, которыми мы будем оперировать. Важнейшее место среди них занимает, разумеется, определение государства. Е. М. Штаерман дает такое определение на первой же странице своей статьи: «...государство, т. е. оторванный от народа аппарат принуждения, действующий в интересах класса эксплуататоров...». Далее сказано, что государство возникает, «...когда власть, сложившаяся в рамках родовой, общинной организации, уже оказывается неспособной обеспечить функционирование жизнедеятельности общественного организ-

ма». Не противоречат ли эти части одной и той же фразы друг другу? Нет — но лишь в том случае, если считать, что обеспечение функционирования жизнедеятельности общественного организма и осуществляется в интересах класса эксплуататоров или, точнее говоря, что оба эти понятия тождественны. Такая тождественность, однако, вызывает серьезные сомнения. Вряд ли правильно сводить государство к аппарату принуждения, т. е. государственному механизму, его институтам и учреждениям, и забывать о том, что государство — это прежде всего люди, определенным образом организованный человеческий коллектив.

Мы еще вернемся к вопросу об определении государства, сейчас же отметим, что Е. М. Штаерман, исходя из своего определения, приводит затем факты, свидетельствующие, по ее мнению, о том, что в полисах нет еще сложившихся классов и оторванного от народа аппарата управления. Отсюда вполне логично следует вывод, что полис не является государством. В Риме, считает Е. М. Штаерман, государство сложилось во времена Августа. С другой стороны, Э. Д. Фролов в своей недавно вышедшей книге «Рождение греческого полиса» (Л.: ЛГУ, 1988) без колебаний именует греческий полис государством. Определения государства он, правда, не дает. Не являясь античником, я не могу в полной мере оценить аргументацию авторов, но следует отметить, что у Э. Д. Фролова есть сильный союзник — Аристотель. В своих сочинениях «Политика» и «Афинская политика» он рассматривает различные формы государства, среди которых центральное место занимает полис. Мнение Аристотеля важно как отражение общественного сознания: жители полиса считали, что они живут в государстве, как персы, египтяне, финикийцы и т. д., только в лучше устроенном. Социально-психологические факторы, к сожалению, нечасто учитываются в наших работах, ибо наш исторический материализм лишь в самые последние годы стал избавляться от упрощений. Между тем эти факторы играют в истории чрезвычайно большую, нередко решающую роль. Мы часто повторяем слова К. Маркса о том, что идея становится материальной силой, когда она овладевает массами, но боязнь быть уличенными в субъективизме мешает сделать соответствующие выводы.

Итак, можно полагать, что государство — это прежде всего человеческий коллектив, считающий себя государством, т. е. общество, обладающее соответствующим сознанием. Это самосознание, будучи гражданским и классовым, коренным образом отличается от самосознания первобытнообщинного. Возникшее государство воспринимается как некое высшее единство, воплощенное в «городе», «полисе», «стране» — но никогда в царе. Этому единству служат все, в том числе и царь (даже обожествленный). Другим воплощением такого единства является закон — слышимый и ведомый всем голос высшей справедливости, независимой от кого бы то ни было (законодатель — только орудие этой справедливости). Вот почему я полагаю, что именно наличие закона и есть тот маркирующий признак, который позволяет уверенно констатировать наличие государства. Надо, однако, помнить, что право делало тогда свои первые и самые трудные шаги, и не следует оценивать его уровень развития, сравнивая с правом позднейшим. Даже в наше время законы далеко не всегда исполняются автоматически. Тем более это относится к древнейшим законам — и на Западе, и на Востоке.

Основная функция государства — та же, что и у родоплеменного общества: поддержание гомеостаза путем осуществления социального контроля. В первобытном обществе интересы единообразны, нормы поведения одинаковы для всех и в высокой степени интериоризированы. Поэтому в подавляющем большинстве случаев «общественное мнение», т. е. социальная и индивидуальная психология, является главным орудием социального контроля. К принуждению прибегали в редчайших случаях. С усложнением общественных отношений для сохранения гомеостаза важнейшее значение приобретает организаторская функция (сюда включается не только хозяйственная, но и военная организация), а также учет противоречивых интересов различных частей общества. Степень интериоризации поведенческих норм резко уменьшается, общественное мнение перестает быть единогласным. Поэтому и появляется необходимость

в принуждении — прежде всего, конечно, в отношении угнетенных, но обязательно также и в отношении угнетателей — чтобы удерживать их в определенных рамках. Архаические мифологии всех народов содержат рассказы о наказаниях за гордыню, своеволие. Понижение уровня интерпретации поведенческих норм ведет к появлению и права, и аппарата принуждения.

Переход от первобытной общины к гражданскому обществу повсюду знаменуется бурными внутренними конфликтами и социальной нестабильностью. Известно и широко цитируется антикниками стихотворение Феогнида:

Город наш все еще город, о Кирн, но уж люди другие:
Кто ни законов досель, ни правосудия не знал,
Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
И за стеной городской пасся, как дикий олень —
Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали. Ну, кто б все это вытерпеть мог?

Стихотворение это следует рассматривать в более широком контексте. В «Вавилонской теодицее» (она на 500 лет старше Феогнида) Страдалец указывает на «перевернутость» прежних порядков:

В жалкое рубище одет царевич —
В роскошный наряд облачен сын бедняка и голодранца.
Кто солод стерг — золотом владеет,
Кто мерой червонное мерил — тяжкую ношу таскает.
Кто ел одну зелень — пожирает обед вельможи,
А сыну почтенного и богатого — дикий плод пропитанье!

Такого рода мотивы встречаются и в ряде других произведений вавилонской литературы (в «Эпосе Эрры», в некоторых гимнах богам, в тексте, обнаруженном в Угарите). Наконец, все тот же мотив «перевернутого мира» мы находим в Египте — в знаменитом «Поучении Ипусера» и в ряде других текстов.

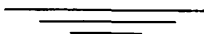
До сих пор идут дискуссии о том, представляют ли эти сочинения чисто литературный жанр или отражают реальные общественные смуты, имевшие место в начальном периоде гражданского общества. По-видимому, мы имеем здесь дело с тем редким случаем, когда истина действительно лежит посредине: реальные смуты породили литературный жанр и способствовали его широкому распространению. Именно к такого рода смутам относятся, видимо, борьба между патрициями и плебеями в Риме и события, предшествующие реформам Солона в Афинах. Но в целом к событиям подобного рода, где бы и когда бы они ни происходили, приложимо известное замечание К. Маркса, охарактеризовавшего римскую историю до эпохи Августа как борьбу между крупным и мелким землевладением. С точки зрения долго господствовавшего в нашей науке упрощенного понимания марксизма такое высказывание К. Маркса выглядит «немарксистским»: он видит основное общественное противоречие не во взаимоотношениях между рабовладельцами и рабами, а в обществе свободных граждан. Однако именно противоречие между свободными и создает государство, которое оказывается полезным также и для множества других целей, как внешних, так и внутренних.

В тех случаях (а их большинство), когда крупные земельные собственники очень быстро оказываются у власти, новорожденное государство, пройдя стадию военной демократии, превращается в монархию. Когда же в силу различного рода обстоятельств на более или менее длительное время устанавливается равновесие, военная демократия сохраняется и превращается в полис. Полис, таким образом, есть государство особого рода. Он представляет собой первобытную общину, сохраняющуюся в условиях, когда уже возможна и необходима эксплуатация, т. е. общину, ставшую государством. В этом государстве аппарат принуждения и войско тождественны народу. Последствия такого слияния многочисленны и разнообразны, но среди них необходимо выделить социально-

психологические факторы. В полисе, в отличие от монархии, сохраняется (и даже усиливается) характерная для первобытной общины высокая степень интериоризации поведенческих норм, относящихся к гражданским правам и обязанностям. Полисное гражданское самосознание, подобно античному искусству, остается для нас и нормой и недостижимым образцом (К. Маркс). Именно оно и породило плеяду великих личностей, которая не имеет аналогий в истории.

Но все эти преимущества полиса не могли сохраняться долго. Достигнутое равновесие было хрупким, расширение полиса за его первоначальные пределы — неизбежным. Тирания, олигархия и охлократия, как три мифических чудовища, подстерегали каждый его неверный шаг. Магистральный путь истории вел к созданию территориальных государств (Афинская морская держава и Пелопоннесский союз были неизбежными шагами в этом направлении), а затем — к империям. Полностью этот путь прошел только Рим, но это уже относится к превратностям исторических судеб. Поэтому едва ли прав Э. Д. Фролов, когда он пишет, что полис был «удивительным по своей компактности и жизнестойкости» организмом, «весьма действенной формой государственности» (ук. соч., с. 227). Двойственная природа полиса (государство — община) предопределяла и его блестящие культурные достижения, и его экономическую и политическую нестабильность и недолговечность. В составе Римской империи гордые полисы стали смиренными муниципиями, которые даже для строительства городской бани испрашивали соизволение императора. Поэтому полис можно было бы рассматривать как случайное и экзотическое явление в мировой истории. Так, впрочем, и считают нередко участники дискуссий о социально-экономических формациях. Но «камень, отвергнутый строителем» две тысячи лет назад, «лег во главу угла» европейской цивилизации.

В. А. Яковсон

О СТЕПЕНИ ДОСТОВЕРНОСТИ ЧИСЛОВЫХ ДАННЫХ В СКИФСКОМ РАССКАЗЕ ГЕРОДОТА

В главах «Истории», где Геродот сообщает о походе Дария на скифов и дает описание их страны, встречается немало цифр. Обычно исследователей интересовали различные измерения, с помощью которых можно наложить на современную карту места обитания древних народов¹. Между тем числа в Скифском рассказе, как нам представляется, несут весьма многообразную информацию. До сих пор еще не обращали должного внимания на анализ контекста, в котором употребляются цифры, на фольклорное происхождение многих из них. Принято лишь отмечать трафаретность таких цифр, как 3, 7, 40, 600, 700 000². Однако в каждом конкретном случае требуется специальное изучение для понимания того, что скрывается за цифрой Геродота — реальное или условное число и почему историк назвал именно его.

Если цифра заимствована из устной традиции, то непременно надо иметь в виду, что числа в фольклоре играют специфическую роль. Они часто сохраняют древнейшее их восприятие, присоединяясь к существительному как прилагательное³. В таком случае они информируют не столько о точном количестве, но о качестве предметов, которым присуще какое-то множество. В устной традиции разных народов широко известны излюбленные числа 3, 7, 9, 10, 12, 40, 1000 и др. Ученые пытаются определить семантику каждого из них⁴. В контексте фольклорного рассказа они не говорят о точном количестве, а рисуют привычный обобщенный образ перечисляемых объектов. Например, 40 или 1000 лет в фольклоре — это не определенный отрезок, а стандартный большой промежуток времени: 40 — в пределах человеческой жизни, 1000 — в истории этноса. В целом же надо помнить вывод В. Я. Проппа: «Счет в фольклоре так же условен, как условно пространство и время»⁵.

¹ Артамонов М. И. Этногеография скифов // Уч. зап. ЛГУ. 1949. Т. 85; он же. Киммерийцы и скифы. Л., 1974; Граков Б. Н. Скифы. М., 1971; Тереножкін О. І., Ільїнська В. А. Скифський період // Археологія УРСР. Т. 2. Київ, 1971; Рыбаков Б. А. Геродотовы Скифия. М., 1979.

² Шишова И. А. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 25. Прим. 48.

³ Нейгебауэр О. Лекции по истории математических наук. М. — Л., 1937. С. 98.

⁴ Топоров В. П. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3—58; Новичкова Т. А. Традиционные числа в былинах // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка. 1984. Т. 43. № 2. С. 144—155.

⁵ Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Русская литература. 1963. № 3. С. 71.

В Скифском рассказе Геродот употребил 23 различные цифры⁶, причем некоторые по несколько раз. Из первого десятка встречаются все цифры, кроме 9, далее следует 11, 14, 15, 20, а после 20 только кратные 10—100 и т. п.

Сводная таблица чисел в Скифском рассказе Геродота

1	Употребляется в разных случаях: IV. 62, 72, 101
2	IV. 82 — размер следа Геракла; IV. 89 — расстояние от устья Истра до моста в днях плавания
3	IV. 5 — сыновья Таргитая; IV. 10 — сыновья Геракла и змееногой богини; IV. 110 — корабли амазонок; IV. 62 — изменение скифского святилища; IV. 18 — протяженность территории скифов-земледельцев
4	IV. 52 — отрезок в днях пути по Гипанису
5	IV. 47 — устья Истра; IV. 48 — притоки Истра; IV. 52 — отрезок в днях пути по Гипанису
6	IV. 81 — толщина котла Арманта, кратность его объема по отношению к кратеру Павсания
7	IV. 24 — языки и переводчики; IV. 22 — размер пустыни севернее будинов в днях пути
8	IV. 51—57 — главные реки Скифии; IV. 28 — месяцы стужи в Скифии; IV. 124 — крепости Дария на Танаисе
10	IV. 53 — протяженность территории скифов-земледельцев по Борисфену в днях плавания
11	IV. 18 — протяженность территории скифов-земледельцев в днях пути; IV. 137—138 — греческие тираны
14	IV. 19 — протяженность территории скифов-кочевников в днях пути
15	IV. 21 — протяженность территории савроматов в днях пути
20	IV. 101 — протяженность Скифии от Истра до Борисфена и от Борисфена до Меотийского озера в днях пути
40	IV. 53 — дни плавания по Борисфену до Герров; IV. 73 — дни в погребальном обряде скифов
50	IV. 72 — слуги и лошади, принесенные в жертву на могиле скифского царя
60	IV. 98 — узлы, завязанные Дарием; IV. 98, 133 — количество дней охраны моста на Истре; IV. 124 — расстояние между крепостями Дария
100	IV. 62 — один из ста пленников приносится в жертву
150	IV. 62 — повозки хвороста для святилища скифского бога войны
200	IV. 101 — количество стадиев в день пути
600	IV. 81 — объем котла Арианта; IV. 87 — корабли Дария
1000	IV. 7 — время от царя Таргитая до похода Дария
4000	IV. 101 — измерение «скифского четырехугольника» в стадиях
700 000	IV. 87 — войско Дария

⁶ Здесь не учитывается измерение величины Понта (IV.85), так как оно выходит за рамки непосредственно Скифского рассказа.

Сведенные в таблицу числа ясно указывают на десятиричную систему счисления, которой, как известно, пользовались греки.

Чаще всего в Скифском рассказе цифры характеризуют различные географические величины: длину рек, площадь Скифии, территорию, занимаемую разными племенами. Заметную группу составляют измерения всевозможных достопримечательностей (скифского святилища, котла Арианта, следа Геракла). В особую группу выделяются числа, включенные в ткань подробно изложенных мифических сказаний. Наконец, есть упоминания о количестве самых разнообразных предметов (крепости, повозки хвороста, пленники).

В мифических сказаниях, записанных Геродотом в Северном Причерноморье, встречаются традиционные числа 3 и 1000. У героев фольклорных сказаний обычно бывает три сына, младшему из которых достается царская власть. Таковы три сына Таргитая: Липоксай, Арпоксай и Колаксай, а также сыновья Геракла и змееногой богини Агафирс, Гелон и Скиф.

Чисто фольклорным следует считать сообщение и о трех кораблях, на которых амазонки прибыли на берега Меотиды (IV.110). Таково же утверждение скифов, что от первого их царя Таргитая до похода Дария прошло 1000 лет (IV.7) ⁷.

Наряду с 1000 из рассказов скифов происходят цифры 50, 100 и 150. 150 повозок хвороста требуется для сооружения святилища в честь скифского бога войны, где приносят в жертву одного из каждых 100 пленников (IV.62). На могиле скифского царя через год после его смерти удавливают 50 слуг и 50 лошадей (IV.72). Таким образом получается ряд 50, 100, 150, 1000, который также позволяет предположить, что скифы пользовались десятиричной системой счисления. Это наиболее распространенная в мире, но не единственная (известны также двоичная система у древних египтян, двадцатиричная у галлов, шестидесятиричная на древнем Востоке) система счисления, происхождение которой, как отметил еще Аристотель, связано с количеством пальцев на наших руках ⁸.

Естественно, что в фольклоре восточных народов, в том числе персов, должна была отразиться их система счисления (цифры 6, 60, 600 встречаются у них в тех случаях, где у народов с десятиричной системой — 10, 100, 1000), известная Геродоту, вероятно, в передаче их соседей ионийских греков: достаточно напомнить его большой рассказ о детстве Кира, в котором в полной мере сохранились черты фольклорного стиля изложения (I.108—116), или новеллу о возвышении Силосонта при Дарии (III.139—140) ⁹.

Сведения Геродота о походе Дария на скифов базируются главным образом на устной традиции, хотя в предшествующей литературе существовали записи по крайней мере об отдельных эпизодах похода. В передаче Климента Александрийского (Strom. V. 8. 44) сохранилась цитата из сочинения философа Ферекида, где сообщается о послании Идафирса Дарию. В общих чертах оно сходно с записанным у Геродота (IV. 131), но детали существенно различаются; Ф. Якоби решительно утверждал,

⁷ Д. С. Раевский сопоставил это число с числами в подобном контексте в индоиранской мифологии (Раевский Д. С. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция. 1969. М., 1971. С. 280).

⁸ Башмакова И. Г., Юшкевич А. П. Происхождение систем счисления // Энциклопедия элементарной математики. Т. 1. М.—Л., 1951. С. 12—13.

⁹ Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 80.

что письменные источники о войне персов со скифами играли второстепенную роль в этих главах «Истории»¹⁰. Память о походе долго сохранялась как среди персов, так и у ионийских греков, оказавших помощь персидскому царю¹¹. Геродот перечислил 11 греческих тиранов (IV. 137—138), которые с многочисленным экипажем своих судов построили мост на Истре для переправы персидского войска, а затем охраняли его, ожидая возвращения персов. Особо важную роль при этом сыграл милетский тиран Гистией. Он обманул скифов, требовавших уничтожить мост, и организовал быструю переправу персов на обратном пути из Скифии.

Обстоятельное повествование о политической деятельности Гистиея и другого милетского тирана Аристагора говорит о детальном знакомстве Геродота с историей Милета, сохранившейся не только в документах, но главным образом в исторических новеллах, в которых надо видеть один из основных источников информации о скифо-персидской войне. То, что историк бывал в Милете и собирал там материалы для своего труда, можно заключить и из других частей его сочинения¹².

Иония и, в частности, Милет считался родиной новеллы, особого жанра греческого фольклора¹³. В форму новеллы облекались сообщения об исторических событиях, а также всевозможных бытовых происшествиях. В таком виде в ионийских городах сохранялись воспоминания об участии их граждан в скифском походе Дария. Эти рассказы наряду с документами и памятными посвящениями¹⁴ использовали греческие писатели, обращавшиеся к подобным темам.

Ионийские новеллы кроме непосредственных впечатлений участников похода ассимилировали рассказы персов, с которыми ионяне находились в постоянном контакте. Выразительный пример сплава греческой и персидской традиции представляет, на наш взгляд, сообщение о действиях Дария у Истра на границе со Скифией. Накануне вступления войска в Скифию царь связал 60 узлов на ремне и приказал грекам, развязывая ежедневно по узлу, ждать его и охранять мост через Истр, а когда узлы кончатся, прекратить ожидание, разрушить мост и возвращаться на родину (IV. 97—98). Геродот пишет, что персидское войско дошло до Танаиса и вернулось обратно, лишь немного превысив срок, назначенный Дарием.

Продолжительность в 60 дней для столь далекого военного похода казалась невероятной еще в древности. Страбон писал, что Дарий дошел лишь до Тираса (VII. 3. 14). Ряд современных исследователей определяет конечный рубеж продвижения персидского войска на Днестре или на Днестре¹⁵. Однако за последние годы неоднократно высказывались дово-

¹⁰ Jacoby F. Herodotos // RE. Supplbd 2. 1913. Sp. 433.

¹¹ Д. С. Раевский (Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 56—59) полагает, что многие сведения о походе Дария на скифов Геродот почерпнул из скифского эпоса. Мы не рассматриваем этот источник, полагая, что исследуемые нами цифровые данные восходят все же не к нему.

¹² Доватур. Ук. соч. С. 75.

¹³ Frenkner S. The Greek Novella in the Classical Period. Cambr., 1958.

¹⁴ Геродот упоминает о картине в храме Геры на Самосе, где был нарисован мост, построенный Мандроплом через Босфор Фракийский (IV. 88), а также о двух стелах с перечислением всех племен, участвовавших в походе (IV. 87).

¹⁵ Артамонов. Киммерийцы и скифы. С. 77; Граков Б. Н. Скифы. Київ, 1947. С. 23; Хенниг Р. Неизвестные земли. Т. 1. М., 1961. С. 196 сл. И. В. Руклина (Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 137—142) полагает, что сообщение о персидском войске у Танаиса и в области будинов и гелонов относится к другому походу Дария.

ды в защиту достоверности сведений Геродота относительно сроков похода и его конечного рубежа на Танаисе ¹⁶.

У современного читателя вызывает удивление, как Дарий, отправляясь в малоизвестную страну и не зная, каким образом развернутся военные действия, заранее определили число дней, в которые он должен уложиться. В научной литературе отмечалась также слишком примитивная для персов и греков того времени форма счета дней по узлам на ремне ¹⁷.

Все названные затруднения в понимании смысла анализируемых глав «Истории» находят объяснение, если предположить, что здесь мы имеем дело с записью устного предания, бытовавшего ко времени Геродота уже более полувека. Исторические события осмыслены в фольклорных канонах; переправа Дария через Истр, где он у моста оставил охрану, связана с распространенным фольклорным мотивом: наказ ждать определенный срок, после которого ожидающий должен произвести то или иное действие (в данном случае разрушить мост) и может считать себя свободным от всяких обязательств. Срок в таких случаях определяется традиционным фольклорным числом, а 60 — круглое традиционное число для народа, использующего шестидесятиричную систему, что вызывает предположение о возможно персидской фольклорной основе рассказа, переданного Геродотом.

Фольклористы пришли к заключению, что, оформляясь в предание, рассказ об историческом событии подводится под одну из традиционных схем. В народном сознании исторические факты превращаются из «бессодержательной с мифопоэтической точки зрения цепи событий в набор осмысленных, т. е. канонических сюжетов»: историческим лицам приписываются такие свойства, которые позволяют им быть значимыми персонажами и с фольклорно-мифологической точки зрения ¹⁸.

Таким образом, в названной у историка продолжительности похода в 60 дней не содержится никаких реальных указаний на длительность пребывания Дария в Скифии, и этим числом нельзя пользоваться для каких-либо расчетов.

В качестве двух из многих возможных параллелей к фольклорному сюжету в рассказе о Дарии приведем по примеру из греческой мифологии и из восточных сказок, сюжеты которых уходят далеко в глубь веков. В поисках Немейского льва Геракл зашел к поденщику Молорху. Геракл велел ждать его 30 дней, сказав, что, если по истечении срока он не вернется из Немейской рощи, то Молорху нужно приготовить поминательную жертву по погибшему герою ¹⁹. В мифе заметно полное сходство сюжета с рассказом о действиях Дария у моста через Истр. Подобно Гераклу перед сражением с Немейским львом Дарий накануне вторжения в Скифию определяет срок для совершения задуманного похода и говорит, что делать в случае, если он не вернется.

Из восточного фольклора русскому читателю хорошо известна по записи М. Ю. Лермонтова одна сказка, в которой прослеживается мотив, схожий с интересующим нас сюжетом. Ее герой Ашик-Кериб отправля-

¹⁶ Рыбаков. Ук. соч. С. 280; Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984. С. 81—110.

¹⁷ Ср. комментарии к рассматриваемой главе Геродота в изданиях Абихта и Хау-Уэллса: *Herodotos. Erklärt von K. Abicht*. Lpz., 1869; *How W. W., Wells J. A. Commentary on Herodotus*. Oxf., 1928.

¹⁸ Левитон Г. А. Предания и мифы // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 333.

¹⁹ *Apollod. Bibl.* II. 74.

ется на поиски богатства и наказывает своей невесте ждать семь лет, после чего она может выйти замуж за другого ²⁰. В сказке определен фольклорным числом срок путешествия героя, и рассказчика не интересует, что семь лет в реальности слишком продолжительное время для ожидания, в течение которого девушка станет, по восточным понятиям, слишком старой для невесты. Очевидно, сходным образом рассказчики о походе Дария не задумывались, насколько 60 дней соответствовали времени, затраченному на поход в Скифию.

В той же фольклорной традиции находит объяснение архаичная форма счета узлами, которой пользуются народы, не достигшие высокого уровня цивилизации: например, племена в Перу, ведущие запись чисел при помощи веревок с узелками (квипу) ²¹. В фольклоре, как известно, часто сохраняются упоминания об архаичных, давно вышедших из употребления обычаях, обрядах и т. п. ²²

Историческое предание о походе Дария было обработано в устной традиции по образцу распространенного фольклорного сюжета о походе героя на врагов. В рассказ органично вошли привычные фольклорные аксессуары этого сюжета. К ним относится определение срока ожидания в 60 дней и форма отсчета этих дней. В этот ряд встает и фигура мудрого советчика Коя, который отговорил Дария от опрометчивого решения немедленно после переправы в Скифию разрушить мост. На фольклорное происхождение этого образа указывал еще В. Али ²³. В речи Коя Д. П. Каллистов правильно усмотрел осмысление событий похода, появившееся уже после него ²⁴. Ведь Кой предсказал причины неудач Дария, заключавшиеся в особой тактике ведения войн скифами, у которых не было поселений и крепостей, требовавших защиты.

Отмеченные фольклорные черты в главах 97 и 98 накладываются на реальную основу рассказа, в котором запечатлелся ряд исторических фактов. К ним относится наведение греками моста через Истр, переправа через него персидского войска, приказ Дария охранять мост до его возвращения, требование скифов разрушить мост, помощь милетского тирана Гистия при обратной переправе персов. Однако эти факты осмыслены фольклорным мышлением их передатчиков, и Геродот записал их близко к устному оригиналу. Недаром почти все содержание рассматриваемых глав заключено в прямые экспрессивные речи действующих лиц: царя Дария, советчика Коя, тирана Гистия и скифов. Подобные речи, как показал В. Али, — верный признак устного источника Геродота ²⁵.

Цифры, связанные с шестидесятиричной системой счисления, нередко встречаются в труде Геродота, в том числе и в Скифском логосе. Как и в разобранный выше случае, они обычно восходят к персидской традиции. Таковы расстояния «около 60 стадиев» между крепостями Дария на реке Оар (IV. 124) или 600 кораблей во флоте царя (IV. 87). Такое же количество судов, по словам Геродота, персы собрали для осады Милета (VI. 9) и покорения Афин (VI. 95). Цифра эта совершенно нереальна хотя бы

²⁰ В книге И. А. Андроникова «Лермонтов в Грузии в 1837 г.» (М., 1955. С. 134—148) приведены варианты этой сказки, записанной у восточных народов.

²¹ Башмакова, Юшкевич. Ук. соч. С. 19.

²² Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 183.

²³ Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921. S. 270.

²⁴ Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 136.

²⁵ Aly. Op. cit. S. 241.

из-за того, что численность экипажа должна была на них достичь 100 000 человек ²⁶.

Столь же не отвечает действительности численность войска Дария — 700 000. Основываясь на расчетах историка военного искусства Г. Дельбрюка ²⁷, Е. В. Черненко показал, что 700-тысячное войско должно было растянуться по Скифии на расстояние около 500 км, если бы следовало одной колонной. Даже при продвижении несколькими параллельными колоннами протяженность их совершенно несообразна с реальностью. То же самое можно сказать о возможности прокормить такое количество людей в условиях военных действий ²⁸.

Происхождение столь нереальных цифр войска и флота Дария следует искать в традиционных числах фольклора, из которого они и перешли в литературу греков ²⁹. 70 и кратные ему числа, как показал А. Драйценер, не означали точного количества, а указывали на предельно крупную величину ³⁰. Геродот же лишь записал цифры, сообщенные его информаторами. Их «достоверность» подтверждалась, наверное, в глазах историка еще и тем, что разные люди называли одни и те же привычные цифры, хотя ни рассказчики, ни слушатели не задавались целью проверить их реальность.

600 при шестидесятиричном счете было крупным круглым числом, и поэтому получалось так, что в трех различных случаях, по словам Геродота, персы собирали флот такого количества. Поход персов против греков был более грандиозным, чем против скифов, поэтому Геродот сообщал, что собралось войско, в шесть раз превосходящее то, которое шло на скифов. В фольклоре народов с десятиричной системой счисления было бы увеличение в 10 раз, и оно не воспринималось бы читателем как нечто точное.

Числа, кратные 6, не были чужды греческой практике, особенно в системе мер и весов, в которой греки многое заимствовали с Востока (например, талант делился на 60 мин). В «Истории» Геродота несколько раз упоминаются объемы, кратные 6 ³¹. Особенно наглядно эти числа представлены в описании котла, изготовленного по велению скифского царя Арианта (IV. 81). Его толщина — шесть пальцев, вместимость 600 амфор, он в шесть раз больше кратера Павсания, поставленного у входа в Понт. Минимальный вес такого котла, по расчетам современных ученых, составил бы 21 654 тонны, емкость — 11 760 литров, количество наконечников стрел, из которых его отлили, — 6 155 000 штук ³². Конечно, котел таких габаритов не мог существовать в реальности ³³, однако это не доказательство, что котла Арианта вообще не было и что следует считать выдумкой слова Геродота о том, что он или кто-то из его информаторов видел этот котел ³⁴.

²⁶ Черненко. Ук. соч. С. 20.

²⁷ Дельбрюк. Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. М., 1936. С. 47, 73.

²⁸ Черненко. Ук. соч. С. 19.

²⁹ Ср. упоминание о 700-тысячном войске в речи Исократа (Panath. 40).

³⁰ Dreizehnter A. Die rhetorische Zahl; quellen-kritische Untersuchungen anhand Zahlen 70 und 700. München, 1978. S. 85.

³¹ Armayor O. K. Did Herodotus ever go to the Black Sea? // Harvard Studies in Classical Philology. 1978. V. 12. P. 57.

³² Armayor. Op. cit. P. 62; Черненко. Ук. соч. С. 51.

³³ Armayor. Op. cit. P. 52 f.; Черненко. Ук. соч. С. 51.

³⁴ Такова система доказательств О. Армайора (Op. cit. P. 62).

Фразу «Для тех, кто его (котел. — М. С.) никогда не видел, я разъясню это следующим образом» можно расценить как свидетельство автопсии Геродота³⁵, но также можно предположить, что греки, жившие в Северном Причерноморье, видели этот котел и таким образом описали его Геродоту. Подобно тому как нет оснований для сомнения относительно большого (но не состоящего из 600 кораблей) флота, взятого Дарием в скифский поход, так нет повода для отрицания существования котла Арианта в священной местности Эксампей, где найдены скифские городища³⁶. Хорошо известно, что скифы в своем быту пользовались большими котлами и умели сами их изготавливать³⁷. В Одесском археологическом музее находится редкий прекрасно сохранившийся образец такого котла второй половины VI — начала V в. до н. э.³⁸ (т. е. близкий по времени котлу Арианта), найденный в кургане близ села Мартонош Херсонской области. В той же области был обнаружен один из самых крупных скифских котлов весом около 122 кг³⁹.

Таким образом, для культовых целей скифы могли изготовить особо крупный сосуд, хотя его объем и толщина, сообщенные Геродотом, не соответствуют действительности, а представляют набор традиционных цифр, дающих представление о чем-то очень крупном. Такой же огромный объем в 600 амфор приписан историком серебряной чаше, дару Креза в Дельфы (I.51). В существовании посвящения Креза не приходится сомневаться, так как Геродот очень хорошо знал Дельфы и описал чашу как очевидец, указав, в каком месте храма она стоит, и отметив, как она своим видом выделяется из прочих⁴⁰.

Для создания наглядного образа у читателей Геродот часто приводил размеры описываемых им достопримечательностей. В Скифии таким способом охарактеризованы три объекта: упомянутый выше котел Арианта, святилище скифского бога войны (IV. 62) и отпечаток ступни Геракла (IV. 82).

Размер скифского святилища, соорудившегося из хвороста, историк (или его греческий информатор) определил на глаз в греческой системе мер длины: «приблизительно три стадия в длину и ширину». Хотя неизвестно, какой стадий — аттический (177,6 м) или ионийский (210 м) — имел в виду Геродот⁴¹, его сообщение дает возможность получить примерное представление о размерах сооружения.

На скале у берегов Тираса греки показывали отпечаток ступни Геракла размером в два локтя (локоть равен 46,2 см). Этот след, вероятно, связывали с мифом о скитаниях Геракла по Скифии в поисках своих коней, похищенных змееной богиней. На первый взгляд можно подумать, что Геродот сам измерил углубление в скале, напоминавшее по форме след, тем более глагол *φαίνομεν* — «показывают», по-видимому, даже

³⁵ С. А. Жебелев (Скифский рассказ Геродота // СП. С. 317) и Ф. Якоби (Op. cit. Sp. 252, 257) полагали, что Геродот видел котел Арианта, когда посетил Эксампей.

³⁶ Фабриціус І. В. Тясминська експедиція // Археологічні пам'ятки УРСР. 1949. Т. 2. С. 90.

³⁷ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36. С. 115.

³⁸ Дьямант Э. И. Литой бронзовый котел из Мартоношского кургана // МАСП. 1962. 4. С. 203—205.

³⁹ Синицын М. С. Некоторые собственно скифские элементы в культуре Геродотовой Скифии // ЗОАО. 1967. 2. С. 41.

⁴⁰ Лурье. Ук. соч. С. 13 сл.

⁴¹ Доватур А. И., Калистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 326. Прим. 510.

свидетельствует об автопсии Геродота ⁴². Но если вспомнить, что в фольклоре разных стран существовали рассказы об отпечатках ног богов и героев ⁴³ и что в Египте Геродоту рассказали о сандали Персея величиной в два локтя (II. 91), то возникает иное отношение к размерам скифской достопримечательности.

Мифические герои представлялись могучими людьми, гораздо крупнее простых смертных. В рассказах о героях подчеркивались их высокий рост и крупные размеры разных частей тела, в частности величина ступни в два локтя (около метра) была, по-видимому, некой трафаретной цифрой, поэтому совпадение длины ступни Геракла и сандали Персея неслучайно. Возможно, углубление в скале у берегов Тираса примерно соответствовало этой величине. Но в причерноморской легенде о скитаниях Геракла величина его ступни уже была заданной фольклорным сюжетом и только затем связана с определенным местом на Тирасе.

Наибольшее количество цифр в Скифском рассказе относится к различным расстояниям. С их помощью Геродот дает читателю представление о величине описываемой страны, протяженности ее рек, пространствах, занимаемых различными племенами или вовсе не населенных.

Площадь всей Скифии Геродот изображает как правильный четырехугольник со стороной 4000 стадиев. Такое расстояние можно, по мнению историка, преодолеть за 20 дней, так как день пути равен 200 стадиям (IV, 101). В научной литературе неоднократно отмечалась условность этого квадрата ⁴⁴. Многие исследователи справедливо считают квадратную форму Скифии связанной с одним из приемов греческой картографии VI—V вв. до н. э., и поэтому границы, намеченные Геродотом, нельзя считать соответствующими площади расселения скифских племен в V в. до н. э. ⁴⁵ Таким образом, цифра 4000 стадиев информирует лишь о том, как ионийские географы определяли площадь Скифии, одной из крупнейших известных грекам стран.

Геродот и его предшественники хорошо знали лишь южную границу Скифии по побережью Понта, которое было почти полностью освоено греческими колонистами. Устье Борисфена, вероятно, задолго до Геродота на ионийских картах помещали посередине северного побережья Понта. Таким образом оно оказалось центральным пунктом южной стороны скифского квадрата. Отсюда на запад считалось 10 дней пути до Истра и столько же на восток до Меотиды, хотя греки вряд ли пользовались здесь сухопутной дорогой, а пути местных племен не пролегали вдоль побережья.

Милетская колония на острове Березань, а затем Ольвия на Гипанисе действительно находились ближе всего к середине скифского побережья между Истрией на крайнем его западе и колониями на Боспоре Киммерийском на востоке. Но 10 дней сухопутного пути от Ольвии до этих колоний — исчисление округленное и не основанное на реальных данных. Ведь когда Геродот приводит размеры территории скифских племен к востоку от Ольвии по сведениям, полученным от местных жителей, то

⁴² *Jacoby*. Op. cit. Sp. 258; более осторожен в этом вопросе С. А. Жебелев (Ук. соч. С. 319).

⁴³ *How, Wells*. Op. cit. P. 405.

⁴⁴ *Граков*. Скифы. С. 15; *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 83; *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 27.

⁴⁵ *Жебелев*. Ук. соч. С. 343 сл.; *Шишова*. Ук. соч. С. 20; *Myres J. L.* An Attempt to Reconstruct the Maps Used by Herodotus // *Geographical Journal*. 1896. 8. P. 605; *idem*. Herodotus — Father of History. Oxf., 1953. P. 32.

выходит гораздо большая цифра. Земли только одних скифов-кочевников тянутся с запада на восток 14 дней (IV. 19).

В отличие от схематичного вида Скифии, представленного в главах 99—101, ее подробное описание в главах 16—58 основывается, вероятно, в значительной мере на собственных изысканиях автора⁴⁶. Как и в других своих географических экскурсах, он стремился не только описать страну, но и исправить свидетельства своих предшественников, опираясь на собственный опыт и наблюдения⁴⁷. Вероятно, Геродот заранее выбрал по карте Ольвию как наиболее удобное греческое поселение для знакомства со Скифией, так как город лежал посередине скифского побережья, как указал сам историк (IV. 17). Стремление попасть в центр (если не страны, то хотя бы границы) было связано у Геродота с присущей всем его современникам системой ориентации: географические описания строились на последовательном перечислении городов, стран, земель и других объектов, увиденных как бы из центральной точки ойкумены, где подразумевалось место нахождения автора⁴⁸.

Из Ольвии Геродот, вероятно, совершил небольшие поездки по Гипанису и Борисфену⁴⁹. Только собственные наблюдения или детальные рассказы очевидцев дали возможность историку отметить горький вкус воды в нижнем течении Гипаниса, местность Эксампей и стоявший там котел Арианта, а также сближение верховьев Тираса и Гипаниса, которое вряд ли могло быть нанесено на схематические ионийские карты⁵⁰. Подчеркнув, что немногие реки могут сравниться по величине с Гипанисом (*ποταμὸν ἐν ὀλίγοις μέγαν* — IV. 52), Геродот указал, однако, сравнительно небольшую протяженность этой реки: пять дней плавания от истоков по узкой части, а затем четыре дня плавания по более широкой вплоть до устья. Хотя расстояние в днях плавания можно определить лишь приблизительно, все же длина Южного Буга, с которым отождествляется Гипанис, намного больше отмеченной Геродотом. Из разных попыток современных исследователей объяснить это несоответствие наиболее удачной представляется гипотеза В. П. Яйленко. Не вполне точное выражение историка *ἀπὸ δὲ τοῦτο* создало впечатление, что судоходные отрезки реки в пять и четыре дня плавания следуют один за другим, на деле же речь идет о верхней и нижней части Гипаниса без учета его среднего порожистого течения⁵¹.

Начиная от Ольвии, Геродот перечислил племена, жившие по Гипанису к западу от Борисфена (IV. 17), а затем к востоку от этой реки (IV. 18—22). Размеры занимаемых ими территорий даны не для всех племен, а исключительно для тех, которые обитали восточнее Борисфена. Точнее всего определена территория скифов-земледельцев, восточных соседей Ольвии: в широтном направлении они занимали три дня пути, в меридиональном по Борисфену — 11 дней плавания (IV. 18). О размерах земель всех остальных племен либо не приведено никаких сведений, либо указывается их протяженность лишь в одном направлении. Таким образом, область скифов-земледельцев измерена с наибольшей точностью, возмож-

⁴⁶ Доватур, Каллистов, Шишова. Ук. соч. С. 222; How, Wells. Op. cit. P. 424.

⁴⁷ Шишова. Ук. соч. С. 17.

⁴⁸ Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 26.

⁴⁹ Jacoby. Op. cit. Sp. 252, 257; Жебелев. Ук. соч. С. 317.

⁵⁰ Шишова. Ук. соч. С. 24.

⁵¹ Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1. С. 55 сл.

ной для того времени, хотя день пути и день плавания — величины довольно неопределенные. В Скифском рассказе Геродот считает день пути равным 200 стадиям (IV. 101), а величину дня плавания нигде не определяет и не учитывает, что вниз по реке корабль идет скорее, чем вверх ⁵².

Геродот дважды говорит о протяженности территории скифов-земледельцев по Борисфену, причем один раз называет 11 (IV. 18), а другой — 10 дней плавания (IV. 58). В «Истории» это не единственный случай расхождения цифровых данных. По наблюдению В. Али, историк неоднократно не давал себе труда следить за согласованием приводимых им вычислений ⁵³. В данном случае Геродот, вероятно, взял сведения из разных источников: цифра 11 получена из сообщений тех, кто плывал по реке, а ниже приведено округленное число 10 в соседстве с явно нереальными 40 днями плавания по Борисфену до местности Герры ⁵⁴.

Последнюю цифру некоторые исследователи считали ошибкой переписчика и предлагали исправить 40 на 14, так как вся Скифия, по словам Геродота, простирается на север лишь на 20 дней пути ⁵⁵. Представляется верной догадка А. Хансена, высказанная еще в прошлом веке и не нашедшая широкого признания: исследователь связывал происхождение этого числа с похоронным обрядом скифов, так как в Геррах, до которых идет измерение длины Борисфена, находилось кладбище скифских царей (IV. 71) ⁵⁶. Геродот пишет, что у скифов принято до погребения в течение 40 дней возить умершего к разным друзьям (IV. 73), так что надо полагать, что и умершего царя до его погребения в Геррах возили 40 дней. Ритуальная поездка должна была длиться именно столько дней, независимо от того, с какого места она начиналась и какое расстояние следовало преодолеть. Греки же, жившие в устье Борисфена, узнав, что умершего недалеко от их города царя везут в Герры 40 дней, решили, что таково расстояние в днях пути туда по Борисфену.

Савроматы — последнее из племен к востоку от Борисфена, территория которых измерена в днях пути: она тянется с юга от берегов Меотиды на север 15 дней. Таким образом, Геродот получил относительно точные данные о размерах земель скифов-земледельцев, скифов-кочевников и савроматов. Все они жили на древнем торговом пути, пролегавшем от Северного Причерноморья к Уралу. Его существование было определено сначала по записям Геродота, а затем уточнено с помощью археологических находок. Б. Н. Граков предложил следующий маршрут. Из Нижнего Побужья путь шел на восток до Дона, пересекал его, поворачивая на север по Волге, и доходил до Южного Урала в районе современного Орска. В месте пересечения Волги от главной магистрали отделялись

⁵² По расчетам ученых нового времени, день плавания вверх по реке — около 30 км, а вниз — около 80 км, а день пути колеблется от 35 до 42 км, так как неизвестна величина стадия, которым пользовался Геродот.

⁵³ *Aly. Op. cit.* S. 74.

⁵⁴ Ю. Г. Виноградов предлагает снять это противоречие следующим образом: в первом случае отсчет ведется от устья Борисфена и эмпория борисфенитов, т. е. от о-ва Березань, а во втором в обратном направлении, с севера до Гилеи, территория которой тянется вдоль Борисфена на один день плавания (*Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 79*). Однако в этом случае следовало бы учесть разницу в скорости плавания вверх и вниз по реке.

⁵⁵ Такое предположение было выдвинуто еще в XVIII в. и затем поддержано рядом исследователей вплоть до настоящего времени: *Доватур, Каллистов, Шишова. Ук. соч. С. 425; Köthe H. Pseudoskythen // Klio. 1967. № 48. С. 68.*

⁵⁶ *Hansen A. Ost-Europa nach Herodot mit Ergänzungen aus Hippocrates. Dorpat, 1884. С. 44.*

два ответвления на юг в низовья Волги и на Северный Кавказ, а также на север вверх по Волге и Каме в область ананийской культуры ⁵⁷.

Итак, путь начинался по территории Ольвийского полиса, и здесь лучше всего было о нем известно. Недаром Геродот записал, что об аргиппеях, последних из известных на этом пути племен, нетрудно разузнать в первую очередь в гавани Борисфена, а также в других понтийских гаванях (IV. 24). К аргиппеям добирались некоторые скифы и пользовались на своем пути услугами семи переводчиков (IV. 24). При том, что количество племен, перечисленных Геродотом, — шесть: савроматы, будины, гелоны, тиссагеты, иирки, аргиппеи, В. Раулинсон справедливо предположил, что седьмыми надо считать скифов: ведь текст Геродота допускает то толкование, что к аргиппеям доходили не только некоторые скифы, но и некоторые эллины ⁵⁸. Возможно, что еще на заре греческой колонизации Аристей Проконнесский, автор поэмы «Аримаспея», прошел именно по этому пути ⁵⁹. С точки зрения грека первым иностранным языком был скифский, и таким образом, 7 переводчиков, названные Геродотом, возможно, соответствуют действительности.

Итак, мы рассмотрели цифры, встречающиеся в Скифском рассказе Геродота. Их изучение приводит к выводу, что они разделяются на две большие группы: традиционные фольклорные числа и числа, полученные путем реальных подсчетов. Установить, к какой группе относится то или иное число, помогает, с одной стороны, анализ контекста, в котором оно употребляется, с другой — сведения о традиционных фольклорных числах у народов с десятиричной и шестидесятиричной системой счисления.

Обилие фольклорных чисел в труде Геродота объясняется тем, что его «История» была одним из первых в античной литературе крупных произведений художественной прозы ⁶⁰, а литература на ранних ступенях своего развития очень сильно зависит от фольклора ⁶¹. Выделение фольклорных чисел дает возможность объяснить происхождение некоторых несовместимых с реальностью цифр (например, продолжительность похода Дария в Скифию, величину котла Арианта, количество кораблей, собранных персами).

Цифры в записи Геродота отражают практику их употребления у его современников. В устных рассказах — традиционные фольклорные округленные цифры, достоверность которых не подвергалась сомнению. В деловой практике пользовались достаточно точными измерениями, отвечающими потребностям того времени. Таковы расстояния, определявшиеся днями пути или плавания. Особый случай представляют данные о площади Скифии. Здесь отразились первые попытки картографирования известной ионийцам ойкумены, их стремление изобразить как всю ее (в виде круга), так и ее части (скифский квадрат) в форме правильных геометрических фигур. Наконец, цифры, взятые из устной традиции скифов, показывают, что у них была десятиричная система счисления.

⁵⁷ Граков Б. Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям та Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. 1947. № 1. С. 35 сл.

⁵⁸ Rawlinson W. The History of Herodotus. V. 2. L., 1858—1859. P. 45.

⁵⁹ Хенниг. Ук. соч. Т. I. С. 93 сл. Правда, Дж. Болтон, и в этом с ним согласны И. В. Пьянков и И. В. Кукулина, считает, что маршрут Аристея не совпадал с торговым путем, описанным Геродотом: Bolton J. D. Aristes of Proconnesus. Oxf., 1962. P. 104; см. рецензию И. В. Пьянкова (ВДИ. 1967. № 4. С. 177. Прим. 16); Кукулина. Ук. соч. С. 87—89.

⁶⁰ Jacoby. Op. cit. Sp. 486.

⁶¹ Емельянов Л. И. Изучение отношения литературы к фольклору // Вопросы методологии литературоведения. М.—Л., 1966. С. 268—270.

Таким образом, цифры в «Истории» Геродота донесли до нашего времени не только «количественную информацию», но отразили одну из граней мышления историка и его соотечественников, показали характер употребления чисел в устных рассказах, главном источнике Геродота. Эти цифры вполне удовлетворяли требованиям его современников к труду по географии и истории: их главной задачей были не сугубо точные измерения (как, например, в периплах, практических руководствах по мореплаванию), а создание общего представления о величине или объеме того или иного предмета, о расстоянии между разными географическими пунктами, о протяженности различных стран и т. п.

Несоответствие реальности ряда цифровых данных в Скифском логосе Геродота нельзя использовать ни для отрицания факта посещения историком Северного Причерноморья, ни для вывода о несоответствии реальности всех остальных его описаний припонтийских земель, как это делается некоторыми исследователями ⁶².

М. В. Скржинская

⁶² *Armayer. Op. cit. P. 61 f.*

ON THE AUTHENTICITY OF THE FACTS CITED IN HERODOTUS' SCYTHIAN LOGOS

М. V. Skrzhinskaya

The article analyses all cases of the use of the twentythree different figures met in Herodotus' Scythian logos and pays special attention to the traditional folk numbers recorded in by Herodotus from oral reports. These were the size of Ariantas' cauldron and of Heracles' foot, the strength of the Persian army and fleet. The discrepancy between some of the figures and reality is not ground for denying that Herodotus visited the Northern Pontic area. The figures in his History not only given us quantitative information, but have also reflected a facet of his thinking and that of his compatriots and show the way numbers were used in Greek oral tradition.

©

МОНЕТЫ ДИОСКУРИАДЫ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В научной литературе неоднократно отмечались находки монет Диоскуриады в Херсонесе ¹, однако специального исследования, посвященного этим монетам, до сих пор не было. Между тем диоскуриадские монеты, происходящие как из Херсонеса, так и с других памятников Северного Причерноморья, имеют важное значение для определения характера их эмиссии и роли в монетной системе Понтийского царства ².

¹ *Капанадзе Д. Г.* К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 147; *Гилевич А. М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1968. Вып. 3. С. 18.

² Автор выражает благодарность начальникам экспедиций В. И. Кадееву, А. И. Романчук, М. И. Золотареву за разрешение опубликовать монеты из их раскопок, а также Т. И. Костромичевой и А. М. Гилевич за помощь в подготовке статьи.

Во время раскопок Херсонеса Таврического найдено 28 монет Диоскуриады (см. приложение). Установить место находки диоскуриадских монет из дореволюционных раскопок не всегда удается (монеты из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича). Пять из них утрачены, и сведения о них сохранились только в отчетах, по которым трудно установить точный паспорт монет³. (Рис. 1 см. вклейку).

Все диоскуриадские монеты Херсонеса (см. рис. 1) медные, на лицевой стороне — две шапки Диоскуров, над ними по звезде с шестью лучами, на оборотной — тирс, по сторонам которого в три строки надпись: ΔΙ—ΟΣ/ΚΟΥ—ΡΙΑ/Δ/ΟΣ. Все монеты отчеканены разными штампами и имеют разные весовые показатели. Они относятся к двум типам номинала — халку и дихалку, как и все известные монеты Диоскуриады. Следует отметить, что Г. Ф. Дундуа выделяет среди этих монет и третий тип — тетрахалк⁴. В материалах Херсонеса тетрахалков нет.

Несмотря на то, что монеты Диоскуриады в научной литературе известны давно и издавались неоднократно, точная дата их выпуска не была определена. Ее относили ко «времени Митридата VI Понтийского»⁵. Начиная с 60-х годов предпринимались попытки указать точное время выпуска диоскуриадских монет⁶. Однако окончательно дата была определена К. В. Голенко⁷. Он обратил внимание на то, что мотив оборотной стороны диоскуриадских монет — символ Диониса тирс — заимствован из типологии тех южнопонтийских городских монет, эмиссия которых производилась в 105—90-е годы до н. э., в связи с чем, согласно верному заключению исследователя, должны датироваться самым концом II в. до н. э. и монеты, выпущенные в Диоскурии⁸. Эта новая датировка монет и является в настоящее время общепринятой⁹.

Необходимо отметить, что на территории Колхиды (в окрестностях Сухуми) зафиксирован пока лишь один случай находки клада монет Диоскуриады¹⁰. Одна такая монета была найдена в окрестностях Анкары¹¹. Все остальные происходят из Северного Причерноморья (49 экз.). Так, на Боспоре найдено 14 монет: в Пантикапее и Тиритаке по три¹²,

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1892 г. Архив ХГИАЗ, дело № 3, л. 28; *он же*. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. Архив ХГИАЗ, дело № 8, л. 28; *он же*. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. Архив ХГИАЗ, дело № 13, л. 6; *он же*. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 г. Архив ХГИАЗ, дело № 15, л. 28.

⁴ Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси, 1987. С. 107.

⁵ Кёне Б. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России. СПб., 1857. С. 435; Head B. Historia Numorum: A Manual of Greek Numismatics. Oxf., 1887. P. 423; Wroth W. A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. L., 1889. P. 5; Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955. С. 40; Голенко Г. К. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964. С. 21.

⁶ Дундуа Г. Ф. Взаимоотношения Грузии и Понтийского царства // Дзеглис мегобари. 1967. № 10—11. С. 59—61 (на груз. яз.); Лордкипанидзе Г. А. О чеканке монет в городе Диоскуриаде // XXIII Научная конференция Тбилисского гос. ун-та. Тезисы докладов. Тбилиси, 1961. С. 128 сл.; *он же*. История древней Колхиды. Тбилиси, 1971. С. 18—19.

⁷ Голенко К. В. К датировке монет Диоскуриады // Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977. С. 57—64.

⁸ Там же. С. 61.

⁹ Дундуа. Нумизматика... С. 106. сл.

¹⁰ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. 2. Баку, 1938. С. 8. № 308.

¹¹ Дундуа. Нумизматика... С. 107.

¹² Голенко К. В. Монеты из раскопок Пантикапея 1962—1966 гг. // ВДИ. 1973. № 4. С. 68. № 14; С. 78. № 234; Зограф А. Н. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 370.

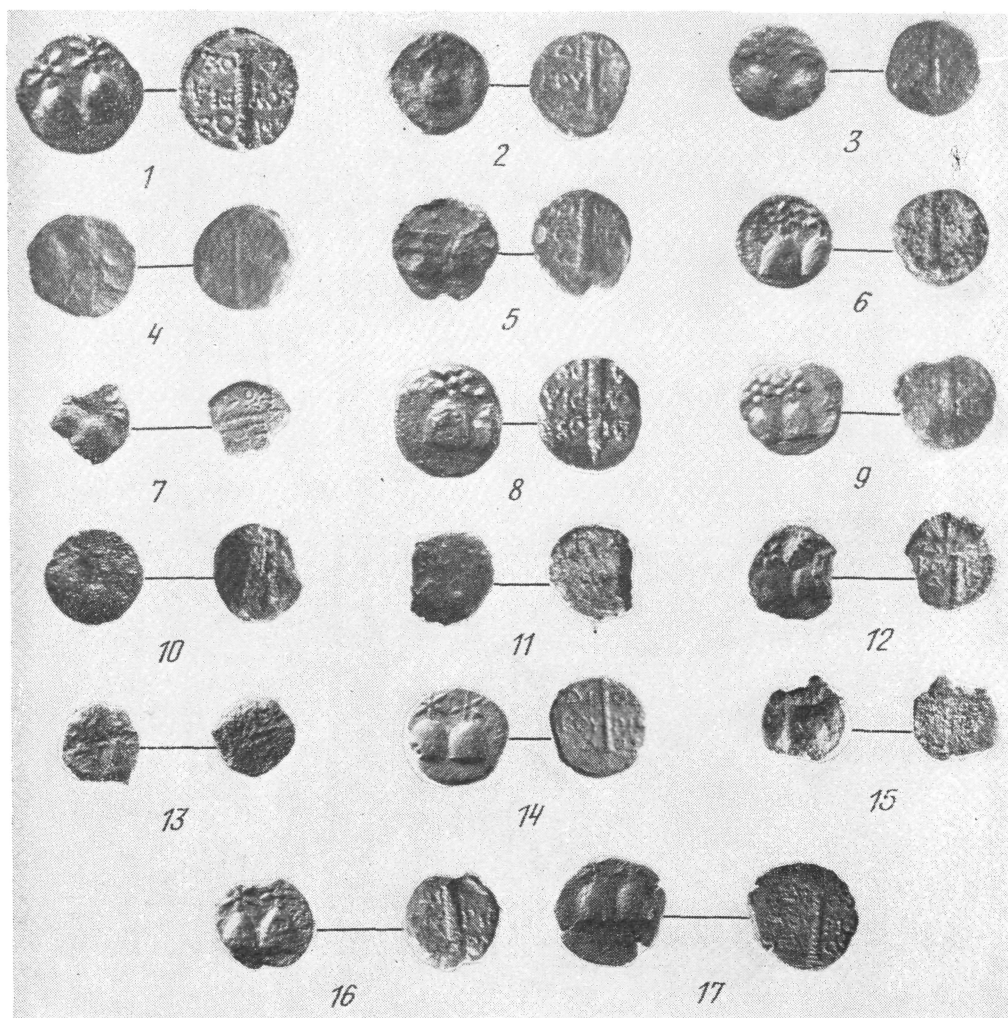

Рис. 1. Монеты Диоскуриады из раскопок Херсонеса Таврического

Патрзе — две ¹³, Мирмекии, Фанагории, Нимфее, Кепях, Горгиппии, Китее ¹⁴ — по одной ¹⁵. В Херсонесе обнаружено 28 монет, на северном берегу Гераклейского полуострова и в Судакe — по одной ¹⁶. Из Ольвии известно пять ¹⁷.

Монеты Диоскуриады представляли собой типичную городскую чеканку времени правления Митридата VI Евпатора и являются единственным случаем чекана автономной городской монеты в Колхиде ¹⁸. Эти монеты, как считают некоторые исследователи, формально выглядели как полисные, практически же предназначались для обслуживания рынков Понтийского царства ¹⁹.

Медные монеты городов Понта и Пафлагонии времени правления Митридата VI Евпатора были широко распространены в городах Северного Причерноморья, особенно в Херсонесе и на Боспоре. Так, в Херсонесе обнаружено 258 этих монет ²⁰, а на Боспоре — 101 ²¹. В Восточном Крыму найдено понтийской меди больше, чем на Боспоре. Причину этого можно найти в денежном обращении Херсонеса в I в. до н. э. Для херсонесского чекана времени Митридата VI и первой половины правления Асандра отмечается влияние монетного дела Понта, а также Боспора, ибо в I в. до н. э. Херсонес находился в зависимости от боспорских царей (Strabo, VII.4.3), что находит отражение в нумизматических источниках (в Херсонесе найдено 128 монет Боспора) ²². Город не мог обходиться только местной монетой, и в его денежном обращении принимала участие и иногородная, привозная монета ²³.

Следует отметить, что причину столь широкого распространения понтийской меди в Херсонесе и на Боспоре надо искать в политике Митридата VI Евпатора, в его стремлении унифицировать денежное обращение подвластных ему стран, более тесно связать экономически эти страны друг с другом и собственно с Понтийским царством ²⁴.

¹³ Голенко К. В. Монеты из случайных находок в Патрзе в 1951 г. // НЭ. 1963. Т. 4. С. 109.

¹⁴ Любезное сообщение Е. А. Молева.

¹⁵ Голенко К. В. Монеты из раскопок Нимфея 1939—1970 гг. // НЭ. 1974. Т. II. С. 90. № 408; *он же*. К датировке... С. 62; Зограф. Ук. соч.; Кругликова И. Т., Фролова Н. А. Монеты из раскопок Горгиппии 1967—1972 гг. // Горгиппия. Вып. 1. Краснодар, 1980. С. 118. № 176; Фролова Н. А., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Кеу 1958—1963 гг. // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 2. Киев, 1965. С. 176.

¹⁶ Казаманова Л. И. Клад монет IV—II вв. до н. э. из Судакa // ВДИ. 1963. № 4. С. 145; Капанадзе. К вопросу... С. 147.

¹⁷ Автор выражает благодарность сотруднику Николаевского краеведческого музея В. И. Наумову за информацию.

¹⁸ Голенко. Денежное обращение... С. 21; Дундуа Г. Ф., Лордкипанидзе Г. А. Грузия и Митридат VI (По нумизматическим данным) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985. С. 602; Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968. С. 233; Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. Ч. 1. Тбилиси, 1979. С. 174.

¹⁹ Голенко. К датировке... С. 62—63; Шелов Д. Б. Колхида в системе понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. № 3. С. 43; *он же*. Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 562.

²⁰ Гилевич. Ук. соч. С. 19—37, 43—49.

²¹ Шелов Д. Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э. // НЭ. 1965. Т. 5. С. 42.

²² Голенко К. В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 54.

²³ Там же. С. 54; Гилевич А. М. Херсонес и понтийская держава Митридата VI по нумизматическим данным // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 612.

²⁴ Максимова М. М. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956. С. 228; Шелов. Колхида... С. 48.

№ п/п	Место хранения	Инвентарный №	Диаметр в мм	Год находки	Место находки	Примечание
1	ГЭ	546	14,5	1892	Некрополь (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича)	
2	—	—	—	»	Гробница № 184 (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича)	Утрачена
3	—	—	—	1899	Склепы № 1012—1014 (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича)	Утрачена
4	ХГИАЗ	4541/1	17	1903	Акрополь (?) (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича)	табл. I, 5
5	»	4541/2	17	»	То же	табл. I, 6
6	»	4541/3	15	»	»	табл. I, 7
7	—	—	—	»	Акрополь (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича)	Утрачена
8	—	—	—	»	То же	»
9	—	—	—	1904	Центр акрополя, пом. № 4 (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича)	»
10	—	—	—	—	То же	»
11	—	—	—	1906	У Карантинной бухты (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича)	»
12	ХГИАЗ	4647	15	—	Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича	Табл. I, 8
13	»	4648	16	—	То же	Табл. I, 9
14	»	4753/1	16	—	»	Табл. I, 10
15	»	4753/2	16	—	»	Обломана Табл. I, 11
16	»	1747	17	1909	Северо-восточная часть, траншея 3, пом. VII (раскопки Р. Х. Лепера)	Табл. I, 1
17	»	1864	16	»	Монастырский огород, пом. XXV (раскопки Р. Х. Лепера)	Табл. I, 2
18	ХГИАЗ	2332	15	»	Северо-восточная часть (раскопки Р. Х. Лепера)	Точного паспорта нет (табл. I, 3)
19	»	3523	17	1913	Северо-восточная часть, пом. IIIa в древней насыпи (раскопки Р. Х. Лепера)	Табл. I, 4
20	»	5367	15	1932	Часовня (раскопки Г. Д. Белова)	Край обломан Табл. I, 12
21	»	5997	12	1936	Точно не известно (раскопки Г. Д. Белова)	Табл. I, 13
22	ГЭ	991	13,5	1948	Северный район, эллинистический дом, кв. XVIII	
23	ХГИАЗ	8216	14	—	Северный берег Херсонеса	Случайная находка
24	»	8975	12	1962	Около цитадели	»
25	»	11311	15	1968	Цитадель, отвал (раскопки В. В. Борисовой)	Табл. I, 14
26	»	12827	13	1974	Портовый район, переулоч, северная сторона, слои 1—2 (раскопки А. И. Романчук)	Край обломан Табл. I, 15
27	»	14213	17	1984	Портовый район; «двор», кв. III, сл. 15, шт. 5 (раскопки В. И. Кадеева)	Табл. I, 17
28	»	14192	12	»	Северо-восточная часть, под полом римского здания, пом. I, кв. VI (раскопки М. И. Золотарева)	Табл. I, 16

Монеты Диоскуриады играли ту же роль, что и монеты других городов Понтийского царства. Они предназначались для расширения экономических связей Колхиды с Причерноморьем, а не для внутриколхидского обращения (поэтому нет частных находок этих монет на территории Западной Грузии). Тесные торговые отношения Колхиды с другими частями владений Митридата (Херсонес, Боспор) были необходимы, так как восточный регион Понта являлся для Митридата базой снабжения его армии и особенно флота необходимым продовольствием и материалами²⁵. Страбон прямо указывал, что Митридат получал из Колхиды большую часть материалов для строительства флота (XI.2.18).

Исходя из вышесказанного, становятся понятны многочисленные находки монет Диоскуриады в Северном Причерноморье, а не в Колхиде. Существует мнение о том, что монеты Диоскуриады завезены в Херсонес из Колхиды солдатами Митридата²⁶, но, как верно отметил С. Б. Сорочан²⁷, оно требует специального доказательства. Трудно согласиться с тем, что «частные находки монет Диоскуриады в Херсонесе вряд ли можно объяснить торговыми связями, так как они не подтверждаются другими археологическими материалами»²⁸. Находки колхидских амфор и пифосов в Херсонесе и на его хоре, херсонесских амфор и монет в Восточном Причерноморье²⁹ говорят о торговых отношениях, тем более что количество колхидских амфор в Крыму в период правления Митридата VI увеличивается по сравнению с периодом IV — середины II в. до н. э. Не исключено, конечно, что часть этих монет привозили и отряды Митридата — среди диоскуриадских монет Херсонеса есть шесть экземпляров, которые не находились в обращении, но большинство из них стерты и все принадлежат разным штампам.

Таким образом, монеты Диоскуриады в денежном обращении Херсонеса играли ту же роль, как и другие монеты городов Понтийского царства времени правления Митридата VI Евпатора. Они вместе с колхидскими амфорами из Крыма указывают на экономические связи Херсонеса и Восточного Причерноморья.

Г. Р. Цецхладзе

²⁵ Шелов. Колхида... С. 32.

²⁶ Гилевич. Античные иногородние монеты... С. 18; Дундуа. Нумизматика... С. 108; Сапрыкин С. Ю. Каппадокийская монета I в. до н. э. из Херсонесской усадьбы // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 85.

²⁷ Сорочан С. Б. Зовнішня торгівля Херсонеса Таврійського в I ст. до н. е. // Вісник Харківського ун-ту. 1980. № 201 (история). С. 73.

²⁸ Гилевич. Античные иногородние монеты... С. 18.

²⁹ Созник В. В., Цецхладзе Г. Р. Колхидские амфоры эллинистического периода в Херсонесе. Архив ХГИАЗ, дело № 2680, 12 л.; они же. Колхидский импорт в Херсонесе в эллинистическую эпоху // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. Тезисы докладов конференции молодых ученых. Севастополь, 1987. С. 18.

COINS OF DIOSKURIADA FROM THE TAURIAN CHERSONESE

G. R. Tsetskhladze

The paper published 28 coins of Dioskuriada from excavations of the Chersonese. The coins are of two types of denomination — halka and dinalka — and are dated to the end of the second century B. C. Coins of Dioskuriada played the same role in the currency of the Chersonese as other coins of the towns of the Pontic Kingdom during the reign of Mithridates VI Eupator. They point, together with Colchidean amphorae from the Crimea, to the Chersonese's economic ties with the eastern Black Sea coast

© ОБ ОДНОМ ИКОНОГРАФИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ В ИСКУССТВЕ БАКТРИИ

В 60-е годы во время работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УЗИскЭ) на городище Дальверзин-тепе на юге Узбекистана среди случайных находок оказалась интересная терракотовая плитка. На ней в невысоком рельефе оттиснута расположенная в нише фигура в ромбовидном шлеме, панцирном доспехе, с трезубцем в руке, а также крупная звериная личина и обращенный вправо полосатый зверь. Плитка эта была найдена наверху цитадели, при изучении которой экспедицией было установлено, что она слагалась еще в греко-бактрийское время. В кушанский период здесь дважды осуществлялось усиление фортификации при накоплении мощных культурных слоев. К V в. образовавшийся холм был заброшен, а в VI—VII вв. наверху возникло небольшое поселение, которое опустело после арабского завоевания¹. Исходя из позднейшей даты и основываясь на аналогии с согдийскими плитками сходного типа из Афрасиаба и Пенджикента (VI—VII вв.)², на которых представлен стоящий под треугольной аркой воин в панцире, фигура на дальверзинской плитке была соотнесена с ними и трактовалась нами в предварительной публикации как «божественный витязь»³. Отличия от упомянутых согдийских витязей (или скорее воинских божеств) мы относили за счет локальных особенностей тохаристанской короластики. Ныне, располагая новыми данными, мы приходим к полному пересмотру нашей ранней интерпретации и предложенной тогда датировки.

Приведем описание (в литературе его пока нет).

На лицевой стороне продолговатой, заостренной кверху глиняной плитки выполнено оттиском с матрицы изображение (рис. 1), с оборотной она заглажена, а с боков и внизу примята пальцами. Орнаментальный бордюр обрамляет нишу с треугольной аркой. Внизу бордюр орнаментирован ромбической сеткой, с боков — зигзагообразной линией с точками внутри образованных ею треугольничков, а в обрамлении арки — фестонами. Венчающее плитку заострение обито, лишь в основании видны рельефный кружок, отходящий от него овал и спускающийся справа лист или лента. (Рис. 1, рис. 4 см. вклейку).

В нише человеческая фигура с округлым лицом, огромными глазами с точками-зрачками, густыми бровями, нос и рот смяты при оттиске. От ушей спускаются тяжелые подвески в виде трех нарастающих книзу шариков. Шею охватывает рельефная гривна или пектораль. Одежда имеет вид панциря, гладкого на груди (которая обозначена двумя легкими выпуклостями), далее облегающего под рельефной перетяжкой фигуры до талии, перехваченной поясом, книзу от которого он расширяется. Детали панцирного доспеха выделены гибкими линиями, внизу коленчак, на перетяжке, поясе и по краю вертикальными штришками.

¹ Ртвеладзе Э. В. Цитадель Дальверзинтепе // Дальверзинтепе, кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 12 сл.

² Trever C. Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1934. Pl. XIV; Мешжерис В. А. Короластика Согда. Душанбе, 1977. Табл. XXIX—XXX; Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. // МИА. 1964. № 124. Рис. 25, 26; Беленицкий А. М. Искусство античных и средневековых городов Средней Азии // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977. Рис. 46, 47.

³ Rougatchenkova G. A. Les trésors de Dalverzin-tépe. L., 1978. P. 74—75; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982. С. 88.

Рис. 1. Богиня в шлеме. Терракота. Дальверзин-тепе

Вклейка к ст. Пугаченковой Г. А.

Рис. 4. Статуя Дурги. Камень. Шахри-Бахлол

Рис. 2. Сцена адорации богини. Стенопись. Дильберджин

На правой руке наруч в виде горизонтальных пластин, на левой рельеф смывает. На голове ромбовидный шлем, вокруг него нимб, обрамление которого заполнено кружками; внутри нимба — лучевидная штриховка; над верхней половиной нимба — дуга рельефных кружков. От плеч вверх и вниз отходят гофрированные ленты. Полусогнутая левая рука держит трезубец со спускающимися от него лентами. Правая рука опущена на очень крупную звероподобную личину с большими овальными глазами, вынутым языком и заостренными ушами. Фигура восседает на обращенном вправо полосатом звере, подогнув короткие ножки и опирая на его голову древко трезубца. Зверь в профильной позиции, у него заостренное ухо, открытая пасть, вынутый язык, на передних лапах когти, задние ноги не обозначены, хвост изогнут вверх.

Новую интерпретацию дальверзинской терракоты подсказывает нам настенная живопись из южнобактрийского городища Дильберджин в Балхской провинции Афганистана. Раскопки культового комплекса в северо-восточной части городища выявили греко-бактрийский храм Диоскуров, который в кушанское и кушано-сасанидское время подвергся перестройкам и был преобразован в шиваистский храм. Рядом, вдоль крепостной стены в III—IV вв. появилась группа помещений, связанных с культом иных божеств. В росписи на торцовой стене одного из них (под номером 12 — длинного и узкого) особая роль принадлежала некоей богине (рис. 2). Она изображена восседающей между четырьмя почитателями (двое мужчин, женщина и мальчик — вероятно, представители местной знати)⁴. Богиня в шлеме, заостренные концы которого сбоку и надо лбом украшены кисточками, в обрамлении нимба, по обе стороны

⁴ Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 96 сл. Рис. 56, 57.

его поднимаются гофрированные ленты. На шее у нее пектораль, в ушах серьги, по плечам струятся вьющиеся пряди волос. На плечах поверх платья с перепояской плащ, заброшенный за спину, откуда он спускается на поставленные по-азиатски ноги. Левая рука опирается на щит с едва различимой личиной, а правая придерживала какой-то предмет, от которого видно рельефное закругление. Было высказано предположение, что это ручное зеркало. В соседнем обширном помещении № 16, по стенам которого тянулись многофигурные композиции, был найден фрагмент живописи, где оказался профиль в подобном шлеме, с серьгами и волнистыми волосами ⁵.

При сопоставлении дальверзинской плитки со стенописью помещения № 12 из Дильберджина становится очевидной идентичность представленных образов. Разумеется, рельеф на плитке грубей и примитивней, но совпадает многое: шлем с заострениями по бокам и над лбом (на плитке он передан в виде ромба), нимб вокруг него, отходящие от плеч гофрированные ленты, серьги, пектораль, охватывающая шею, рельефно обозначенные груди, перетяжка под ними. Что касается одежды, окрашенной на росписи в красный цвет, то нет оснований утверждать, что это греческий гиматий, — она лишена драпировок и плотно охватывает стан — возможно, что это кожаный панцирь. Дильберджинская богиня опирается на щит неразличимой личиной, дальверзинская — на зооморфную личину. Прежде мы полагали, что это отрубленная голова льва, но по сопоставлению с дильберджинской росписью можно утверждать, что это устрашающее оформление щита — не понятое коропластом лицо Медузы. Такого рода львоподобные личины нередко встречаются в виде налепов в позднебактрийской керамике ⁶, играя роль оберега сосуда, его содержимого и его владельца.

Вместе с тем дальверзинская плитка ставит под сомнение истолкование небольшой дугообразной детали от не сохранившегося на росписи предмета в правой руке богини как зеркала и дает основания считать, что это трезубец, один из изогнутых зубцов которого сохранился в этом сильно поврежденном участке живописи. Художник-реставратор В. П. Бурый, который осуществлял расчистку, закрепление, зарисовку и последующее снятие росписи, любезно сообщил в письме на мой запрос, что линейная прорисовка документально верна: «Там, в левой части овала практически нет, какие-то обрывки, а сверху овала была глубокая утрата — установить, замкнут ли был овал сверху, уже никто никогда не сможет».

В одной из публикаций мы отмечали, что эволюция иконографии богини из росписи Дильберджина прослеживается на бактрийской почве с первых веков до н. э. (Афина на греко-бактрийских монетах, скульптура Халчаяна) и что параллели ей дает также парфянское искусство (ритоны Нисы, богиня Аллат из Хатры) ⁷. Особо следует остановиться на халчаянской скульптуре, датируемой примерно рубежом н. э. Материал ее — глина, отсюда плохая сохранность статуй. Среди них — фрагмент

⁵ Она же. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979. С. 127. Рис. 10.

⁶ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960. Рис. 5; Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1978. Рис. 39; она же. Шортепе // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Рис. 8.

⁷ Она же. Позднеантичная живопись Бактрии-Тохаристана. Тенденции и стиль // Из истории живописи Средней Азии, традиции и новаторство. Ташкент, 1980. С. 91 сл.

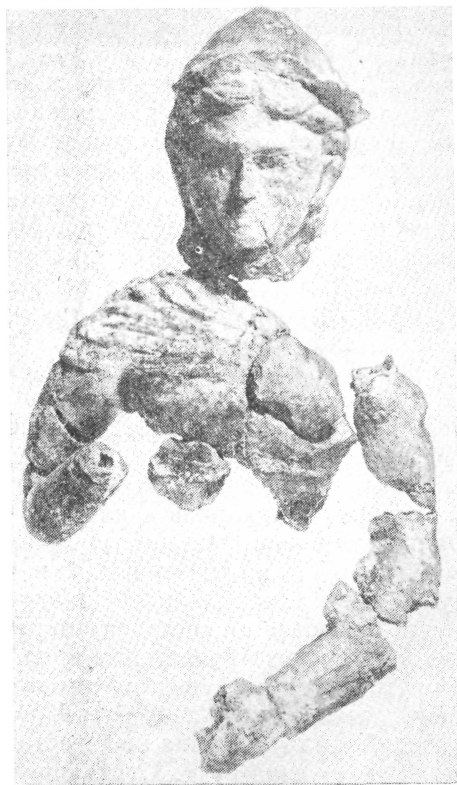

Рис. 3. Фрагменты статуи Афины. Глина. Халчаян

Рис. 5. Богиня в нише. Терракота. Южный Согд

головы богини в каске с отбитыми полями, но сохранившимся шишаком, в который, очевидно, был вдет султан. Она входила в состав трех божеств-покровителей, располагавшихся в центральной композиции дворцового зала над четой правителя из рода кушанца Герая и его супруги⁸. Лучше сохранилась, хотя также во фрагментах, статуя из колонного айвана дворца⁹ (рис. 3). Она располагалась во фронтальной позиции, на голове — шлем с плавно расходящимися полями, углы которых по бокам и надо лбом сбиты. На правом плече плащ, закиннутый за спину, на руках пластинчатые наручи, под округлыми грудями — торс в горизонтальных складках одежды (а может быть, это пластины панциря?). Правая рука, судя по сохранившейся кисти, сжимала древко копья. Лицо богини, пластическая обработка которого пострадала от времени, далеко от горделивой внешности дочери Зевса. Оно очень обыденно и передает какой-то локальный этнический тип — это не облагороженный идеал, но облик рядовой представительницы местной среды.

Халчаянская Афина — может быть, уже и не Афина, а ее эквивалент на бактрийской почве, связанный с местным пантеоном. Она во многом

⁸ Она же. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979. С. 162. Илл. 166.

⁹ Она же. Халчаянская Афина // ВДИ. 1963. № 2; она же. Скульптура Халчаяна. М., 1971. С. 76. сал. Илл. 88, 90.

предвозвещает иконографию богини из Дильберджина. Что касается толкования последней, то здесь единства пока нет.

Исследователь храмового комплекса И. Т. Кругликова вначале рассматривала сцену из помещения № 12 как чествование победителя¹⁰. Позднее она дала уже иную трактовку: «Это местное, по-видимому, женское божество испытало влияние греческой иконографии. Оно получило ряд атрибутов, характерных для Афины, а именно: шлем, щит и гиматий. От местной богини оно сохранило зеркало. Эта богиня, вероятно, была включена в буддийский пантеон местной знати ветви Махаяны и получила свое маленькое святилище в помещении № 12, тогда как в большой композиции она выступала на второстепенных ролях наряду с другими божествами»¹¹.

С таким же культом связана богиня дильберджинской росписи и дальверзинской терракоты? Предложенное И. Т. Кругликовой соотнесение ее с буддизмом махаянского толка не получает подтверждения. Культовый комплекс Дильберджина, в котором она изображена, стоит рядом с шиваистским храмом. Буддизм, который принял в свой пантеон многих индуистских богов — Брахму, Индру, а также гандхарвов и якшинь, не включил в него Шиву. Шиваизм, характер которого был абсолютно противоположен буддийской доктрине, оставался соперничавшей с ним религией — они были чужды друг другу. В огромном наследии гандхарского ваияния Шива и шиваистские приметы (в частности трезубец) отсутствуют. Расположение буддийского храма бок о бок с шиваистским вряд ли было бы возможным, учитывая антагонистический по существу характер этих сложившихся в Индии вероисповеданий. Небольшой буддийский храм того же времени за крепостной стеной Дильберджина был достаточен для проживавших в городе и его округе буддистов¹². Противоречит этому и облик самой богини, иконография которой идет от классического образа Паллады, претерпевшего явную локализацию. В буддийском же изобразительном искусстве, запечатленном колоссальным наследием гандхарской скульптуры, известен единственный образец такого рода — «Афина из Лахора», связь которой с буддизмом ничем не подкреплена¹³. Г. Ингхолт высказал убеждение в том, что это богиня Рома, встречающаяся на очень редкой группе золотых монет Хувишки, впервые опубликованной Кеннигхэмом, предполагавшим, что образ и имя ее были заимствованы здесь с римских монет¹⁴. Этого отождествления не разделяет Дж. Розенфилд, который подчеркивает, что Дея Рома — покровительница Рима — обычно изображалась сидящей, в профиль и что типу стоящей Паллады следовало изображение ее римского эквивалента — Минервы¹⁵. Уточняя прочтение имени как RISHO или PION, он сближает ее с авестийской Рашну — персонификацией Справедливости. Окончательное решение вопроса — кого же воплощает богиня на монетах Хувишки — Дж. Розенфилд оставил за филологами и историками религий.

Ф. Грене в недавно опубликованной статье, взяв за основу упомянутую редкую группу монет Хувишки, выдвинул свою трактовку образа

¹⁰ Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970—1972 гг.). Ч. 1. М., 1974. С. 62.

¹¹ Она же. Настенные росписи... С. 100 сл.

¹² Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин (раскопки 1970—1973 гг.). Ч. 2. М., 1977. С. 61 сл.

¹³ Ingholt H. Gandharan Art in Pakistan. N. Y., 1957. P. 443.

¹⁴ Ibid. P. 168 f.

¹⁵ Rosenfield J. M. The Dynastic Art of the Kushans. Berkley—Los Angeles, 1967. P. 97—98.

дальверзинской богини. Автор полемизирует с Е. В. Зеймалем, который вообще рассматривал начертание имени богини на монетах как искажение неграмотным монетарием имени божества Шаревара, а изображение — как его феминизированный вариант. Между тем Ф. Грене обосновывает правомерность его прочтения как Ришто, имевшее своим правозвучием авестийскую Аршат-Арштит = «Справедливость»¹⁶. Именно с Ришто он отождествляет и дильберджинскую богиню. Ссылаясь же на зеркало вместо копья в ее руке он усматривает слияние Арштит с высокочтимой в зороастризме «доброй Аши», поскольку именно с Аши отождествлены терракотовые статуэтки богини с зеркалом, особенно многочисленные в Маргиане¹⁷ и встречающиеся также в Бактрии и Хорезме.

Не снимая правомерности сближения Ришто с монет Хувишки и дильберджинской богини, в пользу которого говорит ее иконография, следует остановиться на той детали, которую трактуют как зеркало. При сравнении выполненной В. П. Бурым *in situ* графической прорисовки и красочной копии обращает на себя внимание следующее: на первой имеется лишь слегка изогнутая двойная линия, на второй уже вроде бы обозначен полный овал с какой-то чертой посередине. Обосновано ли такое дополнение? Если предположить здесь ручное зеркало, то, судя по положению локтевого сгиба правой руки богини, отведенной почти горизонтально, оно имело бы непомерно длинную рукоятку. Дальверзинская плитка дает все основания считать, что рука эта придерживала трезубец, один из зубцов которого и сохранился на уровне головы богини.

Есть два момента, которые не позволяют принять интерпретацию Ф. Грене. Невозможно представить себе непосредственное соседство комплекса, где поклонялись авестийскому божеству, с главным в городе шиваистским храмом. Внутри укреплений Дильберджина в тот же период существовало здание храма или дворца со святилищем, где обнаружены фрагменты очень крупных глиняных статуй — двух мужчин и одной женщины¹⁸. Иконография их очень близка к сасанидскому искусству, и святилище соответственно было, очевидно, связано с авестийской религией. Здание возведено в противоположной, юго-западной части города, т. е. и оно, и буддийский, и шиваистский храмы — все три располагались поодаль друг от друга.

Важной деталью в росписи Дильберджина (как и на дальверзинской терракоте), видимо, был трезубец в руке богини. Оружие это — характернейший атрибут Шивы, с которым он фигурирует в скульптуре и живописи, на монетах и в малой пластике. Примечательно, что на монетах Васудевы, на реверсе которых в качестве единственного божества-покровителя представлен Шива, сам царь, изображенный в доспехах воина, также держит трезубец. В кушанской коропластике Северной Бактрии известны терракотовые плитки, где в арочной нише оттиснуто барельефное изображение мужского божества (или обоготворенного царя?) в короне, кушанском кафтани, на фоне стилизованных деревьев. На плитке из Пушинга в руке его жезл, а на другой из Курган-Тюбе — трезубец¹⁹.

¹⁶ Grenet F. L'Athéna de Dil'berdzin // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. P., 1987.

¹⁷ Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня // СА. 1959. XXIX—XXX. С. 126 сл.: она же. Коропластика древнего Мерва // Тр. ЮТАРЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962. С. 126 сл., 145.

¹⁸ Кругликова И. Т. Дильберджин — кушанский город в Северном Афганистане // Археология старого и нового света. М., 1982. С. 168 сл.

¹⁹ Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. С. 135 сл.

Иными словами, последний становится таким же символом царской власти, как и жезл. Общий тип этих изображений близок к аверсу монет Васудевы, хотя и примитивнее по выполнению. Вероятно, к этому времени относится и их появление.

Популярность шиваизма в Бактрии в кушано-сасанидское время подтверждена монетным чеканом. Если после иранских завоеваний кушано-сасанидские правители подчеркивали на монетах приверженность к зороастризму, изображая на реверсе алтарь огня со стоящими по обе стороны фравашами, то к IV в. здесь за образец принимают монеты Васудевы. На их лицевой стороне — изображение государя в панцирном доспехе и сасанидской короне, с трезубцем в левой руке и простертой над алтарем правой, на оборотной же — Шива с быком, держащий петлю и трезубец ²⁰. Хронологически именно с этим временем совпадают и дильберджинская роспись и, как мы теперь уверены, дальверзинская плитка, перемещенная из слоев III—IV вв. в более поздний кроющий слой цитадели.

Трезубец служит иногда атрибутом шиваистских богинь. Сошлемся на статую Ардханисвары из Анбери VIII в., представленную в характерном для постгуप्तского ваяния образе полунагой пышногрудой, крутобедрой женщины в богатом головном уборе и ювелирных украшениях. Она четырехрукая, как и Шива, и в одной руке ее трезубец ²¹.

Последний встречается и у супруги Шивы — Дурги-Парвати. Она соединяла черты свирепого, требовавшего жертвоприношений божества и тогда изображалась в устрашающем виде, многорукой, с торчащими изо рта клыками. Такой она предстает, например, в позднегуπτской скульптуре одной из пещер Удайгира в Индии ²² и на аналогичной мраморной скульптуре из Гардеза в Афганистане ²³: двенадцатирукая, все разящая, в частности вонзающая трезубец в круп поверженного ею демона-буйвола Махешесура. Вместе с тем Дурга была покровительницей женщин, помогавшей им при родах, и нежной супругой — тогда она полна женской прелести и именно такой представлена в живописи большого дильберджинского храма, где, мягко прильнув к Шиве, восседает с ним на быке Нанди ²⁴.

В свете нашей темы большой интерес представляет уникальная статуя III—IV вв. из Шахри-Бахлол в Гандхаре ²⁵. Облик ее традиционно индийский: женщина пышных форм, в перепоясанном платье и мягко драпирующейся шали, с фигурным головным убором, в серьгах, ожерелье, браслетах. Но она четырехрукая, причем в одной верхней руке у нее трезубец, в другой кубок, в опущенных нижних — младенец и кувшин для воды. У ног ее фигурки двух адорантов. Необычная деталь — два клыка, выступающих из уголков рта (рис. 4).

Х. Ингхольт полагал, что это Харити, которая якобы заимствовала оружие и кубок от своего супруга Панчики, в то время как младенец и кувшин для воды воплощают ее функцию покровительства плодovitости для людей и плодородия для земли. Клыки он связывает с ранней ипо-

²⁰ Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. Табл. XIII—XIV.

²¹ Harle J. C. Gupta Sculpture. Indian Sculpture of the Fourth to the Sixth Centuries A. D. Oxf., 1974. Fig. 16-A.

²² Smith V. A. A History of Fine Arts in India and Ceylon. Soc. ed. Bombay (б. г.). Pl. 106-a.

²³ Auboyer J. Afghanistan und seine Kunst. Praha, 1968. S. 58. Abb. 99.

²⁴ Кругликова. Дильберджин ... Ч. 1. Рис. 30.

²⁵ Ingholt. Op. cit. Fig. 341.

стасью Харити в ту пору, когда это была жестокая богиня, насылавшая на детей оспу ²⁶.

В этом объяснении ряд натяжек. У Панчики бывает копьё, но не трезубец. У самой Харити обычно рог изобилия и вокруг множество малых детей — после ее обращения в буддизм она стала богиней мира, изобилия и покровительства детям. Между тем трезубец и четырехрукость статуи, так же как и выступающие клыки, говорят в пользу того, что это не Харити, а Дурга. Находка статуи в Шахри-Бахлоле (без уточненного археологического местонахождения), как и сам стиль исполнения, не оставляют сомнения в выполнении ее гандхарским ваятелем, но не для буддийского, а для шиваистского храма, ибо буддизм не вытеснил в Гандхаре полностью индустские культы.

Иконография Афины в зонах к северо-западу от Гандхары применительно к местному божеству предстает в Бамиане (IV—V вв.) ²⁷. В нише со статуей 35-метрового Будды имеется роспись: рядом с запряженной четверкой лошадей колесницей, в которой возносится солнечный бог Сурья (мотив этот известен в широком ареале — от Индии до коптского Египта), изображены две динамичные женские фигуры. З. Тарзи именует их гениями, сопровождающими Сурью. Одна из них — в каске, с копьем и щитом — крылата. Вероятно, этот синтетический образ, иконографически сочетающий признаки Афины и Ники, соответствовал каким-то местным представлениям, но несомненно его небесная сущность и соподчиненная роль по отношению к космологическому божеству, каковым является Сурья.

Возвращаясь к дальверзинской плитке, напомним, что богиня здесь восседает на странном животном — с мордой и когтистыми лапами хищника с полосатым туловищем. Можно было бы предположить, что это примитивное изображение тигра, но задних ног у него нет, а кверху приподнят гибкий, тоже полосатый хвост. Может быть, ноги не получились при оттиске — на плитке здесь заметна неровность как бы оторвавшегося куска глины. Но может быть другое — это полиморфное животное, сочетающее тело хищного зверя и водяной змеи. В древнем искусстве Средней Азии встречаются такие фантастические образы, как конезмей (очевидно, проникающий с эллинизмом гиппокамп), баранозмей ²⁸, но аналогичный тигрозмей пока неизвестен. Тот факт, что богиня восседает, положив на него свой трезубец, как бы символизирует ее победу над этим фантастическим зверем. Она одолела его как носителя зла, подобно тому как индийская Дурга одолела демона-буйвола, но образ чудовища здесь иной и связан с обитателями Амударьи — ее прибрежных камышовых джунглей (тигр) и ее прибрежных вод (водяная змея).

В искусстве Средней Азии VI—VII вв. нередко представлен образ почитаемой богини, восседающей на животном. Обычно это грозный хищник — лев или волк, иногда грифон (живопись Пенджикента ²⁹, Калаи-Кахкаха ³⁰, хорезмийские серебряные чаши ³¹). Богиня четырехрукая —

²⁶ Ibid. P. 146.

²⁷ Tarzi Z. L'architecture et le décor rupèstre de Bamiyan, P., 1977. P. 5. Pl. A-1.

²⁸ Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 46 сл. Рис. 17.

²⁹ Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. Табл. XIX, XXIII; Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. Табл. XX—XXII.

³⁰ Воронина В. Л., Негматов Н. И. Открытие Уструшаны // Наука и человечество. 1974. М., 1975. С. 65, 69.

³¹ Даркевич В. И. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976. Табл. 26.

изобразительный прием, явно пришедший из индийского искусства, в каждой руке предмет или символ, обычно космологического характера. Образ богини на дальверзинской терракоте в известной мере предваряет этот столь распространенный сюжет — она также восседает на хищнике.

Итак, дальверзинская терракота и дильберджинская живопись передают синкретический образ воинственной богини, в котором слились черты женских божеств Бактрии и Индии, Авесты и шиваизма. В его основу была положена классическая иконография Афины, которая, судя по халчаянской скульптуре, уже к началу нашей эры претерпела на почве Бактрии определенную локализацию, а в позднеантичное время вобрала в себя атрибуты Дурги-Парвати. В ее иконографии слились усвоенные еще в греко-бактрийское время и не заглушенные в III—IV вв. образы эллинистического искусства с включением шиваистской символики, а также отразилось формирование нового стиля, расцвет которого уже падет на время раннего средневековья — VI—VII вв.

Изготовление керамистами для массового потребителя многочисленных терракотовых образков почитавшихся божеств — показатель их популярности не только в элитарной среде (чему свидетельством роспись в храме Дильберджина), но и в народе. В этом аспекте дополнением к образу Ришто, претерпевшему описанную трансформацию на тохаристанской почве, может послужить уникальная пока терракотовая плитка из Южного Согда. Она была обнаружена на безымянном тепе близ колхоза Шарк-Юлдузи Яккабагского р-на УзССР археологом Н. П. Столяровой в процессе работ Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции Ташкентского государственного университета. Плитка — в форме продолговатого полуовала с прямым основанием. Красноватая, плотная терракота, на лицевой стороне следы красного ангоба. Оттиск с матрицы, местами несколько смятый. С боков подрезка пожом, с тыльной стороны поверхность заглажена вручную, здесь следы трех пальцев мастера, а сзади головы вырезана глубокая полость, очевидно, для более четкой моделировки и хорошего обжига лица. Размеры 135 × 12 мм, рельеф от 6 до 12 (голова) мм.

В овальном бордюре, оформленном выпуклыми полукружками, изображение сидящего персонажа. Округлое, приоткрытое к подбородку лицо с рельефными дугами бровей, переходящими в очертание носа (он смят) над довольно крупным ртом; миндалевидные глаза в рельефных веках с просверленными зрачками; на лбу между бровей каплевидное углубление (подвеска или родинка?). Головной убор обрамляет лоб вертикально гофрированной лентой, на которой закреплены три венчающие шестичастные розетки с вдавленными точками у лепестков и посередине. Оттиск боковых участков несколько смят и нечеток: приоткрытые уши с каплевидными серьгами, к плечам спускается по три ленты или же пряди волос.

Фигура представлена сидящей, с раздвинутыми ногами, носки которых упираются в углы обрамления плитки. Руки опущены и придерживают на коленях длинный меч в плоских ножнах. На шее толстая гривна с круглой пряжкой. Плечи широкие, на них наплечники с точечной разделкой, под ними драпирующиеся узкие рукава, у запястий браслеты. Одежда плотно облегает торс, обрисовывая груди, тонкую талию, выпуклый живот с обозначенным пупком и идущие вкось в обе стороны точечные полосы. Подол одежды массивными бахромчатыми складками свисает между колен. Легкие вмятины на икрах позволяют предполагать, что это складки либо плотных штанов, либо мягких сапог (если это не де-

фект оттиска). Ступни в облегающей обуви, на щиколотках либо толстые завязки, либо парные браслеты (рис. 5).

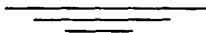
В образе богини на этой плитке обращают на себя внимание такие детали, как меч, наплечники, короткая облегающая одежда, существенно отличная от длинных в косых и вертикальных складках одеяний богинь на согдийских терракотовых статуэтках. С дальверзинской плиткой здесь сближаются лишь сама ее форма, сидячая поза богини, гривна, короткая одежда, ленты у плеч, в остальном они несхожи. Но это естественно, ибо в коропластике Бактрии и Согда были разработаны собственные типологии для идентичных или по крайней мере близких по значению образов божеств. Но, видимо, идея воинствующей Справедливости, носительницей которой являлась Арштат-Ришто, воплощена и здесь. Особенно характерен в этом отношении «меч правосудия», который богиня крепко держит в руках.

Г. А. Пугаченкова

AN ICONOGRAPHIC IMAGE IN BACTRIAN ART

G. A. Pugachenkova

Among the finds from the North Bactrian site of Dalverzin-Tepe in the Uzbek SSR a terracotta slab with a portrayal in relief of a divinity in armour and helmet, armed with a trident, sitting on a tiger-like animal, is unique. It was originally treated, on the analogy of Sogdian slabs, as a 'divine hero'. But analysis leads to the conclusion that it is crude reproduction of the goddess depicted in a fresco of the temple building of the third and fourth century A.D. in Dilberjin (Balkh province of Afghanistan). Her syncretic image on Bactrian soil absorbed the iconography of Athene, the semantics of Avestic Rishto, and the attributes of Durga.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

©

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА КИПРЕ

В последние годы остров Кипр стал местом активной деятельности археологов. Расположенный в самой восточной части Средиземноморья, остров занимал выгодное географическое положение, служа мостом между великими цивилизациями Эгеиды и Ближнего Востока, Анатолии и Египта, культуры которых смешались и переплелись в его горниле. Все это, однако, вовсе не означает, что Кипр не обладал собственной, лишь ему присущей культурой, правда, довольно часто испытывавшей влияние соседних культур.

Древнейшая история Кипра вызывала интерес у археологов многих стран. Многие находки последних нескольких лет пролили дополнительный свет на шестидесяти-вековую историю острова с конца неолита вплоть до бронзового века. Более того, теперь стало возможным предположить, что существовал *палеолитический период*, восходящий к IX тыс. до н. э.: на южном побережье острова на участке, известном под названием Акротири (Этокреммос), в каменных пещерах было обнаружено большое количество костей, принадлежавших в основном вымершим видам карликового гиппопотама и карликового слона, что говорит об определенном рода культурной деятельности. На основании радиоуглеродного анализа некоторых образцов участок датируется приблизительно 8000 г. до н. э., что делает его самой древней стоянкой на Кипре, известной за последние две тысячи лет.

Период *неолита* (VIII тыс. — начало IV тыс. до н. э.) в последние годы привлек большое внимание в связи с раскопками, интенсивно ведущимися на двух больших участках у южного побережья в Калавассосе (Тента) и Кирокитии. Жилища этих поселений состояли из одного или нескольких круглых строений (толосов), сооруженных на прочной каменной основе (из речных валунов), с глинобитной или кирпичной надстройкой (рис. 1). Не совсем ясно, как была устроена крыша, она могла быть плоской или конусообразной. Часто один или два прямоугольных столба поддерживали верхний этаж (мансарду). Некоторые из внутренних стен оштукатурены; на одной такой оштукатуренной стене в Калавассосе сохранились очертания человеческих фигур, довольно грубо выполненных красной краской (рис. 2).

Важные находки последнего времени, относящиеся к *халколитическому периоду* были сделаны главным образом на участках в районе Пафоса у западного побережья Кипра. В архитектурном плане остатки сооружений халколита следуют традициям круглых жилищ неолитического периода, выполнены они, однако, гораздо более артистично. В камне или терракотте (рис. 3) представлены различные человеческие изображения. Статуэтки по большей части являют собой обнаженные женские фигуры, некоторые изображают рожиц (рис. 4). Религиозные взгляды этого периода пронизывает идея человеческого плодородия. Глиняная модель святилища, недавно найден-

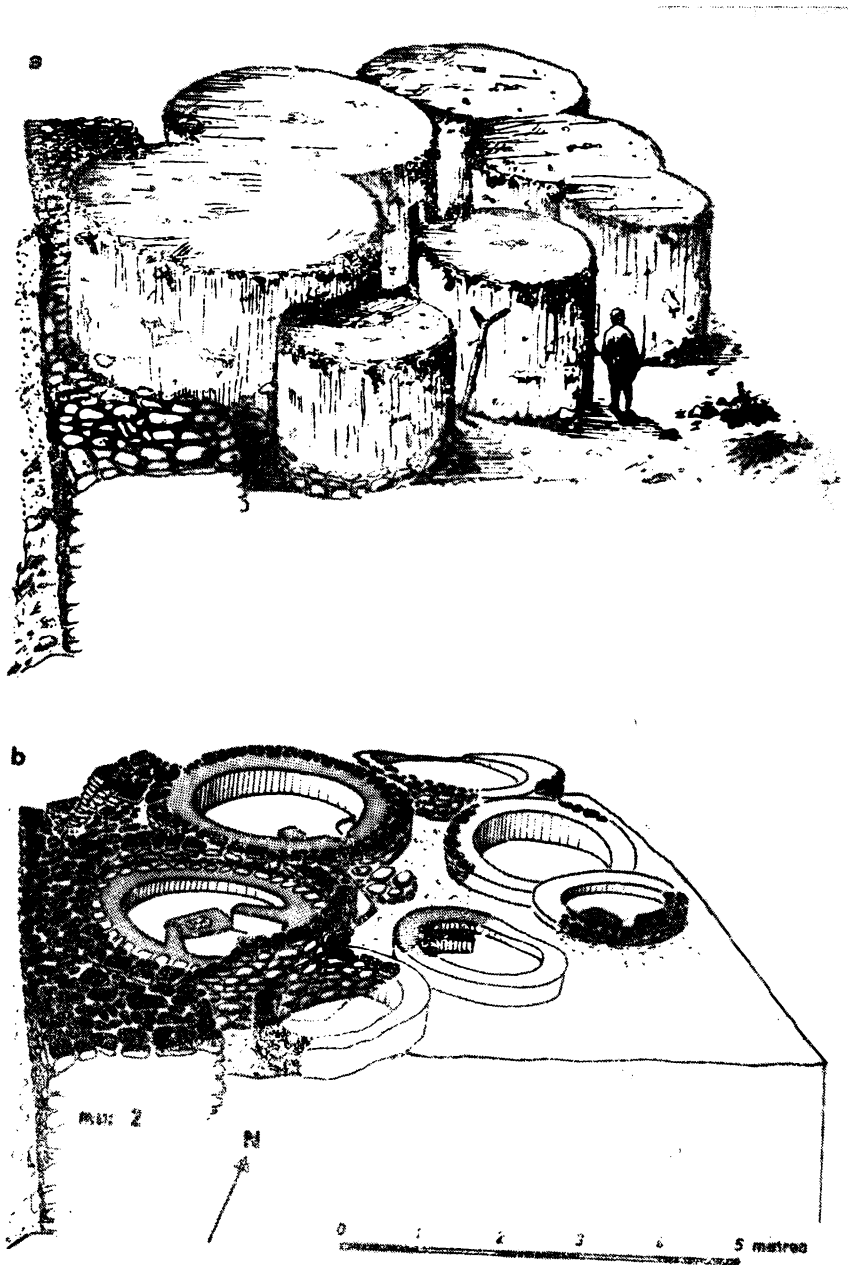

Рис. 1. Жилища, раскопанные в неолитическом поселении в Кирокитии (ре-
конструкция)

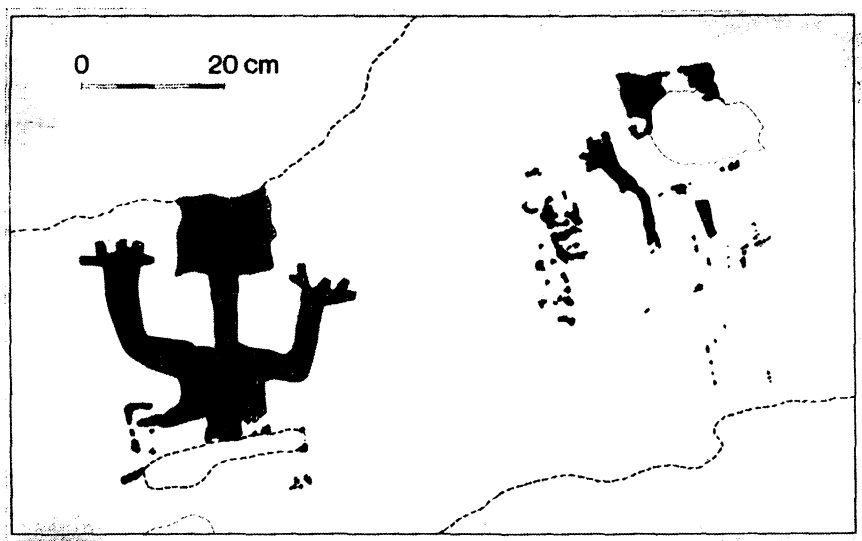

Рис. 2. Настенная роспись дома в Калавассос (Тента)

ная в Киссонерга (Мосфилия) вместе с 17 статуэтками из терракоты и камня, дают представление о религиозной жизни этого поселения. От периода халколита дошел до нас и ряд искусных образцов керамики древнейшей истории Кипра. Во всех поселениях были найдены инструменты, выполненные из натуральной меди.

О *раннебронзовом периоде* (начало III тыс. до н. э.) известно по небольшому поселению в Сотира (Каминудия) на южном побережье, причем основную массу материалов об этом периоде дают погребения. Богато украшенная красно- и чернофигурная лаковая керамика (часто с фигурами людей в сценах повседневной жизни) обнаружена в этих захоронениях наряду с предметами искусства из бронзы (инструменты и оружие) и украшениями из меди, серебра и даже золота. Влияние Анатолии очевидно на начальном этапе этого периода, можно даже предположить, что именно обосновавшиеся в это время на Кипре колонисты из Анатолии принесли с собой искусство металлургии. Ее развитию, естественно, способствовали и богатые медные рудники Кипра. Таким образом, медь стала тем фактором, который вместе с географическим положением острова предопределил его дальнейшую судьбу вплоть до римского времени.

Дополнительные сведения и материалы были получены в ходе недавних археологических изысканий поселений *позднебронзового периода*. Раскопки Энкомия на восточном побережье и Китиона на южном побережье закончены, и результаты работ опубликованы. Расчищенные от земли новые участки содержат материалы по периоду от XVI в. до н. э. вплоть до начала XI в. до н. э.

Раскопки захоронений в Марони (Капсалудия) у южного берега и в Палеп афосе (Терацудия) говорят о связях с Сирией и Египтом (в Палеп афосе были найдены фрагменты каменной вазы с картушем Амоса). Можно считать, что захоронение начала XIV в. до н. э., раскопанное в Калавассосе (Айос-Димитриос) — самое богатое из всех когда-либо обнаруженных на острове. Найденные в нем микенская керамика (рис. 5), золотое украшение (вес 432 г), предметы из стекла и слоновой кости свидетельствуют о богатстве Кипра, и особенно Калавассоса, около которого в XIV в. до н. э. находились медные рудники. Несколько раскопанных поселений свидетельствуют о высоком уровне благосостояния жителей острова еще до каких-то событий, вызвавших запустение, разорение и разруху поселений более позднего периода. Большие административные строения, сооруженные из тесаных каменных блоков, вскрытые на двух

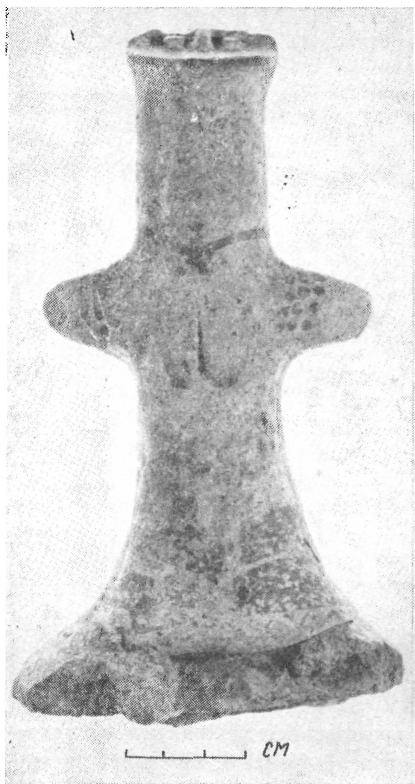

Рис. 3. Терракотовая женская статуэтка периода халколита (конец IV тыс. до н. э.) из Киссонерга (Мосфилии)

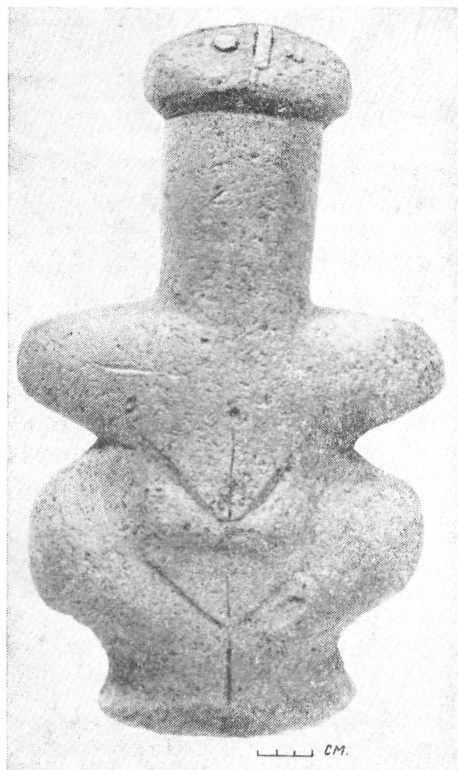

Рис. 4. Статуэтка из известняка (высота 36 см) из поселения периода халколита в Лемба-Лакусе

участках: в Марони (Вурнес) и Калавассосе (Айос-Димитриос) (рис. 6) — были внезапно покинуты около 1200 г. до н. э. в конце позднекипрского IIC периода. Глиняные цилиндрические предметы с вырезанными знаками кипро-минойского письма вместе с богатыми находками блюд и кубков микенского IIIB периода, а также местные подражательные образцы, найденные в административном здании Калавассоса, говорят о значительности и богатстве этой постройки, откуда местный правитель мог осуществлять контроль над деятельностью медного рудника.

Укрепленные поселения, одно в Пилла (Коккинокремос) на юго-восточном побережье, а другое — в Маа (Палеокастро) на западном берегу, свидетельствуют о печальном периоде Восточного Средиземноморья после крушения микенской империи и об активности так называемых «народов моря». Первое поселение было оставлено ввиду надвигающейся опасности около или вскоре после 1200 г. до н. э. и никогда вновь не заселялось; второе, сгоревшее во время пожара вскоре после 1200 г. до н. э., было отстроено вновь, но покинуто около середины XII в. до н. э. Богатые дары содержат захоронения, датируемые периодом около 1200 г. до н. э.: керамика, бронзовые, золотые украшения, предметы из слоновой кости, алебаstra и т. п. Такие захоронения были раскопаны в районе Палепафоса на участках Тераудии и Лайомилии. Часть поселений и гробницы, раскопанные в Алассе севернее Куриона, датируются периодом около 1200 г. до н. э. Здесь были обнаружены следы выплавки меди.

Рис. 5. Микенский IIIA: I кратер из захоронения нач. XIV в. до н. э. в Калавассос (Айос-Димитриос)

Ранний железный век и архаический период представлены находками из некрополя в Палепафосе (Скейлз). Гробницы богаты бронзовой утварью, оружием, инструментами, ювелирными изделиями. Предметы из Финикии, найденные в этих захоронениях, говорят о том, что благосостояние жителей Палепафоса в этот период, оче-

Рис. 6. Занадное помещение здания дворцового типа в Калавассос (Айос-Димитриос) с множеством сосудов

Рис. 7. Деталь бронзового обелиска из гробницы XI в. до н. э. в Паленафос (Скейлз)

видно, обуславливалось их связями с Левантийским побережьем. На бронзовом обелиске, найденном на кладбище в захоронении XI в. до н. э., сохранилась надпись кипрским слоговым письмом — собственное греческое имя (Ῥοφείλου) в родительном падеже на аркадском диалекте (рис. 7). Это первое свидетельство использования греческого языка на Кипре.

Некрополь в Аматысе на южном побережье сохранил множество предметов, датируемых от *кипро-геометрического* до *римского периодов*. Особенно интересна керамика местного, так называемого аматского стиля, и привозная, греческая и финикийская. В гробницах, в частности, обнаружено много изделий из терракоты местных и финикийских типов VI в. до н. э. (рис. 8). Здесь есть бронзовые предметы и украшения из золота и серебра, что говорит о богатстве космополитического города-порта на южном побережье острова.

Строение *классического периода* было частично раскопано на участке Евреты в Паленафосе; другие строения того же периода раскопаны в Идалионе вместе с частью оборонительной стены города; к этому же периоду можно отнести остатки святилища, раскопанного в Тамассосе, вероятно, посвященного Кибеле.

Ранний эллинистический период представлен материалами подводных археологических работ в гавани древнего Аматыса, где обнаружены ее основные конструкции. Эта гавань была построена Птолемеями, когда они были правителями Кипра и Египта, видимо, для того, чтобы вывозить в Египет островные товары (зерно и лес). К тому же периоду можно отнести и высеченные в грунте укрепления Неа-Пафоса с воротами, башнями и насыпями, большую часть которых откопали с западной стороны города. Именно в этот период Неа-Пафос был столицей Кипра, став преемником Саламина на восточном побережье.

Богатый материал *эллинистического и римского периодов* был обнаружен в захоронениях Неа-Пафоса. В той части некрополя, которая известна под названием «гробницы Царей», были раскопаны монументальные гробницы. В них имитируется перистиль эллинистических домов, а в одном случае моделью послужила египетская мастаба. В археологическом слое обнаружены также гробницы, воспроизводящие македонские прототипы.

Недавние раскопки в Курпоне выявили остатки святилища Аполлона эллинистического периода. Был обнаружен мощный участок, окружавший территорию «священной рощи», очевидно, посвященной Аполлону. Были исследованы предшествующие храму Аполлона ранние эллинистические строения, частично восстановлен и сам храм с его набатейскими капителями, восстановленными ранее.

Много villas римского времени было раскопано в Неа-Пафосе. Назовем «Дом Орфея» (рис. 9) и «Дом Тезея» с цветным мозаичным полом, как и в примыкающем к «Дому Тезея» «Доме Эона» с чудесной напольной мозаикой IV в. н. э. на мифологические сюжеты (рис. 10). Качество их превосходно. Некоторые из них изображают

Рис. 8. Терракота (тип Асарты) из гробницы в Ама-тусе

Рис. 9. Деталь мозаичной композиции (III в. н. э.) из виллы Орфея в Неа-Пафосе, изображающая поя-ной портрет Орфея

сюжеты из жизни Диониса. Возможно, в этот последний период под влиянием неоплатонизма римские правители Пафоса пытались возродить языческую религию, провозгласив Диониса **новым** спасителем в противовес быстро наступавшему христианству. Так можно! было бы объяснить иконографию этих мозаичных композиций. (Рис. 10 см. вклейку).

Упомянем, наконец, и об открытии римского Нимфеума в Курионе и о раскопках храма Афродиты на вершине Акрополя в Ама-тусе. Этот храм с набатейскими капите-лями мог прийти на смену более раннему классическому (?) святилищу, посвященному «Кипрской Богине» Астарте-Афродите. Отделение древней истории сейчас занимается частичным восстановлением этого здания.

В Нижнем городе в Ама-тусе были раскопаны строения позднеримского и ранне-христианского времени, включая Агору с улицей-колоннадой, храм, похожий на алтарь, и общественный фонтан.

Вассос Карагеоргис
Директор Департамента древней истории, Кипр

ст. Карагеоргис К.

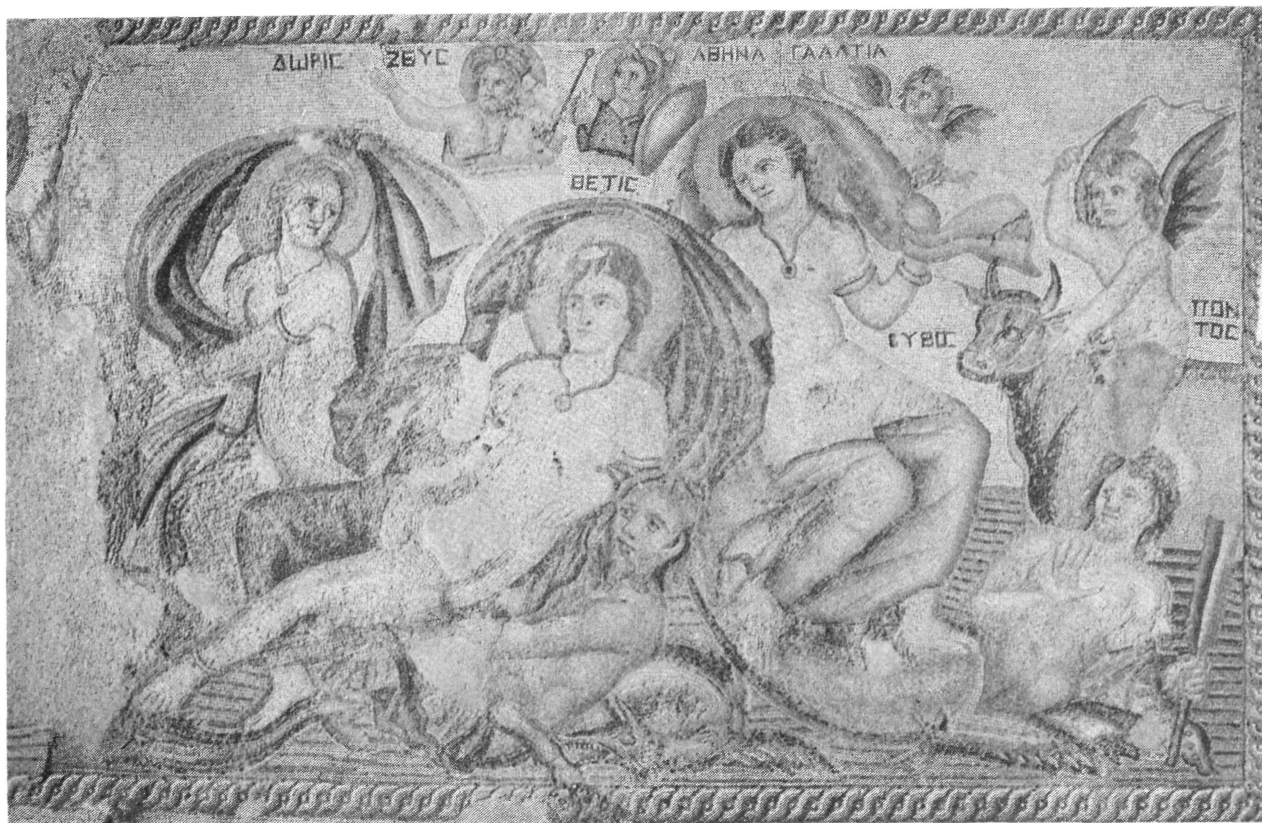

Рис. 10. Часть панели мозаичного пола в «Доме Эона» в Неа-Пафосе (IV в. н. э.)

ОТКРЫТИЕ ТЕМЕНОСА ХРАМА ОКСА (СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ)

В 1988 г. вместе с завершением раскопок храма Окса на Тахти Сангине¹ у слияния Вахша с Пянджем, на правом берегу, в верховье древнего Окса (совр. Амударья) проводились работы по расчистке теменоса — священной площади к востоку от храма. Название храма было установлено по найденной в нем эллинистической древнегреческой надписи — посвящению на миниатюрном известняковом алтарик-постаменте, служившем основанием для бронзовой обнаженной фигурки Окса в обличьи Силена Марсия, играющего на двустольной флейте².

Храм Окса благодаря хорошей архитектурной сохранности монументальных (мощностью до 3,4 м) сырцовых стен, возвышающихся от материка до современной дневной поверхности (до 5 м в высоту), и богатству нетронутого археологического заполнения (в нем найдено более 5000 посвященных предметов) — наиболее полный целостный комплекс из всех восточных храмов Средней и Центральной Азии и Ирана ахеменидского и эллинистического периодов. Полученная завершенная планировочная композиция храма Окса (51 × 51 м), ставшая эталонной, позволила подтвердить атрибуцию и надежность реконструкции известных в настоящее время около 10 иранских храмов огня, раскопанных в конце прошлого и первой половине этого столетия, создать методику атрибуции на основе выявленных *атешгах* — двух «хранилищ вечного огня», обязательно примыкающих с фасада небольших помещений, присущих всем храмам этого типа, дать новую реконструкцию храма огня в Персеполе³, пересмотреть и прояснить назначение каждого из помещений во внутренней структуре храмов, реконструировать процесс происходящих в них общественно-религиозных церемоний⁴.

Характерной особенностью композиционного решения комплексов иранских храмов огня может считаться обязательное наличие площади-двора перед храмом (рис. 1). В непосредственной связи с накопленным материалом исследовалась и священная площадь перед храмом Окса, которая раскрыта с запада на восток полностью. Общая длина площади от восточного порога айвана до западного порога пропилей — 21,57 м. Ширина площади, открытой к настоящему времени с севера на юг, — 46,5 м. Расстояние между монументальными каменными алтарями, установленными перед башенными сооружениями, фланкирующими по флангам фасад храма Окса, — 40,5 м. Пространство площади севернее и южнее за алтарями пока не раскопано, так как на этих участках сохранились строительные остатки кушанского времени. Тем не менее уже сейчас раскрытый теменос храма Окса в поперечнике вдвое превышает продольную величину (46,5 × 21,57 м). Эти размеры противоположны пропорциям известных дворов храмов огня: квадратного в Сузах (18,05 × 18,05 м)⁵, продольно

¹ Разведочные раскопки на городище Тахти Сангин проводились Б. П. Денике в 1928 г. и А. М. Мандельштамом в 1956 г. С 1976 г. планомерные раскопки ведутся Тахтикубадским отрядом (начальник И. Р. Пичикян) Южнотаджикской экспедиции (руководитель Б. А. Литвинский).

² Litvinskiy B. A., Pichikiyan I. R. The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. N 2. P. 133—167; Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84.

³ Stronach D. On the Evolution of the Early Iranian Fire Temple // Acta Iranica. 25. Papers in Honour of Professor Mary Boyce. Deuxieme série. V. XI. Lieden, 1985. P. 605—627. Fig. 3. Д. Стронах первым правильно вычленил храм огня в Персеполе из общей застройки. Его план почти в точности совпадает с реконструкцией этого храма автором этих строк, к которой он пришел на основе раскопок на Тахти Сангине. Ср.: Пичикян И. Р. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений // Информ. бюл. МАИКЦА, 1987. Вып. 12. С. 49—64. Рис. 3.1.

⁴ Там же.

⁵ Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer. B.— N. Y., 1971. S. 268, 270. Abb. 38.

Рис. 1. Священный участок — темнос перед храмом Окса

вытянутых дворов Кух и Ходжа ⁶, Шахра (15,76 × 18,41 м вместе с пространством 3,72 м, перекрытым портиками) ⁷ и Хатры ⁸.

В композиционном решении и оформлении самих дворов известных храмов огня наблюдается вариативность: дворы по периметру окружаются помещениями (Кух и Ходжа, Кух и Варка, храм огня в Персеполе (?), храм в Хатре) ⁹ или коридорами (Сузы) ¹⁰, либо колонным портиком (Шахр) ¹¹. В храме Окса в П-образном сооружении, обрамляющем площадь, предполагается раскрыть помещения, прослеживаемые пока только поверху. Сами стены этого сооружения, возведенные из сырцового кирпича (50 × 50 × 14 см) на каменном цоколе, необычайно монументальны (рис. 2). Прослеженная поверху толщина северной стены — 7 м, западной — не менее 13 м. В центре западной стены, покоящейся на каменном цоколе из крупных отшлифованных орфос-татных плит известняка, открыт проем пропилей шириной 4 м, который на 1 м шире восточного порога айвана храма Окса. Длина блоков цоколя вновь открытого сооружения колеблется от 0,64—0,74 до 1,14 м, высота блоков (67—68 см) равна высоте монументальных каменных алтарей, открытых на площади ¹². Швы между блоками

⁶ Ibid. S. 481, 484, 496. Abb. 83; S. 62 ff. Abb. 9, 10.

⁷ Ibid. S. 481, 484, 496. Abb. 77.

⁸ Ibid. S. 496, 499. Abb. 79, 83.

⁹ Ibid. Abb. 83.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Личикян И. Р. Греко-бактрийские алтари храма Окса (Северная Бактрия) // Информ. бюл. МАИКЦА. 1987. Вып. 12. С. 65—75.

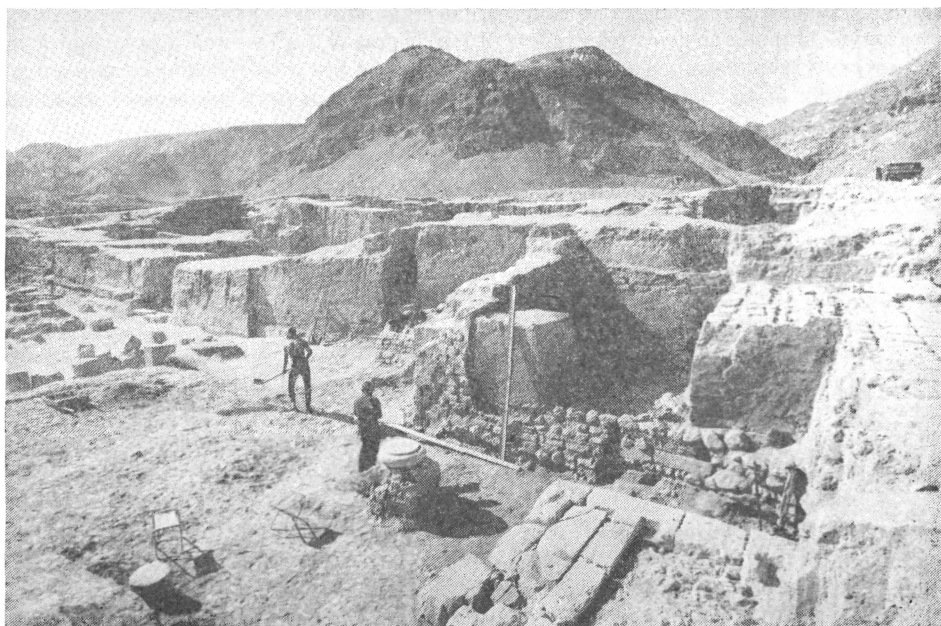

Рис. 2. Стена греко-бактрийского сооружения перед храмом Окса

До 2,5 см залиты алебастром (рис. 2). Техника обработки камня и заливки швов очень близка аналогичной технике монументальных каменных алтарей с метками каменотесов в виде букв, расположенных в порядке алфавита от *теты* до *кси*. Это позволяет датировать кладку цоколя сооружения, обрамляющего площадь, не позже III—II вв. до н. э., т. е. не позже греко-бактрийского времени.

В восточной половине площади помимо упомянутых монументальных каменных алтарей севернее южного башенного сооружения храма Окса был открыт колодец, вырубленный в материке на глубину 10 м. Диаметр венца колодца 1,5 м, диаметр основания колодца на глубине от 9 до 10 м имеет колоколовидное расширение до 1,8—2 м. Исследование колодца позволило выяснить характер материковых напластований террасы, на которой был возведен храм Окса. Верхние 3 м представляли разноформатную крупную щебенку — известняковую вскрышу, последующие 5 м — твердый слой материковой глины темно-серого цвета и последние 2 м — речной темно-серый песок. Нижние 2 м засыпи колодца, также в своей основе из речного песка, содержали незначительное количество битой керамики и костей мелкого рогатого скота. Следующие 4 м (4—8 м от дневной поверхности) засыпи состояли из рыхлого гумусированного суглинка с большим количеством органических включений, керамики и костей. Наибольшее количество находок содержалось в верхней засыпи 4 м, представленной суглинком с большим количеством органических остатков. Здесь наряду со значительным количеством керамики и костей были найдены отшлифованные плиты известняка разнообразных форм. Засыпь колодца, судя по хронологическим близкой керамике, фиксировавшейся по метровым отметкам, была, вероятнее всего, единовременной и датируется кушанским периодом. Однако самый предварительный анализ керамики показывает отсутствие на последних нижних метрах более поздних кубков при наличии большого количества мисок и пиал. Керамика, открытая в колодце, в целом дает большое разнообразие форм столовой посуды кушанского периода при полном отсутствии форм греко-бактрийской керамики айханумского типа.

У входа в айван южнее и севернее центральной оси храма на 5 м в центре за-

падной половины площади были открыты два постамент, служившие основаниями для статуй. Ширина южного постамента 2,2 м, длина 3,2 м, высота 1 м. Южный постамент служил основанием для громадной бронзовой статуи со ступнями ног длиной 65 см. Ступни были прикреплены к постаменту вертикальными железными штырями, залитыми в пазах блоков известняка свинцом. Мощность свинцовой заливки 15 см, длина 65 см, каждая из них весом около 40 кг. Левая ступня была выдвинута вперед по отношению к правой. Судя по размерам ступни, статуя была громадной и выполнена из бронзы. Предполагаемая ее высота не менее 5 м. При открытии площади фрагментов этой громадной статуи не обнаружено, не было найдено и никаких следов ее расчленения. Согласно поздней традиции, сохраненной в китайских источниках, перед храмом Окса стояла статуя бронзового коня, но это известие пока не подтверждено раскопками¹³.

В северо-восточной части площади было открыто четыре двухступенчатых плинта и один тор от торовидных баз колонн, аналогичных базам айвана и центрального зала храма Окса, но несколько меньшего размера (плинты, найденные на площади, около 0,8 м в сторону). Базы открыты на разной глубине в перемещенном состоянии. Их первоначальное расположение еще предстоит определить. Среди большого количества архитектурных деталей, найденных на площади, наиболее интересен круглый монолитный каменный алтарь с профилировкой, повторяющей профили монументальных каменных алтарей. Сверху он снабжен лункой, нижняя четверть его отбита в древности. Жертвенный каменный стол с девятью полусферическими лунками и другие детали от монументальных каменных алтарей были найдены на разных уровнях глинобитного покрытия площади: 1 уровень — 0,5 см над материком, 2 уровень — 0,15 см, 3 уровень — 0,55 м, между которыми имеются натeki. Над последним уровнем (толщина—13 см), представляющим собой свиту покрытий, мощный натек переходит в гумусированный слой. Общая мощность напластований на площади над материком до 4 м на севере и юге, тогда как в центре не более 2,5 м. Уровень залегания материка на площади на 1 м ниже уровня в центральном зале храма Окса, т. е., как уже неоднократно упоминалось, подчистка основания для постройки храма Окса велась террасированно с перепадом между западной и восточной террасами в 2 м с падением уровня на восток в сторону реки.

Таким образом, главным результатом раскопок 1988 г. было полное открытие теменоса храма Окса и контура обрамляющего его с востока громадного греко-бактрийского сооружения, стоящего на каменном цоколе с длиной фасада не менее 60 м. Уточнения функционального назначения этого громадного здания, возведенного в лучших традициях эллинистической строительной техники и не имеющего аналогов среди памятников этого периода, можно, очевидно, ожидать от раскопок последующих сезонов.

И. Р. Пичикян

¹³ Drège J.-P., Grenet F. Un temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe siècle // *Studia Iranica*. 1987. T. 16. P. 118.

DISCOVERY OF THE TEMENOS OF A TEMPLE OF OXUS (NORTHERN BACTRIA)

I. R. Pitchikian

The notes give a brief description of a temple of Oxus in Takhti-Sanghin, located at the confluence of the Vakhsha and Pyanj Rivers. In 1988 the architectonic structure of the building was clarified, which became the standard for attributing dozens of other Iranian fire temples in Bactria and Persia. On the east the temenos encompasses a huge structure also of the Graeco-Bactrian period, the purpose of which has still to be clarified by future excavations.

ИТОГИ РАСКОПОК В УРУКЕ (1982—1985 гг.)

В 1982—1985 гг. в Уруке, древнейшем городе Южной Месопотамии (Ирак), работала археологическая экспедиция Багдадского отделения Германского археологического института под руководством Р. М. Бёмера в сотрудничестве с обществом «Тюбингенский атлас Ближнего Востока»¹. Важнейшим результатом XXXV—XXXVII полевых сезонов (1982—1984 гг.) следует признать обширное обследование городской территории, проведенное У. Финкбайнером (Тюбингенский университет). Прилагаемая топографическая схема (рис. 1) дает возможность представить себе соотношение раскопанной (до 1982 г.) и подвергнутой предварительному обследованию (в 1982—1984 гг.) территории Урука². Раскопки проводились преимущественно в центре города в районе Занны — древнего храма бога небес Ану и главного божества Урука богини Иннин-Иштар; в этой же части города археологи обнаружили древнейшие урукские храмовые постройки (IV тыс. до н. э.). Раскопан дворец царя Синкашида (XIX в. до н. э.), расположенный к западу от центрального района, храмы селевкидского Урука — Бит-Реш и Иригал, а также храм парфянского времени, посвященный богу Гареусу³. Интересные письменные памятники позднего времени были найдены в результате раскопок за пределами храмовой территории начиная с 1969 г. Был раскопан городской квартал в квадрате U XVIII, так называемые «парфянские руины» (UVB 26—27.1972). Продолжение раскопок в городских кварталах позднеселевкидского и селевкидского времени является насущной необходимостью. Несомненный для этого времени высокий уровень образованности людей, имевших семейные библиотеки, позволяет многого ожидать от исследования частных домов урукитов. Пока в этом направлении сделаны лишь первые шаги.

В ходе XXXV—XXXVI археологических сезонов (1982—1983 гг.) были обследованы северные районы города. Обнаруженные на поверхности фрагменты керамики, печати, терракоты и другие находки датируются различными периодами истории Урука — от второй половины III тыс. до н. э. до парфянского времени (рис. 2). В 1984 г. работы начались в южной части Урука. Керамика преимущественно парфянского, но также и селевкидского периодов, несколько парфянских терракот, характерные для парфянского времени «туфлеобразные» саркофаги, монеты парфянских и сасанидских царей позволяют заключить, что в парфянское время здесь возникло поселение (вероятно, на месте кварталов селевкидского периода), не прекратившее своего существования и при первых Сасанидах. Именно парфянским и раннесасанидским периодами датируется подавляющее большинство обнаруженных здесь монет. Однако в этой же части города видны и следы поселения III тыс. до н. э. Между Иригалом и храмом Гареуса в квадрате N XXIII археологи нашли фрагменты небольшой (длиной ок. 0,5 м)

¹ Регулярные раскопки в Уруке начались в 1913 г. под руководством Германского Восточного общества, публиковавшего с 1930 г. регулярные отчеты о результатах раскопок (UVB). В 1955 г. в Багдаде было открыто отделение Германского археологического института (Западный Берлин), которое в 1960 г. стало издавать свой печатный орган (BaM) и впоследствии взяло на себя руководство раскопками в Уруке. Наша сводка составлена на основе археологических отчетов: BaM. 1984—1988. Bd 15—19.

² До сих пор сохраняет свое значение первое топографическое исследование позднего Урука, принадлежащее А. Фалькенштейну. Автору удалось связать материалы довоенных раскопок с данными культовых и хозяйственных текстов поздних периодов (Falkenstein A. Topographie von Uruk. Teil I: Uruk zur Seleukidenzeit. Lpz, 1941 (ADFU 3)).

³ Последнее по времени описание урукских храмов с важными для ранних периодов уточнениями хронологии см.: Heinrich E. Die Tempel und Heiligtümer im Alten Mesopotamien. B., 1982; Schmidt J. // UVB. 1983. 31—32. S. 23 ff.

ская керамика и «туфлеобразные» саркофаги. Однако в отличие от холма, на котором расположен храм Гареуса, и его окрестностей здесь основную массу нумизматического материала парфянского времени составляют монеты автономной чеканки Селевкии на Тигре. Этот город потерял право чеканить собственную монету в первой половине I в. н. э., после многолетнего восстания его жителей против парфянских царей. Монеты автономной чеканки Селевкии на Тигре, найденные в Уруке, относятся к промежутку времени со 115 г. до н. э. до 10 г. н. э., причем, как и в самой Селевкии, основную часть материала составляют более ранние монеты. Как показал

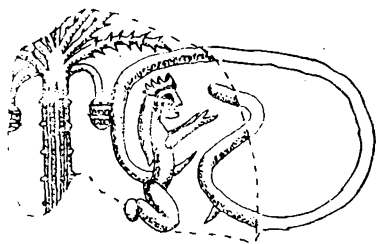

Рис. 2. Прорисовка фрагмента цилиндрической печати, найденной в 1983 г. Горный хрусталь (VI—V вв. до н. э.)

анализ всех нумизматических находок в Уруке, монета в город поступала именно из Селевкии на Тигре, и ситуация с монетным делом в столице Вавилонии автоматически влияла на денежное обращение в Уруке⁴. Более же мелкая монета для повседневных нужд чеканилась, по видимому, в селевкидское и парфянское время в самом Уруке⁵. Под селевкидскими и парфянскими слоями на юго-западе, как и на юго-востоке города, скрываются поселения III—II тыс. до н. э. На это указывают значительные скопления керамики периода Варки (G/H XVII) и среднеавилонского времени (GH XXIII/XXV). Отдельные островки среднеавилонской керамики встречаются во многих местах южной части Урука.

Последним объектом работы археологов в 1984 г. стал дворец жившего в XIX в. до н. э. урукского царя Синкашида, расположенный в западной части города. Дворец был обнаружен еще в 1912 г., регулярные же раскопки велись здесь в конце 50-х — начале 60-х годов, когда среди его развалин археологи нашли несколько сот глиняных табличек, часть которых сегодня уже опубликована⁶. Дворец сгорел в конце XIX в. до н. э. и уже не восстанавливался. В 1984 г. археологи ограничились лишь осмотром окрестностей дворца, где, как и следовало ожидать, преобладала старовавилонская керамика. Однако к северу от резиденции царя, как показывает анализ найденной там керамики, был расположен большой городской квартал второй половины II тыс. до н. э. Керамика в западной части Урука датируется по большей части III—II тыс. до н. э. В этом же районе города обнаружены каменные орудия: топоры, сверла, вкладыши серпа, наконечники стрел.

Среди находок, сделанных археологами в 1984 г., следует упомянуть штемпельные и цилиндрические печати, относящиеся почти ко всем периодам истории города — от Джемдет-Насра до нововавилонского и ахеменидского, терракоты, среди которых преобладают памятники селевкидского и парфянского времени, изделия из бронзы. Большое значение для датировки культурных слоев и восстановления истории Урука в последние века его существования имеют несколько сот собранных в этот сезон монет селевкидских, парфянских и сасанидских правителей.

За три года раскопок в Уруке археологи нашли 1290 саркофагов, которые можно датировать различными периодами истории города — от старовавилонского до парфянского. Саркофаги были обнаружены по всему городу, следов некрополя на окраине или за пределами Урука пока не обнаружено. Третью от общего числа саркофагов

⁴ Leisten Th. Uruk-Warka XXXVII: Die Münzfunde // BaM. 1985. Bd 16. S. 155.

⁵ Idem. Die Münzen von Uruk-Warka. Katalog der Münzfunde der Jahre 1913—1984 // BaM. 1986. Bd 17. S. 337.

⁶ Mauer G. W 20038, 1—59. Ein Tontafelarchiv aus dem Palast des Sin-Käsid in Uruk // BaM. 1987. Bd 18. S. 133—198; Sanati-Müller Sh. Texte aus dem Sinkäsid-Palast // BaM. 1988. Bd 19. S. 471—539.

составляют захоронения в сосудах, им несколько уступают по количеству «туфлеобразные» саркофаги, появившиеся в Уруке с приходом парфян. Содержимого саркофагов археологам, как правило, обнаружить не удавалось.

В 1985 г. на территории Урука было собрано еще несколько сот мелких предметов. Среди них печати и изделия из камня III тыс. до н. э., бронзовые статуэтки и фрагменты украшений парфянского и сасанидского времени, около трехсот монет. Наибольший интерес представляет найденный в южной части города (квадрат Р XXVIII) фрагмент глиняного гвоздя, на котором можно прочесть часть шумерской надписи, упоминавшей *энси* Лагаша. Возможно, речь идет о Гудеа, имя которого встречается на нескольких предметах, обнаруженных ранее в Уруке: на фрагментах двух глиняных гвоздей, извлеченных археологами в 1934 г. из развалин храма Эанна, и на известной уже нам статуе льва в южной части города. Ко времени правления Гудеа может относиться и фрагмент статуэтки, изображавшей полуживотного-получеловека, которая была обнаружена в 1954—1955 гг. Статуэтку, судя по ее исполнению, изготовили не урукские, а лагашские мастера. Каким образом все эти предметы оказались в Уруке, остается загадкой. Некоторые из найденных в 1985 г. предметов, по-видимому, были привезены в Урук из других стран: стекло, возможно, попало сюда из Северной Месопотамии, раковины — с островов Индийского океана.

Каталоги урукских находок последних лет и завершающая публикация с результатами исследования городской территории скоро выйдут в свет⁷. Стратиграфическое исследование Урука, содержащее поправки к принятым датировкам, также находится в печати⁸.

М. М. Дандамаева, Н. О. Чехович

⁷ Finkbeiner U. Die Oberflächenuntersuchung von Uruk.

⁸ Eichmann R. Die Stratigraphie von Uruk.

©

АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

(По материалам раскопок последних лет)

Несмотря на то, что никаких особо сенсационных открытий в архаических пластах древнегреческих поселений в последние годы сделано не было, их раскопки ввели в научный оборот немало интересных и своеобразных материалов. В числе открытых архитектурных строений наиболее часто встречаются остатки небольших святилищ. В *Афинах* при новостроечных работах было обнаружено два подобных храма. Одно святилище — на улице Пулопулу между Священными воротами и воротами Пирея — конца VI — начала V в. до н. э., почти квадратное в плане ($3,2 \times 3$ м) с выходом на северо-восток. На основании фундамента под слоем золы найдено большое количество фрагментов разнообразных сосудов, фигурки женщин и животных, весы и другие подношения. Другое святилище — на улице Вассилис к востоку от Тессейона — приблизительно тех же размеров (3×3 м) исследователи считают герооном. Предполагается, что оба святилища были разрушены в 480 г. во время персидского нашествия. В *Ано-Вуле* (Аттика) также при новостроечных работах археологами исследовался маленький прямоугольный храм ($4,87 \times 3,17$ м) со входом, ориентированным на восток, вестибюлем, целлой и хранилищем керамики и терракот архаического и классического времени, а также разнообразные *ex voto* человеческих конечностей. В *Абдерах* при раскопках под руководством Х. Кукули-Хрисантаки было открыто святилище *extra muros*, посвященное женскому божеству, активно посещаемое с конца VI по конец IV в. до н. э. На вершине акрополя *Неа-Перамоса* (Восточная Македония)

Археологическая служба обнаружила фундамент храма начала V в. до н. э., перекрывающий святилище второй половины VII в. до н. э. В числе находок многочисленны терракотовые женские фигурки и протомы Афины, Артемиды или богини Партенос и обилие обыденных предметов, часто связанных с культом Афины Эрганы (ткацкие грузила, шила и т. п.) В *Кипариси* (Фокида) была подробно изучена стоя 40-х годов VI в. до н. э., бывшая, вероятно, частью святилища. По обе стороны фундамента сохранились остатки дорических колонн и блоков карнизов из пороса, а также фрагменты коринфской черепицы особого типа (сама черепица и ее покрытие объединены в единое целое). На острове *Итака* греческая археологическая экспедиция, возглавляемая С. Симеониду, вблизи местечка Ай-Йоргис (идентифицируется с древней Итакой) к западу от горы Аэта обнаружила следы поселения архаического времени. В домах VII в. до н. э. осталось много фрагментов протокоринфской керамики. Глубокий зондаж одного из домов вскрыл кухню с очагом, домашней утварью и массой пищевых отходов. При том же зондаже были выявлены остатки обширного (длиной до 12 м), возможно, общественного здания конца VI в. до н. э. Раскопки Британской археологической школы в Афинах около часовни Святого Георгия привели к открытию храма конца VI в. до н. э., вероятно, заменившего более ранний культовый комплекс (обнаруженный в 20 м южнее), связанный с культом Аполлона. В Коммосе на острове *Крит* при работах, ведущихся под эгидой Американской археологической школы Университетом Торонто и Королевским музеем Онтарио были закончены раскопки строения «О» VII в. до н. э. (38 × 5,8 м), внутри которого сохранилось множество амфор из центров Западной Греции, что позволило предположить наличие в данном месте торговли вином или оливковым маслом, непосредственно связанной со святилищем. На острове *Парос* на окраине Кукунари экспедицией под руководством Д. Шиларди во время раскопок, курируемых Греческим Археологическим обществом, был обнаружен выстроенный в линию (по оси запад/восток) ансамбль домов VII в. до н. э., причем каждое из строений состояло из двух или более частей. Из наиболее интересных находок следует отметить оттиски чечевицеобразной печати с изображением человеческой фигурки. Показательно, что во время работ не было найдено ни одного фрагмента расписной керамики, что свидетельствует о том, что жилища были покинуты еще в VII в. до н. э. Здесь же было, наконец, полностью расчищено святилище Афины VIII—VII вв. до н. э. (наиболее древний из храмов этой богини в Эгейском бассейне) — примитивно сконструированное сооружение, стоящее вне поселения на месте отправления более древнего культа. Здание (9,5 × 6,4 м) было полностью сооружено из сланца, в его западной части сохранился монолитный порог (1,42 м), ширина двери, судя по сохранившимся петлям, составляла 1,22 м. Внутренняя часть представляла собой простой прямоугольный ойкос без портика с двумя осевыми колоннами, поддерживающими кровлю. Поверхность целлы VI в. до н. э. оказалась «моложе» стен, которые по включенному в них материалу относятся к 700 г. до н. э., причем интересно, что по неизвестным причинам весь хронологически одновременный стенам грунт был выбран и за слоями VI в. до н. э. сразу шли слои кикладского времени. В конце северной стены обнаружилась изгибающаяся на запад скамья. Раскопки темноса (7 × 7 м), окружающего храм с севера и запада, открыли рядом с северной стеной квадратный алтарь с последовательными слоями земли и пепла, начало культового функционирования которого датируется материалом началом VIII в. до н. э. Под его фундаментом сохранились остатки более древнего алтаря эллипсоидной формы. Неподдалеку было обнаружено хранилище вотивов со светильниками, большими глиняными тазами, керамикой от геометрического до классического времени, в том числе фрагменты сосудов с посвящением Афине, терракотовые статуэтки сидящего женского божества с руками на коленях, женская протома начала VI в. до н. э. со следами окраски, которая, вероятно, крепилась к какому-то сосуду. Во время раскопок, проводимых экспедицией Мюнхенского университета в окрестностях Паройкии в разрушенном монастыре Святого Иоанна Крестителя, было найдено несколько архитектурных мраморных блоков,

два из которых орнаментированы. В стене сохранился фрагмент сильно поврежденного позднеархаического рельефа (0,77 м высотой), где все же просматривается профиль бородатого человека, сидящего на троне, детали которого очень искусно переданы. Предполагается связь рельефа со святилищем Зевса Верховного *ἱεῖος* и Афродиты, расположенным вблизи монастыря. На острове *Наксос* в трех километрах к югу от Ирии археологический отряд под началом В. Ламбринудакиса, Г. Грубена и М. Корреса продолжал систематические раскопки большого прямоугольного архаического храма, построенного во второй четверти VI в. до н. э. и использовавшегося без перерывов до III в. до н. э. По своему характеру это здание — 28,33 (с простасисом) × 13,49 м, простиль с четырьмя колоннами на фасаде — являет важный переходный этап в развитии древнегреческой архитектуры. Стены с длинных сторон — гранитные, лишь стена фасада, внешняя колоннада и крыша — из мрамора. Два ряда по четыре колонны делают ойкос на три нефа. Очевидно, каменщики завершали обтесывание баз, стволов и капителей колонн уже на месте: в отделке легко проследить сочетание архаической техники с рождением форм понического ордера. Зондаж под храмом обнаружил следы предшествующего строения начала VIII в. до н. э. На *Фаносе* раскопки Французской школы в Афинах под руководством Ж. де Куртиля и А. Парiente при исследовании Гераклеяона открыли перед восточным фасадом храма хранилище второй половины VII в. до н. э., где сохранилась керамика VI в. до н. э. В порту отряд, возглавляемый Ж.-И. Ампрером и А. Симосси, продолжил работы по расчистке и восстановлению архаического мола, открытого в 1985 г. В Фари при раскопках ремесленной мастерской были уточнены некоторые архитектурные элементы комплекса с печью, и теперь расцвет деятельности мастерской достаточно убедительно датируется последней четвертью VI в. до н. э. Во время раскопок экспедиции Немецкого института в Афинах под руководством Г. Кинаста на *Самосе* были исследованы базы архаических вотивов и обнаружена Священная дорога, торжественное открытие которой, судя по найденным по ее краям вотивным статуям, относится к 600 г. до н. э. В Герайоне экспедиция изучала участки вблизи «Кривого алтаря»; подтвердилась в своих принципиальных основах реконструкция этого монумента Г. Шляйфом (1933 г.) — это первый монументальный алтарь ступенчатой формы, известный в Греции. Расчищались и здания с двойным фасадом *in antis*, принадлежащее к типу, выявленному только в Герайонах, но во множестве экземпляров. Продолжающие друг друга строения имеют два входа (по одному на каждую из маленьких сторон), что позволяет идентифицировать их с сокровищницами.

Немало интересного было обнаружено при раскопках погребений. В *Агия Параске* (Халкидика) экспедицией К. Сисмондиса был найден некрополь 570—500 гг. до н. э., где из числа 370 архаических могил 265 оказались нетронутыми. Их инвентарь насчитывал около трех с половиной тысяч предметов: сосуды местного производства и привозные из Аттики, Коринфа, Ионии и с островов Эгеиды, терракоты, золотые и серебряные украшения в женских могилах, бронзовые шлемы, копья и мечи — в мужских. Женские останки в основном были ориентированы головой на восток, мужские — на запад. При археологическом исследовании *Амфитиса* на архаическом некрополе было открыто три могилы в саркофагах. Основной материал, содержащийся в них, — чернофигурные амфоры 500—480 гг. до н. э. В *Айдонохорионе* (древний Трагилос) продолжались раскопки на некрополе, приведшие к открытию 50 новых могил в каменных ящиках, из них 30 — неразграбленные. Погребальный инвентарь второй — третьей четверти VI в. до н. э. состоял из керамики, импортированной из Аттики, Коринфа и ионийских полисов Северной Эгеиды, сосудов, оружия и украшений местного производства. На архаическом некрополе *Абдер* (Фракция) было найдено 97 новых могил (всего на площади 857 м² раскопано пока 281 захоронение), к сожалению, чрезвычайно скудных по своему инвентарю. На *Лесбосе* в северо-восточном секторе некрополя найдены две погребальные архаические урны. На *Самосе* раскопки Археологической службы на Западном некрополе (около озера

Глифада) привели к находке нескольких архаических саркофагов из пороса различной формы. В числе находок — ваза в форме сирены, скарабей из фаянса с иероглифом и множество венчиков от алабастров. В *Вергине* в ходе археологических работ, проводимых Университетом Фессалоник и Археологическим обществом под руководством М. Андроникаса, было открыто первое в древней столице Македонии архаическое погребение, содержащее богатый инвентарь VI в. до н. э. (аттические и коринфские сосуды, бронзовая посуда, терракоты, украшения из золота и серебра, созданные около 540—530 гг. до н. э.), подобный инвентарю могил в Синдосе.

Из наиболее интересных отдельных находок следует упомянуть две погребальные стелы приблизительно 550 г. до н. э., открытые во время дорожных работ в местечке Никея (пригород *Афин*). Одна из надписей — метрическая эпиграмма в честь молодого человека по имени *Αὐτοκλείδης*. В *Спарте* при работах Британской школы в Афинах ниже уровня Менелайона в хранилище VIII—VII вв. до н. э. был найден фрагмент чаши с именем Менелая, маленький просверленный каменный шар с посвящением некоего Анкайда и терракотовая протома грифона от какого-то сосуда. В *Олимпии* пашли фигурки двух львов, вероятно, происходящие от архаического котла. В *Аргосе* в местечке Кармойянис на одном из блоков, ограничивающих трапезиевидный участок, была обнаружена архаическая надпись *Ἑρόων/τὸν ἐν Θέ/βαις* (Героев в Фивах). Предполагают, что этот блок был перевезен на данный участок от статуарной группы, стоящей на агоре. На *Аморгосе* при зондажах, проводимых Университетом Яннины и Археологическим обществом, была найдена голова мраморной (самосской?) статуэтки VI в. до н. э. На Крите в *Агиа Пелагия* при строительстве отеля обнаружили два архаических бронзовых котла: один — сферического профиля с двумя ручками на кольцах, другой — шаровидный, сплюснутый, с цилиндрическим горлом, по краю которого вырезана надпись *Θάλιος ἀνέθηκε τῷ Ἀπόλλωνι* («Фалий посвятил Аполлону»). На дне этого котла найдена фигурка бронзового льва. Там же в *гробе Ида* греческий археолог И. Сакелларакис при раскопках южного сектора центрального зала нашел бронзовую фигурку женщины с кувшином на голове, а во время работ экспедиции Немецкого института в Афинах в районе пританея была обнаружена бронзовая статуэтка позднеархаического курсы, возможно, лаконского происхождения, судя по надписи, посвященная Зевсу неким Гомиллем. Среди находок археологической экспедиции Критского университета в *Элеатерне* следует отметить много сотен архаических антропоморфных и зооморфных терракотовых статуэток, найденных при раскопках эллинистического святилища неизвестным богам; 14 архаических и эллинистических надписей в здании христианского времени, построенного на месте какого-то более раннего общественного центра; нижнюю часть статуи Керы первой половины VII в. до н. э. На острове *Корфу* раскопки квартала Стратия местечка Влахапулос обнаружили архаическое хранилище с бронзовым светильником типа алабастра и множеством фрагментов терракотовой группы танцоров.

Интересна публикация М. Тивериосом керамики из четырех могил VI в. до н. э. из *Синдоса* (Западная Македония). Одновременное присутствие в погребениях керамики из различных мастерских (аттических, коринфских, ионических, беотийских, эвбейских и местных) позволило установить синхронизм между «среднекоринфскими» и аттическими сосудами второй четверти VI в. до н. э., между «позднекоринфскими» и аттическими сосудами третьей четверти VI в. до н. э. Материал показывает, что во второй четверти VI в. до н. э. ведущее место занимала коринфская керамика (48%), за ней следовали аттическая (26%) и ионийская (24%). В 550 г. до н. э. после оставления некрополя главную роль стал играть импорт из Аттики (32%), оттеснивший приток посуды из Коринфа (30%) и Ионии (15%). Эвбейская и беотийская керамика занимали в эти периоды второстепенное место.

О. Б. Лопухова

©

М. И. Ростовцев

ГЛАВА VI. ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

2. ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЭПОХИ РИМСКОГО ПРОТЕКТОРАТА *

Михаил Иванович Ростовцев

Самое появление коллегий как продуманной общегосударственной организации представляется мне стоящим в теснейшей связи со всей военной организацией государства, базировавшейся на гражданском войске греческих городов Боспора. Коллегии были теми социальными ячейками, которые должны были явиться носителями военной мощи Боспора. Надо помнить, что деятельность Савромата I падает на ту эпоху, когда в смутах правления Домициана, в тяжелую годину ослабления Рима на его северо-восточной границе, когда Рим с трудом отстаивал неприкосновенность своей Дунайской границы, города Боспорского царства почувствовали себя на пороге гибели. Естественно, что в сильном еще и здоровом организме греческих городов нашлась благоприятная почва для сплочения всех талантливого царя для отражения

эллинизированных элементов около грозившей смертельной опасности.

Весьма возможно, что это объединение, включавшее в себя и гражданство городов и отдельно организованное «греческое» купечество, в значительной степени объясняет силу сопротивления, которое показало Боспорское царство почти без помощи Рима в борьбе со своими могучими соперниками. Особенно трудно приходилось, конечно, Горгииппии и Тана-

* Продолжение. Начало см. ВДИ. 1989. № 1—3.

иде, наиболее экспонированным пограничным крепостям, и естественно, что здесь особенно сильна и прочна была организация греческих военно-сакральных объединений гражданства и купечества.

Крупная роль, которую играли мужественные защитники эллинизма в городах Боспора, иллюстрируется и целым рядом надгробных, частью метрических надписей. Последние особенно характерны, так как подчеркивают тесную связь этих защитников с греческой культурой.

Укажу, например, на недавно опубликованную надпись Аристона (Марти 300И и Др. XXXII (1915), Протоколы № 437):

«Аристон, сын Аристона, прощай.
Тяжкое горе родителей здесь не станет, Аристон,
Слез проливать по тебе, доблестной родины страж!
Ибо, поверь, не к мертвым ты приобщись, но будешь
В памяти всех боспорян жизнью вечною жить...»

(Перевод Ю. Ю. Марти)¹

(далее только обрывки). Ср. IOSPE. II, 171 В: «...убил бурный номадов Арес...»; IV, 109; «...убитого завистливым Аресом в бою за отечество...», II, 298 В: «...Я изрубил много кровавых вражьи доспехов и лежу, пораженный копьем, в Боспорской земле»².

Еще показательнее рельефы надгробных стел, на которых проходит перед нами в схеме греческого героического надгробного рельефа сплошная серия гражданских защитников Боспора. Лучшим объяснением роли этих вооруженных героев может служить описание одного из героев — защитников Ольвии — Каллистрата, данное нам Дионом Хрисостомом как раз для времени, когда, по нашему предположению, под давлением тяжких внешних политических обстоятельств слагалась организация военных коллегий Боспора. На это же время, как увидим ниже, падает и появление большинства украшенных рельефами надгробных стел боспорского царства.

Приведу слова Диона, хотя они в достаточной мере известны всем, интересующимся историей юга России в античности. Думается, что в рамках сказанного они получают несколько иное освещение, чем то, которое им обычно дается. Дион XXXVI, 7: «Каллистрат, возвращаясь верхом в город извне, сначала проехал мимо нас, затем, немного опередив, слез с коня и, передав его ехавшему с ним слуге, сам очень вежливо подошел, спрятав руку под плащ. Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят Борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название Меланхленов (Черноризцев). Каллистрату было лет 18, он был очень красив и высок и в наружности имел много ионического. Про него говорили, что он храбр на войне и многих Савроматов или убил, или взял в плен. Кроме того, он прилежно занимался красноречием и философией, так что даже выражал желание уехать вместе со мною. Благодаря всему этому он пользовался хорошей репутацией у сограждан, но особенно славился он красотой и имел много обожателей»³.

Поучительно сравнить с этим описанием многие стелы синодитов, украшенные рельефами, а также ряд других вышеуказанных надгробных

стел боспорцев I—II вв. по Р. Хр., особенно же уже вышеуказанную стелу Стратоника, где он выступает и как ученый, и как воин.

Все сказанное рисует нам Боспорское царство прежде всего как прочную военную организацию, в которой решающую роль играло гражданство городов Боспора, выступающее обыкновенно как тяжеловооруженная конница. На это последнее совершенно определенно указывают надгробные стелы Боспора, украшенные рельефами. Если выделить в публикации Кизерицкого и Вадингера ⁴ надгробные стелы Боспорского царства, что сильно затруднено авторами, то мы увидим с полной ясностью, что все эти стелы, как это отметил уже Шкорпил ⁵, падают на I—II вв. по Р. Хр., причем стел раннего I^{го} и позднего II^{го} имеется сравнительно очень немного. Типы сюжетов на этих стелах очень немногочисленны: все время варьируется мотив героизированного покойника. Важно, однако, что этим чертам придаются очень реальные черты, которые придают многим рельефам характер настоящих военно-бытовых сценок.

Их одежда и вооружение близко напоминают описание Диона и, очевидно, передают господствующие формы вооружения и одежды всего греческого северного побережья Черного моря *. Нас здесь особенно интересует вооружение. О скифо-греческом костюме я говорил подробно в другом месте ⁶.

О типах отдельных предметов вооружения сказано подробно во введении ⁷. Указано и на их поразительное родство с находками на Кубани. Насколько здесь имело место во всех случаях влияние сарматской паноплии на Боспоре или, может быть, как, например, для мечей, мы имеем дело и с обратным влиянием Боспора на сарматов, это вопрос трудный и сложный. Нас интересует здесь более всего общий характер вооружения.

Прежде всего ясно, что мы имеем дело отнюдь не с греческими тяжело-вооруженными пехотинцами, а в огромном большинстве случаев с вооружением тяжелой конницы, такой же, в общем, какая представлена в паноплиях, находимых в скифских курганах, особенно IV—III вв. до Р. Хр. Воин в такой паноплии изображен на знаменитом золотом гребне из Солохи.

* Это совершенно ясно вытекает и из сравнения текста Диона об Ольвии, боспорских памятников и того, что дает нам Овидий в описании Томи, города, который, как мы видели выше, всегда, как и Пантикапей; стоял в ближайшей связи со второй «Малой» Скифией, организовавшейся в сравнительно прочное государство в устьях Дуная, в нынешней Добрудже. В Trist. V, 7 он указывает прежде всего на преобладание в городе варваров—гетов и сарматов—над греками. Давая их описание этих последних, он *implicite* характеризует и все население Том, 15 слл.: «Между ними нет ни одного, кто не носил бы налущья, лука и синеватых от змеиного яда стрел. Грубый голос, свирепое лицо — истинный образ Марса. Ни волосы, ни борода не подстрижены ничьей рукой, десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра...». Люди дикие, как волки, V, 47 слл.: «Звериными шкурами и широкими штанами они защищают себя от жестоких холодов, их страшные лица закрыты длинными волосами. У немногих существуют еще остатки греческого языка, но и они уже стали варварскими под влияниями гетских звуков». Что также *mutatis mutandis* одевались и греки Том, на это указывает Овидий в Trist. V, 10, 33 слл.: «Тех, которые считаются происходящими из греческого города, также вместо отечественного убранства прикрывают персидские штаны». Типично и упоминание скрипящих сарматских телег, живо напоминающих нам теракотовые изображения таковых, находимые в пантикапейских погребениях раннего императорского времени. Очень типично описание дружины, защищающей акрополь города, Trist. V, 10, 27 слл.: «Мы едва защищены укреплением, и все-таки внутри города внушает страх смешанная с греками толпа варваров». Надо, конечно, принять во внимание, что в этом описании Овидий дает волю своему недовольству вынужденным пребыванием в варварском городишке и рисует нам его, конечно, в сгущенно-мрачных тонах.

И здесь, и там мы имеем греческий шлем и греческие поножи. Постепенно, однако, греческий шлем вытесняется конической металлической шапкой, напоминающей позднейшие так называемые *Spangenhelme*, по всей вероятности, иранского происхождения. Скифскими являются типичные гориты и луки и характерная нагайка. Иногда всадники имеют и круглый щит; чаще большой щит римского образца изображается на рельефах, представляющих пехотинцев. И это отсутствие щита характерно для скифской паноплии. Большое копье и метательные дротики дополняют картину, и их мы находим в скифских гробницах. Наконец, меч и кинжал, хотя в общем и соответствуют короткому мечу и кинжалу скифов, но имеют иные, выше анализированные формы. Панцирь не характерен для конных боспорцев. Там, где он встречается, он, как и в скифских гробницах, либо греческий, либо типичный чешуйчатый панцирь конных скифов.

Вооружение пехотинцев, которых с точностью можно выделить только по признаку большого щита, в общем мало чем отличается от вооружения всадников. При этом очень трудно с определенностью сказать, везде ли там, где погребенные изображены без лошадей, имеется в виду изображение настоящих пехотинцев-фалангитов.

Ту же картину тяжеловооруженных всадников дают нам и картины в боспорских комнатных погребениях, с тем исключением, что в них вооружение еще дальше от греческого. И здесь, особенно в гробницах Ашика, Стасова и 1873 г., основную роль играют конные тяжеловооруженные воины. Они выдерживают тяжесть боя, сводящегося к рыцарскому поединку. Пехота играет вспомогательную, сравнительно второстепенную роль. Возможно, что в двух последних гробницах мы наблюдаем и известную эволюцию в вооружении. Кроме отсутствия греческих элементов вооружения, наблюдается, может быть, большая его сарматизация, что сказывается, может быть, в том, что панцирь боспорских всадников, пожалуй, более напоминает кольчатую кольчугу сарматских погребений Кубани, чем обычный в скифском обиходе чешуйчатый панцирь. Характерна и форма конического шлема, о котором я подробно говорил в другом месте. Интересно и появление седла, присутствие которого в скифских погребениях определенно указать невозможно и которого нет на изображениях конных скифов IV—III вв. до Р. Хр. Стремян, как кажется, нет на интересующих нас изображениях, хотя наличие их в сарматских погребениях Кубани удостоверена Веселовским.

Очень характерно противопоставление тяжеловооруженных конных рыцарей и легковооруженной пехоты, отношение как раз обратное тому, которое характерно для греческой тактики и греческого, равно как и римского, военного дела. На стелах мы этого так определенно не замечаем. Здесь может быть можно даже установить известную эволюцию от греческой тяжеловооруженной пехоты через пехотинцев вооруженных, как кажется, на кельто-фракийский лад, к той пехоте, которую мы находим и в расписных камерах.

Все эти особенности, по всей вероятности, объясняются более поздней датой расписных камер сравнительно с большинством надгробных стел Боспора.

Напомню, что подобную же эволюцию переживают и изображения царей на медных монетах Боспора. Монеты первого и начала второго века по Р. Хр. дают нам изображение царя как легковооруженного всадника типа кельтских и фракийских всадников римских вспомогательных войск: легкий не скифский и не сарматский панцирь, дротик, а не тяжелое

копье, короткий меч. Иную картину дают фигуры боспорских царей на монетах начиная с Евпатора. Здесь особенно характерна тяжелая панцирная рубашка. К сожалению, детали вооружения могут быть наблюдаемы только на изображениях царей, представленных в мирном акте адорации. Экземпляры монет, где те же цари изображены сражающимися, настолько плохо сохранились, что определить характер их вооружения не представляется возможным.

Во всяком случае, анализ боспорских стел и изображений военного характера в расписных камерах указывает с несомненностью на то, что гражданство Боспора является в огромной массе вооруженным гражданством, большой вооруженной дружиной. На это указывает прежде всего решительное преобладание [среди] надгробных стел с рельефами таких, где погребенные изображены вооруженными. Но вооруженными они изображаются в огромном большинстве случаев только на стелах, где изображен акт так называемой загробной трапезы. Значительное количество стел, на которых конный вооруженный гражданин представлен в сопровождении своего оруженосца (*παῖς*), подчеркивает, кроме того, аристократический характер военной организации Боспора.

Наконец, состав и характер вооружения и характер боевых сцеп подчеркивает негреческий характер этой милиции, ее близкую связь со скифской, а затем и с сарматской вооруженной знатью.

Таким образом, и археологический материал подсказывает нам те же выводы, к которым мы пришли на основании анализа эпиграфических данных об организации городов, гражданства и коллегиев.

Перед нами картина государства, организованного прежде всего для военной защиты и нападения. Во главе стоит царь, воитель и военачальник по преимуществу. Около него группируется население городов, их гражданство, с молодых лет подготавливающееся к защите государства под водительством царя. Гражданство это строго отделено от остальной массы населения и группируется прежде всего в особых, [подвластных] ему только и близким ему по общественному положению негражданским купцам, имеющим в своих руках морские силы, коллегиях военно-сакрального характера. Эти коллегии являются ячейками государственного войска и, вероятно, государственного флота. Первое организуется по городам из гражданства этих городов, большая часть которого является на призыв как тяжеловооруженная конница. Как организована была пехота, выяснить трудно. Возможно, что наряду с гражданской пехотой имелись и пехотинцы, являвшиеся вместе с рыцарским всадничеством в качестве сопровождающей его дружины. Гражданская милиция находилась под командой городских *στρατηγοί* и *λοχαγοί*. В каком отношении стояли эти городские военачальники к царю и его чиновникам, выяснить невозможно. Вряд ли они носили чисто выборный характер. Труднее вопрос об организации флота. Данных для его разрешения мы не имеем. Но позволительно думать, что в его структуре «греческие» *ἐμπόροι* играли такую же роль, какую в структуре войска играло организованное гражданство. Значение класса *ἐμπόροι* и *καὶ κληροί* в жизни Горгиппии и Танаиды, необходимость для этих арматоров и экспортеров заботиться о безопасности своих торговых флотов, их организации в коллегии, наконец, пример недавнего прошлого, когда Черное море находилось в значительной степени в руках отдельных богатых судовладельцев, выступавших подчас и в роли корсаров, позволяет думать, что при организации военного флота, вряд ли постоянного, скорее же собиравшегося *ad hoc* в случае необходимости для той или иной экспедиции, организации

ναύκληροι с их вооруженным торговым флотом были торговыми кадрами, образовывавшими вместе со специально сооруженными царскими судами — вспомним, что и царь был таким же арматером и экспортером, как и организации навклеров, — сильные боевые флоты, разрушавшие те или другие морские силы прибрежных варварских племен, собиравшиеся для пиратства en grand в Черном море. Римский понтийский флот и эскадра, стоявшая в Херсонесе со времени Антонина, сами по себе вряд ли в состоянии были обеспечить безопасность торгового плавания по Черному морю. Боспорские цари и суда боспорских ναύκληροι должны были и сами серьезно думать об охране питавшего их Черного моря.

Наброшенная, только в самых общих чертах устанавливаемая, в деталях совсем нам неизвестная картина строя отдельных городов Боспора и боспорских военных сил предполагает известную социальную и экономическую структуру Боспора, на базе которой она только и может быть мыслима. Структура эта по существу своему должна была быть аристократической, аналогичной структуре греческого города-государства раннего периода, структуре кельтских и фракийских государственных образований.

Вооруженное гражданство предполагает его обеспеченность в материальном отношении, возможную только при том условии, что работа по добыванию натуральных продуктов лежала не на самом гражданстве, а на подвластном ему классе населения.

Подобную структуру экономических и социальных отношений мы предположили уже для эпохи Спартокидов и вряд ли она значительно изменилась в эпоху зависимости Боспора от Рима.

Не изменилось прежде всего положение самих царей. Мы видим, что Савромат I выступает как глава коллегии навклеров в Горгиинии. Это заставляет думать, как сказано было выше, что и он сам, как его предшественники Спартокиды, был крупным экспортером и арматером, сам был самым богатым и могущественным навклером. На этом зиждилась в значительной степени его роль по отношению к римскому государству. Мы видели, что Боспор в такой же мере важен был для Рима, как государство-буфер и государство-разведчик, как, с другой стороны, по своей роли базы снабжения для римских армий, оперировавших на самом западном побережье Черного моря. Боспорцы были главным образом поставщиками натуральных продуктов — хлеба, рыбы, скота, кож — не столько для городов южного и западного побережья Черного моря, сколько для стоявших там римских армий, составлявших базу и резервы для экспедиционных армий армянской и частью парфянской границы. Этим объясняется тесная связь Боспора с Вифинией⁸, особенно со времени Нерона, когда возобновилась активная политика римлян по отношению к Востоку, и те субсидии, которые получал Боспор от Рима и которые были эквивалентом за доставляемые Боспором натуральные продукты.

Римляне имели, прежде всего, дело с царем, и царь, естественно, был главным их поставщиком. Тот факт, что царь отпускает горгийнийским навклерам 1000 артабов хлеба, показывает, какие натуральные ресурсы находились в его руках. Это предполагает продолжение существования той государственной и экономической структуры, которую мы предположили для эпохи Спартокидов. Царь и теперь является собственником территории царства, имеет определенные доходы с этой территории и ведет, вероятно, самостоятельно крупное хозяйство. Упомянутые выше подарки земель и деньгами (или натуральными продуктами!) Фанагории ясно показывают, что дело обстоит именно так.

Но наряду с ним мы имеем и других держателей земли, ведущих на ней самостоятельное хозяйство. Одно случайно сохранившееся эпиграфическое свидетельство позволяет нам подтвердить документально это а priori несомненное предположение.

В надписи IOSPE. II, 353, стоявшей когда-то в святилище Афродиты Урании около Фанагории, царь Реметалк делает следующее распоряжение *: «Тиберий Юлий царь Реметалк, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, посвященные Летофором земли в Фианнеях и клиентов, согласно стоящему рядом столпу, с течением времени уменьшившиеся, все собрав и увеличив, восстановил богине целыми попечением Александра, сына Мирина, заведующего священными делами, 448 г. [151 по Р. Хр.— *М. Р.*], месяца Апеллея 20».

Ясно, что какой-то Летофор в свое время подарил храму значительную территорию вместе с сидевшими на ней крепостными. Этот подарок был закреплен особым актом, вырезанным на камне и поставленном в святилище. Рядом с этим документом воздвигается теперь второй, дошедший до нас.

Мы имеем, таким образом, перед собой акт, аналогичный ряду таковых же, известных нам из надписей Малой Азии. Значение термина *πελάται* после свидетельств, приведенных выше, не представляет никаких сомнений. Это крепостные, сидевшие на земле, *λαοί*, как о них говорят малоазийские надписи.

Кто был Летофор и когда он сделал свой подарок, нам, конечно, неизвестно. Сведения эти нам мог бы дать только сооруженный им в святилище *τελῶν*, на котором он увековечил акт своего дара.

Во всяком случае, ясно, что это было какое-то частное лицо, владевшее крупными землями.

С течением времени дар Летофора тем или иным путем пришел в умаление. Части территории, очевидно, были кем-то захвачены. Царь Реметалк восстанавливает прежнее положение, возвращает земли храму вместе с крепостными и присоединяет к ним новые территории, очевидно, из своих собственных владений.

Все это дает нам достаточно знакомую картину экономической структуры эллинистического царства. Царь как верховный собственник земли, рядом с ним храмы с крупными земельными владениями, увеличиваемыми подарками со стороны крупных землевладельцев, может быть, ленников царя, и со стороны самого царя. На землях этих сидят крепкие их *πελάται*, т. е. колонны, работающие на владельцев земли и переходящие от одного к другому вместе с землей.

Думается, что картина, даваемая нашей надписью, типична для организации земельного хозяйства на всей территории Боспора и что значительная часть городских жителей Боспора были более или менее крупными землевладельцами, ведшими на своей земле через подвластных им колоннов и рабов, количество которых пополнялось непрерывными войнами, земледельческое или скотоводческое хозяйство.

Картину такого хозяйства дает нам, к сожалению, сохранившаяся только в сравнительно неточных рисунках роспись комнатного погребения некоего Анфестерия. Судя по росписи гробницы, по ее величине и отделке, а также по тому, что соседняя гробница, принадлежавшая члену той же семьи Алкиму, расписана не менее богато, мы имеем дело с по-

* Надпись впервые правильно истолкована и прочтена Латышевым, ср. *Ber. Ph. Woch.* 1914.

гребением зажиточного пантикапейца I в. по Р. Хр. Роспись гробницы Анфестерия дает ряд обычных картин, изображающих героизированного покойника: выезд, сидящая на кресле женщина. Но талантливый мастер, расписывавший гробницу, сумел придать этим обычным сценам особый характер. Он оживил эти сцены рядом наблюденных деталей обыденной жизни, связал это в одну жанровую сцену, изображенную на фоне полу-реального, архитектурного пейзажа.

Это дает нам возможность воспользоваться этой росписью как документальными данными и истолковать ее, устранив условное, как мы истолковали бы тот или иной текст.

Перед нами, несомненно, трактованная в несколько идиллическом духе сцена из жизни степей ближайших окрестностей Пантикапея. В степи раскинута палатка или, лучше, сооружена типичная кочевническая юрта. Около юрты растет дерево, что заставляет предположить присутствие воды. У дерева прислонено боевое копьё, на ветвях дерева висит горит. Около юрты сгруппировалась семья: жена на традиционном кресле, конечно не реальном, дети, слуги. В степи около юрты пасутся лошади. К юрте подъезжает хозяин, сзади него его слуга и оруженосец. В руках у хозяина нет оружия, одна ногой. Сбоку, однако, висит меч — к ляжке прикреплен кинжал. Тяжелое оружие хозяина — копьё и лук — везет слуга. Он же ведет сменную лошадь. Сзади бежит жеребенок.

Отвлекаясь от условной схемы изображенной сцены и останавливаясь только на реальных деталях, мы можем с значительной долей вероятности истолковать эту сцену как сцену жизни пантикапейца в его имении, на его земле. Здесь, очевидно, у него не было постоянного жилища, он сооружает себе юрту того же, очевидно, типа, что и жилища постоянных жителей степи. Ясно, что перед нами тип полуседлого степного хозяйства, исключая типичные для других частей римского государства постоянные жилые постройки. Перед нами часть кочевья*.

Это, конечно, не исключает земледельческого хозяйства, но свидетельствует о неустойчивости положения, о постоянных опасностях, не дававших возможности думать о сооружении постоянных жилищ прочного типа. Очевидно, что и *«филы»* Страбона, о которых была речь выше, были или группами юрт, или скоплениями сооружений самого первобытного типа, как в Африке до введения прочных порядков римской администрации и войском (африканские *tharalia*).

О неустойчивости и постоянной опасности свидетельствуют и вооружение хозяина юрты и вооружение его спутника. Выезжать в степь без оружия было, очевидно, невозможно. Стада и посевы должны были быть под постоянной охраной, вооружение нужно было и для того, чтобы держать в руках рабочую силу**.

* Ту же картину рисуют перед нами и интересные находки в керченских гробницах того же времени, что склеп Анфестерия. Я имею в виду модели телег двух типов: один — обычная грузовая телега на четырех колесах, характерной формы, может быть, назначенная для погрузки в нее насыпкой вымолоченного зерна, другой — телега-кибитка, одна с пирамидальным верхом, т. е. с целой водруженной на нее юртой, другая с полуцилиндрическим верхом; обе с дверями в фасаде кибитки. См. Беньковский. ИАК. 9. 63 слл. Табл. IV—VII⁹; Wiener Studien. B. XXIV. 394 слл.; Minns, Scyth. and Greeks, 30 сл. ¹⁰ Находка этих телег-кибиток в гробницах римского времени доказывает с очевидностью систему выездного хозяйства пантикапейцев с заимствованием от кочевников и типичной телеги-кибитки.

** Такую же картину сельскохозяйственной жизни рисует Овидий для окрестностей Том. В Tristia V, 10, 15 слл. он говорит: «Кругом грозят жестокими войнами бесчисленные племена, которые считают позорным для себя жить не грабежом» и дальше — 23 слл.: «Поэтому редко кто осмеливается обрабатывать землю, да и тот несчастный одной рукой пашет, а в другой держит оружие».

Каков был характер хозяйства Анфестерия, условная сцена росписи гробницы не указывает и не могла указывать. Ясно одно, что табуны лошадей — материал для конного войска Боспора — были необходимой составной частью каждого хозяйства.

Это все, что можно извлечь из описанной сцены. Но эти данные несомненны. Ни юрту, ни реальную основу сцены выезда не могли подсказать художнику ни традиционная схема, ни чужие оригиналы. Это, несомненно, наблюдалось и реально. Реальны и наблюдаемы, конечно, и сцены в Стасовском погребении и камере 1873 г. И они, конечно, дают в общем обычную героическую сцену — сцену героического боя. Но и в них вся обстановка реальна и наблюдаема.

Мы уже использовали эти сцены для того, чтобы составить себе представление о военной структуре Боспора. Но, может быть, из них можно извлечь и большее. В Стасовском погребении изображены сцены боя пантикапейского рыцаря с тавром и со скифами. Конечно, возможно думать, что перед нами условная сцена, сцена боя вообще, может быть, часть большого сражения, напоминающего о подвигах военачальника в борьбе Боспора с таврами и скифами.

Но возможно и другое толкование. Возможно, что перед нами опять сцена из обыденной жизни степей. На этот раз сцена отражения вооруженным помещиком набегов на его поместье пеших тавров и конных скифов. Решающую роль играет в битве сам предводитель. Это последнее, конечно, может быть и наблюдалось, но может быть отнесено и на счет шаблона. Но несомненно, не шаблонно сопровождение героя его дружиной. Вопрос только в том, имеем ли мы дело с личной дружиной помещика или с отрядом пантикапейского войска. За последнее толкование говорит как будто бы *vehillum* в изображении дружины на параде, но возможно, конечно, и первое предложенное толкование.

Скудость наших сведений заставила нас постараться выжать из них и из сделанных сближений все, что возможно, вряд ли, однако, больше чем позволяет их смысл и их характер. Утверждать с уверенностью, что предложенное восстановление схемы социального, экономического и государственного строя Боспора единственно правильно, я не стал бы, но, думаю, все приведенные свидетельства так легко укладываются в рамки набросанной картины, что сомневаться в правильности наброска едва ли приходится.

Многое в этом наброске туманно и неясно. Неясно прежде всего положение огромного большинства населения города, стоявшего вне пределов гражданства, и объединенного «греческого» купечества. В каком отношении стояли они, т. е. вся масса грузчиков, мастеров, гребцов, ремесленников, мелких торговцев и т. п., поскольку она не состояла из рабов и откупщиков, к гражданству и к царю, какие были их обязательства по отношению к государству и специально к защите государства. Но на это наши источники не дают ни намека, и потому приходится воздержаться от всяких предположений.

И в вопросе о гражданстве и купцах мы далеки еще от ясных представлений. Прежде всего неясна численность этих двух классов. В этом направлении вдумчивая работа над надгробными надписями и над списками коллегий, особенно в Танаиде и Горгиппии, при пополнении этих данных материалом из систематических раскопок этих городов могла бы нам дать ряд ценных указаний. Даже имеющийся в наличии материал с повторением одних и тех же имен и отчеств не говорит о большом числе руководящих семей, составлявших гражданство Танаиды и Горгиппии.

Пестрее картина в Пантикапее. Но здесь как раз списков у нас почти нет, а в надгробных надписях трудно выделить те, которые принадлежали привилегированным гражданам. Украшение рельефами, конечно, не является критерием. Вряд ли можно говорить об обязательности рельефа для надгробия члена семьи привилегированных классов.

Комментарии

¹ Марти Ю. Ю. Стихотворная эпитафия Аристона, сына Аристонова // ЗООИД. 1915. Т. XXXII. С. 116—118.

² Эпиграфические тексты в данной публикации даются по переводам В. В. Латышева, сделанным в его сборниках: *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*. V.I, II, IV, I². Petropoli, 1885, 1890, 1901, 1916 и сверенным с изданием этих текстов в «Корпусе боспорских надписей» (М.—Л., 1965). В тех случаях, когда тексты надписей филологически комментируются М. И. Ростовцевым, они воспроизводятся здесь по его рукописи в греческом оригинале. Древнегреческое написание сохраняется и для титулов боспорских чиновников в тех случаях, когда М. И. Ростовцев сравнивает эпиграфические тексты между собой. Перевод всех титулов и специальных терминов оговорен в тексте или же в примечаниях.

³ Тексты греческих и римских авторов приведены в данной публикации по изданию: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I—II. СПб., 1893—1904.

⁴ Kieseritzky G., Watzinger K. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. B., 1909.

⁵ См. ред. В. В. Шкорпила на вышеупомянутую книгу К. Кизерицкого и К. Вацингера: *Listy filologické*. 1909. Т. XXXVI. С. 374.

⁶ Вопросу о скифо-греческой одежде М. И. Ростовцев уделил внимание в статье «Эллино-скифский головной убор» (ИАК. 1917. Вып. 63. С. 69—101), написанной им совместно с крупным знатоком старинного платья, театральным художником П. К. Степановым в самом конце 1916 г. Следует отметить, что данное упоминание работы о скифо-греческом костюме косвенно указывает на время создания II тома «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». Это, вероятно всего, первая половина 1917 г., поскольку Ростовцев не делает примечаний на работу, находящуюся в тот момент в издательстве.

⁷ «Введением» М. И. Ростовцев называл I том своего «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства», известный ныне как его книга «Скифия и Боспор» (1925). Ряд упоминаний этого «введения» в главах II тома, при написании которых Ростовцев использовал литературу, изданную до 1915 г. включительно, позволяет еще более детально уточнить время создания книги в целом, а также высказать предположение о способе работы М. И. Ростовцева над ее текстом. Эту книгу М. И. Ростовцев начал писать, вероятнее всего, в 1916 г., работая попеременно над разными главами I и II томов «Исследования...». Во второй половине 1917 г. и первой половине 1918 г. он все свои усилия сконцентрировал на работе с текстом I тома, хотя, как видно из предыдущего комментария, в первой половине 1917 г. он все же работал еще и над текстом публикуемой здесь VI главы II тома.

⁸ Рассмотрению вопроса о причинах и характере связей Боспора с Вифинией и другими странами Понта М. И. Ростовцев посвятил в 1917 г. отдельную научно-популярную статью «Понт, Вифиния и Боспор» в Русском историческом журнале (1917. Вып. 1. С. 111—130). Наличие кроме этой статьи еще целого ряда небольших работ М. И. Ростовцева по скифо-боспорской тематике в период с 1917 по 1918 г. также подтверждает, на мой взгляд, предположение о «параллельной методике» работы М. И. Ростовцева над текстами I и II томов его «Исследования...». Занявшись во второй половине 1917 г. детальной доработкой текста I тома, М. И. Ростовцев в это же время стремился развить основные положения второй части книги при помощи публикации отдельных статей проблемного характера. Этим же приемом он воспользовался и в 1918 г., когда текст I тома был уже в основном завершен. Именно поэтому, прежде чем обратиться к доработке II тома, М. И. Ростовцев сделал в самом начале 1918 г. популярный конспект исторической части книги, который отдал в издательстве «Огни» под названием «Эллинизм и иранство на юге России». Поездка в Швецию летом 1918 г. прервала его работу над II томом — рукопись книги осталась в Петрограде, М. И. Ростовцев уже в Россию не возвратился.

⁹ Бенковский П. О терракотовых повозочках из Керчи // ИАК. Вып. 9. С. 63—72.

¹⁰ Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913.

(Продолжение следует)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© С. В. ПОЛЯКОВА. *«Метаморфозы» или «Золотой осел» Апулея*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988

Рецензируемая книга С. В. Поляковой — известного специалиста по позднеантичной и византийской литературе, принадлежащей к ставшему уже легендарным поколению ленинградских филологов-классиков «серебряного века» отечественной науки об античности, переводчицы с древнегреческого и латыни — посвящена знаменитому роману Апулея. Всесторонний анализ, тактично избегающий общеизвестных истин и прибегающий к цитированию литературы лишь в случаях крайней необходимости, увлекает остротой мысли и позволяет рассматривать эту небольшую, с изяществом написанную книгу в ряду наиболее оригинальных и отвечающих современным научным требованиям исследований об античных романах. Широкая эрудиция автора и новизна поставленных в книге проблем, касающихся помимо романа Апулея еще и грекоязычных позднеантичных сочинений (так называемых греческих романов), заставляют по-иному взглянуть на известные факты и становятся стимулом к пересмотру некоторых из них.

Монография С. В. Поляковой открывается кратким введением («От автора») и включает семь глав (гл. I — «Африканец, наиболее известный среди наших африканцев»; гл. II — «Топика фольклорного сюжета о превращенном в осла человеке»; гл. III — «Греческий роман в романе метаморфоз и роман метаморфоз в греческом романе»; гл. IV — «Грекоязычные романы об осле»; гл. V — «XI книга»; гл. VI — «Вставные новеллы»; гл. VII — «Некоторые наблюдения над стилем „Метаморфоз“»). Книгу завершают приложение, содержащее авторские переводы надписи из храма Исиды в Киме, трех новелл романа Петрония и трех сказок («Сказка о богине Психее и Купидоне» Фульгенция, «Ослиный салат» братьев Гримм и кабилльская сказка «Сын териели»), и список цитируемой литературы.

В I главе говорится об авторе рассматриваемого романа. Апулей, уроженец города Мадавра в римской провинции Африка, современник Лукиана, обучавшийся риторике в Афинах и считавший себя последователем Платона, соединявшем платонизм с религией Исиды (недаром, как отмечает С. В. Полякова, он участвовал в религиозной жизни и занимал различные жреческие должности), был автором философских сочинений («О догматах Платона», «О демоне Сократа» и др.) и трудов по естественной истории (не сохранились). Славе колдуна и мага Апулея обязан не столько успешно закончившемуся для него судебному процессу по обвинению в занятиях магией, о чем рассказывается в дошедшей до нас защитительной речи — «Апологик», сколько написанному им на латинском языке роману «Метаморфозы», более известному под названием «Золотой осел» (Апулею приписывался еще недошедший до нас роман «Герматор»). В этой главе особенный интерес вызывают замечания автора книги о сопоставлении отрывков из романа с текстами синоптических евангелий, хронологически близких роману. Цель сопоставления состоит в прояснении вопроса об отношении Апулея к современным ему христианским воззрениям.

Уже во II главе автор касается одной из центральных тем своего исследования, а именно определяющей роли фольклорного элемента для развития и функционирова-

ния прозаических повествовательных произведений древности. То, что романы широко использовали фольклорные сюжеты и темы народных сказок, отмечал еще К. Керényи¹, однако механизм воздействия на структуру романа примитивных фольклорных представлений в полной мере до сих пор не был раскрыт. Исходя из принадлежавшего О. М. Фрейденберг утверждения, что фольклорный мотив о превращенном в осла человеке, который лег в основу романа Апулея, восходит к архаическим культовым сказаниям и поверьям², С. В. Полякова значительно расширяет аргументацию своей наставницы и дополняет ее убедительными примерами из фольклора других народов (в частности, свидетельствами поздних немецких легенд XVIII в.). Все это позволяет автору прийти к справедливому выводу, что «сюжет поздних легенд о превращении человека в осла и обретении им в конце концов своего прежнего антропоморфного облика — не реплика романа Апулея, в чем едва ли можно сомневаться, а фольклорная разновидность его сюжета, удержавшая утраченную более ранними памятниками несекулярную развязку; принадлежность роману Апулея XI книги обрывает неожиданную опору, и с большей долей вероятности можно сказать, что религиозный финал входил в интересующий нас фольклорный сюжет, был генетически органичной его частью и Апулей в своих „Метаморфозах“ повторил стабильный сюжет от начала до конца» (с. 18). Роман Апулея, «щеголя и денди» (как, впрочем, и роман Петрония), отнюдь не был ориентирован на рядового, массового читателя. Тем не менее античным романам присущ, помимо субъективных намерений авторов, комплекс популярных обиходных представлений и верований, распространенных в народной среде, что условно позволяет рассматривать латинские романы Апулея и Петрония в одном ряду с греческими романами Харитона, Ксенофонта Эфесского, Ахилла Татия, Гелиодора, Ямвлиха, Антония Диогена.

В III главе предметом рассмотрения становятся греческие романы, влияние которых на роман о превращенном в осла человеке и их типологические связи глубоко прослеживает С. В. Полякова. Известно, что греческие романы стояли особняком по отношению к общепринятой и обязательной для повествовательных жанров традиции; это, в свою очередь, служило поводом для игнорирования романов современной им литературной теорией. В качестве литературной формы греческие романы существовали чуть ли не с гомеровских времен, однако лишь к II—I вв. до н. э. они приобрели широкую популярность и распространение, стали отвечать запросам и интересам массового читателя. Прежде всего его привлекало то, что добродетельные и простодушные герои романов были простыми людьми; по отношению к ним допускались моральные оценки, поскольку это были не выдающиеся личности, не боги и не эпические или трагические персонажи наподобие Эдипа или Энея; любовные отношения героев не затрагивали общественных интересов, что отвечало требованиям читателей, которых интересовала главным образом частная любовная история и ее счастливый конец.

Помимо пяти сохранившихся полностью любовных романов С. В. Полякова, основываясь на многочисленных папирусных отрывках и свидетельствах древних авторов, напоминает о существовавших некогда всевозможных разновидностях греческих романов, в частности, бытовых и вместе с тем фантастических «романов превращений» (несохранившийся роман Лукия Патрского и сохранившаяся повесть неизвестного автора «Лукий, или осел», рассказывающая об удивительных похождениях некоего Лукия в образе осла). В отличие от большинства исследователей античного романа С. В. Полякова не спешит объявить «Лукия, или осла» единственным источником романа Апулея (хотя параллелизм сюжета и языка очевиден); в центре ее внимания вопросы генетического родства романов об осле и греческих романов. С. В. Полякова вскрывает следы архаических форм териоморфных превращений, претерпевших позд-

¹ Kerényi K. Die griechisch-orientalische Romanliteratur in religionsgeschichtlicher Beleuchtung. Tübingen, 1927.

² Фрейденберг О. М. Въезд в Иерусалим на осле (1923 г.). (1930 г.) // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 521 сл.

нейшее переосмысление в греческих романах и наличествующих в таких, например, рационалистических разновидностях, как переодевание персонажей. По мнению С. В. Поляковой, генетическое родство известных нам греческих христианских романов («Климентины») и романов превращений обосновывает типологические связи между ними.

Автор книги отмечает, что главное содержание греческих романов составляет описание социальных метаморфоз (или превращений), типичных для этой разновидности литературы: «Если в романах об осле метаморфозы состояли в превращении молодого человека в животное и возврате его к прежнему обличью, то у греческих *erotici scriptores* этот соматический процесс рационализирован и смягчен: он теперь выступает в виде серии социальных мутаций, являющихся столь же необходимой жанровой принадлежностью этого повествования, как смена человеческого облика на ослиный в романе метаморфоз. Ведь у греческих *erotici scriptores* герои в результате злоключений теряют социальное равновесие, которое возвращают себе только в конце романа: приключения и злоключения доводят героев до различных ступеней социальной деградации, т. е. делают богатых и счастливых героев людьми самого низкого общественного статуса и даже рабами» (с. 31). По мысли С. В. Поляковой, «черты близости произведений греческих *erotici scriptores* к роману об осле недвусмысленно свидетельствуют о фамильном, типологическом родстве обеих ветвей греко-римского романа и никак не могут быть объяснены литературным влиянием одной разновидности жанра на другую» (с. 35). Исходя из посылки о типологическом родстве греческих романов и романов метаморфоз, исключавшей главенствующую роль заимствования одной разновидности беллетристики другой (что, однако, провозглашалось в специальной литературе о романах, начиная с работ К. Кереньи), автор приходит к выводу, что со временем древнейший териоморфный сюжет о злоключениях животного принял в греческих романах внешнюю форму бытового рассказа о человеческих судьбах, сохранив при этом (естественно, в завуалированном виде) структурные особенности архаического варианта.

В IV главе С. В. Полякова рассматривает вопрос об источниках «Метаморфоз», начиная с констатации, что в специальной литературе давно принято утверждение, будто Апулей ограничился использованием греческого романа Лукия Патрского (которому посвящены гипотетические реконструкции) и романа неизвестного автора «Лукий, или осел». Исследовательница обращает внимание на то, что существовало и третье, грекоязычное сочинение анонима о превращенном в осла человеке, остававшееся до сих пор вне внимания специалистов, — следы его обнаруживаются в аллегорической эпитоме византийского автора XIV в. Алексея Макремволита («Аллегория на Лукия, или осла»). Если с полным основанием можно говорить о сопоставлении дошедшего до нас грекоязычного «Лукия, или осла» с «Метаморфозами» (поскольку их ситуативные отличия крайне немногочисленны, хотя история Лукия и воспринимается как смешной анекдот), то остается проблематичным сопоставление романа Апулея с сочинением Лукия Патрского, от которого сохранилось лишь название, и с анонимом, на текст которого указывает Алексей Макремволит (вполне вероятно, что аноним и Лукий Патрский могли быть одним лицом).

Строго говоря, отмечает С. В. Полякова, современное состояние всех имеющихся источников не позволяет, несмотря на кажущуюся легкость, окончательно решить проблему источников Апулея, и в этом плане оставляет нас в плену загадок, субъективных домыслов и более или менее убедительных предположений (например, такого: роман Апулея — достаточно оригинален и независим от каких-либо греческих источников). Превалирующая в науке точка зрения о том, что Апулей перевел или переработал греческий источник, включавший и сюжет XI «серьезной» книги Апулея, основывается на начальной фразе «Метаморфоз» (I, 1), в которой автор провозглашает о своем намерении поведать читателям «греческую басню на милетский манер» (*fabula graecanica*), т. е. выдуманный, не претендующий на достоверность рассказ. Собствен-

но, это и входит в задачи «фабулы» (ср. «фабула... это то, что не содержит ничего правдивого и ничего схожего с достоверным» — Риторика к Гереннию, I, 13). Заявив, что его сочинение — «вымысел», и отдав тем самым дань литературным условностям, Апулей неожиданно начинает убеждать читателя, что следует верить в достоверность его рассказа и принимать его всерьез. Все это резко отличает роман Апулея от используемого (?) им греческого оригинала «Лукия, или осла» и порождает дополнительные вопросы, на которые пока трудно ответить определенно.

Впрочем, само выражение *fabula graecanica*, по мнению С. В. Поляковой, допускает различные толкования — Апулей мог подразумевать не один, а группу грекоязычных источников, наконец, особенности развлекательного стиля, характерного, согласно традиции, для непристойных «Милетских рассказов» Аристида Милетского³. Со своей стороны заметим, что чудесные превращения, которыми изобилует роман Апулея, могли выглядеть достоверными в двух смыслах: прежде всего, в глазах образованных, «ученых» читателей — на достаточно утонченном уровне художественного восприятия вымысла, и в буквальном смысле, в глазах сусверных читателей, приверженных страсти ко всему необычному и странному (знак времени, в которое жил Апулей)⁴.

В V главе речь идет о заключительной XI книге, в которой говорится о чудесном превращении осла в человека и которая отличается от предшествующих «комических» книг романа. Все происшедшее с Луцием и призванное «позабавить» читателя истолковывается в XI «серьезной» книге в свете религиозно-философской концепции, связанной с мистериями Иисиды. После посвящения Луция в мистерии Иисиды он обретает спасение, и его жизнь, представлявшая собой до этого цепь злоключений, оказывается под покровительством божества. Все это, по словам С. В. Поляковой, побуждает видеть в десяти предшествующих книгах не развлекательную историю, а путь к завершающей их — одиннадцатой.

В специальной литературе до сих пор остаются предметом дискуссий гипотезы, объясняющие появление XI книги в романе Апулея, — от предположения о механическом присоединении этой книги к роману вплоть до сомнения в принадлежности ее Апулею. Настаивая на принадлежности XI книги Апулею (что, по мнению автора книги, уже обуславливается «структурной обязательностью религиозного эксода в фольклорных сюжетах о превращениях человека в осла»), С. В. Полякова указывает на басенный (как в аллории или притче) характер повествования в целом, что заставляло античного читателя видеть в рассказе о превращенном в осла юноше переносный смысл. От себя добавим, что, по-видимому, возможность интерпретировать роман Апулея вноскаательно с целью сгладить неловкое впечатление от обилия неправдоподобных ситуаций в полуфольклорном духе предоставлялась прежде всего образованной части читателей. В глазах этой «ученой» публики роман уподоблялся Эзоповой басне огромных размеров, в которой ложь служит делу (ср. замечание Макробия о пользе аллегорий или басен — Комментарий ко Сну Сципиона, I, 2, 6—12).

«Эволюция героя Апулея особого рода, и автор, — продолжает исследовательница, — не стремится дать психологический портрет Луция, а тем более объяснить те внутренние изменения, которые привели его к событиям XI книги. Постепенная эволюция внутренней сущности заменена внешними скачками, резкими переломами, телесными превращениями — один раз из человека в осла и второй раз из осла снова в человека, причем первая метаморфоза не меняет животной природы героя, а лишь

³ *Mason N. Fabula Graecanica: Apuleius and His Greek Sources Aspects // Aspects of Apuleius Golden Ass. N. Y., 1978.*

⁴ Ср. фразу А. Скоуби: «...не приходится сомневаться, что во все периоды во всех концах римского мира существовало большое число малообразованных людей, которые подобно Никероту и Тримальхиону верили в способность некоторых людей, особенно колдунов и ведьм, обращаться в животных» (*Scobic A. More Essays on the Ancient Romance and its Heritage. Meisenheim am Glan, 1973. P. 37*).

выражает ее наглядной соматической метафорой: низменная бестиальная сущность Луция передана рассказом о его превращении в животное» (с. 54).

В VI главе анализируется роль вставных новелл по отношению к основному сюжету романа. Автор книги различает два типа сопряжения вставных новелл и основного повествования: независимые от сюжета и приуроченные к действию главных персонажей. По ходу изложения С. В. Полякова, вскрывая фольклорный характер происхождения ряда новелл и их связь с устной традицией, приходит к выводу о том, что Апулей мог познакомиться с некоторыми из фольклорных версий вставных новелл у себя на родине (например, с версией сказки об Амуре и Психее).

Хотя сказка об Амуре и Психее по сюжету напоминает греческий роман, автор книги менее всего склонна утверждать, что сказка пришла к Апулею из греческого письменного источника; скорее она готова допустить неосознаваемую Апулеем способность реализовывать в художественной практике архаические мифологические сюжеты типа этой «сказки», бытовавшей в фольклорных версиях. (Это допущение в русле разрабатывавшегося О. М. Фрейденберг — наставницы С. В. Поляковой — генетического направления.)

Указывая на фольклорную основу сюжетов и мотивов латинского романа, С. В. Полякова не упускает случая отметить искусное использование современной Апулею исторической реальности, что придает повествованию иронически-гротескный оттенок. Вставные новеллы отсутствуют лишь в XI книге, где, по мнению исследовательницы, «торжественный мистицизм заключенных в ней событий» воспрепятствовал проникновению гротеска, иронии, пороков и жестокостей мира социальной жизни, от которого возрожденный герой Апулея укрывается под покровительством Исиды. Между тем в остальных десяти книгах «Метаморфоз» мировое зло празднует победу.

Истолковывая стиль в качестве особенностей художественного мышления, автор книги в VII главе делится своими наблюдениями над стилем «Метаморфоз». Основное внимание С. В. Полякова обращает на то, что в романе отразились многочисленные черты современной Апулею действительности, преломленные то в комическо-бытовом плане (например, эротические истории), то в возвышенно-благородном (например, новелла о смерти трех сыновей, вступивших за притесняемого богачом бедняка-земледельца). Личина осла дала возможность Луцию столкнуться с представителями различных слоев римского общества, а Апулею — сатирически изобразить этих представителей. В романе Апулея слышен отзвук популярных во II в. н. э. речей риторов и декламаторов, но с той разницей, что в романе пародируется, доводится порой до гротеска манера риторов витиевато распространяться о простом. Тем большим успехом должна была пользоваться эта манера у читателей Апулея, которые имели возможность непосредственно сталкиваться с образами речей, пародируемых автором романа. Целям пародии служат у Апулея судебное красноречие, юридические формулы, античные «сказки» (параллельные мифу явления) и греческие романы. Ясно, что роман Апулея (как и роман Петрония) ориентировался на достаточно образованного читателя, который мог по достоинству оценить пародийное обыгрывание известных памятников литературы (вроде «Энеиды» Вергилия), искусства и философии, а также остроты по поводу телесных и интеллектуальных недостатков.

Однако пафос работы С. В. Поляковой состоит в том, чтобы не только прочертить границу между известными нам греческими романами, для которых обязательны заданная сюжетная схема, идеализированные герои, условный характер реальной действительности, и латинским романом Апулея, близким к изображению подлинной жизни; помимо этого С. В. Полякова вскрывает типологические, пародийные и фольклорные связи этих разновидностей позднеантичной прозы. Вместе с тем на примере нескольких мест романа Апулея С. В. Полякова убедительно показывает, что его художественной тканью органически присуща реалистическая концепция действительности (в ее античной, зачаточной форме).

В. Н. Илюшечкин

Проблемы, затронутые в новой монографии И. Т. Никулицэ, гораздо шире тех, что он рассматривает в своих предыдущих исследованиях¹, посвященных изучению истории и культуры северофракийских племен. Уже во введении Никулицэ подчеркивает необходимость переосмысления этой проблематики, независимо от бесспорных достижений его предшественников, и подвергает обстоятельному критическому анализу некоторые теоретические выводы и положения, касающиеся социально-экономического развития северофракийских племен. Автор полемизирует с утверждением, что только общности, населявшие Истро-Понтийскую зону, достигли высокой ступени общественно-экономического и культурного развития. На основе анализа богатого археологического материала он доказывает, что к этой высокоразвитой зоне следует отнести и обширные районы между Карпатами и Днестром и между Карпатами и Дунаем. Необходимо отметить, что в болгарской исторической литературе с успехом отстаивается тезис о существовании в Северо-Восточной Фракии обширной контактной зоны, где осуществлялось взаимодействие с другими этнокультурными общностями Северо-Причерноморского и Ирано-Кавказского регионов, отразившееся на формировании социальной структуры, государственно-политической жизни, культуре и искусстве (речь идет о второй половине II тыс. до н. э.)². Говоря о проблемах, связанных с генезисом северофракийских племен и подчеркивая их сложность, автор критикует методологически неправомерное утверждение о культурно-историческом единстве гетов и даков. Завершая введение, он обосновывает хронологические рамки исследования, отмечая, что основой ему послужили многочисленные археологические находки, обнаруженные на поселениях и некрополях (с. 15).

В I главе И. Т. Никулицэ прослеживает историю и развитие культуры северофракийских племен в VI—V вв. до н. э. (с. 18—82). Сопоставляя данные ионийской письменной традиции, сведения Фукидида, Эфора, Страбона, Псевдо-Скимна и других авторов с богатым археологическим материалом, автор приходит к выводу, что на землях между Днестром и Дунаем преобладал фракийский этнический компонент, включавший небольшие скифские анклавы (с. 20—22). Вывод этот звучит вполне убедительно. В качестве дополнения можно упомянуть утвердившееся в научной литературе мнение о том, что в период VI—V вв. до н. э. юго-западная часть очерченных Геродотом скифских пределов занимала пространство между Днестром и Днепром. Именно здесь протекали наиболее динамичные процессы этнокультурного взаимодействия между фракийцами и скифами. Впоследствии этот синкретизм еще более углубился, а дельта Дуная стала постоянной границей, разделявшей фракийцев и скифов³. Другая важная проблема, имеющая прямое отношение к истории культуры и этническому развитию северофракийских племен, связана с происхождением и этнической принадлежностью агафиров (с. 22—28). Будучи весьма осторожным в своих выводах, Никулицэ отмечает, что много лет обсуждаемый вопрос об этнической характеристике этой общности пока остается открытым. Автор рассматривает также некоторые спорные с культурно-исторической точки зрения положения о различиях в погребальных обрядах Юго-Западной Олтенции и других областей, населенных северофракийскими племенами (различия эти обычно объясняются сильным этнокультурным влиянием иллирийцев). Обстоятельно проанализировав обширный археоло-

¹ Никулицэ И. Т. Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев, 1977.

² См. Йорданов К. Северозточна Тракия — контактна зона в Европейския Юго-изток // Второй международный конгресс по българистика. 6. София, 1987. С. 75.

³ Фол Ал. Траки и скити // Исторически преглед. 1983. Кн. 2. С. 42; Йорданов К. Thraco-Scythica: этнокультурные взаимодействия // Etudes Balkaniques. 1987. № 3. С. 74, 79.

гический материал VI—V вв. до н. э. из южной части Олтения, А. Вульпе⁴ убедительно доказал фракийскую (точнее, трибалльскую) принадлежность этой культуры. В данном случае она является как бы связующим звеном в процессах взаимодействия между иллирийским и северофракийским миром (с. 28). Важнее, однако, то, что проблема, связанная с агафирсами, лежит в основе сложных и динамичных этнокультурных и политических отношений фракийцев и скифов, сложившихся в последние десятилетия VI и первой половине V в. до н. э. Согласно данным, приведенным в «Скйфском логосе» Геродота, между агафирсами и скифами произошел серьезный конфликт. Царь агафирсов Спаргациф обманом сумел убрать с пути могущественного владыку скифов Ариапифа. Событие это датируется 70-ми годами V в. до н. э.⁵

Во втором параграфе I главы рассматриваются экономические отношения северофракийских племен с окружающим миром, в частности с такими эллинскими колониями, как Ольвия, Тира, Истрия, Томи, Каллатий и Одесс в период VI—V вв. до н. э. (с. 29—40). В своих выводах автор опирается на данные, почерпнутые из ряда исследований советских и румынских археологов и историков, занимающихся изучением контактов этих городов или их эмпориев с соседним «варварским», т. е. фракийским (гетским) и скифским миром⁶. Еще одна исключительно важная задача, которую поставил перед собой И. Т. Никулицэ,— проследить процессы консолидации северофракийских племен в формировании гетского этноса (с. 40—82). Автор исследует публикации, посвященные хорошо изученным укрепленным поселениям VI—V вв. до н. э. во всем их многообразии, касаясь в том числе и основных типов керамических сосудов. Предлагаются новые аргументы, подтверждающие давно выдвинутый тезис о том, что формы эти весьма сходны (иногда — до полной идентичности) с керамикой фракийского галыштата. И. Т. Никулицэ приходит к выводу, что типы сосудов, составляющие основу гетской керамики IV—III вв. до н. э., окончательно сформировались в течение двух предыдущих столетий (с. 49). Подробно рассматривается также и вопрос, касающийся появления и развития северофракийской серой, серо-черной, серо-матовой и красно-желтой керамики, изготовленной на гончарном круге. Автор оспаривает точки зрения о якобы надежно установленном импорте этой керамики из Южной Фракии, точнее из Одрисского царства, опровергая также возможность завоза ее с о-ва Лесбос. Доказывается, что керамика, за редким исключением, изготовлялась в местных ремесленных центрах.

В деталях исследуются и ритуалы захоронения с трупосожжением и трупоположением, причем автор привлекает обширный керамический материал из различных некрополей (с. 50—56). Особое внимание уделено так называемому «звериному стилю» и его аналогиям в искусстве Скифии и Ирана времен Ахеменидов (с. 57—67). В своих выводах автор опирается на исследования Д. Берчу, Васильева и А. И. Мелюковой. К сожалению, автор не использовал новое дополненное и исправленное издание монографии Берчу на французском языке, а также исключительно интересную для подобных исследований книгу Ив. Венедикова и Т. Герасимова о фракийском искусстве⁷. Вероятно, именно эти пропуски стали причиной того, что Никулицэ объясняет появление и развитие «звериного стиля» в искусстве северофракийских племен в основном их

⁴ Vulpe A. L. Archäologische Forschungen und historische Betrachtungen über das 7. bis 5. Jh. im Donau Karpatenraum // Memoria Antiquitatis. II. Piatra-Neamța, 1970. S. 208.

⁵ Herod. IV. 78. 2; Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила. Политическая и династическая история скифов первой половины V в. до н. э. // СА. 1980. № 3. С. 105.

⁶ См. еще материалы международных симпозиумов: Thracia Pontica I. Premier symposium International. Sofia, 1982; Thracia Pontica II. Deuxième symposium International. Jambol, 1985; Thracia Pontica III. Troisième symposium International. Sofia, 1986; Йорданов К. Thracos-scythica: Политические отношения до середины IV в. до н. э. // Etudes Balkaniques. 1988. № 2. С. 76—78.

⁷ Berciu D. Contribution a l'étude de l'art thraco-gète. București, 1974; Венедиков Ив., Герасимов Т. Тракийское искусство. София, 1973.

тесными связями с населением степной и лесостепной полосы Северного Причерноморья (с. 67). Гораздо более обоснованным кажется предположение, согласно которому в контактной зоне, расположенной в междуречьях Серета, Прута, Днестра и Днестра, создались благоприятные условия для культурного обмена между фракийцами (гетами) и скифами, имевшими сходную или почти одинаковую социальную структуру и близкие формы государственно-политической жизни. Некоторые исследователи, признавая существование специфических или самостоятельных форм развития у фракийцев и скифов, отстаивают тезис о наличии фрако(гето)-скифского койне, которое надежно можно установить примерно в последней четверти VI в. до н. э. и непосредственно после этого периода ⁸.

Особое внимание И. Т. Никулицэ уделяет проблемам, связанным с культом гетского антропоморфного Залмоксиса, придерживаясь точки зрения, принятой в западноевропейской и румынской историографии (с. 69—72). К сожалению, Никулицэ, видимо, не знаком с некоторыми весьма важными положениями и гипотезами, которые высказывались представителями болгарской и советской исторических школ по поводу развития культуры и истории древних народностей юго-востока Европы. Приведу конкретный пример. Исследователями установлены тесная взаимосвязь и сходство некоторых ритуалов, связанных с культами Диониса (точнее, Диониса Загрея), Залмоксиса и Орфея. В этой политико-религиозной системе исключительная роль принадлежала Великой Богине-Матери, культ которой был широко распространен во всем восточно-средиземноморском мире ⁹. Заслуживают внимания некоторые наблюдения и выводы И. Т. Никулицэ, основанные на результатах его исследования культового объекта близ городища Бутучены (1984 г.), а также общие соображения, касающиеся социальной структуры гетов (с. 72—80).

Глава II «Северные фракийцы в IV—III вв. до н. э.» представляет собой центральную часть монографии (с. 83—195). В отдельном параграфе рассматриваются наиболее важные сведения античной исторической традиции о северофракийских племенах в раннеэллинистическую эпоху, которые автор сопоставляет с данными археологии. Кроме того, он сумел систематизировать исключительно богатую и разнообразную информацию о 335 поселениях и 30 захоронениях, а также об отдельных погребальных находках IV—III вв. до н. э. Все они представляют надежное доказательство того, что геты населяли земли от Днестра до Старой Планины, за исключением территорий за Карпатским массивом. И. Т. Никулицэ, исследуя расположение этих памятников, отмечает, что в основном они находятся в Истро-Понтийской зоне и в центральной части лесостепной Молдавии (с. 84—85). Подробное знакомство с различными памятниками позволило автору сделать важные заключения относительно социально-экономического развития северофракийских (гетских) племен. Большое внимание уделено городищу Бутучены, расположенному в междуречье Днестра и Прута, — важному военно-политическому центру гетов, который находился в контактной зоне со скифскими землями, а также укрепленным поселениям около сел. Машкауцы, Контарь — Кэзалина, Бунешть и Стычешты — Ботошаны. Прослеживается и развитие поселений близ Бештепс и Бейдауд в совр. Северной Добрудже и поселений подобного типа в Дунайско-Балканском регионе близ Пискул Крэсань, Албешты и Зимница (с. 88—109).

Особое внимание уделяется курганным погребениям на землях гетов и найденному в них керамическому материалу. Автор отстаивает тезис о том, что, несмотря на увеличение количества соответствующих погребальных сооружений и усложнение их форм, обряды в исследуемом районе остаются одними и теми же (с. 118—119). И. Т. Никулицэ

⁸ Фол Ал. Политика и култура на древна Тракия // Проблеми на културата. 1986. № 4. С. 11—12.

⁹ Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 81—86, 93, 98; Попов Д. Орфические общества на гетите // Изкуство. 1983. № 4. С. 12—16; Фол Ал. Тракийският орфизъм. София, 1986. С. 36, 89, 100—108, 156.

рассматривает золотые и серебряные изделия, обнаруженные в кладах около Ляргуца, Бэйченъ, Пояна — Концофенешть, Крайова, Железных ворот, а также в курганных захоронениях Ханска — Лутерия, Аджигиол, Перету, Браничево или на городищах близ Матеуцы и Бунешть (с. 125—177), останавливаясь на попытках культурно-исторической интерпретации так называемых северофракийских кладов. К сожалению, ему не всегда удается провести точные параллели между находками, обнаруженными на противоположных берегах Дуная, так как автор не знаком со многими исследованиями болгарских археологов, искусствоведов и историков, которые в деталях исследовали искусство и культуру фракийских племен, обитавших к северу от Стара-Планины начиная с VI в. до н. э., и выявили надежные параллели в искусстве скифов¹⁰. Кроме того, следует отметить, что как в скифологии, так и во фракологии были сделаны серьезные попытки интерпретировать шедевры фракийского и скифского искусства. Эти исследования показали, что в контактной зоне фракийской и скифской этнокультурных общностей развились самобытные формы искусства, имевшие множество сходных черт, что объясняется почти идентичным социально-политическим укладом этих общностей. Особенно явно это прослеживается в торевтике, которая создавала широкие возможности для воплощения космогонических и мифологических представлений, религиозных концепций и обычаев¹¹. В этой области имеются и значительные теоретические успехи¹². В качестве примера можно упомянуть интерпретации изображений на серебряных кубках из Аджигиола и Железных ворот, на серебряном с позолотой кубке из Рогозенского клада¹³ или серебряном шлеме, хранящемся в художественном музее в Детройте (все предметы датированы примерно серединой IV в. до н. э.). Зооморфные фигуры, изображенные на этих шедеврах торевтики, представляют собой компоненты вертикальной космогонической модели мира, свойственной мифологии и религии древних обществ Евразии¹⁴.

В том же параграфе подробно рассматриваются золотые вещи из Бэйченского клада, парадный золотой шлем из Концофенешть, богатые аппликации конской сбруи из Крайовы, шлем и наколенники из царского захоронения близ Аджигиола, зооморфный серебряный ритон из Пороины, богатый клад, обнаруженный около Стынчешть, золотая диадема, найденная недалеко от Бунешть, в центральной части междуречья Прута и Серета, и т. д. Выказанные И. Т. Никулицэ гипотезы и его трактовка этих предметов могли бы быть еще более убедительными, если бы автор учел публикации, рассматривающие предметы клада из с. Борово близ Русе, а также результаты исследований хорошо сохранившегося захоронения местного владетеля или династа из с. Свештари в окрестностях Испериха¹⁵ (III в. до н. э.) и предварительные сообщения о многочис-

¹⁰ Венедиков Ив. Фракийский мотив в искусстве скифов // *Studia Thracica* I. Sofia, 1975. С. 101—110; Маразов Ив. Ритоните в древна Тракия. София, 1978; он же. Наколенникът от Врана. София, 1980; Попов Д. Някои проблеми във връзка с една сцена и два цвята в тракийското изкуство // Исторически преглед. 1986. № 2. С. 21—36; Маразов Ив. Трако-скитската културна общност // Раевски Д. С. Митология на скитите. София, 1988. С. 5—46.

¹¹ Ср. теоретические установки в книге: *Fol Al. Plovdiv' 86: from Object to Subject Matter in Thracology* // *Oxford Journal of Archaeology*. 1988. V. 7. 1. P. 119.

¹² Кузьмина Е. Е. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ. 1984. № 1. С. 96—102; Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

¹³ См. журнал «Изкуство». 1986. № 6. С. 2—64 (первая публикация серебряного клада из с. Рогозен). Последние исследования систематизированы: Археология. 1987. № 3. С. 1—66; Фол Ал., Николов Б., Матов С., Иванов Пл. Тракийското сокровище от Рогозен. София, 1988.

¹⁴ Jordanov K. Cosmogonic Notions in the Art of Getae and Scythians // *Bulgarian Historical Review*. 1987. 3. P. 49.

¹⁵ Иванов Д. Сребърното съкровище от с. Борово // Изкуство. 1975. № 3/4. С. 14—21; Чичикова М. Гробницата от Свештари // Изкуство. 1983. № 4. С. 18—25; Маразов Ив. Торевтиката в земите на гетите // Там же. С. 48—52.

ленных археологических объектах, раскрытых в последние годы в Северо-Восточной Болгарии и Добрудже ¹⁶.

В конце параграфа Никулицэ приводит аргументы, подтверждающие мнение А. И. Мелюковой о том, что на территории к югу от Дуная имеются незначительные по количеству археологические памятники IV в. до н. э., которые можно считать скифскими. Он отрицает как абсолютно необоснованный тезис Сырбу о наличии смешанных этнических групп скифов и гетов, якобы зарегистрированных в полуразрушенных могильниках Кискань и Мурджанка в окрестностях Брэилы. По мнению Никулицэ, несмотря на то, что при царе Атее скифы продвинулись на юг от Дуная, эти земли все же были плотно заселены северофракийскими (гетскими) племенами. Позиция его представляется убедительной, поскольку он опирается на известные и многократно интерпретированные сведения Помпея Трога (Юстина), Страбона, Фронтин и Полиена, а также на опубликованные археологические материалы (с. 175—177).

В третьем параграфе II главы систематизированы результаты исследований поселений и могильников IV—III вв. до н. э., расположенных в районе Карпатского массива и к северу от него. И. Т. Никулицэ приходит к выводу, что поселений, особенно укрепленных, здесь было гораздо меньше, нежели на остальных территориях, где обитали геты. В этот период можно допустить и существование кельтских анклавов среди местного фракийского населения, однако они ни в коем случае не играли решающей роли в этнокультурных и политических процессах (с. 178—181). В то же время И. Т. Никулицэ предполагает, что формирование единой культуры, которое ясно прослеживается в остальных северофракийских областях уже в VI—V вв. до н. э., в Трансильвании проходило значительно медленнее. Причиной тому были Карпаты — преграда, мешавшая более динамичным контактам с фракийским миром, со скифами и понтийскими колониями. Едва ли во II в. до н. э. процесс консолидации местных дакийских племен, населявших внутренние районы Карпат, можно считать завершенным. Наиболее важной движущей силой здесь была борьба местных племен с кельтскими пришельцами и их постепенная ассимиляция. Другой вопрос — насколько уверенно можно говорить о наличии дакийского этноса и дакийской культуры в конце III и первой половине II в. до н. э. (с. 184).

В четвертом (последнем) параграфе II главы И. Т. Никулицэ подробно рассматривает развитие ремесел, торговли и финансовые отношения гетов с окружающим миром. Он пытается с исторической точки зрения интерпретировать выпуск золотых монет македонских правителей Филиппа II и Александра Великого, а также диадоха Лисимаха, уделяя внимание и более поздним варварским имитациям этих монет. Указаны основные экономические и политические причины, которые привели к появлению чеканки монет у северофракийских племен в конце IV и начале III в. до н. э. Именно тогда возникло и крупное государственное объединение гетов под предводительством царя Дромихета.

В этой связи следует отметить, что с некоторыми положениями автора трудно согласиться, в частности в вопросе о границах гетской державы, который и в современной историографии остается открытым. Не могу также принять разделяемое автором мнение Т. Д. Златковской (развитое впоследствии Г. Б. Федоровым и Л. Л. Полевым) о характере государственных организаций гетов в IV—III вв. до н. э. Они названы военно-племенными объединениями (союзами), в которых основной формой управления была военная демократия, а основным органом — собрание воинов или народное собрание (с. 195) ¹⁷. Против такой постановки вопроса в болгарской историографии вы-

¹⁶ См. «Северовизточна България — древност и съвремие». Т. I. София, 1985; Т. II. София, 1988.

¹⁷ Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971. С. 221 сл.; Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. «Царства» Буребисты и Децебала: союзы племен или государства? // ВИ. 1984. № 7. С. 61 сл.

двигались серьезные аргументы. Анализ богатого археологического материала и сведения ионийской исторической традиции убедительно доказывают, что еще до конца VI в. до н. э. у северофракийских (гетских) племен сформировалась двусоставная антагонистическая социальная структура, причем уже в то время появились и центры активной государственно-политической жизни, располагавшиеся как в районе между Янтрой и Черным морем, так и к северу от Дуная, включая и зону контактов со скифами¹⁸.

III глава монографии посвящена истории и культуре гетов и даков во II—I вв. до н. э. В первом параграфе сделана попытка разрешить давно ведущийся в научной литературе спор об этнокультурном и политическом присутствии бастарнов и галатов в районе Карпато-Днестровского бассейна¹⁹. Автору хорошо знакомы памятники северной и центральной части Карпато-Дунайского региона, и это дает ему возможность аргументированно возразить против тезиса, согласно которому в этнокультурном круге Поянешть — Лукашовка полностью отсутствовали укрепленные сооружения, разрушенные якобы галатами и бастарнами. Наблюдения И. Т. Никулицэ в значительной мере опровергают мнение о разрушительном нашествии бастарнов в этом важном политическом и экономическом центре гетов. И если вообще можно вести речь о каком-либо продвижении этнических масс бастарнов в Истро-Понтийской зоне, то явно массовые эти были сравнительно быстро ассимилированы, и к I в. до н. э. от их присутствия в гетской этнической общности не осталось никаких следов (с. 203—208).

На основе статистического анализа данных о поселениях и могильниках автор делает вывод, что зона между Днестром и Карпатами была наиболее плотно населенной. Большинство укрепленных поселений во внутренних районах Карпатской зоны, т. е. естественном экономическом и политическом центре даков, возникли только в начале или середине I в. до н. э. и достигли расцвета в I в. н. э. Самые крупные поселения имели сложные оборонительные системы: рвы, палисады, каменные стены с башнями. Они играли роль экономических, торговых, культурных и военно-политических центров отдельных племенных объединений (с. 219).

Заключительный параграф главы третий посвящен социальным и политическим отношениям гето-даков. Особое внимание уделяется декрету в честь Агафокла из Истрии, где отражены сложные дипломатические и военно-политические отношения колонии с гетским базиливсом Ремаксом и с династом Золтом. Может быть, автору следовало бы более подробно остановиться на контактах между Истрией и предводителем «фракийских разбойников» Золтом и на политической роли последнего в районе Бизоны²⁰. Обобщая свои исследования археологических материалов II—I вв. до н. э. и сопоставляя их результаты со сведениями Помпея Трога (Юстина) и Флора, И. Т. Никулицэ выдвигает аргументы, опровергающие тезис о дакийском происхождении царя Орола, и возражает против некоторых попыток локализации подвластных ему земель. Он приходит к выводу, что Орол был царем гетов и правил в северной и центральной частях днестровско-карпатских земель во II в. до н. э. (с. 230—231).

Далее И. Т. Никулицэ вновь обращается к постоянно дискутирующемуся в литературе вопросу об этнической принадлежности Буребисты, о границах его державы времени его правления, о том, где находилась его резиденция Аргедава, упомянутая

¹⁸ Фол А. Л. Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, 1975. С. 35—59; Йорданов К. Центрове на политически живот в гетските земи // Североизточна България — древност и съвремие. Т. I. София, 1985. С. 109—119.

¹⁹ Parazoglu F. The Central Balkan Tribes in Pre-Roman Times. Amsterdam, 1978. P. 162—164; Домарадски М. Келтите на Балканския полуостров. София, 1984. С. 110—113.

²⁰ Pippidi D. M. Istros et les Gètes au IIe siècle. Observation sur le décret en l'honneur d'Agathoclès, fils d'Antiphilos // Scythica Minora. Bucureşti — Amsterdam, 1975. P. 31—55; Карышковский П. О. Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2. С. 36—55.

в декрете в честь Акорниона из Дионисополя. Рассматриваются также точки зрения о походах Буребисты против боев и таврисков и покорении понтийских колоний от Ольвии до Месембрии и др. (с. 232—238). Встречаются, однако, и некоторые интерпретации, некритично воспринятые автором, равно как и неубедительные выводы, которые отрицает современная историография²¹. Недостаточно убедительным представляется и утверждение автора о том, что только в годы правления Буребисты были сделаны первые попытки превратить крупное племенное объединение в государственное образование (с. 238). Подобное утверждение методологически неправомерно и с полным основанием подвергается критике²². Кроме того, в данном случае Никулицэ сам себе противоречит, поскольку в Заключение недвусмысленно говорит, что племена гетов обладали мощной военной силой и оказали сопротивление Дарию I во время его походов во Фракию и Скифию (с. 239). Автор справедливо полемизирует с тезисом об одновременном этнокультурном развитии гетов и даков²³ начиная с VI в. до н. э. и указывает на некорректность употребления таких этнонимических комбинаций, как «гето-даки» и «дако-геты». Прослеживается также процесс постепенного утверждения собирательного этнонима «геты» среди северофракийских племен, населявших территории между Днестром, Карпатами, Черным морем и Стара-Планиной. Указывается, что после II в. до н. э. Карпатский горный массив уже не служил преградой для более интенсивных экономических и этнокультурных отношений между гетами и племенами, известными под собирательным названием «даки» (этот этноним впервые упоминается в «Записках о галльской войне» Цезаря)²⁴. И. Т. Никулицэ делает вывод, что начиная со II в. н. э. формирование «гето-дакийской» культуры еще не означает, будто эти две группы племен были тождественны в этнокультурном отношении (с. 242—245).

В заключение необходимо отметить, что указанные в рецензии пропуски, ошибки или методологически необоснованные положения не умаляют достоинств монографии И. Т. Никулицэ как комплексного междисциплинарного исследования. Они являются лишним подтверждением того, насколько трудна и обширна эта проблематика. Рецензируемая книга, несомненно, даст стимул для новых исследований в области истории и культуры северофракийских племен в доримскую эпоху.

К. Йорданов

²¹ Papazoglu. Op. cit. P. 335—337; Danov Chr. Die Thraker auf dem Ostbalkan von der hellenistischen Zeit bis zur Gründung Konstantinopels // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. II. 7. 1. B.— N. Y., 1979. S. 118—120.

²² История на Добруджа. Т. I. София, 1984. С. 121—123.

²³ Источники о гетах и даках систематизированы в компендиуме: Detschew D. Die trakischen Sprachreste. Wien, 1976. S. 103—105, 111—113, 116—117.

²⁴ Caes. Bell. Gall. 6. 25. 2 (Kraner — Hofmann); Jordanov K. Les ethnonymes Gètes et Daces // III Internationaler Thrakologischer Kongress. Bd II. Sofia, 1984. P. 180—183.

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОКИ РАННЕГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ ВАЛЬТЕРА БУРКЕРТА

В современном антиковедении заметно возрос интерес к компаративным исследованиям восточных и греческих религиозных систем, литератур, мифологических циклов и искусства в целом. Особый период в истории становления греческой культуры — между геометрической и архаической эпохами — получил название «ориентализирующего»¹, поскольку именно в то время наиболее рельефно улавливается влияние Переднего Востока во всех проявлениях материальной² и духовной³ культуры древней Греции. Значительный вклад в изучение целого ряда общих и частных вопросов этой проблематики вносит своими исследованиями известный швейцарский специалист в области древнегреческой филологии, философии и религии Вальтер Буркерт, профессор классической филологии Цюрихского университета, автор большого числа работ по философии и филологии древней Греции, трудов по методологическим и общетеоретическим проблемам религиозной антропологии, об античном культе и ритуале⁴. Во всех своих штудиях Буркерт так или иначе затрагивает проблематику

¹ «Ориентализирующий» (или «ориенталистический») период как самостоятельный этап в развитии древнегреческой культуры был выделен еще в начале века в трудах Д. Хогарта и Ф. Пульзена (*Hogarth D. G. Ionia and the East. Oxf., 1909; Poulsen F. Der Orient und die frühgriechische Kunst. Lpz, 1912*). Само определение по ряду обстоятельств признано не вполне удачным (*Scheffold K. Die Griechen und ihre Nachbarn. B., 1967. S. 19*), однако к нему традиционно продолжают прибегать в исследованиях по истории и археологии ранней Греции.

² См., к примеру: *Akurgal E. The Birth of Greek Art. The Mediterranean and the Near East. L., 1968; Amandry P. Objects orientaux en Grèce et en Italie aux VIIIe et VIIe siècles avant J. — C. // Syria. 1958. 35. P. 73—109; Barnett R. D. Early Greek and Oriental Ivories // JHS. 1948. 68. P. 1—25; idem. Ancient Oriental Influence on Archaic Greece // The Aegean and the Near East. N. Y., 1956. P. 212—238; Blome P. Die figurliche Bildwelt Kretas in der geometrischen und frühorientalisierenden Epoche. Mainz, 1982; Boardman J. The Cretan Collection in Oxford. The Dictaeon Cave and Iron Age Crete. Oxf., 1961; Borell B. Attisch-geometrische Schalen. Eine spätgeometrische Keramikgattung und ihre Beziehungen zum Orient. Mainz, 1978; Canciani F. Bronzi orientali e orientalizzanti a Creta nell VIII e VII secolo a. C. Roma, 1970; Dunbabin T. J. The Greeks and their Eastern Neighbours. L., 1957; Stucky R. A. Anlehnung-Imitation-Kopie. Zur Aneignung orientalischer Bildmotive auf Zypern in Griechenland und Etrurien // Archéologie au Levant. Lyon, 1982. P. 205—220 etc.*

³ *Albright W. F. Some Oriental Glosses on the Homeric Problem // AJA. 1950. 54. P. 162—176; Brown J. P. Literary Contexts of the Common Hebrew-Greek Vocabulary // JSS. 1968. 13. P. 163—191; Brown R. Semitic Influence in Hellenic Mythology. L., 1898; Dietrich B. C. Origins of Greek Religion. B., 1974; Dirlmeier F. Homerisches Epos und Orient // RhM. 1955. 98. S. 18—37; Eléments orientaux dans la religion grecque ancienne. P., 1960; Helck W. Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7. Jahrhundert v. Chr. Darmstadt, 1979; Lesky A. Griechischer Mythos und Vorderer Orient. // Saeculum. 1955. 6. S. 35—52; Schretter M. K. Alter Orient und Hellas. Fragen der Beeinflussung griechischen Gedankengutes aus altorientalischen Quellen, dargestellt an den Göttern Nergal, Rescheph, Apollon. Innsbruck, 1974; Sze-ményi O. The Origins of the Greek Lexicon: Ex oriente lux // JHS. 1974. 94. P. 144—157; Walcot P. Hesiod and the Near East. Cardiff, 1966; West M. L. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxf., 1971 etc.*

⁴ См. его работы: Zum altgriechischen Mitleidsbegriff. Diss. Erlangen, 1955; Weisheit und Wissenschaft. Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon. Nürnberg, 1962; Orpheus und die Vorsokratiker. Bemerkungen zum Derveni-Papyrus und zur pythagoreischen Zahlenlehre // Antike und Abendland. 1968. 14. S. 93—114; Die Absurdität der Gewalt und das Ende der Tragödie: Euripides' Orestes // Ibid. 1974. 20. S. 97—109; Das hunderttorige Theben und die Datierung der Ilias // Wiener Studien. 1976. 89. S. 1—21; Apokalyptik im frühen Griechentum: Impulse und Transformationen // Apocalypticism in the Mediterranean World and the Near East. Tübingen, 1983. S. 235—254; Opfertypen und antike Gesellschaftsstruktur // Der Religionswandel unserer Zeit im Spiegel der Religionswissenschaft. Darmstadt, 1976. S. 168—187; Griechische Mythologie und die Geistesgeschichte der Moderne // Entretiens sur l'antiquité classique 26.

греко-восточных культурных и религиозных связей, нередко эта тема становится в них центральной⁵.

Целиком этим вопросам Буркерт посвятил монографию «Ориентализирующая эпоха в греческой религии и литературе»⁶. В настоящем обзоре хотелось бы остановиться на узловых моментах его концепции о древневосточном влиянии на формирование раннегреческой культуры и религии. Привлечение максимально полного круга источников, в том числе и археологических, комплексная постановка ключевых вопросов и их систематическое разрешение делают попытку автора в этом направлении бесспорно ценной в мировой историографии.

Монографию Буркерта открывает раздел, где ставится проблема ретроспективы эпохи: исторический фон, носители и механизмы ранних греко-восточных связей. В решении этих вопросов в специальной литературе в последнее время наметился сдвиг в сторону концептуального обобщения накопившегося материала. И если долгое время в ходе археологических раскопок в зоне Эгейского бассейна лишь фиксировались многочисленные находки передневосточного импорта, то в настоящее время все чаще среди этого подчас необъятного материала (ближневосточные изделия из фаянса и стекла просто не поддаются статистическому подсчету) выделяют особую группу предметов, которые по технике исполнения и внешнему виду мало отличаются от собственно греческих, хотя несут на себе очевидный отпечаток подражания ближневосточным прототипам. Это прежде всего касается изделий из слоновой кости, бронзы и керамики. Многие из них являются простыми копиями сирийских, финикийских и кипрских образцов, что дает основание ряду исследователей выдвинуть гипотезу о миграции в IX—VIII вв. определенного контингента восточных ремесленников в Эгеиду⁷. Поддерживая и раз-

Vandoeuvres, 1980. P. 159—199; *Anthropologie des religiösen Opfers. Die Sakralisierung der Gewalt*. München, 1984; *Kekropidensage und Arrhēphoria. Vom Initiationsritus zum Panathenäenfest* // *Hermes*. 1966. 94. S. 175—200; *Greek Tragedy and Sacrificial Ritual* // *GRBS*. 1966. 7. P. 87—121; *Homo necans. Interpretationen altgriechischer Opferritus und Mythen*. B., 1972; *Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche*. Stuttgart, 1977 (далее — GR); *Structure and History in Greek Mythology and Ritual*. Berkeley — Los Angeles — London, 1979 (далее — SH); *Glaube und Verhalten: Zeichengehalt und Wirkungsmacht von Opferritualen* // *Le sacrifice dans l'antiquité*. Vandoeuvres — Genève, 1981. S. 91—125; *Craft versus Sect: The problem of Orphics and Pythagoreans* // *Jewish and Christian Self-Definition*. V. III: *Self-Definition in the Graeco-Roman World*. L., 1982. P. 1—22; *Vom Nachtigallenmythos zum «Machandelboom»* // *Antiker Mythos in unseren Märchen*. Kassel, 1984. S. 113—125, 196—197 etc.; *The Meaning and Function of the Temple in Classical Greece* // *Temple in Society* / ed. Michael V. Fox. Winona Lake, 1988. P. 27—47.

⁵ Burkert W. *Iranisches bei Anaximandros* // *RhM*. 1963. 106. S. 97—134; *idem*. *Rešep-Figuren, Apollon von Amyklai und die «Erfindung» des Opfers auf Cypern*. Zur Religionsgeschichte der «Dunklen Jahrhunderte» // *Grazer Beiträge*. 1975. 4. S. 51—79 (далее — RF); *idem*. *Seven against Thebes: An Oral Tradition between Babylonian Magic and Greek Literature* // *I poemi epici rapsodici non omerici e la tradizione orale*. Padova, 1981. P. 29—48; *idem*. *Literarische Texte und funktionaler Mythos: Zu Ištar und Atrahasis* // *Assmann J., Burkert W., Stolz F. Funktionen und Leistungen des Mythos. Drei altorientalische Beispiele*. Freiburg; Göttingen, 1982. S. 63—82; *idem*. *Götterspiel und Götterburleske in altorientalischen und griechischen Mythen* // *Eranos Jahrbuch*. 1982. 51. S. 355—367; *idem*. *Itinerant Diviners and Magicians. A Neglected Element in Cultural Contacts* // *The Greek Renaissance of the Eighth Century B. C.: Tradition and Innovation*. Stockholm, 1983. P. 115—119; *idem*. *Oriental Myth and Literature in the Iliad* // *Ibid*. P. 51—56; *idem*. *Oriental and Greek Mythology: The Meeting of Parallels* // *Interpretations in Greek Mythology*. L., 1987 (далее — OGM). P. 10—40.

⁶ Burkert W. *Die Orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur*. Heidelberg, 1984 (далее — OE).

⁷ См., к примеру: Boardman. *Op. cit.* P. 150; *idem*. *The Khaniale Tekke Tombs*, II // *BSA*. 1967. 62. P. 63; *Coldstream J. N. Geometric Greece*. N. Y., 1977. P. 289; *Dunbabin*. *Op. cit.* P. 41; *Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B. C.* Edinburgh, 1971. P. 341; *Braun T. F. R. G. The Greeks in the Near East* // *CAH*. V. III: 3. 1982. P. 7.

живая эту гипотезу⁸, Буркерт утверждает, что мобильность ремесленников была весьма типичным явлением для того времени. Достаточно вспомнить в этой связи известный отрывок из «Одиссеи» (XVII. 383—385), где поэт среди представителей странствующих профессий упоминает и ремесленников. И в более позднюю эпоху, во времена Солона, приток иноземных мастеров в Афины (*μετοικίζεσθαι ἐπὶ τέχνῃ*)⁹ воспринимался как нечто обыденное. На древнем Востоке мобильность ремесленников имеет более длительную предысторию, однако масштабы их странствий в значительной мере ограничивались характером восточных империй и государств. Организация ремесленников, согласно Буркерту, носила семейно-клановый характер, подобно «сыновьям ремесленника» (*magē immani*) и «сыновьям литейщика» (*bn nsk*). В Греции же миграции ремесленников могли носить форму более свободного предпринимательства, и, по мнению Буркерта, их сообщества должны были включать в свои ряды представителей восточных этносов, причем именно «мобильность наиболее полно развивается в ориентализирующую эпоху» (OE. S. 28).

Другой не менее мобильной группой посредников между Западом и Востоком были греческие и карийские наемники. Не случайно, видимо, вооружение голиитов конца VIII в. носит столь сильный отпечаток восточной моды, причем наиболее ощутимо влияние урартских и ассирийских прототипов¹⁰. В этой связи Буркерт приводит очень убедительный аргумент в пользу своего тезиса — параллелизм щита «Горгоны», описанного в «Илиаде» и обнаруженного при раскопках Олимпии, с его двойником из Кархемиша (OE. S. 29).

Анализ мобильности населения и общей политической ситуации в Восточном Средиземноморье позволил В. Буркерту прийти к важному заключению о том, что связи Востока и Запада в IX—VIII вв. до н. э. были гораздо сильнее «эгейского койне» эпохи поздней бронзы (OE. S. 114). Этому способствовала ассирийская экспансия в Киликию, на Кипр и Левант, основание финикийцами первых колоний на Западе, проникновение греков на левантийское побережье и начальный этап греческой колонизации Кипра, Италии и Сицилии¹¹. Все эти процессы привели к тому, что, во-первых, не позднее VIII в. определенная часть эллинского населения вступает в интенсивный контакт с Востоком и, во-вторых, благодаря этому именно «гомеловский период» становится подлинно «ориентализирующим» этапом в развитии греческой культуры, и прежде всего религии, искусства и литературы (OE. S. 114).

Одно из кардинальных проявлений «ориентализма» эпохи — заимствование греками финикийского алфавита¹². Согласно Буркерту, заимствование не означало

⁸ OE. S. 15—42.

⁹ *Plut. Sol.* 24. 4. Сущностно близки им, по мнению Буркерта, *οἱ μεταπορεύμενοι τεχνίται* эллинистического времени (OE. S. 26 f.).

¹⁰ Тщательный анализ ближневосточного влияния на развитие всех видов раннегреческого вооружения и оружия содержится в работе: *Snodgrass A. M. Early Greek Armour and Weapons*. Edinburgh, 1964. P. 66 ff.

¹¹ Освещение исторического фона эпохи см. OE. S. 15—19.

¹² Следует отметить, что Буркерт рассматривает проблему формирования греческого алфавита в рамках традиционной теории, решая вопросы о месте, времени и характере заимствования на хорошо известном специалистам материале. Однако компаративные исследования раннегреческого письма и семитских алфавитов показывают, что процесс заимствования никак не мог быть единовременным актом и, — что самое важное, — из одного источника. Так, семитские аналогии греческим буквам древнейших надписей обнаруживаются во всех левантийских зонах. Наряду с четкими финикийскими параллелями (особенно из Библа) для большинства греческих букв, некоторые из них тяготеют скорее к северосирийским (форма греческой *каппы* ближе всего к *каф*, зафиксированной в арамейской надписи из Телль Халафа) или палестинскими (раннегреческая *сам* скорее напоминает написание самарийских остраков) прототипам. С другой стороны, семитские параллели подчас оказываются очень разбросанными во времени отношении. И если для большего числа греческих букв аналогии все чаще обнаруживаются в столь ранних документах, как надпись Ахирара (XI—X вв.), то для других, подобно греческой *мю*, — в надписях IX и даже VIII в. В этой связи, видимо,

рабского копирования начертания финикийских букв, а тщательную переработку семитского консонативного письма для нужд древнегреческой фонетической системы и вместе с этим заимствование передневносточных приспособлений для письма¹³. Так, по мнению автора, в греческом δέλτος совершенно очевидно сохранился семитский корень. Древнейшие приспособления для записи встречаются уже в «Илиаде» (VI. 119—211)¹⁴. Из этого Буркерт делает вывод, что писчая дощечка ближневосточного образца была заимствована греками совместно с алфавитом (OE. S. 33), а также, возможно, не без влияния Востока в Греции стало развиваться искусство записи на пергамене (δερμάτιν). И наконец, с восприятием этих арамейско-финикийских традиций с Востока к грекам приходит само понятие «книга».

Согласно Буркерту, знакомство греков с финикийским алфавитом и культурой письма одновременно означало и знакомство с восточной литературой. В 1981 г. в докладе «Восточный миф и литература в „Илиаде“», прочитанном на симпозиуме «Греческий Ренессанс VIII в. до н. э.», автор предпринял оригинальную попытку нового освещения гомеровского вопроса, предложив дилемму: «Гомер — Восток». Сравнивая текст поэмы с известным аккадским эпосом «Atra-ḥasis», он приходит к выводу не только о восточном влиянии на многие мифологические (в частности, космогонические) мотивы в поэме (так что некоторые сюжеты в ней «прямо восходят к восточному источнику») ¹⁵, но и о почти буквальном «переводе восточного текста» ¹⁶. Этот тезис автора получил наибольшее развитие в третьей главе книги «Ориентализирующая эпоха...» ¹⁷, где Буркерт аргументирует данную идею, анализируя ряд греко-восточных мотивов ¹⁸, басен и даже стилистическое родство восточной и греческой эпик.

В таких мифологических сюжетах, как Διὸς ἀπάτη, «жалоба» Афродиты, «перенаселенная земля» и «семеро против Фив», В. Буркерт обнаруживает прямые параллели с древневосточными мифоэпическими произведениями, подобно эпосу о Гильгамеше, «Atra-ḥasis», «Enuma eliš», причем связь между этими памятниками словесного творчества осуществляется не только за счет случайных контактов, но и благодаря «punktuelle Entlehnung». Насколько далеко заходил процесс заимствования греками древневосточных мифов, свидетельствует множество деталей этимологического и поэтического планов, со всей тщательностью собранные Буркертом. Так, в частности, космогонический миф о перворождении из воды (океана), который впоследствии

следует согласиться с предположением ряда семитологов о том, что контакты греков со всеми областями Леванта и в течение достаточно длительного промежутка времени отразились на характере раннегреческих региональных алфавитов. См., в частности: Isserlin B. S. J. The Earliest Alphabetic Writing // САН. V. III : 1 (1982). P. 816—818; McCarter P. K. The Antiquity of the Greek Alphabet and the Early Phoenician Script. Missoula, 1975; Millard A. K. The Canaanite Linear Alphabet and its Passage to the Greeks // Kadmos. 1976. 15. P. 142; Naveh J. Origins of the Alphabet. L., 1975; idem. Some Semitic Epigraphic Considerations on the Antiquity of the Greek Alphabet // AJA. 1973. 77.

¹³ Чаще всего это были всевозможные приспособления из кожи и дерева, так что археологически они, как правило, не фиксируются (OE. S. 32). Ср. Bossert H. T. Sie schreiben auf Holz // Minoica. 1958. S. 67—79; Howard M. Technical Descriptions of the Ivory Writing-Boards from Nimrud // Iraq. 1955. 17. P. 14—20; Wiseman D. J. Assyrian Writing-Boards // Ibid. P. 1—13.

¹⁴ Эта гипотеза была подробно развита В. Буркертом в его выступлении на симпозиуме «Греческий Ренессанс VIII в. до н. э.: традиции и инновации» в Стокгольме в 1981 г. (Oriental Myth and Literature in the Iliad. P. 51—55).

¹⁵ Ibid. P. 55.

¹⁶ Ibid. P. 53.

¹⁷ Akkadische und frühgriechische Literatur // OE. S. 85—118.

¹⁸ Мотивема, т. е. все структурные элементы того или иного мифа, — термин, предложенный в свое время А. Дандесом, Буркерт широко использует в своих исследованиях по структуре и функциям мифа (SH. P. 7; OGM. P. 12).

Фалес развил в логическое учение¹⁹, по его мнению, восходит своими истоками к «Епύμα еlіš». Теоним морской богини, дочери Океана — Θέτις, Θεούς, Τηθύς, по Буркерту, есть греческая транскрипция аккадского *tīāmtu* (или *tāmtu*) — «море». В аккадском эпосе слово встречается и в форме *tawatu/tāwtu*, что ближе всего соответствует греческой форме Τηθύς, встречающейся у Эвдема (фр. 150) (ОЕ. S. 89).

Не менее показательно в этом плане сравнение В. Буркертом двух идентичных по содержанию сюжетов: «жалобы» Афродиты в «Илиаде» (V. 330—431) и «жалобы» Иштар в эпосе о Гильгамеше (VI. 1—91). Фабула обоих повествований сводится к следующему: Герой (Гильгамеш и Диомед) наносит ранение богине, она обращается на небо к своим родителям с жалобой, однако наталкивается на укеры отца. Не говоря уже о почти буквальном сюжетном совпадении²⁰ фрагментов в обоих эпосах, о переложении восточного мифа на греческую почву свидетельствует специфический подбор действующих лиц: Зевс—Диона—Ану—Анту — Иштар—Афродита, последний теоним часто этимологизируется из тождественного *Ištar — Aštroitit*²¹.

Наряду со значительным влиянием в мифологии и эпике глубинные изменения, согласно Буркерту, происходят в «темные века» во всей религиозной ситуации Эгейского бассейна. В широком смысле кардинальная проблема религиозного развития Греции в XII—VIII вв. — проблема континуитета и дискретности. Убедительным свидетельством преемственности является частичное сохранение микенского пантеона, хотя очевидно, что добрая его половина предается забвению²². Продолжают бытовать многие микенские культуры, в VIII в. возрождаются некоторые микенские черты в иконографии греческих божеств, фиксируется почитание микенских идолов. И тем не менее исследователи гораздо чаще отмечают возникновение «новых» черт в раннегреческой религии²³.

Сосуществование «старого» и «нового», по мнению Буркерта, заметнее всего на Крите и Кипре. Так, в храме Дрероса на Крите использовались хорошо известные по минойским параллелям постаменты в виде скамей для скульптурных изображений идолов, в то время как размещенный в центре святилища очаг для жертвоприношений не имел аналогий в минойской культуре острова (GR. P. 48). Во всей же Греции для «святых» мест характерна либо хронологическая прерывность в несколько столетий (Делос, Дельфы, Амиклы, Элевсин), либо основание геометрического святилища на

¹⁹ Ближневосточные источники идей Фалеса Милетского отмечались уже неоднократно. См., к примеру: *Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy. V. 1. Cambr., 1962. P. 58—64; Walcot P. Hesiod and the Near East. Cardiff, 1966. P. 34.*

²⁰ На сюжетное сходство многих греческих мифов с древневосточными не раз обращалось внимание. Особенно это касается сравнения хеттской и греческой мифологических систем (в частности, ставшее уже хрестоматийным сопоставление мифов о Кумарби и Кроносе). Во всех таких случаях, по мнению Буркерта, следует исходить прежде всего из абсолютного совпадения всех мотивов. Так, к примеру, в хеттском мифе об Ишцупкаш были выделены две хронологические версии — старая и новая, причем последняя удивительно соответствует аполлодоровой версии о схватке Зевса и Тифона. И поскольку греческая легенда помещает мифологическое повествование в Киликии, то, согласно Буркерту, вполне реально предположить «позднехеттское» посредничество между богазкёйскими текстами и источниками Аполлодора. См. SH. P. 7—9, 20—22, 123—142. Ср. OGM. P. 19—24.

²¹ ОЕ. S. 92—95. О различных вариантах индоевропейской и семитской этимологии теонима Афродиты см. GR. P. 408. Not. 18.

²² Исследование Буркертом микенского пантеона по данным линейного письма Б см. GR. P. 43—46.

²³ См. из новейшей литературы об этом: *Coldstream. Op. cit. P. 327—332; idem. Deities in Aegean Art before and after the Dark Age. L., 1977; Detienne M., Vernant J. P. La cuisine du sacrifice en pays grecques. P., 1979; Dietrich B. C. Origins of Greek Religion. B., 1974; Pritchett W. K. The Greek State at War. III: Religion. Berkeley, 1979.*

«новых» местах (Олимпия, Орфия) (GR. P. 49). Буркерту важно доказать, что эти «новые» черты храма подчас восходят к ближневосточным источникам ²⁴.

Несмотря на то что греческий храм является логическим развитием идеи микенских мегаронов, эллинское святилище, как справедливо подчеркивает исследователь, начиная с VIII в. характеризуется «новой» триадой — храм, алтарь, культовое изображение. И если для Греции бронзового времени эта триада во всей ее совокупности не зафиксирована, то для Переднего Востока это сочетание было достаточно типичным явлением. Столкновение этих восточных и ахейских традиций, генезис собственно эллинского феномена могли произойти на Кипре в XII—XI вв. (GR. P. 50 f.). Не случайно, видимо, для геометрической эпохи так характерны вотивные приношения «ориенталистического» образца, типа восточных треножников и котлов (GR. P. 93). Примечательно, что уже в гомеровских поэмах говорится о культовых изображениях богов, а это, по мнению Буркерта, свидетельствует о том, что Гомер отразил религиозную ситуацию в Греции конца геометрического периода (GR. P. 88). Наиболее «восточными» по своему облику были раннегреческие алтари для жертвоприношений и статуэтки божеств.

В специальной литературе не раз отмечалось созвучие между древнегреческим $\beta\alpha\mu\acute{\alpha}\eta$ и семитским $\bar{b}\bar{a}m\bar{a}h$ — алтарь для жертвоприношений (сожжений). В своем внешнем виде они имеют много общего и, — что чрезвычайно важно, — оба они обязательно строились на некотором возвышении ²⁵. Не отрицая в принципе самой возможности семитского заимствования, В. Буркерт все же полагает, что проблему связи между двумя типами сакральной архитектуры нельзя считать окончательно решенной, поскольку греческий $\beta\alpha\mu\acute{\alpha}\eta$ все же имеет определенную индоевропейскую этимологию ²⁶, тогда как происхождение семитского $\bar{b}\bar{a}m\bar{a}h$ неизвестно ²⁷. С такой постановкой вопроса трудно согласиться: нам представляется очень возможным прямое или опосредованное (через Кипр) влияние ближневосточных (в первую очередь ханаанейских) алтарей на раннегреческие. Это, в частности, явствует из того, что греческое $\beta\alpha\mu\acute{\alpha}\eta$ означало добавок и алтарную платформу, что особенно сближает их с культовыми платформами в ханаанейских религиях. Не случайно поэтому использование Геродотом (II. 125) термина $\beta\alpha\mu\acute{\alpha}\eta$ в описании египетских пирамид, форма которых так близка к ступенчатым алтарям, упоминаемым Иезекиилем ²⁸. Заимствование же самого термина могло осуществиться из финикийского, где, как известно, характерно помрачение $\bar{a} > \bar{o}$.

Не без восточного влияния оформлялся на рубеже II и I тыс. до н. э. и греческий пантеон. Многие сюжеты мифов Афины и Геракла имеют четкие и вполне очевидные ближневосточные параллели ²⁹. Более того, рождение ряда мотивов, высказывает предположение Буркерт, связано с заимствованными греками изобразительными «образами». Так, тема борьбы героя со львом и семиголовой змеей, получившая

²⁴ В данном случае речь идет не о ближневосточных параллелях некоторым чертам греческого храма, а именно об источниках. Ряд характеристик греческого святилища, по мнению Буркерта, имеет как эгейские, так и восточные прототипы. К примеру, священное дерево как маркер храма в равной степени соотносится с микено-минойскими и ближневосточными традициями (GR. P. 85).

²⁵ О становлении раннегреческих алтарей см.: *Rupp D. W. Reflections on the Development of Altars in the Eighth Century B. C. // The Greek Renaissance. P. 101—107; Yavis C. G. Greek Altars: Origins and Typology. St. Louis, 1949. Ch. III.*

²⁶ Корень $\beta\alpha$ -(g^ue / oa). См. *Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968. P. 204.*

²⁷ GR. P. 382. Not. 43. Cp. RF. S. 77. Автор, по всей видимости, не признает результатов лексико-этимологического исследования П. Воном понятия $\bar{b}\bar{a}m\bar{a}h$ в ветхозаветных текстах, выявившего семитскую этимологию и полисемантизм термина. См. *Vaughan P. The Meaning of «Bāmā» in the Old Testament. A Study of Etymological, Textual and Archaeological Evidence. Cambr., 1974.*

²⁸ Ibid. P. 53, 76. Not. 66.

²⁹ GR. P. 142, 208—211.

распространение в Греции в IX—VIII вв., в конечном итоге способствовала формированию легенды о подвигах Геракла ³⁰.

Но наиболее отчетливо древневосточные истоки проявляются все же в культах Аполлона и Афродиты. Признавая в целом, что Аполлон был «новым» богом для греков «темных веков» ³¹, Буркерт в принципе отказывается от версии о малоазийском (в частности, ликийском) происхождении Аполлона. По его мнению, в культе Аполлона можно выделить три составных субстрата: северо-западный (дорийский), крито-минойский и сиро-хеттский. Древнейший (догомеровский) теоним Apellon автор связывает с ежегодными собраниями фратрий (ἀπέλλαι), подобно тем, что засвидетельствованы в Дельфах и Лаконии: они выпадали на месяц Apellaios ³². Согласно Буркерту, это характерно для всей северо-западной (дорийской) зоны Эгеиды ³³. С другой стороны, очевидна связь божества с хоровыми гимнами пэанами, уходящими своими истоками в глубь минойской древности Крита (GR. P. 145). Однако лишь дорийскими и критскими традициями невозможно объяснить, почему Аполлон изначально появляется со стрелами и луком. Функции «бичующего» бога и бога-исцелителя, явствующие из первой книги «Илиады», указывают на связь Аполлона с сиро-хеттским Решефом. Святилище Аполлона в Амиклах сохранило семитский теоним Решефа — (A)ṣukal, который, как известно, активно почитался на Кипре ³⁴. С семитскими традициями связано и священное число «семь» в культе Аполлона. Но более всего на восточное происхождение божества указывает иконография его ранних культовых статуэток. Все они восходят к ближневосточному прототипу бога-воителя, причем основная масса находок статуэток этого типа была сделана в сиро-палестинском ареале ³⁵. Остается лишь догадываться, где и когда три составных компонента в культе Аполлона могли переплестись в единый образ ³⁶.

О тождественности Афродиты и Иштар-Астарты писали еще древние авторы, однако до сих пор остаются невыясненными как происхождение самой Афродиты, так и этимология ее имени. В микенских текстах богиня не упоминается: античная традиция указывает на ее кипрское происхождение (Пафос). Археологические исследования на острове не прояснили, а лишь усложнили проблему. Древнейший храм Афродиты в Старом Пафосе археологически датируется XII в., т. е. временем ахейской колонизации города и его округа. В Китионе храм Астарты основывается не ранее 800 г. до н. э. — время финикийского освоения восточного побережья Кипра. И наконец, достаточно известное в пределах острова святилище Афродиты в Амафунте располагалось в зоне абсолютного господства местных традиций. В результате образуются три равновероятных пути генезиса культа Афродиты: микено-кипрский, кипро-финикийский и этео-кипрский. В. Буркерт отстаивает гипотезу, согласно которой оформление культа богини проходит как бы в два этапа, причем на заключительном этапе происходит видоизменение первоначального культа под влиянием финикийских традиций, и поэтому в архаическую эпоху храм Афродиты в Палэпафосе содержит в себе столь многочисленные финикийские черты (GR. P. 152 f.).

³⁰ SH. P. 78—98. О Геракле подробнее см. OGM. P. 14—19.

³¹ В документах линейного письма Б нет четких свидетельств почитания Аполлона, за исключением, пожалуй, фрагмента кносской таблички KN E 842, где re-го-ṛе можно было бы восстанавливать как Apellonei. См. GR. P. 367. Not. 53.

³² Этот тезис подробно обосновывается автором в статье: Burkert W. Apellai und Apollon // RhM. 1975. 118. S. 1—21.

³³ Не случайно, видимо, один из древнейших храмов Аполлона располагался в Терме — центре ежегодных собраний этолийцев (GR. P. 144).

³⁴ М. Шреттер связывал теоним Аполлона с семитским MKL: *amkul > *amq^uul > *ampul > *appul (Schretter. Op. cit. P. 164—169).

³⁵ Весь материал был детально проанализирован Буркертом в его статье: RF. S. 51—79.

³⁶ А вместе с ним культы Лето и Артемиды: GR. P. 145.

Весь комплекс религиозно-культовых заимствований греков с Востока был тесно связан с их носителями. В этой связи В. Буркерт первым предпринимает попытку освещения проблемы влияния на Грецию восточной магии и медицины ³⁷. Буркерт следует Гомеру в определении прорицателей и врачей как представителей странствующих профессий (в этом смысле они представляли собой элиту межэтнического характера). Благодаря их мобильности в Грецию были привнесены знания естественного и магического характера, подобно тому как в VI в. под влиянием странствующих иранских магов формировалась раннегреческая наука и философия ³⁸. Этот аспект этнокультурных контактов Греции и Востока был незаслуженно забыт исследователями.

Институт магов (заклинатели, врачи, гадалы и др.) имел широкое распространение во всех архаических и примитивных обществах, и, как правило, несмотря на некоторые региональные отличия, сущностно был единым. Восточные прорицатели странствовали по всему Переднему Востоку, совершая предсказания при дворах восточных деспотов. Привлечение магов-чужеземцев типично и для греческих полисов ³⁹. Представители этой «*τελευτικὸς καὶ παντικὸς βίος*» образовывали целые кланы прорицателей; отношения между учителями и учениками зачастую придавался семейный оттенок. Так, в Греции широкую известность получили Меламподиды и Иамиды ⁴⁰. По этому же эзотерическому принципу была организована раннегреческая медицина ⁴¹. Не исключена возможность тесного контакта между восточной и западной магией, обмена «профессиональными» знаниями, заимствования (или, скорее, заимствование греками традиций древневосточной магии). Наиболее чувствительными к восточным веяниям, согласно Буркерту, были строительная магия, катартические ритуалы, оборонительная и врачебная магия, экстатическое пророчество, демонология, апотропеизм и гепатоскопия.

Гарусника, судя по сохранившимся источникам и натуральным макетам печени, была широко распространена в Ассирии, Вавилонии, Угарите, Тарсе, Хеттском царстве, Палестине и на Кипре. Но особую популярность это искусство, как известно, получило в Этрурии. В Греции гадание по печени не было господствующей практикой прорицания ⁴². Несмотря на указания в гомеровских поэмах на гепатоскопию, оно, видимо, органически было включено в ритуал гадания по внутренностям жертвенных животных (*θυοκαχός*) ⁴³, что дает основание Буркерту предположить, что это искусство было введено в Эгеиде лишь в самом конце VIII в., на заключительных этапах формирования эпоса и главным образом благодаря установившимся тесным контактам с Кипром и Киликией (ОЕ. S. 50 f.). В подтверждение тезиса о влиянии ближневосточной магии на западную гаруснику Буркерт приводит убедительный список терминологических параллелей, допуская при этом, что сами системы гадания могли быть при этом различными ⁴⁴. В целом же, заключает автор, распространение гепатоскопии

³⁷ В сжатом варианте о результатах своих исследований Буркерт сообщил на симпозиуме в Стокгольме (1981 г.): *Itinerant Diviners and Magicians*. P. 115—119. В расширенном варианте — в виде отдельной главы «Западно-восточная магия и медицина» в монографии «Ориентализирующая эпоха» (S. 43—84).

³⁸ Об этом подробно писал еще М. Вест (Op. cit. P. 239—242).

³⁹ Об одном из них (Ономакрите) Аристотель замечает, что на Крит *ἐπιδημοῦντα κατὰ τέχνην παντικόν* (Pol. 1274a25—28).

⁴⁰ *Herod.* IX. 33—36; *Pind.* Ol. 6.

⁴¹ К примеру, *Ἀσκληπιαδῶν παῖδες*. См. *Bousquet J.* Delphes et les asclépiades // BCH. 1956. 80. P. 579—593.

⁴² Ср. *Plat.* Phdr. 244 d: *τελεώτερον καὶ ἐντιμότερον παντικὴ οἰωνοματικῆς*.

⁴³ Il. 24, 221; Od. 21, 145; 22, 318—323. Античная традиция связывала понятие с именем Tusci (*Dion. Hal.* Ant. I. 30).

⁴⁴ Буркерт в принципе отвергает возможную связь между латинским *haruspex* и идеограммой *НАР*, предлагая на суд лингвистов «курьезную» этимологическую связь между аккадским *tertu* (pl. *terētu*) и *τέρατα* > *Τερεσιᾶς* (ОЕ. S. 52).

является одним из самых показательных примеров культурных контактов в «ориентализирующую» эпоху ⁴⁵.

К той же категории заимствованных ритуалов Буркерт относит и строительную магию. Несмотря на известное однообразие у разных народов ритуальной практики при строительстве ⁴⁶, автор полагает, что в Греции эта магия получает распространение лишь в «ориентализирующую» эпоху, когда мигрирующие с Востока мастера принесли с собой не только технические знания и навыки ремесленных профессий, но и связанные с ними магические ритуалы (OE. S. 55—57).

Исследователь также обращает внимание на удивительное (вплоть до многих деталей) совпадение ритуальных процедур очищения в Греции и на Востоке. Существующая при этом разница, как верно подмечает Буркерт, отвечает культовой специфике обоих регионов и не отвергает в принципе возможного влияния или даже заимствования. Более того, «импорт» религиозных идей в новом социокультурном контексте неизбежно приводит к изменению былых функций заклинаний, молитв и прочих магических процедур катартических ритуалов (OE. S. 61). О том, что греки, заимствуя магический катарсис, стремились максимально подражать своим месопотамским учителям, свидетельствует сакральная терминология, которая нередко создавалась путем простого транскрибирования восточных терминов. Так, по мнению Буркерта, *καθάρσις* восходит к семитскому *qafātu*; *λύματα* и *λύθρον* (от *λύειν* или *λούειν*) — аккадскому *lu' u* (*luw-wu*), а *ἀρά* — буквально от аккадского *arāru* (*arā*) (OE. S. 64). Чрезвычайно показательно в этом плане соотнесение имени известного жреца Артемиды Мунихии в Афинах *Ἐμβαρος* (или *Βάρως*) с общим обозначением в аккадском «прорицателя», «ясновидца» — *bārû*, (OE. S. 74), а также имя злой богини Гелло (*Γελλώ* — Sappho 178 LP) с персонифицированным демоном зла в аккадо-шумерской мифологии — *Gallû* (OE. S. 80).

Влияние восточной медицины на становление греческой врачебной магии в настоящее время наряду с письменными свидетельствами документировано и материально. При раскопках святилища Геры на Самосе в слое VII в. были обнаружены три бронзовые статуэтки, изображающие человека и непропорционально большую по размерам собаку ⁴⁷. Фигурки такого рода, судя по месопотамским аналогиям, приносились «великой исцелительнице» богине Гуле: ее культу было свойственно жертвоприношение собак. Известно также, что собака играла не последнюю роль в культе Асклепия (OE. S. 75). Примечательно, что на острове Анафе Аполлон именовался Асгелатом; ему же был посвящен праздник Асгелея (IG XII. 3. 248—249) ⁴⁸. По мнению Буркерта, налицо очевидная корреляция аккадского *azugallatu* с греческим *Ἀσγελάτας* (OE. S. 76).

Подведем некоторый итог. Из предложенных Вальтером Буркертом и рассмотренных выше конкретных проявлений «ориенталистического» в облике древнегреческой культуры явствует, насколько значительным было влияние Востока на формирование греческой цивилизации. Оно дает о себе знать в ремесле, искусстве, мифологии, религии и даже ранних формах словесного творчества. Это влияние, однако, не всегда было однозначным и в каждом конкретном случае по разному интерпретировалось на греческой почве. В этом смысле, на наш взгляд, можно говорить о нескольких инвариантных моделях восприятия греками восточного наследия.

⁴⁵ OE. S. 53. К числу заимствованных из Месопотамии ритуалов Буркерт относит леканомантию (OE. S. 54).

⁴⁶ Из последних работ об этом см.: Capelle T. Programmatiques zu einer Untersuchung frühgeschichtlicher Bauopfer // Frühmittelalterliche Studien. B.—N. Y., 1985. Bd. 19. S. 498—501.

⁴⁷ Kyrieleis H. Babylonische Bronzen im Heraion von Samos // JDI. 1979. 94. S. 32—48.

⁴⁸ О. Семереньи связывал имя Аполлона Асгелата с хеттским корнем (Op. cit. P. 155).

Калькирование — модель наиболее простого заимствования, когда трансплантируемый материальный или духовный объект в иной социокультурной среде с небольшими изменениями сохранял свой изначальный облик. В этих случаях чаще всего за объектом остается его иноязычное наименование (торгово-ремесленная лексика, катартические ритуалы, вотивные приношения, алтари и т. д.).

Ассимиляция — модель наиболее сложного заимствования, когда перенимаемый объект либо включался в новую динамическую систему культурных связей и значений (а поэтому утрачивал свои первоначальные функции, сохраняя лишь внешнюю оболочку своего образа), либо подвергался сознательному переосмыслению непосредственно в момент заимствования, либо претерпевал лишь частичные изменения своих функций, отвечая новым целевым и культурным установкам (ближневосточные сюжеты и мотивы в раннегреческой вазописи и мелкой пластике ⁴⁹, алфавит, магические ритуалы, ближневосточная фабульная и образная системы, стилистика в греческом фольклоре и эпике и т. д.).

Имитация хотя и промежуточная форма заимствования из всех моделей, но приобрела по своему охвату наибольшую масштабность. Основной механизм имитации — подражание восточной «идее» греческим мастером, будь то кузнец или гончар, аэд или маг, причем в отличие от ассимиляции имитируются лишь внешние характеристики подражаемого объекта. Имитация сама по себе может быть усложненной (подражания литературной форме, подобно басне, или магическим заклинаниям) и упрощенной (подражание керамистов абрису и орнаменту кипро-финикийских сосудов, формотворчество в раннегреческом златокузнечестве и т. д.).

Опосредованное влияние — форма вторичного заимствования. Акт заимствования сам по себе отсутствует, хотя выход к восточному прототипу осуществляется через некий третий объект (упомянутая выше гипотеза о том, как из воспринятых греками с Востока изобразительных сюжетов борьбы героя со львами и змеями позже в Греции выкристаллизовывались Геракловы мифы).

Параллелизм — модель псевдозаимствования, чаще всего связанная либо с неким единым источником, либо с общностью исторического фона культурных процессов (параллелизм многих древнегреческих, хеттских и вавилонских мифов).

Дальнейшие исследования конкретных проявлений влияния Востока и моделей заимствований в греческой культуре с учетом дифференцированных форм адаптации этого влияния, надо полагать, позволят избавиться от сложившихся в историографии двух взаимоисключающих направлений — поборников идеи *ex oriente lux* и убежденных пуристов-эллиноцентристов.

А. Ю. Согомонов

⁴⁹ О греко-восточных иконографических параллелях см. OGM. P. 25—34.

© *Settlement and Society: Aspects of West European Prehistory in the First Millennium B.C.* /Ed. by T. C. Champion and J. V. S. Megow. Leicester Univ. Press, 1985

Изучение культур железного века — одно из традиционных направлений в археологии Европы. С 1824 г., когда были открыты первые погребения вокруг соляных копей близ местечка Гальштат (Австрия), которое и дало название культуре «первого железного века», за последние полтора столетия археологами внесен огромный вклад в изучение «варварских» обществ I тыс. до н. э. Была разработана периодизация же-

лезного века: деление его на гальштатскую (IX—VI вв. до н. э.) и латенскую (V—I вв. до н. э. по шкале памятников Галлии) эпохи, а также внутренняя хронология каждой из них; много сделано в направлении изучения этнической принадлежности данных культур, их генезиса в культурах бронзового века, хотя все эти проблемы далеки от окончательного решения. В целом спорной остается проблема соотношения конкретных археологических культур с этносами доисторической Европы. В этой связи не теряет своей остроты до сих пор и проблема кельтских миграций (первые фазы латена), поскольку пространственное распределение и развитие кельтской культуры далеко не всегда удается связать с миграциями населения. Все эти вопросы обсуждались на археологической конференции «Европейские общества в первом тысячелетии до н. э.», состоявшейся в 1981 г., материалы которой составили большинство статей рецензируемого сборника.

Сборник открывается вступительной статьей Т. Чэмпiona и Дж. Мегоу, которые рассматривают две основные тенденции в европейской археологии железного века. Одна из них — это дальнейшее накопление археологического материала, изучение мельчайших деталей культур, разработка типологий локальных вариантов и т. д. Другая тенденция — это стремление археологов выйти на фундаментальные проблемы общественного развития Европы эпохи железного века, рассмотрение исторического прошлого современных европейских народов во всей его полноте, включая социальный, экономический и политический аспекты, а также развития религиозных представлений и искусства. Однако, как справедливо отмечают авторы введения, эти две тенденции могут быть в полной мере реализованы лишь при условии взаимного обогащения (с. 1—8).

Статьи сборника могут быть сгруппированы в соответствии с этими двумя тенденциями. Так, одна группа статей продолжает публикации богатого фактического материала, уточняя ряд параметров археологических культур железного века.

Статья Х. Лоренца посвящена проблемам региональных отличий культурных комплексов раннего латена (фаз А и В) двух районов Галлии: бассейна Марна и Мозеля и междуречья Рейна и Дуная (с. 109—122). Сопоставление археологического материала этих двух регионов позволяет не только выявить локальные различия между ними, но и проследить некоторые аспекты развития раннелатенского общества, поскольку рассматриваемые Лоренцом комплексы различаются и хронологически: первый складывается к началу V в., в то время как второй — на рубеже V и IV вв. до н. э. Сопоставление, основанное на анализе многочисленных погребений, охватывает следующие элементы погребального инвентаря: оружие, одежду и украшения. Рассмотрение этих компонентов позволяет автору зафиксировать мельчайшие изменения погребального обряда и выявить основные черты его развития в эпоху раннего латена, а именно резкое уменьшение количества предметов роскоши и заметное увеличение роли оружия в погребальном обряде этой переходной эпохи. Этот материал тем более ценен, что Восточная Галлия демонстрирует непрерывность, преемственность слоев верхнего гальштата и раннего латена, что позволяет в полной мере использовать результаты работы Х. Лоренца при рассмотрении проблем перехода кельтского общества от «первого» ко «второму» железному веку.

Сходной, чисто археологической проблематике посвящены статьи Ж.-П. Демоя, М. Уетта и Б. Стьеркист. В работе первых двух авторов рассматривается развитие культур в Северной Франции в I тыс. до н. э. (на материале погребений и поселений долины реки Эна), причем особое внимание уделяется анализу преемственности слоев бронзового века и гальштата, с одной стороны, и гальштата и латена — с другой (с. 192—221). В статье Б. Стьеркист сделана попытка осуществить моделирование поселений железного века Южной Скандинавии, дошедшие до нас материальные остатки которых могут быть представлены как совокупность экологических факторов и факторов жизнедеятельности (с. 223—238). Подобный подход представляется перспективным, поскольку позволяет выйти на проблемы общественного развития, хотя результа-

ты этой работы следует признать в настоящий момент предварительными с точки зрения задачи исследования — реконструкции европейского доисторического общества.

В целом эта группа статей продолжает традиционное детальное изучение остатков материальной культуры прошлого. Материал изложен в высшей степени добросовестно; тексты статей сопровождаются многочисленными диаграммами, иллюстрациями, типологическими шкалами. Однако изучение археологических памятников остается для авторов пока главной задачей, в то время как проблема общественных отношений ими даже не всегда ставится, а лишь упоминается как одна из нерешенных. Исключение составляет статья Б. Стьернист, которая содержит важные методологические принципы археологического подхода к обществам прошлого. По ее мнению, конкретный социальный организм представляет собой систему, развитие которой может быть представлено как взаимодействие с другими подобными системами, с одной стороны, и с экологическими системами — с другой. Статья представляет собой развернутую исследовательскую программу, основанную на этих принципах. Как подход, значительно отличающийся от традиционных, он, несомненно, очень интересен, хотя его принципы позволяют лишь описать развитие данной общественной системы относительно других, а не определить его качество. Кроме того, реализация этого подхода затруднена в каждом конкретном случае, поскольку требует дальнейшей разработки, вплоть до мельчайших подробностей, шкалы природных изменений четвертичного периода.

Другая группа статей посвящена вопросам развития ремесла и торговых взаимоотношений. Так, материалы культуры раннего железного века в Центральной Европе, как убедительно показала в своей статье С. Чэмпин (с. 133—160), демонстрируют высокий уровень развития ремесла как в технологическом, так и в социальном отношении — ремесленники явно выделяются в особую прослойку, что видно по данным погребального обряда. Анализ обмена позволяет автору еще раз подчеркнуть характер переходного периода от гальштатской культуры к латенской и прийти к заключению, что заметная демократизация общества является основной тенденцией социального развития в этот период. Особенно ярко это заметно на импортном материале: в верхнегальштатский период наблюдается концентрация его в руках «княжеских» фамилий, а в более позднее время он становится доступным, как отмечает С. Чэмпин, всем членам общества.

Важность изучения этого аспекта побуждает исследователей обращаться к импортному материалу и, шире, к торговым отношениям со Средиземноморским миром. Эта проблематика освещена в статьях П. С. Уэлса «Средиземноморская торговля и культурные изменения в Центральной Европе раннего железного века» (с. 69—89) и М. Дж. Фулфорда «Римский материал в варварских обществах 200 г. до н. э.— 400 г. н. э.» (с. 91—108). Анализ импортного материала, во-первых, позволяет уточнить абсолютную хронологию европейских памятников, а кроме того, является своеобразным индикатором социальных изменений в обществах того периода. Действительно, с одной стороны, вовлечение среднеевропейских «варварских» обществ в активные торговые отношения с античным миром указывает на значительное увеличение избыточного продукта, а с другой — развитие этих отношений высвечивает социальную дифференциацию в «варварской» среде, поскольку в обмен на скот, рабов и т. д. импортировались в основном предметы роскоши и сырье для них. В целом авторы этих статей рисуют следующую картину социальных изменений в Средней Европе на протяжении железного века. Примерно в VIII в. до н. э. в Европе наблюдается достаточно быстрый подъем ремесленного производства и торговли, связанных с обеспечением предметами роскоши (имевшими, по-видимому, помимо культового и престижного значения) «княжеских» фамилий гальштатской культуры. Это была количественно, очевидно, весьма незначительная прослойка, политически обособившаяся (о чем свидетельствуют, в частности, укрепленные «княжеские усадьбы» или «замки» верхнегальштатского периода) от остального населения. Собственно кельтское ремесло в этот период, хотя

и достигает высокого мастерства, обслуживает по преимуществу эту элиту. На это же указывает и импорт, греческий и этрусский, имевший также, очевидно, престижное значение для элиты гальштатского периода. Ситуация меняется в эпоху кельтских миграций (первые фазы латена) и сразу после них, когда импорт вещей из Этрурии и греческих колоний постепенно сменяется римским, становится гораздо более массовым и в меньшей степени ориентированным на элиту. Ремесленное производство в эпоху латена стандартизируется, а с постепенным вовлечением Кельтики в систему римских провинций приобретает элементы товарного, что обуславливает тенденции к урбанизации. Подобную картину подтверждает и материал статьи Дж. Мегоу, посвященной вопросам генезиса латенского орнаментального стиля, который восходит к аристократическим формам западногальштатской области (с. 161—191).

Авторы этих статей вплотную подходят к проблеме кельтского общества и его эволюции, хотя археологический материал в силу своей специфики нелегко поддается социальной интерпретации, как справедливо отмечает автор статьи «Критические замечания о ремесленной специализации и социальных комплексах» Д. А. Челборк (с. 123—131). Соглашаясь в целом с распространенным мнением, что специализация ремесла, выражающаяся в стандартизации его продуктов, свидетельствует о тенденции к стратификации общества, автор этой статьи предостерегает от излишне прямолинейного использования этой схемы по отношению к конкретному материалу. Прежде всего конкретная культура может дать более сложную зависимость этих трех параметров (стандартизация, специализация и стратификация), а кроме того, вывод о расслоении общества сам по себе еще мало что говорит о характере дифференциации, так как лишь констатирует этот процесс. Это справедливое замечание может быть отнесено и ко всем статьям этой группы. И орнаментальный стиль, и престижные предметы греческого и этрусского происхождения, и архитектура, как убедительно показали эти исследователи, несомненно свидетельствуют об аристократическом характере общества, о присутствии значительно обособившейся элиты. Авторы указывают на динамический характер этой социальной ситуации: апогей развития элиты приходится на последние фазы гальштата, после чего происходит обратный процесс. Однако они не идут дальше констатации этого процесса, хотя его социальная интерпретация может быть совершенно различной.

Статья Д. А. Челборка является своеобразным мостком к другой группе работ, которые непосредственно посвящены анализу социальных процессов в Средней Европе в I тыс. до н. э. и, в частности, в кельтских обществах. Как уже отмечалось, археологические данные, ярко демонстрирующие материальную культуру прошлого во всем ее разнообразии, в значительной степени лишь условно поддаются анализу с точки зрения социальных отношений исследуемого общества. Большое значение имеет сопоставление археологических материалов с другими видами исторических источников, в том числе с письменными. Проблема отражения в письменных источниках социальных институтов обществ Средней Европы I тыс. до н. э. посвящена статья Т. Чэмпiona «Письменные источники и изучение европейского железного века» (с. 9—22). Автор этой статьи справедливо указывает на господствующий односторонний подход к письменным источникам, в частности к античным свидетельствам, который, однако, во многом опирается на традицию греческой и римской историографии. Вслед за античными авторами, писавшими главным образом о политической истории «варварских» народов Европы и о взаимоотношениях их с античным миром, археологи направляли свои усилия на обнаружение в остатках материальной культуры следов военных походов и миграций народов (например движения кельтских племен в Италию и Британию), на выявление соотношения этнической карты Европы в том виде, в каком она представлялась авторам античности, с локальными вариантами гальштатской и латенской культур, но в меньшей степени — на рассмотрение археологического материала в свете сведений древних авторов об общественном устройстве и этнографии «варварских» обществ. Утрата многих текстов, значительная степень тенденциозности

большинства античных сообщений — все это ведет к неизбежной фрагментарности сведений о народах Европы той эпохи, что, однако, не снижает их значения для анализа социальных отношений и политических институтов варварских обществ. По мнению Т. Чэмпiona, материалы письменных источников представляют общественный строй европейских народов того периода в виде племенных образований с высокоразвитой королевской властью, которая опирается на личный авторитет и силу, а также на систему клиентных отношений и патроната. Т. Чэмпion называет такие общества «ведждаствами» (chiefdom), опираясь главным образом на этнографические параллели. Большую роль в этих общественных организациях играют также связи между группами кровных родственников (lineage), отношения родства и свойства. Важное значение имеет также институт усыновления (fosterage). Обобщенный таким образом материал письменных источников, как полагает Т. Чэмпion, может быть положен в основу предварительной гипотезы для исследования социальной структуры, системы жизнеобеспечения (livelihood) и политических институтов «варварских» обществ и их истории при помощи данных археологии.

Подобный путь исследования предлагает и Л. Паули, автор статьи о социальных процессах в переходную эпоху между гальштатской и латенской культурой. Отталкиваясь от сообщений Плиния Старшего, Ливия и Помпея Трога о первой волне вторжений галлов в Италию во время Тарквиния (VI в. до н. э.), Л. Паули анализирует начальный этап кельтских миграций, пытаясь интерпретировать его с точки зрения процессов в самой кельтской среде. Выделяя этнический, лингвистический и социальный аспекты этих процессов, Л. Паули исследует последний, пытаясь соотнести развитие кельтского общества с существенными сдвигами в материальной культуре (значительное изменение погребального обряда, увеличение числа находок оружия, появление новых мотивов в орнаменте и др.). Определяя гальштатское общество как «бесспорно феодальное» (признаками которого автор считает основанное на военной силе господство нескольких семей над племенем), Л. Паули сравнивает переходную эпоху между гальштатом и латеном с эпохой Реформации в Европе XVI—XVII вв., в частности, с эпохой Тридцатилетней войны. При этом гибель аристократического и консервативного общества верхнего гальштата рассматривается им в контексте ситуации в Средиземноморье, где примерно в это же время происходит падение тирании в Афинах и царской власти в Риме. Эти аналогии позволяют автору прийти к заключению, что обострение социальной ситуации в Средней Европе гораздо в большей степени способствовало повышению внешней активности кельтского общества, чем традиционно отмечаемый демографический фактор.

Статья Д. Наша «Кельтская территориальная экспансия и средиземноморский мир» (с. 45—67) продолжает это направление. По мнению исследователя, основной тенденцией в развитии кельтов в Галлии в VI—V вв. до н. э. является становление так называемых «военизированных обществ» (warrior societies). Этот процесс превращения западногальштатских княжеств в «военизированные общества» был обусловлен спецификой развития социальных отношений в кельтской среде. Д. Наш выделяет два основных этапа в становлении того кельтского общества, которое позже становится одним из основных внешнеполитических факторов развития Италии. Первый этап составляет выделение в среде «западногальштатских королевств» отдельных образований военизированного типа. Этому способствовало обособление скотоводческой (пастушеской) части кельтских племен, территориально подвижных и заинтересованных в развитии военных и торговых отношений с соседями и со Средиземноморьем. Именно они выступают инициаторами набегов за скотом и рабами, а также дальних походов и наемничества. В VI в. центрами формирований таких обществ являются Шампань и Среднерейнская область. В последующее столетие (второй этап) «военизированные общества» вовлекают в орбиту военно-политических отношений большинство гальштатских княжеств Галлии. В этот период походы начинают преобладать и стабильные отношения с античным миром сменяются состоянием перманентной войны.

Таким образом, несмотря на широкий тематический охват (I тыс. до н. э.), проблематика сборника концентрируется все же на итоговых аспектах этого периода, а именно, на переходной эпохе между гальштатом и латеном. Эта эпоха интересна не только ярким археологическим материалом, публикацию которого продолжает этот сборник статей, но и чрезвычайно сложными и противоречивыми социальными процессами, во многом определившими ход истории в Средней Европе в последующие столетия. Постановка проблемы становления европейского общества является несомненной заслугой авторов сборника. Необходимо, однако, остановиться на тех их положениях, которые представляются спорными. Они относятся главным образом к трактовке характера социальных отношений. Так, совершенно не аргументировано использование Т. Чэмпионом этнологической терминологии (*lincsage*, *chiefdom*) для характеристики европейских обществ того периода. Немногочисленные свидетельства античных авторов не позволяют обосновать правомерность ее использования в приложении к изучаемому материалу, и поэтому эти термины теряют присущую им в работах западных этнологов конкретную определенность, сводя социальные обобщения Т. Чэмпиона к аналогиям обществ европейского железного века с рядом архаичных обществ современности. Эта аналогия содержит, несомненно, рациональное зерно, но из-за недостаточной аргументированности является в значительной степени условной и произвольной. Очевидно, в данном случае метод аналогий имеет ограниченные познавательные возможности, поскольку он позволяет одному автору увидеть аналогию уровню развития социальных отношений у кельтов в предклассовом обществе (Т. Чэмпион), а другому — в средневековом европейском (Л. Паули). Условность социальных реконструкций неизбежна при фрагментарности письменных источников, но в данном случае результаты реконструкции можно признать в лучшем случае лишь предварительными. Бесспорной остается пока лишь актуальность проблемы социального развития древнего европейского, в том числе и кельтского, общества. Поставленная еще раз со всей остротой в сборнике «Поселение и общество», эта проблема имеет в перспективе своего решения, с одной стороны, дальнейшее изучение археологических материалов, в частности, в направлении, намеченном Б. Стьерникст, а с другой — более комплексное привлечение кельтского наследия, среди которого особое место занимает ирландская традиция, на недостаток изученности которой с этой точки зрения справедливо обращает внимание Т. Чэмпион (с. 11).

Н. В. Скорин-Чайков

© *The Sabaean Archaeological Complex in the Wādī Yālā (Eastern Hawlān at-Tiyāl, Yemen Arab Republic). A Preliminary Report/Ed. by A. de Maigret/IsMEO. Reports and Memoirs. XXI. Roma, 1988*

В изучении древнеюжноаравийской цивилизации все более заметное место начинает играть археология. Многие «белые пятна» истории и истории культуры Южной Аравии постепенно исчезают во многом благодаря все более расширяющимся археологическим исследованиям. XXI том «Reports and Memoirs», выпускаемых Итальянским Институтом Среднего и Дальнего Востока (IsMEO), посвящен работам Итальянской археологической миссии в Йеменской Арабской Республике. Издание осуществлено под редакцией директора Миссии проф. А. де Мегрэ и должно открывать собой серию публикаций, в которых будут отражены результаты ее деятельности.

Уже публикация предварительных отчетов о работах итальянских археологов в ЙАР, помещенных в нескольких номерах журналов «East and West» и «Oriens Anti-

quus»¹, вызвала огромный интерес, поскольку ими, как правило, вводился в научный оборот новый материал, нехватку которого остро ощущают специалисты. Несомненный интерес представляет и рецензируемый сборник, содержащий результаты исследований в районе вадии Йала — важного нового археологического комплекса, способного пролить дополнительный свет на историю периода «мукаррибов Саба». Сборник открывают два кратких введения — Д. Ньюли (с. IX—XIII) и А. де Мегрэ (с. XV—XVIII), в которых вкратце излагаются соответственно предыстория и общее значение открытия в вадии Йала. Далее в него включены выполненный А. де Мегрэ обзор археологических памятников в вадии Йала (с. 1—20), представленное Г. Гарбини исследование эпиграфических памятников из Ши'б ал-'Акл, ал-Джафна и Йала ад-Дурайб (с. 21—40), исследование трех новых сабейских терминов в надписях из Ши'б ал-'Акл, выполненное М. ал-Эрйани (на араб. яз., краткое резюме на англ. яз. — с. 41—44); статья Б. Марколонго и А. М. Пальмисери относительно эволюции окружающей среды и условий обитания в вадии Йала (с. 45—52), сопровождаемая краткой заметкой А. Лентини о результатах палинологических анализов проб, взятых из почвы в вадии Йала (с. 52—53). Сборник снабжен великолепными таблицами и фотографиями, а также параллельным арабским текстом.

В предлагаемой рецензии хотелось бы прежде всего и главным образом остановиться на обзоре археологических памятников из вадии Йала. Этот комплекс, относящийся, по мнению авторов сборника, к так называемому «периоду мукаррибов Саба», расположен в 45 км на юго-запад от Мариба и делится на три группы.

Первая группа — Ши'б ал-'Акл — находится на возвышенной части северного склона горы Джабал ас-Сахл. На террасах этой горы располагаются два комплекса сооружений — «верхний» и «нижний». Все строения здесь возведены непосредственно на скальном материке с умелым использованием рельефа местности, со всякого рода подтесами и выемками как естественного происхождения, так и искусственно сделанными древними строителями. Здания строились на высоких каменных цоколях. Кладка стен состоит из горизонтально сложенных рваных гранитных блоков без применения скрепляющего раствора. В одном из зданий хорошо сохранились лестница и дверной проем, ведущие в вестибюль, а также три окна первого этажа.

Автор публикации называет остатки строений в Ши'б ал-'Акл «виллами», при этом не исключает возможности и их культового назначения. Так, в «нижнем» комплексе выделяются остатки сооружения на одной из платформ. Размеры строения — 17 × 21 м; с юга, севера и запада оно обнесено стенами, сооруженными на террасах, а с восточной в качестве стены использована скала. Форма и структура этого комплекса, по мнению А. де Мегрэ, напоминают здание 5, исследованное Французской археологической миссией в Джабал ал-Лауз². О культовом назначении могут свидетельствовать известняковые базы колонны, характерные для храмовых строений этого региона, а также остатки какой-то каменной обкладки овальной формы, напоминающей погребение. Неподалеку от предполагаемого храмового сооружения обнаружены два отдельно стоящих маленьких дома, примерно одинаковых по планировке и размерам (6,6 × 11,5 м и 5,75 × 12,6 м), — по-видимому, жилого назначения.

Как «верхний», так и «нижний» комплексы сооружений Ши'б ал-'Акл представляют собой скорее всего весьма распространенный в Южной Аравии тип отдельно стоящих групп построек, объединяющих в себе здания жилого, хозяйственного и культового назначения. Для сравнения можно привести пример отдельно стоящих комплексов в вадии Дауан на территории древнего Хадрамаута (Райбун-V, Райбун-VI

¹ Предварительное сообщение об археологических находках в вадии Йала было сделано А. де Мегрэ на конференции, организованной Посольством Италии в Санае в октябре 1985 г.; см. «Activities and Discoveries of the Italian Archaeological Mission in the Yemen Arab Republic — Cooperation Years 1983—1985».

² Robin Ch., Breton J.-F. Le sanctuaire préislamique du Gabal al-Lawd (Nord-Yemen) // CRAIBL. 1982. P. 595. 621. Fig. 10—12.

и др.). Разница лишь в том, что в строительстве зданий в Ши'б ал-^сАкл применялся только камень в отличие от сооружений в долинах, где каменными были лишь цоколи и — изредка — облицовка стен из сырцовых кирпичей (в основном в храмах). При этом каменные цоколи на поселениях типа Райбун появляются на самом последнем этапе их существования.

В пятистах метрах ниже по течению вадии Каука на равнине Джафна расположена вторая группа памятников. Здесь найдены остатки каменной дамбы длиной до 350 м и толщиной в 2 м. С юго-запада к дамбе примыкает небольшое укрепленное поселение прямоугольной формы (размер 65×70 м). Толщина стен достигает 0,8—1 м. Все пространство внутри поселения делится на две части длинной каменной стеной. Весь облик этого поселения, а именно — замкнутость довольно большой по площади территории, защищенность ее высокими и толстыми стенами с хорошо укрепленными воротами, как будто указывает на его функциональное назначение как некоего форпоста, возможно, и военного, и торгового по характеру. Такого же типа укрепленное поселение обнаружено западнее ал-Джафна, там, где вадии Ши'б ал-^сАкл расширяется и сливается с вадией Йала. Поскольку это поселение построено на естественном холме и доминирует над всей ближайшей округой, А. де Мегрэ выдвигает предположение, что оно могло быть резиденцией местной администрации, хотя сам признает гипотетичность подобного предположения.

В ал-Джафна также имеются остатки отдельно стоящих групп малых и больших строений. Многие из них (около 20) остаются пока неисследованными. Несмотря на различия в их размерах все они определяются автором публикаций как «виллы», связанные с интенсивным использованием равнинной части южнее дамбы (между Джафной и Йала) под сельскохозяйственные угодья.

Третья группа памятников расположена в маленькой равнине, скрытой между вадии Каука и вадии Йала, к востоку от Джабал Савад. Здесь выделяются остатки довольно крупного городища ад-Дурайб/Йала, окруженного системой холмов и застройкой современных деревень. В плане городище подтреугольное, с ориентацией углов на восток, северо-запад и юг. Площадь его составляет около 23 тыс. м², а общая протяженность оборонительной стены — 580 м. Стены построены из двойного ряда сложенных горизонтально необработанных блоков и, по мнению автора, относятся к трем периодам. Наиболее ранние стены определяются как раннесабейские (толщина у основания 2,5—3 м), позднее пристраиваются стены с пилонами, продолжающие функционировать и в исламское время, когда строится башня (размер 6×8 м), открытая на северном участке. Третий период связан с современной застройкой и домом, в котором при строительстве использовали некоторые ранние каменные блоки, в том числе с надписями.

Интересна сама система развития фортификации этого, по мнению А. де Мегрэ, древнего сабейского города. Первоначально городище не было обнесено сплошной оборонительной стеной и на отдельных участках функции обороны возлагались, вероятно, на дома башенного типа, что характерно и для тех поселений, которые не имели оборонительных стен. По мере расширения площади застройки городища, строительства здесь не только жилых, но и общественных зданий, а также превращения его в стратегически важный пункт возникла необходимость более надежной оборонительной системы. К сожалению, полная стратиграфическая картина городища ад-Дурайб/Йала остается неясной до проведения археологических раскопок, которые автор надеется осуществить здесь в ближайшие годы.

Собранный с поверхности археологического комплекса в вадии Йала материал представлен только керамикой, насчитывающей 626 фрагментов (исключение составляет глиняная фигурка верблюда из ад-Дурайб/Йала). Сравнение ее с находками из других памятников Южной Аравии показывает, что в этом ареале бесспорно существовала единая традиция изготовления керамики несмотря на присутствие отдельных сугубо местных модификаций. Во многом благодаря работам Советско-йеменской компи-

лексной экспедиции наиболее изученной сегодня керамикой является найденная в районе древнего Хадрамаута, в частности — на городище Райбун. Однако поскольку основная часть материалов СОЙКЭ находится еще в стадии обработки и предварительной публикации³, А. де Мегрэ сравнивает керамику из вадии Йала со стратифицированными керамическими комплексами из Хаджар бин Хумейда (на территории древнего Катабана) и раскопок Г. Кэтон-Томпсон близ Хурейды (Хадрамаут).

Необходимо отметить, что практически все формы керамики из вадии Йала имеют свои аналогии в материале из Райбуна. Наиболее ранними из них являются фрагменты красноощепенных сосудов с одним (fig. 21 : 1—3) или двумя (fig. 21 : 5—6) валиками ниже края, которые на Райбуне встречаются в нижних слоях участка II и сопровождаются оригинальной расписной керамикой с изображением козлов, страусов и пр. Этот слой («нижний») на Райбуне по радиоуглеродному анализу, проведенному в ЛО ИА АН СССР, датируется 700 ± 160 гг. до н. э. Но наиболее массовый материал из ад-Дурайб/Йала — чаши и миски с тремя узкими канавками ниже края (fig. 18 : 1—4; 5—7), характерные для всего так называемого «среднего» слоя Райбуна (по C_{14} он датируется в пределах 500 ± 200 гг. до н. э.). К этому же слою относятся несколько фрагментов ваз, аналогии которым известны из доаксумской Эфиопии (fig. 23 : 10—15).

Конечно, радиоуглеродная датировка античных слоев весьма условна, однако, не имея иных надежных критериев, А. де Мегрэ вынужден ссылаться на нее. Сравнивая керамику из вадии Йала с керамикой из Хаджар бин Хумейд, датированной по C_{14} в двух лабораториях США, он относит гибель поселений в вадии Йала к VI—V вв. до н. э., хотя некоторые ранние типы датируются и VIII—VII вв. до н. э. Как мы видим, эти датировки почти не расходятся с райбунскими⁴. Некоторое сомнение вызывает только утверждение о том, что первое поселение на Хаджар бин Хумейде возникло в XI—X вв. до н. э. С другой стороны, можно с уверенностью констатировать, что в керамике из вадии Йала нет ни одного образца позднерайбунских сосудов, например, характерных для так называемого «цокольного» периода массивных зиров с широкими венцами и с нанесенными до обжига буквами, датируемых III—I вв. до н. э., а возможно — I в. н. э. Это обстоятельство, а также датировка эпиграфического материала в основе своей VIII—V вв. до н. э. заставляют нас согласиться с предлагаемой авторами публикации характеристикой поселения вадии Йала как памятника периода *мукаррибов* Саба⁵.

Вопросы хронологии памятников древнего Южного Йемена, безусловно, требуют еще дальнейших уточнений, как, впрочем, и многие другие вопросы, связанные с городами и сельскими поселениями на этой территории. Мы уже отмечали типологическое сходство отдельно стоящих комплексов сооружений в Ши^б ал-^сАкл и ал-Джафна с памятниками типа Райбуна. Большое количество надписей из вадии Йала относительно царской и ритуальной охоты позволили выдвинуть еще одно предположение о функциональном назначении этих комплексов как сезонных пристанищ для охоты. Крупные усадьбы с огороженными большими дворами, располагавшиеся ниже гор и вблизи долин, были сельскохозяйственными поселениями, а городища типа ад-Дурайб — хозяйственно-административными центрами округа. Подобно другим центрам, особенно в приграничных областях, такие городища должны были иметь развитую фортификационную систему.

Таким образом, можно выделить три физико-географические зоны, в которых расположены поселения в вадии Йала: горная (Ши^б ал-^сАкл), предгорная (ал-Джафна) и равнинная (ад-Дурайб/Йала). А. де Мегрэ предполагает и культовое назначение скальных комплексов Ши^б ал-^сАкл, в то время как поселения в ал-Джафне были чисто хозяйственными. Нам представляется, что подобное четкое функциональное

³ См. ВДИ. 1989. № 2. С. 128—169.

⁴ Там же.

разграничение поселений не совсем верно. Скорее всего памятники вадии Йала необходимо рассматривать как единое целое. Вокруг одного крупного поселения концентрировались более мелкие и даже единичные комплексы, составляя при этом единый организм как хозяйственного и жилого, так и культового назначения. В зависимости от конкретных географических условий каждого района определялся и род хозяйственной деятельности населения (охота, скотоводство, земледелие и пр.).

Завершая краткий обзор работ итальянских археологов в вадии Йала, необходимо подчеркнуть, что они несомненно заслуживают самого пристального внимания специалистов, притом не только археологов, но и (может быть, даже в большей степени) эпиграфистов, поскольку публикации двумя исследователями — Г. Гарбини и М. ал-Эрйани целой серии наскальных надписей дают значительный новый материал по истории и культуре древней Южной Аравии.

А. М. Акopian

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА, ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1986 г.*

1. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ. УЧЕБНИКИ. PERSONALIA. РАЗНОЕ. РЕЦЕНЗИИ

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

1. Античная литература. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / А. Ф. Лосев, Г. А. Союкина, А. А. Тахо-Годи и др.; под ред. А. А. Тахо-Годи. 4-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1986. 464 с.
2. Античный мир и археология. Межвуз. научн. сб. / Редкол.: В. Г. Борухович (отв. ред.) и др. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1986. Вып. 6: Проблемы экономики, политики и культуры античных государств. 146 с.
3. Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / Под ред. Я. М. Боровского. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1986. 959 с.
4. Биляк А. М., Биляк Я. М. Роль мифа в формировании научной картины мира // XXVII съезд КПСС о роли фундаментальной науки в ускорении научно-технического прогресса. Уфа, 1986. С. 90—93.
5. Васильева Л. И., Окатова Л. М. Пособие по латинскому языку для студентов-стоматологов. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Вышэйт. шк., 1985. 224 с.
6. Вулик Н. В. Античный сад // Декор. искусство СССР. 1986. № 2. С. 41—45; № 3. С. 40—44.
7. Габитова Р. М. Античность в просветительской и романтической философиях культур // В № 37. Ч. 2. С. 9—12.
8. Гарнцев М. А. Проблема самосознания в античной и раннесреднековой европейской философии (Аристотель, Платон, Августин) // Историко-фило-

- софский ежегодник, 1986. М., 1986. С. 48—68.
9. Герцман Е. В. Античное музыкальное мышление. Исследование. Л.: Музыка, 1986. 224 с.
10. Гончарова Н. А. Латинский язык. Учеб. для ист. фак. ун-тов. Минск: Университетское, 1986. 344 с.
11. Гросс Л. П. и др. Учеб. латинского языка. Для студентов мед. фак. / Л. Гросс, Р. Клейс, Ю. Торпатс. 3-е изд. Таллин: Валгус, 1986. 278 с. [Часть текста парал.: эст., рус.]
12. Гуторов В. А. Методологические принципы научной интерпретации социальных утопий древнего мира // Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. Новосибирск, 1986. С. 170—189.
13. Дanelia С. И. Очерки из истории античной и новой философии / Авт. вступ. ст. Э. Кодуа, Н. Солод. Тбилиси: Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1986. 431 с. Рец. Тезадзе Г. Видный историк философии // Коммунист Грузии. 1986. № 11. С. 93—95.
14. Дерюгин А. А., Лукьянова Л. М. Латинский язык. Учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» 2-е изд. М.: Высш. шк., 1986. 295 с.
15. Джохадзе Д. В. Марксистско-ленинская методология исследования истории античной и средневековой философии // В № 37. Ч. 1. С. 10—17.
16. Домашнев А. Д., Дроздова Т. Н. Из глубины веков. О памятниках искусства древнего мира. М.: Мол. гвардия, 1985. 191 с.
17. Донченко А. П. Становление диахронного подхода к нравственной жизни человека в античной философии // В № 37. Ч. 1. С. 50—54.
18. Дьяконов И. Откуда мы знаем, когда это было // Наука и жизнь. 1986. № 5. С. 66—74.

* Указатели литературы, опубликованной в 1962—1985 гг., см. ВДИ. 1967. № 1 и № 3; 1969—1973. № 4; 1974. № 1 и № 4; 1975—1977. № 4; 1978. № 1 и № 4; 1979—1982. № 4; 1984. № 1 и № 4; 1985, 1986 и 1987. № 4. Работы, вышедшие до 1986 г., но не учтенные в предыдущих выпусках, см. под № 5, 16, 22, 23, 25, 42, 46, 49, 56, 57, 71, 72, 76, 100, 131, 138, 166, 175, 190, 225, 232, 242, 248, 257, 265, 266, 274, 276, 277, 281, 298, 309, 315, 339, 343, 345, 355, 367, 376, 403, 416, 444, 448, 494, 555, 561, 565, 630, 633, 634, 663, 676, 680, 717.

19. *Ермолаев И. А., Захаров А. А.* Миф и мифологическое сознание (По материалам беседы за «круглым столом» на тему «Жизнь мифа в античности» в ГМИИ им. А. С. Пушкина) // ВФ. 1986. № 7. С. 149—153.
20. Из истории античного общества. Межвуз. сб. Горьков. гос. ун-та / Редкол.: В. М. Строгачев (отв. ред.) и др. Горький: Изд-во ГГУ, 1986. 108 с.
21. История древней Греции. Учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «История» / Ю. В. Андреев, Г. А. Косиленко, В. И. Кузищин, Л. П. Маринович; под ред. В. И. Кузищина. М.: Высш. шк., 1986. 382 с.
22. История политических и правовых учений. Древний мир / Л. С. Васильев, В. Г. Графский, П. С. Грацианский и др.; отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Наука, 1985. 349 с.
23. История эстетической мысли. Становление и развитие эстетики как науки. В 6 т. / Редкол.: М. Ф. Овсянников (пред.) и др. М.: Искусство, 1985.
Т. I. Древний мир. Средние века / В. П. Шестаков, Е. В. Лапина и др.; ред.-сост. В. В. Бычков. 1985. 463 с.
24. *Ковалев С. И.* История Рима. Курс лекций / Под ред. Э. Д. Фролова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ЛГУ, 1986. 742 с.
25. *Коровкин Ф. П.* История древнего мира. Учеб. для 5-го кл. сред. шк. М.: Прогресс, 1985. 247 с. [На англ. яз.]; Каунас: Швиеса, 1985. 250 с. [На пол. яз.]. *Переводы на языки народов СССР: на арм. яз.* 21-е изд. Ереван: Луйс, 1985. 255 с.; *на груз. яз.* Тбилиси: Ганатлеба, 1985. 255 с.; *на казах. яз.* 1-е изд. Алма-Ата: Мектеп, 1985. 270 с.; *на каракалп. яз.* 1-е изд. Нукус: Каракалпакстан, 1985. 319 с.; *на туркм. яз.* Ашхабад: Магарыф, 1985. 293 с.; *на уйгур. яз.* Алма-Ата: Мектеп, 1985. 287 с.
26. *Коровкин Ф. П.* История древнего мира. Учеб. для 5-го кл. сред. шк. 2-е изд. М.: Просвещение, 1986. 256 с. *Переводы на языки народов СССР: на белорус. яз.* 2-е изд. Минск: Нар. асвета, 1986. 255 с.; *на груз. яз.* 2-е изд. Тбилиси: Ганатлеба, 1986. 255 с.; *на кирг. яз.* Фрунзе: Мектеп, 1986. 297 с.; *на тувин. яз.* Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1986. 280 с.; *на узб. яз.* 2-е изд. Ташкент: Укитувчи, 1986. 285 с.; *на укр. яз.* 2-е изд. Киев: Рад. шк., 1986. 271 с.
27. *Коровкин Ф. П.* История древнего мира. Учеб. для 5-го кл. шк. слабовидящих. В 2 ч. М.: Просвещение, 1986. Ч. 1 — 335 с.; ч. 2 — 303 с.
28. *Кузищин В. И., Штаерман Е. М.* Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности // ВИ. 1986. № 10. С. 61—77.
29. *Ланидус Н. И.* Античная литература. Учеб. пособие для филол. фак. вузов / Под ред. Я. Н. Засурского. Минск: Университетское, 1986. 158 с.
30. Латинский язык. Учеб. пособие для укр. мед. ин-тов / В. М. Волощук и др.; под ред. А. Г. Ступинской. Львов: Вища шк., 1986. 231 с. [На укр. яз.]
31. *Ливанова Т. Н.* История западноевропейской музыки до 1789 года. Учеб. для исполн. фак. муз. вузов. В 2 кн. / ВНИИ искусствознания; Моск. гос. консерватория. 2-е изд. М.: Музыка, 1986. Кн. 1: От античности к XVIII веку. 1986. 462 с.
32. *Мажуга В. И.* Культурные идеалы античности в средневековой Европе. Город как их символ // Городская культура: Средневековье и начало нового времени. Л., 1986. С. 236—277.
33. *Майкапар А. Е.* Музыкальные сюжеты античности в трактовке художников итальянского Возрождения // Культура эпохи Возрождения. Л.: Наука, 1986. С. 68—80.
34. *Малофеева О. В.* Метод аллегорического толкования мифов в истории античной философии (Дион Хрисостом) // Тез. Всесоюз. науч. конф. «Методологические и мировоззренческие проблемы марксистской теории историко-философского процесса». Вып. 2. М., 1986. С. 28—30.
35. *Маркузон В. Ф.* Античные элементы в архитектуре итальянского Возрождения // Культура эпохи Возрождения. Л.: Наука, 1986. С. 54—68.
36. *Маслобова Л. Е.* Античность и современность в поэтической реформе Пяяды // Там же. С. 42—54.
37. Методологические и мировоззренческие проблемы истории античной и средневековой философии. Матер. к Всесоюз. конф. «Методологические и мировоззренческие проблемы истории философии» / Редкол. сб.: Д. В. Джохадзе (отв. ред.) и др. Ин-т философии АН СССР. М., 1986. Ч. 1 — 94 с.; ч. 2 — 73 с.
38. *Михаленко Ю. П.* Об интерпретациях античных концепций общественного прогресса в Новое время // В № 37. Ч. 2. С. 21—25.
39. *Немировский А. И.* Книга для чтения по истории древнего мира. Пособие для учащихся 5-го кл. сред. шк. М.: Просвещение, 1986. 287 с.
40. *Немировский А. И.* Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. 351 с.
41. *Никитинская Ю. К.* Становление методологического сознания в античной философии // Интерпретация как исто-

- рико-научная и методологическая проблема. Новосибирск: 1986. С. 160—170.
42. *Никонов В. П.* Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА. 1985. № 184. С. 30—35.
 43. *Норден А. П.* Проблемы античной истории в Оксфордской школе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казан. гос. ун-т, 1987. 15 с.
 44. *Ополев В. Т.* Процедура аргументации в период формирования науки // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1986. С. 77—86.
 45. *Полевой В. М.* Античность и неоклассика в искусстве начала XX века // В № 48. С. 77—84.
 46. *Поляков И. В.* Логическая структура античной модели «телоса»: опыт социологической интерпретации // Проблема интерпретации в истории науки и философии. Новосибирск, 1985. С. 36—63.
 47. Проблемы античного источниковедения. Сб. науч. тр. / Ин-т истории СССР АН СССР. Ленингр. отд. / Редкол.: Э. Д. Фролов (отв. ред.) и др. М.—Л., 1986. 213 с.
 48. Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1986. 288 с.
 49. Проблемы политической истории античного общества. Межвуз. сб. ЛГУ / Отв. ред. Э. Д. Фролов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 182 с.
 50. Программа дисциплины «История древнего мира». Для гос. ун-тов. Спец. 2008 — История / Сост.: В. И. Кузицин, С. С. Соловьева. Отв. ред. В. И. Кузицин. М.: Изд-во МГУ, 1986. 55 с.
 51. Программа дисциплины «Латинский язык». Для гос. ун-тов. Спец. 2004 — Роман-герм. яз. и лит. / Сост. В. Н. Ярхо. М.: Изд-во МГУ, 1986. 14 с.
 52. *Пятак В. И.* Историческое мышление и «историческая наука» античности // Социологические проблемы познания и культуры. Новочеркасск, 1986. Вып. 5. С. 103—122. Рукопись. деп. в ИНИОН АН СССР № 26133 от 25.07.86.
 53. *Савельев Б. А.* История римского частного права. Древнейший и предклас. периоды. Учеб. пособие / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М., 1986. 76 с.
 54. *Сайфуллаев Н. М.* Преемственность в развитии логических учений античности и восточного средневековья // В № 37. Ч. 2. С. 39—42.
 55. *Скоробагацкий В. В.* Взаимосвязь философии и литературы в эпоху становления античной диалектики // Философия и гуманитарное знание: социокультурный анализ. Свердловск, 1986. С. 34—50.
 56. *Стокроцкий П. П.* Мировоззрение Гиппократ и Галена и их учение о причинах болезней человека // Методологические и социальные проблемы медицины и биологии. М., 1985. С. 93—103.
 57. *Столяров А. А.* К понятию «филантропия» в античности // Проблемы истории философии. М., 1985. С. 4—9.
 58. *Столяров А. А.* Феномен совести в античном и средневековом сознании. К постановке проблемы // Историко-философский ежегодник, 1986. М., 1986. С. 21—35.
 59. *Тарасонов В. М.* Символы медицины как отражение врачевания древних народов. М.: Медицина, 1985. 117 с.
 60. *Тимофеева Н.* Итальянский гуманизм и античное культурное наследие. К истории изучения памятников материальной культуры в XIV—XV вв. // Возрождение: культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985. С. 55—65.
 61. *Уколова В. И.* Мировоззренческая борьба в Западном Средиземноморье на рубеже античности и средневековья // Средиземноморье и Европа: Исторические традиции и современные проблемы. М., 1986. С. 9—25.
 62. *Челидзе М. И.* Античность и проблема «неписанной» философии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1986. 192 с. [На груз. яз.]
 63. Что дает античность? Диалог с профессором Лосевым / Беседу вел С. Кравец // Лит. учеба. 1986. № 6. С. 81—88.
 64. *Чубова А. П. и др.* Античные мастера. Скульпторы и живописцы / А. П. Чубова, Г. И. Конькова, Л. И. Давыдова. Л.: Искусство, 1986. 251 с. Указ. имен антич. мастеров, упоминаемых в словаре (на рус., латин. и греч. яз.): с. 220—243.
 65. *Шамигулин В. И.* Роль античной философии и ранней патристики в методологии современной англо-американской истории философии // В № 37. Ч. 2. С. 50—55.
 66. *Шевченко Л. И.* Организация самостоятельной работы по дисциплинам классической филологии (Изучение латинского языка и античной литературы в вузе) // Организация самостоятельной работы студентов по иностранному языку. Куйбышев, 1986. С. 164—170.
 67. *Ярхо В. Н.* Трагедия Софокла «Антигона». Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1986. 111 с.

P e r s o n a l i a

А. К. А м б р о з

68. *Даркевич В. П., Плетнева С. А.* Памяти Анатолия Константиновича Амброза // СА. 1986. № 2. С. 284—286.

В. Д. Блаватский

69. Кузицин В. И. Об изучении социально-экономической истории древнего мира в произведениях В. Д. Блаватского // В № 48. С. 36—43.
70. Список печатных работ В. Д. Блаватского, вышедших в 1976—1980 гг. и позднее // В № 48. С. 283—284.

Н. М. Лосева

71. Нина Михайловна Лосева (1899—1976) // В № 411. С. 181—183. [Без подписи]. Список трудов Н. М. Лосевой. С. 182—183.

И. Д. Марченко

72. Ирина Дмитриевна Марченко (1909—1978) // В № 411. С. 184—186. [Без подписи]. Список трудов И. Д. Марченко. С. 185—186.

М. Е. Массон

73. Хабибуллаев П. К., Лапкин К. И., Юсупов Э. Ю. и др. Михаил Евгеньевич Массон (1897—1986) // ОНУ. 1986. № 11. С. 57—58. См. также № 142.

РАЗНОЕ

74. Ашуров Ш. Аристотелевское наследие в рукописях Института востоковедения АН УзССР // ОНУ. 1986. № 4. С. 52—55.
75. Бернадская Е. В. Гуманистические списки сочинений античных авторов (В собрании рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Культура эпохи Возрождения. Л.: Наука, 1986. С. 238—254.
76. Буюклиев Х. Коллекция античной бронзы в Старозагорском окружном историческом музее // Историко-культурные связи трудящихся Старозагорского округа и Куйбышевской области. Куйбышев, 1985. С. 114—120.
77. Ванев А. Е., Вулих Н. В. Античность в творчестве И. А. Куратова. Доклад на заседании президиума Коми фил. АН СССР. 4 нояб. 1986 г. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР. 1986. 35 с.
78. Вдовина И. С. Сократ в оценке французских персоналистов // В № 37. Ч. 2. С. 6—9.
79. Воронова М. Н., Григорьева Е. И. Латино-немецко-русский толковый словарь для стоматологов. Ок. 1000 терминов / Днепротетр. мед. ин-т. Днепротетровск. 1986. 134 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 26680 от 1.09. 86.
80. Гаврилов А. К. Лингвофилософские

- аспекты древнегреческой идеографии // В № 37. Ч. 1. С. 46—50.
81. Залеская В. Н. Международный симпозиум «Римское и ранневизантийское серебро III—VI вв.» (Париж, 11—13 октября 1983 г.) // ВВ. 1986. Т. 46. С. 281.
82. Ирисов А. Ибн Сина и изучение наследия Аристотеля по литературоведению // ОНУ. 1986. № 10. С. 54—56.
83. Качалова Н. Троя-Фракия. По материалам одним. археол. выст. из собр. музеев ГДР и НРБ, Ленинград, апр.—май 1983 г. // СГЭ. 1986. № 51. С. 83—84.
84. Коковина Н. З. Элементы античной традиции в эстетике Тургенева. К проблеме восприятия литературного процесса // Читатель в творческом сознании русских писателей. Калинин, 1986. С. 102—107.
85. Крайнова И. Б. Эстетика живописи кватроченто и античная идея о родстве живописи и поэзии // Культура эпохи Возрождения. Л.: Наука, 1986. С. 80—88.
86. Левко Л. В. Реставрация античных ваз из фондов ГМИИ им. А. С. Пушкина (К вопросу о состоянии памятников, поступивших в музей из «Антиквариата») // Тез. докл. научн. сессий, посв. итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1985 год. М., 1986. С. 42—44.
87. Лопашов Ю. А. К вопросу о фонетической адаптации латинской лексики в греческом языке (передача лат. ё) // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л., 1986. С. 94—100.
88. Михаленко Ю. П. Гоббс и Фукидид (О месте Гоббса в позднем английском Возрождении) // Историко-философский ежегодник. 1986. М., 1986. С. 104—124.
89. Морозова Г. В. Гораций в творчестве М. Н. Муравьева // Проблемы жанра и взаимодействие литератур. Алма-Ата, 1986. С. 99—103.
90. Мочкин А. Н. Эдип и Прометей в интерпретации Ницше раннего периода // В № 37. Ч. 2. С. 25—28.
91. Панфилов О. В. В поисках Александрии Эсхаты. Записки археолога // Памир. 1986. № 10. С. 138—146.
92. Парович-Пешикан М. Развитие античной археологии в Сербии // СА. 1986. № 1. С. 133—137.
93. Петрова Е. А. Античные реминисценции в «Театре революции» Р. Ролана // Реализм в зарубежных литературах XIX—XX веков. К проблеме историзма. Саратов, 1986. С. 26—38.
94. Поляков Л. В. К вопросу о восприятии античной традиции в России: А. И. Герцен о древнегреческой философии // В № 37. Ч. 2. С. 34—38.
95. Попович М. В. Традиционная логи-

- ка: Аристотель и «Аристотель в тонзуре» // Философские проблемы истории логики и методологии науки. Ч. 1. М., 1986. С. 99—101.
96. Ревуникова Н. В. Использование античных источников Жаном Кальвином // Культура эпохи Возрождения. Л.: Наука, 1986. С. 174—184.
97. Ремизов В. Б. Л. Толстой и Сократ. К вопросу об истоках миросозерцания писателя // Современность классики. Актуальные проблемы изучения русской литературы, Воронеж, 1986. С. 107—118.
98. Скржинская М. В., Котляр Н. Ф. Обзор ежегодника «Древнейшие государства на территории СССР» // История СССР. 1986. № 4. С. 119—129.
99. Стяжкин И. И. Об основных тенденциях в развитии советского логического аристотелеведения // Философские проблемы истории логики и методологии науки. М., 1986. Ч. 2. С. 71—73.
100. Тевзадзе Г. В. Учение Аристотеля о времени и его рецепция в философии И. Петрици // Тр. ТГУ. 1984. Т. 249. С. 405—422.
101. Тихолаз А. Г. Концепция античной культуры И. И. Винкельмана (Немецкий историк искусства XVIII в.) // Пробл. философии. 1986. Вып. 70. С. 36—43.
102. Толстых В. И. Сократ и мы. Разные очерки на одну и ту же тему. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 384 с.
Рец.: Юсупова Л. Поговорим об идеалах // Сырдар. правда. 1987. 4 янв.
103. Федотов В. В. Четвертые Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова // Вестник МГУ. Сер. 8, история. 1986. № 1. С. 82—87.
104. Ханин Д. М. Р. Дж. Коллингвуд как критик аристотелевской эстетики (К вопросу о противоположности современной буржуазной и античной эстетической теории) // Специфика эстетической теории. М., 1986. С. 53—59.
105. Хидашели Ш. В., Махарадзе М. К. Отражение неоплатонических идей средневековой философией. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 108 с. [На груз. яз.]
106. Червоная Т. М. Рецепция римского права у Ги Кокиля // Культура эпохи Возрождения. Л.: Наука, 1986. С. 167—174.
107. Шахнович М. М. Идеи античного атеизма в русском рукописном памятнике XVIII века «Зерцало безбожия» (Из кол. Гос. музея истории религии и атеизма) // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1986. С. 5—17.
108. Schmalstieg W. R. Indo-european verbs with the suffix —E. Evidence of ergative syntax in Latin and Lithuanian // Lietuvos TSR au kštu. ju. mokyklu mokslo darbai. Baltistica. Vilnius, 1986. № 1. Р. 4—10.
109. Шохин В. К. К вопросу об историческом соотношении и генезисе античной и древневосточной философии. О некоторых концепциях зарубежной историко-философской науки // Методологические и мировоззренческие проблемы истории философии стран Востока. Ч. 1. М., 1986. С. 6—11.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ ДО 1986 г.

110. Аврелий Марк. Наедине с собой / Пер. с древнегреч. Е. Ульяничайте; предисл. Р. Скейвиса. Вильнюс: Минтис, 1984. 167 с. [На литов. яз.]
Рец: Laurušas J. Sau pičiam ir pasauliui // Pergale. Vilnius, 1986. № 11. Р. 170—173.
111. Античная древность и средние века. Сб. ст. Свердловск: УрГУ, 1960—1984. Вып. 1—20.
Рец.: Курбатов Г. Л., Глушакин Е. П. // ВВ. 1986. Т. 47. С. 222—234.
112. Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Под общ. ред. Б. А. Рыбакова; отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985. 495 с.
Рец.: Байнаков К. М. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 2. С. 91—92; Губаев А. Г., Дурдыев М. Б., Ханмуратов К. П. // Изв. АН ТуркмССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 3. С. 90—92; Мамбетулаев М. Экскурс в древнехорезмийскую цивилизацию // Вестн. Каракалп. фил. АН УзССР. 1986. № 3. С. 85—86.
113. Богомолов А. С. Античная философия. М.: Изд-во МГУ, 1985. 363 с.
Рец: Джохадзе Д. В. // ВФ. 1986. № 10. С. 170—171; Звиревич В. Г., Любушкин К. Н. // НДВШ. Филос. науки. 1986. № 3. С. 173—175.
114. Васильева Т. В. Афинская школа философии. Филос. яз. Платона и Аристотеля. М.: Наука, 1985. 161 с.
Рец.: Доброхотов А. Л. // ВФ. 1986. № 5. С. 169—170; Неретина С. // Новый мир. 1986. № 11. С. 270—271.
115. Визгин В. П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. М.: Наука, 1982. 429 с.
Рец.: Доброхотов А. Л. // Вопр. истории естествознания и техники. М., 1986. № 2. С. 160—162.
116. Дамоклів меч. Античная новела. Київ: Дніпро, 1984. 285 с.
Рец.: Колінець В. Джерело європейської новелістики // Всесвіт. 1986. № 4. С. 153—154.
117. Домашнев А. Д., Дроздова Т. Н. Из глубины веков. О памятниках искусств-

- ва древнего мира. М.: Мол. гвардия, 1985. 191 с.
Рец.: Чудецкая А. // Дет. лит. 1986. № 9. С. 73—74.
118. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Ю. Ф. Бураков, Ю. А. Заднепровский, Г. А. Кошленко и др. М.: Наука, 1985. 498 с.
Рец.: Губаев А. Г., Дурдыев М. Б., Ханмурадов К. Н. // Изв. АН ТуркмССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 3. С. 90—92.
119. Дурдыев М. Б. Ниса — столица парфянского государства. Ашхабад, 1985. 26 с. [На туркм. яз.]
Рец.: Ханмурадов К. Все о Нисе // Знамя Октября. Ашхабад, 1986. 14 февр.
120. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985. 151 с.
Рец.: Черненко Е. В., Махортых С. В. // ИФЖ. 1986. № 4. С. 225—229.
121. Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во МГУ, 1984. 255 с.
Рец.: Серовайский Я. Д. // Сред. века. 1986. Вып. 49. С. 291—297.
122. Культура Византии, IV — первая половина VII в. М.: Наука, 1984. 725 с.
Рец.: Заборов М. А. // Сред. века. 1986. Вып. 49. С. 247—253; Поляковская М. А. // ВВ. 1986. Т. 46. С. 244—248.
123. Марк Аврелий. Размышления. Л.: Наука, 1985. 161 с.
Рец.: Ерофеев В. Наедине с Марком Аврелием // Новый мир. 1986. № 11. С. 262—265.
124. Нумизматика античного Причерноморья. Сб. науч. тр. Киев, 1982. 164 с.
Рец.: Молчанов А. А. // Древнейшие государства на территории СССР, 1985. М., 1986. С. 200—206.
125. Проблемы социальной и политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. 176 с.
Рец.: Исаева В. И., Межеричкий Я. Ю. // ВДИ. 1986. № 2. С. 183—193.
126. Семушкин А. В. Эмпедокл. М.: Мысль, 1985. 191 с.
Рец.: Заїченко Г. А. Емпедокл і проблема історичного начала філософії // Філосо. думка. Київ, 1986. № 5. С. 117—119.
127. Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (По материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наук. думка, 1983. 172 с.
Рец.: Храпунов И. Н. // СА. 1986. № 1. С. 281—286.
128. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты — свидетели прошлого. Популярная нумизматика. М.: Изд-во МГУ, 1985. 176 с.
Рец.: Федоров Г. Новый мир. 1986. № 12. С. 263—264.
129. Чернявский М. Н. Латинский язык и основы фармацевтической терминологии. 2-е изд. М.: Медицина, 1984. 320 с.
Рец.: Лейчик В. М. // Фармация. 1986. Т. 35. № 5. С. 88—89.

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ. ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

130. Геродот. История в девяти книгах / Пер. с древнегреч., послесл. и примеч. С. М. Крякшаряна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. 651 с. [На арм. яз.]
131. Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича; предисл. А. Нейхардт; примеч. С. Ошерова. М.: Правда, 1985. 431 с.
132. Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича; примеч. М. Томашевской. М.: Худож. лит., 1986. 384 с.
133. Гомер. Илиада; Одиссея / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича, В. Жуковского; предисл. А. Нейхардт. Алма-Ата: Мектеп, 1986. 640 с.
134. Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Жуковского; примеч. М. Томашевской. М.: Худож. лит., 1986. 270 с.
135. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова; ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
136. [Евгемер]. Утопия Евгемера / Вступ. ст., публ. и пер. М. К. Трофимовой // История социалистических учений, 1986. М., 1986. С. 266—275.
137. Катулл Гай Валерий. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. 302 с. (Лит. памятники. АН СССР).
- Содержание: Катулл. Книга стихотворений / Пер. С. В. Шервинского. С. 5—107. Дополнения: Стихотворения Катулла в переводах русских писателей XVIII—XX вв. С. 106—141. Отрывки из поэтов-лириков — современников Катулла. Пер. М. Л. Гаспарова. Лициний Кальв. С. 142—143; Гельвий Цинна. С. 144—145; Квинт Корнифиций. С. 145; Тицида. С. 145; Фурий Бибакул. С. 146—147; Публий Теренций Варрон Атацинский. С. 147—149; Гай Мемний. С. 149; Неизвестные авторы. С. 150—152. Приложения: Гаспаров М. Л. Поэзия Катулла; Хронологический указатель; Примечания: Стихотворные размеры Катулла. С. 155—296.
138. Овидий. Метаморфозы / Пер. с латин., предисл. и примеч. А. А. Содоморы. Киев. Дніпро, 1985. 301 с. [На укр. яз.]
139. Платон. Диалоги / Сост., ред. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; авт. примеч.

- А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Топштейн. М.: Мысль, 1986. 607 с. *В приложении: Альбин. Учебник платоновской философии* / Пер. Ю. А. Шичалина. Анонимные пролегомены к платоновской философии / Пер. Т. Ю. Бородай, А. А. Пичхадзе.
140. *Светоний Транквила Г. Жизнь двенадцати цезарей*. Пер. с рус. Ереван: Айтастан, 1986. 518 с. [На арм. яз.]
141. *Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию*. Переизд. / Пер., послесловие и примеч. С. А. Ошерова. Кемерово, 1986. 464 с. *Приложение: Ошеров С. А. Сенека. От Рима к миру*. С. 390—427.
142. *Сенека Луций Анней. Письма к Луцилию* / Пер. с латин. Д. Дилите; авт. предисл. Р. Озолас. Вильнюс: Минтис, 1986. 490 с. [На литов. яз.] Рец.: *Lauriūšas J. Sau račiam ir pasauliui* // *Pergale*. Vilnius, 1986. № 11. Р. 170—173.
143. *Эпиктет. Избранное* / Пер. с древнегреч., вступ. ст. и примеч. В. Казанскене. Вильнюс: Минтис, 1986. 252 с. [На литов. яз.] Рец.: *Lauriūšas J. Sau račiam ir pasauliui* // *Pergale*. Vilnius, 1986. № 11. Р. 170—173.
- ### III. НУМИЗМАТИКА, ЭПИГРАФИКА, ВОСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
144. *Анохин В. А. Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка, 1986. 182 с.
145. *Булатович С. А. Кизикины с портретными изображениями из Орловского клада* // *В № 374*. С. 106—110.
146. *Власова Е. В. Вопросы истории античного общества в эпиграфических исследованиях* А. В. Никитского // *В № 20*. С. 23—39.
147. *Голенко В. К. Редкая монета Антиоха III в собрании Государственного Эрмитажа* // *В № 48*. С. 14—17.
148. *Загинайло А. Г. Изображения юношеских голов на монетах Истрии* // *В № 374*. С. 93—96. В
149. *Калашиник Ю. Группа керамических клейм римского времени из Ольвии и Херсонеса* // *СГЭ*. 1986. № 51. С. 41—45.
150. *Карышковский П. О. Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н. э.* // *В № 370*. С. 25—36.
151. *Карышковский П. О. О монетном искусстве догетской Ольвии* // *В № 374*. С. 96—105.
152. *Кац В. И., Федосеев Н. Ф. Керамические клейма «боспорского эмпория» на Елизаветовском городище* // *В № 2*. С. 85—105.
153. *Кутайсов В. А. Новые находки легионных клейм в Херсонесе* // *В № 370*. С. 139—142.
154. *Левинская И. А. Еще раз о Пиротской надписи* // *В № 47*. С. 88—95.
155. *Логиков С. Д., Никитин А. Б. Монеты с всадником из Мерва* // *СА*. 1986. № 3. С. 243—249.
156. *Назаров В. В. Архитектурные сооружения на монетах Боспора* // *В № 370*. С. 153—162.
157. *Никитин А. Монеты Греко-Бактрии* // *Азия и Африка сегодня*. 1986. № 11. С. 61.
158. *Пивоваров С. В. Римская монета у племен черняховской культуры*. Черновиц. гос. ун-т. Черновцы, 1986. 52 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 24591 от 25.03.86.
159. *Ртвеладзе Э., Мусакаева А. К истории денежного обращения в Западном Союзе (Клад подражаний тетрадрахма Евтидема из Бухары)* // *ОНУ*. 1986. № 6. С. 35—38.
160. *Саркисян Г. В. Римские монеты в Армении в I в. — начале II в.* // *Вестник архивов Армении*. 1986. № 2. С. 143—147.
161. *Соломонок Э. И. Об одной утерянной ольвийской надписи* // *В № 370*. С. 36—41.
162. *Столярчик Е. С. Клад римских серебряных монет IV в. из с. Холмское Одесской области* // *ВВ*. 1986. Т. 47. С. 219—221.
163. *Урсалов В. И. Новые данные по истории монетного искусства Ольвии* // *В № 374*. С. 110—115.
164. *Фролова Н. А. К вопросу об интерпретации некоторых изображений на позднебоспорских монетах* // *В № 48*. С. 209—214.
165. *Фролова Н. А. Монеты Котиса II (123—132 гг. н. э.)* // *Тр. Гос. Ист. музея, М.*, 1986. Вып. 61. С. 66—81.
166. *Цоцелия М. В. Сасанидо-кушанская монета Государственного музея Грузии* // *Вестник Гос. музея Грузии им. Джанашиа*. 1984. Вып. 37-В. С. 147—151.
167. *Шеркова Т. А. Сарапис на монетах Хувишки* // *Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока*. М., 1986. С. 72—80.
168. *Шербакова В. С. Античные печати Херсонеса как исторический источник: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ин-т археологии АН УССР. М.*, 1986. 25 с.
169. *Яйленко В. И. Одна боспорская эпиграфия* // *В № 48*. С. 222—226. См. также № 376, 708.
- ### IV. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ
170. *Абрамов М. А. Методологические проблемы историко-философской реконструкции. Взгляды К. Маркса на проб-*

- лематику (По материалам переписки К. Маркса) // *В № 37. Ч. 1. С. 17—21.*
171. Антипенко З. Г. О специфике мышления древних греков и ее преломлении в античной культуре // *В № 37. Ч. 1. С. 41—44.*
 172. Бойко С. Загадки Кносского лабиринта. Исторический очерк // Ставрополье. 1986. № 2. С. 98—110.
 173. Борисовская С. Беотийский геометрический кратер // СГЭ. 1986. № 51. С. 38—41.
 174. Боровский Я. М. К тексту Эсхила «Агамемнон» 247 // *В № 47. С. 183—184.*
 175. Борузович В. Г. Архаический Милет. Проблемы социально-политической истории // *В № 49. С. 4—28.*
 176. Васечко В. Ю. Аристотелевское определение истины и проблема применимости предиката истинности (ложности) в морали / Рост. гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 1986. 45 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 25344 от 26.05.86.
 177. Васильева Т. В. Об «идеях» аристотелевской «Метафизики» // *В № 37. Ч. 1. С. 44—46.*
 178. Виноградов В. Г. Роль философии в формировании стилей научного познания // Тез. Всесоюз. науч. конф. «Методологические и мировоззренческие проблемы марксистской теории историко-философского процесса». М., 1986. Вып. 1. С. 30—33. Атомизм и стиль Аристотеля в античной философии.
 179. Гаврилов А. К. Оракул $\pi\epsilon\rho\iota\ \tau\alpha\acute{\iota}\delta\omega\nu$ в «Медее» (Eur. Med. 668—763) // *В № 47. С. 184—207.*
 180. Гарлан И. Фасосский керамарх // *В № 48. С. 10—13.*
 181. Гарнцев М. А. Аристотель и Декарт (Методологические аспекты проблемы аристотелевской «Cogito») // *В № 37. Ч. 2. С. 13—17.*
 182. Геворкян А. Т. Идеализм в «Софисте» Платона // ВФ. 1986. № 11. С. 117—127.
 183. Гончарова Т. В. Еврипид. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 1986. 271 с. Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; вып. 17(651).
 184. Городницкий А. Где искать Атлантиду? // Наука и жизнь. 1986. № 8. С. 82—89.
 185. Греческая философия и ее культурно-историческое значение. Сб. ст. Пер. с рус. М.: Прогресс, 1985. 309 с. [На фр. яз.]
 186. Гринбаум Н. С. Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонид, Вакхилид). Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1986. 164 с.
 187. Гуледани Л. И. Грузинская версия «Жизнеописания» Эзопа и его басен; Автореф. дис... канд. филол. наук. Ин-т груз. лит. им. Ш. Руставели АН ГССР. Тбилиси, 1986. 26 с.
 188. Гусейнов А. А. Этика Демокрита // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1986. № 2. С. 69—77.
 189. Гусейнов Г. Театр и социум (Афины V—IV вв. до н. э.) // Декор. искусство СССР. 1986. № 7. С. 22—23.
 190. Гуторов В. А. О некоторых тенденциях аристотелевской интерпретации «Государства» и «Законов» Платона // Проблема интерпретации в истории науки и философии. Новосибирск, 1985. С. 63—71.
 191. Гуторов В. А. «Политика» Аристотеля // Вестник ЛГУ. Сер. 6. История КПСС, науч. коммунизм, философия, право. 1986. Вып. 3. С. 36—44.
 192. Доброзотов А. Л. К публикации перевода работы М. Хайдеггера «Учение Платона об истине» // Историко-философский ежегодник, 1986. М., 1986. С. 251—254.
 193. Донских О. А. Особенности осознания языка и его место в структуре философского знания // Структура философского знания. Томск, 1986. С. 139—141. Философия языка у Платона и Демокрита.
 194. Драч Г. В. Рождение философии и генезис антропологической проблематики // *В № 37. Ч. 1. С. 55—58.*
 195. Еремина В. М. Категории предела и беспредельного в традиции греческой философии (от пифагорейцев до неоплатоников) и проблема актуального представления бесконечных множеств // Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. Новосибирск, 1986. С. 189—206.
 196. Житомирский С. В. Гелиоцентрическая гипотеза Аристарха Самосского и античная космология // Историко-астрономические исследования. М., 1986. Вып. 18. С. 151—160.
 197. Жмудь Л. Я. Научные занятия в раннепифагорейской школе (По источникам V—IV вв. до н. э.) // *В № 47. С. 159—175.*
 198. Зайцева А. И. Праиндоевропейские истоки древнегреческого эпоса // *В № 47. С. 96—107.*
 199. Захаров А. А. К вопросу о хронологии этических работ Аристотеля // *В № 37. Ч. 1. С. 59—61.*
 200. Зульфугаров Н. М. Почему «темен» Гераклит? // Материалы III республик. конф. молодых философов. Баку, 1986. С. 169—170.
 201. Иванова И., Месков В. Логическая реконструкция учения Демокрита о фактических модальностях // Философские проблемы истории логики и методологии науки. Ч. 1. М., 1986. С. 72—76.

202. Кайдаков С. В. Вдохновение — онтологическая структура в философской концепции Платона // В № 37. Ч. 1. С. 61—65.
203. Касаткина Н. А. Афинское поселение в Херсонесе Фракийском (VI в. до н. э.) // В № 20. С. 39—50.
204. Кварацелия Н. И. Первоначально-греческое понимание сущности философии и критика его хайдеггеровской интерпретации // Изв. АН ГССР. Сер. философии и психологии. Тбилиси, 1986. № 3. С. 44—59. [На груз. яз. Рез. на рус. яз.]
205. Кенисарин А. М. Отношение к философскому наследию в учениях Аристотеля и аль-Фараби // В № 37. Ч. 2. С. 17—20.
206. Кессиди Ф. Х. Философия, диалог и диалектика в древней Греции классического периода // В № 48. С. 18—23.
207. Клейн Л. С. Илион и Троя. К характеристике формирования и источников гомеровского эпоса // НАА. 1986. № 4. С. 86—116.
208. Клейн Л. Скептический комментарий к началу европейской истории (О древней Трое и Троянской войне) // Знание — сила. 1986. № 3. С. 41—44.
209. Кобылина М. М. Роль традиции в греческом искусстве // В № 48. С. 23—31.
210. Коплатадзе Г. В. Литературоведение в учении Аристотеля. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1986. 162 с. [На груз. яз.]
211. Костецкий В. В. Аристотелевские исследования структуры априорного знания. Тюм. гос. мед. ин-т. Тюмень, 1986. 16 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 26459 от 18.08.86.
212. Краснопевцев Е. А. Сопоставление моделей мира древних культур Греции и Китая (На примере анализа «Илиады» и «Книги перемен») // Философские проблемы взаимодействия литературы и культуры. Новосибирск, 1986. С. 46—63.
213. Кузнецов В. Д. Ремесленники-металлисты Эпидавра // В № 48. С. 43—47.
214. Курбанов Р. О. Развитие концепции взаимодействия в античной философии // В № 37. Ч. 1. С. 65—68.
215. Кусто Ж.-И., Паккале И. В поисках Атлантиды / Пер. с франц. В. Щербакова. М.: Мысль, 1986. 319 с.
216. Лаптева М. Ю. Плутис и хейромахы. К проблеме социально-политических противоречий в архаической Ионии // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1986. Вып. 3. С. 14—19.
217. Лари Л. Сафо // Горизонт. Кишинев, 1986. № 8. С. 60—62.
218. Левин В. М. Демокритовское приращение: философия или наука? // Социологические проблемы познания и культуры. Новочеркасск, 1986. Вып. 5. С. 123—151. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 26133 от 25.07.86.
219. Луканин Р. К. Категориальное содержание двух систем античной логики (Аристотель, стоики) // В № 37. Ч. 1. С. 69—73.
220. Любичанковский В. А. Можно ли учение Аристотеля о пассивном и активном разуме считать прообразом категорий рассудка и разума? Оренбург. политех. ин-т. Оренбург, 1986. 12 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 27625 от 10.12.86.
221. Малинин В. А. Гегель і Арістотель: у пошуках діалектики // Філосо. думка. 1986. № 3. С. 43—51. [Рез. на рус. и англ. яз.]
222. Маханьков И. К методологии текстологической интерпретации на материале фрагментов греческого философа-эпикурейца из Ойноанды // В № 37. Ч. 1. С. 73—76.
223. Мещерякова Д. И. Новелла о Гиге Лидийском у Геродота // В № 47. С. 123—132.
224. Николаев С. Л. К исторической морфологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С. 157—209.
225. Павленко Л. В. Филенида: поэтическая фикция или литературно-исторический факт? // Писатель и его произведение в литературном процессе от античности до современности. Симферополь, 1985. С. 21—35. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 24578 от 24.03.86.
226. Панов М. И. Истоки идей современного интуитионизма в античной науке // Традиции и инновации в духовной жизни общества. М., 1986. С. 93—118.
- Элейская школа, Платон, неоплатоники.
227. Панченко Д. И. Геродот и становление европейской литературной утопии // В № 47. С. 107—116.
228. Перевалов С. М. Басилей гомеровского общества и их социально-политическая роль: Автореф. дис ... канд. ист. наук. МГУ. М., 1986. 19 с.
229. Перевалов С. М. Проблема гомеровской царской власти в современной историографии // Общество и государство в древности и в средние века. М., 1986. С. 14—34.
230. Петерс Б. Г. К вопросу о морском деле древней Греции в классическое время // В № 48. С. 75—77.
231. Петрова Г. И. Характер теоретических обобщений в древнегреческой науке // Современная наука и закономерности ее развития. Томск, 1986. Вып. 3. С. 63—68.

232. Печатнова Л. Г. Царь Павсаний и политическая ситуация в Спарте в конце V века // В № 49. С. 43—63.
233. Поплавская Л. Б. Первые шаги европейской лирики (Античная традиция об Архилохе) // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1986. Вып. 1. С. 110—113.
234. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период / Сост.: В. П. Казанскене, Н. Н. Казанский. Л.: Наука, 1986. 207 с.
235. Саверкина И. И. Греческая скульптура V в. до н. э. в собрании Эрмитажа. Оригиналы и римские копии. Каталог. Л.: Искусство, 1986. 159 с.
236. Саверкина И. И. Статуя юноши, так называемого Эрота Соранцо, в Эрмитаже // В № 48. С. 85—89.
237. Светилова Е. И. Халкидский союз в VII—IV вв. до н. э. (Основные проблемы истории): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. МГУ. М., 1986. 17 с.
238. Сергеев В. М. Структура политической аргументации в «Меллийском диалоге» Фукидида // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986. С. 49—62.
239. Сидорова Н. А. Группа архаических расписных ваз из собраний ГМИИ им. А. С. Пушкина // В № 48. С. 89—99.
240. Синявин В. Я. Проблема непрерывности движения в философии Аристотеля // Диалектический материализм и философские вопросы естествознания. М., 1986. С. 37—42.
241. Слинин Я. А. Суждения о случайном и силлогистика Аристотеля // Вестник ЛГУ. Сер. 6. История КПСС, науч. коммунизм, философия, право. 1986. Вып. 4. С. 25—27.
242. Стрелков А. В. Экономическая политика Афин в период Первого Афинского морского союза: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. МГУ. М., 1986. 22 с.
243. Строгецкий В. М. Истоки афиноспартанского соперничества в V в. до н. э. Соперничество эллинского союза против персов на Самосе в 479/478 гг. // В № 49. С. 28—43.
244. Строгецкий В. М. К интерпретации свидетельства Диодора Сицилийского (Diod., XI, 60—65; 70) о росте афинского могущества в середине V в. до н. э. и восстание рабов в Спарте // В № 20. С. 5—22.
245. Топчан А. С. Некоторые эстетические категории в древней Греции и в «истории Армении» Мовсеса Хоренаци // Ежегодник армянского отд. Философского общества СССР, 1986. Ереван, 1986. С. 19—27. [На арм. яз. Рез. на рус. яз.]
246. Тугушева О. В. Изображение божества на южноиталийских вазах // Тез. докл. научн. сессий, посв. итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1985 год. М., 1986. С. 9—11.
247. Унт Яан. Non omnis moriar // Радуга. Таллин. 1986. № 4. С. 74—77. Роль поэзии в древнегреческом обществе.
248. Федотова О. А. Общественно-политические взгляды софиста Гиппия // В № 49. С. 115—124.
249. Фролов Э. Д. Греки в Сицилии (К вопросу о так называемой «мирной конвергенции» в зоне греческой колонизации) // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1986. Вып. 2. С. 18—26. [Рез. на англ. яз.]
250. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство / Под ред. Г. Л. Курбатова и др. Ч. 1. Л., 1986. С. 8—99.
251. Фролов Э. Д. Эсимнетия — выборная тирания (К вопросу об институте социального посредничества в архаической Греции) // В № 47. С. 141—152.
252. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник, 1986. М., 1986. С. 255—275.
253. Хамьянова Е. Ю. О типологии творческого самосознания в античной культуре // В № 37. Ч. 1. С. 76—80.
254. Ханин Д. М. Искусство как деятельность в эстетике Аристотеля / Отв. ред.: Д. В. Джохадзе, М. Ф. Овсянников. М.: Наука, 1986. 175 с.
255. Ханин Д. М. «Единая природа» Гераклита и «двойная природа» Аристотеля (О некоторых методолого-мировоззренческих предпосылках философии Аристотеля) // В № 37. Ч. 1. С. 80—84.
256. Чистяков Г. П. К вопросу об интерпретации мифографических текстов логографов и перизетов // В № 37. Ч. 1. С. 84—86.
257. Шatroв Г. М. К этимологии др.-гр. *πορθύω* «переправа» // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985. С. 202—210.
258. Шаш С. Д. К вопросу о методологии исследования досократовской философии // В № 37. Ч. 1. С. 36—39.
259. Шифман И. Ш. Эллинско-восточные этюды // В № 47. С. 175—183. Греческая колонизация Южной Аравии.
260. Шичалин Ю. А. Поздний Платон и Аристотель (Постановка вопроса) // В № 37. Ч. 1. С. 86—90.
261. Шишова И. А. Аристотель о раннегреческом полисе // В № 47. С. 133—141.
262. Элез А. Й. Предмет философии в сочинениях Аристотеля (Методологический аспект) // В № 37. Ч. 1. С. 90—94. См. также № 74, 78, 80, 82, 88, 90, 95, 97, 99, 100, 102, 104, 105, 377, 617, 658.

V. ЭЛЛИНИЗМ

263. *Бернар П.* Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // *В № 48.* С. 249—258.
264. *Грацианская Л. И.* Афинодоры у Страбона // *В № 47.* С. 153—159.
265. *Кожоляню Г. К., Мусиенко К. С., Мусиенко А. В.* Восточный поход Александра Македонского в зарубежной историографии. Черновиц. гос. ун-т. Черновцы, 1985. с. 25 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 23154 от 29.11.85.
266. *Кожоляню Г. К., Мусиенко К. С., Мусиенко А. В.* Политическая борьба среди македонской знати в период подготовки восточного похода Александра Македонского. Черновиц. гос. ун-т. Черновцы, 1985. 11 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 23153 от 29.11.85.
267. *Кошеленко Г. А., Сердитых З. В.* Царский культ в Греко-Бактрии // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 3—30.
268. *Лопухова О. Б.* Греческий полис Делос в эллинистическую эпоху: Автореф. дис ... канд. ист. наук. Ин-т всеобщей истории АН СССР. М., 1986. 22 с.
269. *Маринович Л. П.* Входили ли малоазийские полисы в Коринфский союз (К состоянию разработки вопроса) // *В № 48.* С. 48—53.
270. *Мирзаяев С. Б.* Полибий. М.: Юрид. лит., 1986. 110 с. Из истории политической и правовой мысли.
271. *Новиков С. В.* Гимн Аполлону из Селевкии-Суз как исторический источник // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1986. № 6. С. 72—84.
272. *Павловская А. И.* Эволюция социально-политических основ власти Птолемея в III—I вв. до н. э. // *В № 48.* С. 66—75.
273. *Пичиян И. Р.* Парадные ножны греко-бактрийских мечей // *В № 48.* С. 264—272.
274. *Попов А. И.* Власть Агафокла Сиракузского // *В № 49.* С. 75—88.
275. *Розовский А. А.* К вопросу о содержании понятия «ранний эллинизм». Казан. гос. ун-т. Казань, 1986. 26 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 28643 от 11.03.87.
276. *Розовский А. А.* Становление советской науки об античности и проблемы эллинизма. Казан. гос. ун-т. Казань, 1985. 58 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 24130 от 13.02.86.
277. *Саникидзе Л. Д.* Александр Македонский. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1985. 378 с. [На груз. яз.]
278. *Саркисян Г. Х.* Вавилонский вариант эллинизма. Доклад на XXXII Междунар. конгр. по азиат. и североафр. исслед. Гамбург, 1986. М.: Наука, 1986. 11 с.
279. *Сердитых З. В.* Об одном из вариантов иконографии Митры // *В № 48.* С. 279—282.
280. *Сизов С. К.* Аркадия и Ахейский Союз в 40—30-х годах III века до н. э. // *В № 20.* С. 50—65.
281. *Сизов С. К.* Начало политической деятельности Арата: освобождение Сициона // *В № 49.* С. 105—115.
282. *Смирнова В. В.* Некоторые проблемы истории эпохи Александра Македонского и эллинистического периода в современной буржуазной историографии // *В № 2.* С. 74—84.
283. *Шахермайер Ф.* Александр Македонский. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1986. 384 с.
284. Эллинистическая философия (Современные проблемы и дискуссии). Сб. науч. ст./ Отв. ред. Д. В. Джохадзе. М., 1986. 142 с. *Содержание: Джохадзе Д. В.* Предисловие. С. 3—5. *Лукашин Р. К.* Ранний древнегреческий перипатетизм. С. 5—32; *Джохадзе Д. В.* Теория познания античного скептицизма и ее современное значение. С. 32—66; *Васильева Т. В.* Стоицеская концепция природы и поэма Лукреция «О природе вещей». С. 66—84; *Шабуров Н. В.* Человек и мир в гностицистических учениях. С. 84—103; *Столяров А. А.* Гиерокл, Аммоний et alii. Духовные искания поздней античности. С. 103—141. См. также № 147, 157, 376.

VI. ДРЕВНИЙ РИМ. РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ. ХРИСТИАНСТВО

ДРЕВНИЙ РИМ

285. *Бобровникова Т. А.* Географические книги Плиния Старшего как исторический источник: Автореф. дис ... канд. ист. наук. МГУ. М., 1986. 14 с.
286. *Борецкий М. И.* Образы и мотивы в односторонних баснях Авяна и Бабрия // *В № 2.* С. 3—18.
287. *Борухович В. Г.* Последний период гражданских войн (Исторический очерк) // *В № 2.* С. 115—134.
288. *Вершинин Л. Р.* Пиррова победа // ВИ. 1986. № 6. С. 81—90.
289. *Гамкрелидзе А. Ш.* Римско-парфянские взаимоотношения от Суллы до Траяна (с 92 г. до н. э. по 117 г. н. э.): Автореф. дис ... канд. ист.

- наук. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1986. 17 с.
290. *Гаспаров М. Л.* Поэзия Катулла // *В № 137.* С. 155—207.
291. *Гвоздева И. А.* Ранние типы деления земельных площадей при организации сельской территории у римлян // *Вестник МГУ. Сер. 8. История.* 1986. № 2. С. 80—92.
292. *Гурин И. Г.* К вопросу о трактовке образа Сертория в «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха. Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1986. 17 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 29472 от 18.05.87.
293. *Гурин И. Г.* О некоторых проблемах хронологии Серторианской войны. Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1986. 22 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 29475 от 18.05.87.
294. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. Ок. 50 000 слов. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1986. 845 с.
295. *Диониси Г.* Собственность в древнем и доклассическом римском праве // *Вопр. истории груз. права.* Тбилиси, 1986. № 4. С. 179—197. [На груз. яз. Рез. на рус. яз.]
296. *Доватур А. И.* Марциал IV. 21 (Опыт интерпретации) // *В № 7.* С. 11—32.
297. *Дождев Д. В.* Римская историческая традиция о *conscripti* и динамика правовых различий между патрициями и плебеями // *Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов.* М., 1986. С. 123—131.
298. *Долidae Т. И.* Вопрос о функции *λογική παράταξις* в комментариях школы Аммония // *Тр. ТГУ.* 1984. Т. 249. С. 317—345.
299. *Дуров В. С.* Римская сатира и комедия // *Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение.* 1986. Вып. 1. С. 52—57.
300. *Евсеев Т. П.* Военная реформа Октавиана Августа (Политико-правовой аспект). Свердл. юрид. ин-т. Свердловск, 1986. 21 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 25704 от 1.07.86.
301. *Евсеев Т. П.* Военная реформа Октавиана Августа (Социально-политический аспект). Свердл. юрид. ин-т. Свердловск, 1986. 31 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 25705 от 1.07.86.
302. *Заборовский Я. Ю.* Римский форум и аграрная реформа Тиберия Гракха // *В № 20.* С. 65—77.
303. *Игнатенко А. В.* Военная организация в раннем Риме и ее роль в механизме военной демократии. Свердл. юрид. ин-т. Свердловск, 1986. 32 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 25703 от 1.07.86.
304. *Игнатенко А. В.* Об эволюции формы рабовладельческого государства (На примере кризиса Римской республики) // *Сов. государство и право.* 1986. № 1. С. 114—119.
305. *Камалутдинов К. Я.* К характеристике политико-правовых взглядов Цицерона. Актюб. пед. ин-т. Актюбинск, 1986. 20 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 27805 от 31.12.86.
306. *Камалутдинов К. Я.* Цицерон о роли и месте *principes* в политической системе римского общества (По материалам трактата «О государстве») // *В № 2.* С. 19—31.
307. *Камалутдинов К. Я.* Цицерон о роли и месте принцепса в политической системе римского общества (По материалам трактата «О государстве»). Актюб. пед. ин-т. Актюбинск, 1986. 19 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 27806 от 31.12.86.
308. *Кашеев В. И.* Первая римско-македонская война в интерпретации английских и американских антиковедов // *В № 2.* С. 42—57.
309. *Керасиди Н. Х.* Жанр утешения в римской литературе // *Писатель и его произведения в литературном процессе от античности до современности.* Симферополь, 1985. С. 36—47. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 24578 от 24.03.86.
310. *Кнабе Г. С.* Древний Рим — история и повседневность. Очерки. М.: Искусство, 1986. 207 с.
311. *Кнабе Г. С.* Тацит и Пушкин // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1986. Вып. 20. С. 48—64.
312. *Кобів Я.* Перлина античної сатири // *Всесвіт.* 1986. № 9. С. 145—147. О романе Петрония «Сатирикон».
313. *Коптев А. В.* Рабство и другие формы зависимости в сельском хозяйстве Западной Римской империи IV—V вв. (По данным императорского законодательства): Автореф. дис ... канд. ист. наук. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1986. 16 с.
314. *Косарев А. И.* Римское право. М.: Юрид. лит., 1986. 158 с.
315. *Кривченко В. И.* Помпей. Геркуланум. Стабии. 2-е изд., доп. М.: Искусство, 1985. 224 с.
316. *Крицкая С. Ю.* Взаимодействие словообразовательного и семантического аспектов при этимологизировании латинского прилагательного *PROTERUS* // *Словообразовательные типы и гнезда в индоевропейских языках.* Владивосток, 1986. С. 133—138.
317. *Лазарев С. А.* Военная организация Римской империи в IV в. н.э. (От Диоклетиана до Феодосия): Автореф.

- дис. ... канд. ист. наук. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, М., 1986. 16 с.
318. Латинско-эстонский словарь / Р. Клейс, Ю. Торпате, Л. Гросс, Х. Фрейманн. Таллин: Валгус, 1988. 687 с.
319. Лупандин И. В. Страницы истории атомизма в древнем Риме: диалог «Октавий» (II век н. э.) // Вопр. истории естествознания и техники. 1986. № 3. С. 83—87.
320. Маяк И. Л. Родственные группы в древнем Риме (агнаты) // В № 48. С. 53—56.
321. Михайловский Ф. А. Трибунская власть в политической системе принципата: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, М., 1986. 16 с.
322. Нечипуренко Н. Г. К вопросу об отражении и-е. ghl-/ghl- в латинском языке (лат. flavus) // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985. С. 240—246.
323. Остапенко Л. В. Синонимия прилагательных, выражающих общую положительную оценку в латинском языке (На материале писем Цицерона, Сенеки, Плиния Младшего). Львов. гос. ун-т. Львов, 1986. 19 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 27847 от 6.01.87.
324. Ошеров С. А. Сенека. От Рима к миру // В № 41. С. 390—427.
325. Парфенов В. Н. Битва при Акции: легенда и действительность // В № 2. С. 57—73.
326. Pāvulāne V. Agrārais jautājums Itālijā II gs. 30—20 gados p. m. ē.: Metodiskā izstrādne. P. Stučkas Latv. valsts univ. Seno un viduslaiku vēst. kat. Rīga, 1986. 23. lpp. [Павулане В. П. Аграрный вопрос в Италии 30—20-х гг. II в. до н. э.]
327. Petrits I. Commentary to «The Elements of Theology» by Proclus the Platonic Successor // Археологические разыскания. Тбилиси, 1986. С. 211—224.
328. Портнягина И. П. Дело Кремуция Корда (К вопросу о республиканской оппозиции в период раннего принципата) // В № 49. С. 172—179.
329. Рабинович Е. Г. Перевод carmen saeculare Горация // В № 47. С. 208—211.
330. Ревяко К. А. Современная англо-американская историография о Пунических войнах // Вестник Белорус. гос. ун-та. Сер. 3. История, философия, науч. коммунизм, экономика, право. 1986. № 3. С. 30—33.
331. Рогачевский Л. А. Плиний Младший — юрист // Сов. государство и право. 1986. № 9. С. 134—138.
332. Степанов В. Г. К проблеме композиции поэмы Лукреция // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1986. Вып. 2. С. 96—100.
333. Сумбадзе Д. Ш. Комментарий к «Первоосновам теологии» Прокла: «Причастие» (Коммент. к 1 гл.) // Археологические разыскания. Тбилиси, 1986. С. 48—56. [На груз. яз. Рез. на рус. и англ. яз.]
334. Таривердиева М. А. Семантика придаточных предложений с союзами ut и ne в латинском языке (Модальный аспект) / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. М., 1986. 14 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 25804 от 7.07.86.
335. Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.) / Под ред. И. Л. Маяк. М.: Изд-во МГУ, 1986. 184 с.
336. Унт Я. Non omnis moriar // Радуга. Таллин, 1986. № 2. С. 61—64. Уточнение толкования некоторых понятий в стихотворениях Горация.
337. Утченко С. Л. Цицерон и его время. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 352 с.
338. Фомичева Н. Г. Данные традиции о правлении Туллы Гостилия и Анка Марция // Общество и государство в древности и в средние века. М., 1986. С. 35—50.
339. Чернышев Ю. Г. О возникновении понятия «золотой век» // В № 49. С. 124—132.
340. Чирва А. Ю. Сенека и его новаторские тенденции в отношении к мифу // Традиции и новаторство в зарубежном театре. Л., 1986. С. 12—23.
341. Шелов Д. Б. Аппиан — историк Митридатских войн // В № 48. С. 113—117. См. также № 79, 81, 87, 89, 106, 108, 385, 486, 615, 655.

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ

342. Велков В. Бронзовая статуэтка Аполлона из Кабиле (Фракия) // В № 48. С. 7—10.
343. Ковельман А. Б. Этнос, сословие и личность в римском Египте // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. М., 1985. С. 212—219.
344. Колосовская Ю. К. О фракийском населении в Паннонии // В № 48. С. 31—36.
345. Красновская Н. А. От романизации к формированию сардинской этнической общности // СЭ. 1985. № 6. С. 38—49.
346. Ляпустина Е. В. Город и вилла в период поздней античности (По материалам западных провинций Римской им-

- перии): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ин-т всеобщей истории АН СССР. М., 1986. 24 с.
347. *Найденова В. П.* Культ Митры в Нижней Мезии и Фракии // *В* № 48. С. 56—60.
348. *Онайко Н. А.* Статуя Афины из Аполлонии Иллирийской // *В* № 48. С. 60—66.
349. *Перфилова Т. Б.* Роль городов в романизации Британии. Моск. гос. заоч. пед. ин-т им. А. Н. Радищева. М., 1986. 93 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 24987 от 21.04.86.
350. *Садовская М. С.* Тиберий Клавдий Когидубн (К вопросу о романизации Британии в I в. н. э.) // *В* № 20. С. 78—91.
351. *Сизов С. К.* «Цензорские общины» в римской Сицилии // *Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи.* Горький, 1985. С. 40—56. Библиография: С. 55—56.
352. *Соловьянов Н. И.* Культы римской армии в Нижней Мезии и Фракии: Автореф. дис... канд. ист. наук. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1986. 17 с.
353. *Соловьянов Н. И.* О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I—III вв. н. э. // *Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях.* М., 1986. С. 45—62.
354. *Фермазерен М. И.* Аттис Карпофор // *В* № 48. С. 99—113.
355. *Циркин Ю. Б.* Кризис античного общества на территории Испании в III веке // *В* № 49. С. 152—171.
358. *Махарадзе М. К.* Философские проблемы ареопагитики. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 108 с. [На груз. яз. Рез. на рус. яз.]
359. *Мецнерский Н. А.* К датировке заключительного начала Евангелия от Марка // *ПС.* 1986. Вып. 28. С. 110—111.
360. *Нестерова О. Е.* Историко-философские предпосылки учения Августина о соотношении времени и вечности // *Историко-философский ежегодник, 1986.* М., 1986. С. 35—48.
361. *Оргии В. П.* Античная философия и происхождение христианства. Минск: Наука и техника, 1986. 182 с.
362. *Оргии В. П.* Философский генезис некоторых теологических концептов христианства (К вопросу о влиянии античной философии на формирование христианского идейного комплекса) // *В* № 37. Ч. 2. С. 29—33.
363. *Свенцицкая И.* «На потеху Риму»: веротерпимость и фанатизм в древнем мире // *Наука и религия.* 1986. № 9. С. 4—6.
364. *Тварадзе Р. А.* Ареопагитское учение о любви // *Изв. АН ГССР. Сер. философии и психологии.* Тбилиси, 1986. № 2. С. 40—48. [На груз. яз. Рез. на рус. яз.]
365. *Уколова В. И.* Бозций и античная традиция // *В* № 37. Ч. 2. С. 42—46.
366. *Уколова В. И.* Философия истории Аврелия Августина // *Религии мира, 1985.* М., 1986. С. 127—145.
367. *Уманская Т. А.* Структура учения Августина о душе // *Проблемы истории домарксистской философии: средневековый способ философствования.* М., 1985. С. 1—15.
368. *Хосроев А. Л.* Кто был автором «Почувствий Сильвана»? // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* Ч. 1. М., 1986. С. 144—149.
369. *Шабуров Н. В.* Особенности гностицистской картины мира // *В* № 37. Ч. 2. С. 46—49.

Сост. А. Н. Старицын

(Продолжение следует)

К 60-ЛЕТИЮ ВАЛЕРИЯ ПАВЛОВИЧА АЛЕКСЕЕВА

22 августа 1989 г. академику, директору Института археологии АН СССР Валерию Павловичу Алексееву исполнилось 60 лет. Эта дата совпадает с 35-летием его научной деятельности. Признание в качестве лидера современной советской антропологической науки и одного из лучших антропологов мира В. П. Алексеев получил задолго до нынешнего юбилея. В. П. Алексеев широко известен как крупнейший специалист в области этнической истории, первобытного общества, древних культур человечества.

Фактами большой научной значимости стали работы В. П. Алексеева «Происхождение народов Восточной Европы» и «Происхождение народов Кавказа».

Мировую известность получили такие капитальные труды В. П. Алексеева, как «География человеческих рас» и «Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас». В них и ряде других работ по-новому поставлены проблемы происхождения больших рас населения земли, рассмотрены типология и номенклатура малых рас, работы и соотношения расовых типов с особенностями географии расселения, хозяйственной деятельности, материальной культуры и языкового группирования. Особое место в этом научном направлении занимает разрабатываемая В. П. Алексеевым целостная теория очагов расообразования. Показательно, что многие принципиальные положения этой теории находят подтверждение в новейших исследованиях из смежных областей науки.

Большое внимание в научной деятельности В. П. Алексеева уделено проблеме антропогенеза. Новым в подходе к решению этой кардинальной проблемы древнейшей истории человечества является прежде всего сама постановка вопроса, предлагающая разработку этой темы в триединстве философского, антропологического и археологического анализа.

Для творческого метода В. П. Алексеева характерны масштабная постановка задач, разработка общетеоретических проблем с использованием данных собственного, чрезвычайно кропотливого анализа источников, устремленность поиска на стыках естественных и гуманитарных наук с максимальной интеграцией их результатов, сосредоточенность на наименее изученных, а потому и особенно сложных направлениях науки, смелость суждений и научная интуиция.

Научные результаты В. П. Алексеева свидетельствуют о присущем ему совмещении истинного таланта с обширными знаниями и огромным трудолюбием, можно только восхищаться плодотворностью его научных занятий. Им опубликовано более 500 работ, включая 20 книг, на русском и многих иностранных языках.

Диапазон интересов и уникальная научная широта ассоциируются, как правило, с образом сугубо кабинетного ученого. Однако академик В. П. Алексеев участвовал в многочисленных экспедициях как в нашей стране, так и за рубежом. В течение всей научной деятельности В. П. Алексеев работал в сотрудничестве с историками и археологами, не только изучая антропологические коллекции из раскопок, но и непосредственно участвуя в постановке и разработке исторических проблем и проектов.

Много усилий В. П. Алексеев уделяет популяризации достижений нашей науки о древности. Его научно-популярные книги «В поисках предков», «Происхождение человека» и другие уже невозможно отыскать на полках книжных магазинов, несмотря на их большие тиражи.

У Валерия Павловича много учеников в разных уголках страны, им создана своя, «алексеевская» школа антропологов, этнографов, специалистов по первобытной истории и археологии.

Масштабность личности В. П. Алексеева проявляется и в его человеческих факторах — принципиальности, духовной щедрости, гражданственности, тонком и добром юморе.

Редколлегия и редсовет «Вестника древней истории» сердечно поздравляют Валерия Павловича — члена редсовета журнала и нашего автора и желают ему новых творческих удач, новых открытий и научных трудов.

К 60-летию ТАМАЗА ВАЛЕРИАНОВИЧА ГАМКРЕЛИДЗЕ

Редсовет и редколлегия журнала поздравляют академика Тамаза Валериановича Гамкрелидзе с 60-летним юбилеем. Тамаз Валерианович Гамкрелидзе — директор Института востоковедения им. Г. В. Церетели АН СССР, крупнейший ученый — лингвист, востоковед, лауреат Ленинской премии, известный общественный деятель.

Научная деятельность Тамаза Валериановича охватывает такие области науки как сравнительно-историческое исследование индоевропейских и картвельских языков, семитологию, теоретическую лингвистику, типологию языковых систем, лингвистические универсалии, проблемы древневосточных письменностей, сложные вопросы соотношения фонетики и графики в языках типа хеттского или «минойского» и многое другое.

Исследование фонетики и фонологии индоевропейских и картвельских языков с последующими теоретическими обобщениями привело автора к новым заключениям, пересматривающим традиционные реконструкции индоевропейской фонологической системы — идее, которая имела значение, далеко выходящее за рамки лингвистики. Разработанная Тамазом Валериановичем Гамкрелидзе совместно с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и обоснованная на большом фактическом материале концепция индоевропейского праязыка и протокультуры опирается на исследования, начатые два десятилетия назад (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков 1972 и др.).

К этому периоду восходит сформулированная Тамазом Валериановичем и Вячеславом Всеволодовичем Ивановым «глоттальная теория», потребовавшая пересмотра традиционных взглядов на индоевропейскую фонологическую систему (вслед за ними близкую реконструкцию предложил американский исследователь Д. Хоппер), которую выдающиеся ученые — патриархи лингвистической науки XX в. Э. Поломе и У. Леманн считают одним из главных достижений современной индоевропеистики, сопоставимым по значимости с ларингальной теорией. Итогом многолетних исследований в области реконструкции различных уровней индоевропейского праязыка, древнейшей материальной и духовной культуры, социально-экономического устройства раннего индоевропейского общества, его эволюции, проблем этногенеза индоевропейских народов стал двухтомный труд Тамаза Валериановича Гамкрелидзе и Вя-

чеслава Всеволодовича Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984 г.), удостоенный Ленинской премии. Этот труд является исключительным по широте проблематики, его отличают оригинальность выводов, глубокое проникновение в древнейшие периоды культуры индоевропейцев, стремление определить их место в общем процессе этно- и глоттогенеза народов Евразии. Высокая оценка этого исследования дана в предисловии к первому тому виднейшим филологом и лингвистом Романом Якобсоном, отметившим соответствие этого труда «вершинным достижениям современной теоретической мысли».

Научная деятельность Тамаза Валериановича Гамкрелидзе получила широкое признание в нашей стране и за рубежом. Тамаз Валерианович является членом-корреспондентом Британской и Австрийской Академий наук, почетным членом Американской Академии наук, Американского лингвистического общества и общества индоевропейцев ФРГ, регулярно выступает на международных научных форумах.

Тамаз Валерианович Гамкрелидзе избран народным депутатом СССР.

Журнал горячо поздравляет юбиляра — постоянного автора, члена редсовета журнала, верного продолжателя лучших традиций советской науки о древности и желает ему крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

К 60-летию ВЯЧЕСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ИВАНОВА

Редсовет и редколлегия журнала поздравляют с 60-летним юбилеем Вячеслава Всеволодовича Иванова, доктора филологических наук, заведующего сектором структурной типологии Института славяноведения и балканистики АН СССР, почетного члена ряда зарубежных научных обществ и академий, лауреата Ленинской премии.

Круг научных интересов Вячеслава Всеволодовича Иванова охватывает обширную область гуманитарных знаний, включая лингвистику (теоретическую, сравнительно-историческую, структурную; типологию языковых систем; семиотику; грамматические описания отдельных языков и языковых явлений на широком сравнительно-историческом фоне), историю культуры — духовной (мифологию, религию: синхронное и историческое описание систем мифологических и религиозных представлений различных народов; проблема взаимодействия и взаимовлияния культур) и материальной, преломляющейся в языке (исследования по истории названий металлов и др.), филологию в широком смысле (в том числе литературоведение, поэтику), историю науки и культуры.

Едва ли можно назвать такую область науки о человеке и человеческой культуре, которая бы не привлекала внимания Вячеслава Всеволодовича. Это и геометрия социальных пространств, и структура первобытных обществ, и многое другое. Большую известность получили его монографии: «Хеттский язык» (1963 г.), «Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы» (1965 г.), «Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки» (1981 г.), созданный совместно с Тамазом Валериановичем Гамкрелидзе двухтомный труд «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984 г.), обобщивший результаты многолетних исследований авторов по индоевропейской проблематике, и др. Прекрасное сочетание филолога-исследователя и поэта-переводчика позволило Вячеславу Всеволодовичу дать советскому читателю представление о малоизвестной до этого древней литературе Малой Азии (сб. «Луна, упавшая с неба» — 1980 г. и др.).

Для многих имя Вячеслава Всеволодовича Иванова не только связано с крупным вкладом в науку, но и является примером высокой гражданской позиции, символом нравственности, принципиальности. И вполне закономерно, что от Академии наук СССР Вячеслав Всеволодович Иванов был избран народным депутатом СССР.

Приветствуя Вячеслава Всеволодовича по случаю юбилея, журнал желает ему доброго здоровья, творческих успехов и надеется на новые встречи с талантливым ученым и ярким человеком.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С. Л. УТЧЕНКО

30 ноября 1988 г. в отделе истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР состоялись X Научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко. В них приняли участие историки и филологи институтов АН СССР, ВГИКа и других научных учреждений и вузов.

Во вступительном слове зав. отделом истории древнего мира Л. П. Маринович отметила, что работа отдела все эти годы шла во многом по тому пути, который наметил С. Л. Утченко. Было выпущено в свет два двухтомных труда — «Античная Греция» и «Культура древнего Рима», которые были задуманы еще при нем; сам он принимал живейшее участие в обсуждении этих работ, наметил их направление и хотел написать главы, посвященные Римской республике. Завершенный отделом двухтомник по эллинизму стал логическим итогом этой работы. И сейчас, когда в работе отдела большое место должна занять античная культура и идеология, снова можно обратиться к статье С. Л. Утченко о характере некоторых особенностей античной культуры (ВДИ. 1977. № 1).

Затем был сделан ряд научных докладов и сообщений.

А. И. Павловская (Москва) прочла доклад «Памяти Сергея Львовича Утченко», в котором изложила его биографию и кратко охарактеризовала его научную и педагогическую деятельность (вторая часть доклада в расширенном виде опубликована в ВДИ, 1988, № 4 — статья «К 80-летию со дня рождения Сергея Львовича Утченко»). В докладе было отмечено, что в научных исследованиях С. Л. в последние годы его жизни большое место занимали вопросы философии истории; сохранились наброски, проспекты и тезисы докладов, с которыми он намеревался выступить. Некоторые из них уже были зачитаны на предыдущих чтениях памяти С. Л. Утченко. В этот раз А. И. Павловская познакомила слушателей с тезисами доклада С. Л. Утченко «О времени историка», которые имеются в нескольких вариантах, но текст доклада не сохранился. Очевидно, С. Л. Утченко лишь начал работать над этой темой.

В. И. Кузищин (Москва) выступил с докладом на тему «С. Л. Утченко как исследователь древней истории». Докладчик отметил, что С. Л. Утченко одним из первых в советском антиковедении обратился к разработке систематических исследований политических учреждений, идеологии и культуры древних обществ. Античное общество он никогда не сводил лишь к совокупности социально-экономических отношений. Апелляция С. Л. Утченко к комплексности и многомерности античного общества выступала своего рода реакцией на упрощенные представления об обществе, тенденции сведения его важнейших функций лишь к базисным явлениям, что не могло не обеднять и примитивизировать исторический процесс в целом.

Одним из первых в советской историографии С. Л. Утченко стал рассматривать проблему античного полиса (включая его разновидность в форме римской цивитас) в качестве органического единства экономики, гражданского общества, политических институтов, идеологии и культуры. И этой научной позицией единства был обусловлен его подход к анализу разных сторон античной общественной, политической структуры.

Понимая исторический процесс как сложное и многомерное движение человеческого общества, С. Л. Утченко придавал большое значение деятельности отдельных исторических личностей. И, конечно, не случайно именно ему принадлежат блистательные монографические исследования главных протагонистов римской истории конца Республики — Цицерона, Цезаря и Августа; это направление в настоящее время может рассматриваться как самое плодотворное.

Можно назвать целый ряд идей С. Л. Утченко, которые обогатили советскую историографию 50—70-х годов и которые стимулируют развитие научных исследований сегодня: роль крестьянства в классовой структуре античных обществ наряду с классами рабов и рабовладельцев, эволюция античного полиса от суверенного го-

рода-государства к зависимому от эллинистического монарха городу и далее — к римскому муниципию как основной административной единице Римской империи, что в свою очередь связано с эволюцией античной формы собственности.

В. А. Головина в докладе «Аренда типа *ḳdb* в Египте Среднего Царства» изложила результаты своего анализа совокупности папирусов из Деир эль-Бахри и некоторых других (современных им и более поздних) источников, которые зафиксировали существование особого вида земельной аренды — *ḳdb*. Этот специфический вид аренды не был известен прежде по древнеегипетским источникам столь раннего времени, но нашел свое объяснение и параллели в египетских документах более позднего — птолемеевского и римского — времени, а также в источниках, отражающих поземельные отношения в других древневосточных обществах. Выявление элементов общности в процессах экономического развития, протекавших в Египте и иных древневосточных государствах, кажется докладчику тем более небезынтересным, что в течение последних десятилетий в освещении социально-экономической структуры древнеегипетского общества наблюдается тенденция перевода ее из когда-то эталонной в едва ли не исключительную, существующую, правда, пока в рамках типологической общности.

С докладом «Греческий герой и римский *vir magnus*» выступил Г. С. Кнабе (Москва). Идеал полисного общежития и соотношение его с реальной общественной практикой, сказал докладчик, одна из центральных проблем античной истории и культуры. Она порождена имманентным античному миру противоречием между полисом как системой консервативных, ориентированных на прошлое установлений и ценностей, постоянно возрождавшихся и потому сохранявших значение нетленной нормы, и полисом как живым реальным городом, где рост товарно-денежных отношений, торговли, социальных антагонизмов постоянно разрушал эти консервативные установления. Противоречие это равно действительно для Греции и для Рима, но пути его разрешения в этих двух очагах античной цивилизации были существенно различны. В Греции они обусловлены предельной остротой социальных противоречий в жизни полиса — постоянной подозрительностью и репрессиями по отношению к аристократии, которой при этом неизменно (вплоть до IV в.) доверялось руководство городскими институтами; периодическими эксцессами и террором антагонистически социальных групп по отношению друг к другу; отсутствием резервов расширения социальной базы полиса и сглаживания противоречий за счет отпущенничества.

В этих условиях идеал полисного общежития с присущими ему нормами героического патриотизма, гармоничности развития, человеческой солидарности, подчинения личности целому оказывается транспонированным в особую наджизненную сферу мифологизированного бытия, в философскую проблематику идеальных прообразов земных вещей.

Связь между резко антагонистической повседневной общественной реальностью и сферой сублимированного гармоничного идеала оказывается порученной в Греции особому типу существам — героям, идеальным гражданам и в то же время земным богам, создателям цивилизации и культуры.

Принципиально по-иному решалась прослеживаемая коллизия в Риме. Общественный идеал здесь был связан изначально не с городом как таковым, а с продлением его бытия во времени и расширением его в пространстве, с римским гражданством. Рим никогда не был этносом (не существует, например, римского языка), а сначала чем-то несравненно меньшим, потом — несравненно большим. Единственное культурно-историческое пространство, ведомое римлянину, — *цивitas*, неуклонно расширяющаяся своих богов, свои законы и нормы, свои ценности на все новые и новые территории, как бы вбирающая их в себя. Поэтому идеал гражданства воплощается здесь в жизни самой *цивitas*, в действиях людей, способствующих реализации Римом миссии, доверенной ему богами. «Мы поняли, что все на свете подчинено воле богов и направляется ею, — говорил Цицерон, — и именно поэтому оказались выше всех племен и народов». Герой греческого типа в Риме невозможен: нормативная идеальная и сакрализованная санкция бытия государства воплощена в его выдающихся деятелях — *virī magni* или *amplissimi*.

Римская история знает три разновидности таких «великих мужей». Первая связана с полным отказом человека от себя ради интересов *цивitas* вплоть до принесения им в жертву себя, жены, детей, друзей. Таковы легендарный Горацій, первый консул Брут, консул Манилий, диктатор Постумий и др. Вторая разновидность воплощена в богоизбранном деятеле, на котором пребывает особая благодать — *felicitas*, данная ему богами ради возвеличения и прославления Рима своими подвигами (Сципион Старший, Сулла, Феликс, Цезарь и т. д.). Наконец, третья разновидность образуют деятели, соединяющие доблесть государственного служения и человечность, *humanitas*. «Не след нам, — говорит Цицерон, — прислушиваться к тем, кому гражданская доблесть представляется бесчеловечной и жестокой, как железо». *Vir magnus* этого

типа представлен не только литературными персонажами, но воплощает идеальный образ, под который вполне реально, в действиях и поведении стилизовались и Цезарь, и Октавиан Август.

В репликах и вопросах некоторые участники заседания высказывали возражения докладчику, говоря, что общественная жизнь в Риме сопровождалась не меньшими жестокостями, чем в греческих полисах, ссылаясь при этом на проскрипции, бесчинства солдат, неслыханно свирепые виды казни и т. д. Такого рода критика, разъярил Г. С. Кнабе, основана на недоразумении. Речь идет не о том, где жестокости было больше, а где меньше — она была характерна для всех ранних классовых обществ. Речь идет о том, что в Риме вплоть до эпохи Гракхов и гражданских войн нормой оставалась солидарность гражданского коллектива, в Греции — подозрительность сословий по отношению друг к другу, нередко приводившая к произвольным казням и изгнаниям; в Риме, далее, акты насилия внутри города воспринимались как нарушение нормы, требовавшее наказания или искупления (обряды очищения после войн, фактическое изгнание Сципиона Назики, Опиimia и Цицерона за убийство граждан без суда, отказ покупать обращенных в рабство граждан, моральное осуждение лиц, разбогатевших на проскрипциях и т. д.), в Греции — как обычная черта общественной жизни; речь идет, наконец, о существовании в Риме такого «клапана», дававшего выход таким социальным антагонизмам, как отпущенничество, которое в Греции подобной роли не играло и играть не могло.

В докладе *С. Ю. Сапрыкина* (Москва) «Восстание Аршака в Понтийском царстве» речь шла о малоизвестном эпизоде истории Понтийского царства, когда там произошла смена правящей династии Митридатидов и к власти пришла династия Полемонидов. Основным источником является свидетельство Страбона, где, согласно корректуре ряда исследователей, говорилось о попытке Аршака, одного из сыновей царя Фарнака II, поднять восстание, которое было подавлено Полемоном I и Ликомедом, жрецом-царем Понтийской Команы (XII. 3.38). Восстанию Аршака предшествовало воцарение в Понте с согласия Антония в 40 г. до н. э. другого сына Фарнака — Дария. Придя к власти, Дарий стал проводить политику прежних царей династии Митридатидов, направленную на ограничение полисных свобод и укрепление царского земельного фиска. Это было отходом от реформ Помпея и Цезаря, что вызвало недовольство населения Амиса, Амасии и Фаземонитиды, составивших ядро царства Дария. К тому же ухудшение римско-парфянских отношений требовало от Антония принять меры для создания объединенного понтийско-боспорского царства под властью представителей Митридатидов, того же Дария или его сестры Динамии, царицы Боспора. Столкнувшись с недовольством этими планами среди населения обоих берегов Понта Эвксинского, опасаясь возможного союза Дария и Парфии, Антоний принял в 37 г. до н. э. решение заменить в Понте Дария на царя Полемона I из Лаодикии. Это событие вызвало выступление Аршака, брата Дария, который вступил в 37/36 г. до н. э. в открытую борьбу с римскими префектами и их ставленниками.

В связи с тем, что антиримское по характеру выступление Аршака проходило под лозунгом возвращения к старым митридатидским порядкам в Понте, оно не вызвало энтузиазма среди населения страны. Лишенный поддержки широких слоев населения, Аршак вынужден был бежать в труднодоступные районы, где был убит, а его выступление подавлено. Это восстание показало нереальность возврата Понта к тем порядкам, которые существовали при Митридате VI, так как население греческих городов не желало расставаться с привилегиями, полученными от Помпея и Цезаря, а жители сельских районов не хотели быть втянутыми в войну с Римом, как во времена Евпатора.

Л. Ю. Заборовский (Ивано-Франковск) выступил с докладом на тему «Некоторые замечания по поводу идеологии восставших рабов (Рим, 138—71 гг. до н. э.)». Он отметил, в частности, что сгруппированные немногочисленные факты из истории двух восстаний рабов на о-ве Сицилия, Аристоника в Пергаме и Спартака в Риме дают возможность прийти к выводу, что во всех случаях идеология привносилась в среду восставших рабов извне. Восставшие рабы всякий раз использовали наиболее популярные идеи и образы, господствовавшие в среде беднейших слоев свободного местного населения региона восстаний. Нередко наблюдаем и прямые заимствования местных аграрных культов. Это объясняется главным образом тем, что рабы рекрутировались во II—I вв. до н. э. именно из этих слоев свободного населения, а также тем, что рабы во время восстания снабжались всем необходимым за счет местного населения.

М. Л. Гаспаров (Москва) ознакомил с неизданным (черновым) переводом И. Анненского трагедии Еврипида «Троянки».

Закрывая научные чтения памяти С. Л. Утченко, Л. П. Маринович поблагодарила выступавших и отметила высокий научный уровень сделанных докладов.

© XXXIV МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА АССИРИОЛОГОВ

(Стамбул, июль 1987 г.)

В июле 1987 г. в Стамбуле состоялась XXXIV Международная встреча ассириологов. В ней участвовали ассириологи, шумерологи, хеттологи многих стран. В состав советской делегации входили акад. Т. В. Гамкрелидзе, д. и. н. В. Г. Ардзинба, д. ф. н. Вяч. Вс. Иванов. Главной темой встречи были контакты древней Малой Азии и Месопотамии.

Применительно к III тыс. до н. э. новый аспект проблемы был продемонстрирован в связи с данными раскопок в Эбле (Северная Сирия). В докладе известного итальянского археолога *П. Маттиз*, руководящего этими раскопками, недавно найденная стела из Эблы рассматривается как образец взаимодействия и перекрещивания древнемесопотамской (аккадской) и древнеанатолийской (связываемой с Канишем — Несой хеттских текстов) традиций. Итальянский археолог *А. Арки*, занимающийся изданием текстов из Эблы, проанализировал содержащиеся в них указания относительно ввоза металлов; последние, по его мнению, должны были доставляться в Северную Сирию из Анатолии. Патриарх американской семитологии *К. Х. Гордон*, на протяжении последних лет руководящий семинаром по эблаитской филологии в Нью-Йорке, предложил в своем докладе истолкование эблаитских теофорных имен собственного типа *Iš-ma-Da-mi* (мужское имя со значением 'Бог Даму услышит молитвы носителя этого имени'). Американский археолог *Дж. Буччеллати* рассказал о результатах первых четырех лет работы возглавляемой им экспедиции, обнаружившей город III тыс. до н. э. в Тель-Мозане (Сирия); обращено внимание на оттиски печатей, связывающие раскопанный город с более южными культурами, а также на большое число металлических предметов, предположительно свидетельствующих о контактах с Анатолией.

Значительное число докладов было посвящено проблеме староассирийских торговых колоний (карумов) в Анатолии. Этой темой давно занимается турецкий ассириолог *В. Донбаз*, организовавший особый международный комитет по изучению связанных с этими колониями текстов. В своем докладе он изложил результаты исследования ряда неопубликованных староассирийских табличек из Каниша, где упоминается царь по имени Варсума (согласно уточненному Донбазом чтению), большинство табличек (их общее число — 40) принадлежат к периоду I В. Часть до сих пор неопубликованных табличек из Каниша и других городов Малой Азии, где в начале II тыс. до н. э. были староассирийские торговые колонии, рассмотрены в докладах турецких исследователей: *Э. Бильгича* — о политических отношениях между Анатолией и Месопотамией, *К. Гюнбатти* — о некоторых примерах переписки между торговыми колониями, *Х. Севера* — о работорговле по данным «каппадокийских» табличек (два последних доклада, сделанных по-турецки, состояли в основном из чтения и перевода неизданных табличек, автографические копии которых были продемонстрированы во время докладов) и ряда других. Отдельные проблемы, затрагивающие изучение «каппадокийских» табличек и отражаемой в них жизни староассирийских колоний в Малой Азии, освещались также в докладах французских ученых: основателя Ассириологических встреч *П. Гарелли* — о Хаххуме — ассирийском торговом пункте на пути в Каппадокию, *С. Мишель* — о трех текстах (в том числе неизданном фрагменте письма из Лувра), связанных со смертью тамкара Илусу-раби, происшедшей во время перевозки им товаров, предназначавшихся для Анатолии. Доклад *Й. Хенгстля* был посвящен сопоставлению брачных обычаев по данным каппадокийских текстов и шумерских и старовавилонских документов из Месопотамии. Исключительный интерес представлял доклад выдающегося голландского исследователя староассирийских табличек *К. Р. Вееenhoфа* о хронологии карума Каниша, где на основании анализа числа и распределения ассирийских эпонимов и сопоставления со вновь опубликованными материалами архива Мари и Субат-Энлиля (Тель Лейлака) предложены весьма важные уточнения хронологии уровней I В и II карума Каниша. Известный турецкий археолог *Т. Эзгюч* в докладе о дворцах времени ассирийских колоний указал на отсутствие преемственности между архитектурной традицией эпохи карумов и последующим (хеттским) временем; при обсуждении доклада отмечалось, что перерыв в архитектурной преемственности сопоставим с аналогичными данными, касающимися истории письма в Малой Азии: староассирийское письмо и язык эпохи торговых колоний не находят продолжения в клинописных текстах хеттского времени.

Как отмечалось в прениях по докладам и в последующих обсуждениях, систематическое исследование и планомерное издание более чем 20 000 староассирийских табличек, хранящихся в собраниях музеев Турции и ряда других стран, составляет одну из первоочередных проблем ассириологии. Заметим, что в нашей стране, где первые замечательные для своего времени образцы издания и перевода староассирийских таб-

личек дал еще в начале 20-х гг. В. Н. Шилейко, вышла во многих отношениях образцовая монография Н. Б. Янковской, содержащая издание и комментированный перевод староассирийских текстов из наших собраний. В Праге, где были опубликованы три тома староассирийских табличек, найденных в Кюль-Тепе Б. Грозным, хранится материал для предполагавшегося IV тома. Состояние же изданий текстов из других музеев (в частности турецких) пока что не внушает надежды на столь же исчерпывающую публикацию, хотя это и предполагается. Задача состоит, в частности, в обеспечении достаточно высокого уровня не только филологического и лингвистического истолкования текстов, но и углубленного понимания социально-экономических и культурно-исторических реалий; работа в этом направлении намечена в ряде исследований последних десятилетий (Ларсена, Вееenhoфа, Янковской), но еще не проводилась на всем массиве текстов, остающихся известными лишь в извлечениях.

К первым векам II тыс. до н. э. относится материал доклада А. Фине по данным архива Мари, дальнейшие исследования которого обещают лучшее понимание тех факторов древнехеттской истории, которые связаны и с историей Мари. Известный английский ассириолог У. Ламберт в своем докладе рассмотрел общие проблемы соотношения символики древнеанатолийской и (северо)месопотамской мифологии в плане выявления древнейших влияний Северной Месопотамии. Турецкий искусствовед Э. Аккургал коснулся в докладе ряда месопотамско-анатолийских параллелей в области искусства. М. Троке посвятил свой доклад хетто-касситским художественным связям на материале иконографии.

В докладах Х. Кленгеля (ГДР) и Г. Штейнера (ФРГ) был поставлен вопрос о причинах распространения среди хеттских писцов старовавилонского типа клинописи, что связывается с политической ситуацией в древнехеттскую эпоху. Турецкий хеттолог С. Альп рассмотрел аккадские написания в письмах из хеттского провинциального архива в Машате, обнаруженного во время недавних раскопок. Спорные вопросы хеттской истории осветил в своем докладе итальянский хеттолог О. Карруба. А. Гонне рассмотрел в докладе печати хеттского царя Муваталлиса II в историческом контексте.

Подход к изучению хеттской архитектуры в связи с анализом соответствующих клинописных текстов продемонстрировал работающий в Чикаго хеттолог А. Юнэл; Р. Опферман предложил интерпретацию термина ^{NA} ḫekur SAG.US как возможного обозначения усыпальницы в Язылыкайя. Доклад крупнейшего хеттолога Х. Г. Гютербока (Чикаго, США) касался интерпретации ключевой для многих хеттских ритуальных текстов формулы «пить (хет. eku-) бога», причем докладчик согласился с мнением, высказанным ранее В. Г. Ардзинба, об употреблении имени бога в этой формуле в винительном падеже. Доклад М. Гельцера (Израиль) был посвящен анализу в широком историко-правовом контексте писем-приказов хеттских царей, адресованных их вассалам в Угарите. Американская исследовательница угаритских текстов А. Д. Кильмер в своем докладе коснулась истолкования хурритских культовых гимнов.

Крупнейший английский исследователь лувийской иероглифики Д. Хокинс в своем докладе проанализировал данные надписей, относящиеся к взаимодействию хеттов, лувийцев и ассирийцев в Малатье (Мелиде) с рубежа II—I тыс. до н. э. и позднее. В докладе А. К. Грэйсона изучена экспансия ассирийцев в Анатолии во время Саргона II (ок. 744—612 гг. до н. э.). Выдающийся бельгийский семитолог Э. Липинский сопоставил новоассирийские и древнееврейские источники, повествующие о лидийском царе Гиге и киммерийском предводителе Лигдамисе (аккад. Tugdamme, др.-евр. twgdmh согласно чтению, уточненному Липинским). Географические аспекты взаимоотношения разных этнических групп (хеттов и западных семитов) в Сирии и Верхней Месопотамии рубежа II и I тыс. до н. э. рассмотрел в своем докладе Р. Задок (Израиль), а его соотечественник Дж. Гринфилд исследовал роль арамейцев и арамейского языка в Анатолии. А. А. Таварес коснулся проблемы древнееврейского обозначения «сыновей Хетта» в соотношении с данными аккадских и других древневосточных текстов. В докладе О. Мускарелла исследовались отношения между Фригией и Ассирией в VIII в. до н. э.

Часть докладов была посвящена вновь открытым надписям. В докладе Д. Бейер проанализированы данные хеттских и «сиро-хеттских» печатей из Мескене (Эмара). Турецкий археолог М. Калач доложил о результатах исследования лувийской иероглифической надписи из Кахраманмараша. В докладе Р. Кучера при определении вопросов исторической географии (местоположение Аккаде) были привлечены данные еще неизданной старовавилонской копии надписи, представляющей собой историческое повествование о большом восстании против Нарам-Сина (до сих пор были известны только отзывы о нем в литературных источниках). А. Фадила доложил о находке нового текста из Сиппара. Директор управления древностями и музеями Министерства культуры и туризма Турции И. Ярдимджи рассказал о раскопках в Харране и най-

денных там предметах, датируемых XIV—XIII вв. до н. э. Вице-президент Стамбульской ассириологической встречи А. Эрканал рассказал о раскопках в Гирнавазе. Связям Египта с Сирией и Палестиной в эпоху средней бронзы был посвящен доклад М. Биетака. Турецкий археолог А. М. Дарга сообщил о раскопках в Шемсиятепе за 1978—1986 гг.

Ряд докладов касался важных методологических проблем. Общие вопросы хронологии древнего Востока на основании астрономических датировок, исходящих из сведений о затмениях Солнца и Луны и данных о положении других планет, рассмотрели В. С. Туманов, сопоставившим в своем докладе астрохронологию с исторической хронологией Дж. Бринкмана и получившим хорошее взаимное соответствие двух способов датировок; заметим, что впервые возможность подобного подхода к древневосточной хронологии всерьез исследовалась еще И. Ньютоном, чья пионерская роль в исторических работах была отмечена в 1943 г. в статье С. Я. Лурье. Принципиально новый подход к эпическому циклу, предварительно названному Gesta Accadorum, на основе принципов современного структурного литературоведения был предложен голландским исследователем Х. Л. Й. Ванстинхоутом в докладе о сравнительном изучении круга текстов, связанных с šar tamḫarī и повествующих о деяниях Саргона Аккадского. При обсуждении доклада отмечалась новаторская значимость статьи В. К. Шилейко, еще в 1929 г. предложившего возможность реконструкции древнего «тепатокопического эпоса» о Саргоне Аккадском, повлиявшего и на римских поэтов.

Принципы структурного анализа были также использованы в докладе американского шумеролога И. Клейна о шумерском культовом гимне «Шульги и лодка Нинлилия», недавно реконструированном и изданном докладчиком. В докладе было предложено сопоставление с другими шумерскими текстами, относящимися к жанру «строительства и посвящения». В докладе шумеролога И. Крехем была высказана догадка о шумерском происхождении предполагаемого семитского заимствования urda 'раб'. Наконец, в докладе М. де Йонг Эллис (США) сделана попытка использовать компьютерную технику и другие современные приемы анализа для реконструкции структуры архивов района Дияла (к востоку от Багдада) раннедревнеавилонского периода.

Кроме отмеченных выше докладов на Стамбульской встрече был заявлен и целый ряд других сообщений, которые все (независимо от того, были ли они прочитаны) нашли отражение в изданной к встрече небольшой книжечке тезисов¹. На заключительном заседании представители различных институтов, университетов и стран сообщили по традиции о новейших результатах, открытиях и изданиях в своей области. В частности, турецкие исследователи рассказали об открытии новой иероглифической лувийско-финикийской билингвы, для исследования которой привлечен итальянский хеттолог М. Позтто. Х. Кленгель сообщил о готовящейся передаче Турции собрания клинописных хеттских табличек, хранящихся в Переднеазиатском музее в Берлине (ГДР).

Группе участников Стамбульской встречи ассириологов была предоставлена возможность посетить раскопки в Богазкёе, проводимые Западногерманской археологической экспедицией, которую возглавляет сейчас П. Неве. П. Неве ознакомил участников поездки с проводимыми им раскопками в V и IV храмах в Верхнем Городе Хаттуса, а также с осуществляемым им планом реконструкции отдельных частей Хаттуса, превращаемого (после покупки его территории Немецким научно-исследовательским обществом) в археологический музей. В частности, была продемонстрирована хуррито-хеттская билингва (одна хорошо сохранившаяся табличка и несколько других фрагментированных, содержащих часть мифологической поэмы об охотнике, преследовавшем оленя или антилопу, хет. alija-n-), печатающаяся в автографии в KBo XXXII 13, 14, недавно найденные печати хеттских царей, уточняющие порядок их царствования, и некоторые другие материалы новых находок. К их числу принадлежат также выполненная в бронзе (или в серебре, по мнению П. Неве) копия новохеттского государственного договора, с которой, как и с некоторыми другими новыми находками, можно было познакомиться в Музее анатолийских культур в Анкаре. В Стамбульском археологическом музее были продемонстрированы клинописные тексты из Малой Азии и Месопотамии, значительная часть которых остается все еще неисследованной и неопубликованной.

Во время встречи в Стамбуле было отмечено 90-летие присутствовавшего на ней крупнейшего шумеролога С. Крамера. В своей речи Крамер отметил благородную роль Турции, предоставившей во времена нацистских гонений убежище таким гигантам ассириологии и хеттологии, как Ландсбергер и Гютербок.

При значительности представленных на встрече ученых старших поколений (таких как Крамер и Гютербок; многие с огорчением отметили отсутствие И. М. Дьяконова) и полноте представительства разных центров (особенно западногерманских)

¹ XXXIV. Uluslararası Assirioloji Kongresi; XXXIVème Rencontre Assyriologique Internationale, 6—9.VII.1987. Istanbul. Bildiri özetleri. 1987.

бросалась в глаза излишняя дробность тем докладов, давших мало оснований для общей дискуссии. Ассириологические встречи в том виде, в каком они проводятся сейчас, не дают возможности выделения наиболее актуальных проблем и детальной проработки необходимых новых методов их исследования. На весьма частный анализ одного текста (едва ли не наиболее распространенный тип сообщения) и его обсуждение отводится столько же времени, сколько и на доклады значительно более общего характера; отсутствуют круглые столы и запланированные дискуссии, нет и обычных для других конгрессов больших обзорных лекций по новым проблемам. Выяснение принципиальных аспектов культурной и социально-экономической истории древнего Востока по существу остается как бы вынесенным за скобки и не составляет основы проводимых встреч.

Одним из главных результатов встречи, однако, были научные контакты, предоставившие возможность ознакомиться с последними достижениями в области ассириологии. В частности, Д. Хокинз сообщил в частной беседе об установленных им и А. Морпурго-Дэвис фактах иероглифического и клинописного лувийского языков, позволяющих истолковать эти языки как отражающие изменение индоевропейских палатальных звуков по типу языков *satem*, что имеет большое значение для всех анатолийских языков, а также для индоевропейской проблемы.

Вяч. Вс. Иванов

© СИМПОЗИУМ «ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В АНТИЧНУЮ И СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХИ»

13—15 апреля 1988 г. в г. Горьком проходил симпозиум, организованный кафедрой истории древнего мира и средних веков Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского. Представленные доклады были посвящены широкому кругу проблем.

Предметом сообщения *М. Ю. Лантевой* (Тобольск) стали события конца VIII в. до н. э. в архаических Эрифрах, приведшие к установлению тирании трех представителей знати: Ортига, Ира и Эхара. Анализ обстановки накануне переворота, социальной опоры и социальной политики тиранов позволил докладчику сделать заключение об антидемократической сущности установившегося в Эрифрах режима личной власти — одного из первых образцов старшей тирании в Ионии. *В. А. Коршунков* (Ленинград) исследовал вопрос о влиянии реформы архонтата в 487 г. до н. э. на положение Ареопага. По мнению докладчика, нельзя преувеличивать значение и объективные последствия этой реформы, которая явилась продолжением клисифеновских преобразований, направленных на упорядочение государственного устройства после правления Писистрата и его сыновей, но отнюдь не подорвала влияния Совета Ареопага. В докладе *В. М. Строецкого* (Горький) «Экономическая политика Афин в процессе формирования афинской империи» было показано, что осуществление в 90—80-х годах V в. до н. э. морской программы Фемистокла, создание в 478 г. Делосской симмахии и ее превращение в Афинский морской союз сопровождалось принятием соответствующих экономических мер, направленных на усиление централизованного союза и афинской гегемонии. *Н. Ю. Старкова* (Ижевск) рассмотрела спорные вопросы хронологии Третьей Мессенской войны и сравнительным анализом источников обосновала выводы о том, что восстание началось в начале 60-х годов и достигло апогея в 465—464 гг. до н. э., после чего илоты удалились на Ифому, блокада которой закончилась незадолго до битвы при Танагре в 459—458 гг. до н. э. Необходимость вмешательства Спарты в Малую Пелопоннесскую войну привела к завершению конфликта в 456 г. до н. э.

И. Р. Блохина (Тамбов) в докладе «Проблемы истории греческого Запада в трудах отечественных историков», охарактеризовав работы Ф. Ф. Соколова, С. А. Жебелева, А. И. Тюменева, В. С. Сергеева и других специалистов, наметивших новые подходы к проблемам истории западных греков, показала, что в последние десятилетия исследования идут главным образом по двум основным направлениям: 1) изучение ранней истории западных греков на основе нового археологического материала (Т. Ф. Новикова, Л. С. Ильинская, Э. Д. Фролов) и 2) изучение социально-политической истории позднеклассической и эллинистической Сицилии в работах Э. Д. Фролова и его учеников. Выступление *Н. В. Молевой* (Белгород) было посвящено обобщению результатов исследования некрополя боспорского города Китея (на южном побережье Керчен-

ского полуострова). Анализ археологических материалов показывает, что скифское население в городе было малочисленным, а с I в. н. э. происходил приток сарматских элементов. Период I—IV вв. был временем расцвета Китея, жизнь которого продолжалась и в V в., а не прекратилась, как полагали, столетием раньше.

С. К. Сизов (Горький) рассмотрел в своем докладе проблему взаимоотношений союзных органов с полисами внутри Ахейской федерации в III—II вв. до н. э. По мнению докладчика, Ахейский союз представлял собой федеративное государство, аналогичное по устройству федерациям нового времени. Полисы Ахейского союза сохраняли государственный суверенитет, но поступались частью своих суверенных прав в пользу федерации, которая определяла единую политику в сферах, касавшихся всех членов союза, но обычно не вмешивалась во внутренние дела полисов. По-видимому, это был наиболее перспективный путь интеграции полисов в условиях балканской Греции доримской эпохи.

В выступлениях ряда докладчиков были затронуты разнообразные вопросы истории римской политики и идеологии. Доклад *Г. С. Кнабе* (Москва) «Рим Тита Ливия: реальность, образ и миф» привлек внимание тем, что анализ конкретного явления античной историографии позволил докладчику перейти к широким и важным обобщениям. Г. С. Кнабе отметил, что в центре повествования у Тита Ливия находится суммарный образ *populus Romanus*, которому присущи такие характеристики, как свобода, единство, подчинение частных интересов общим, богоизбранность, благочестие, *fides, felicitas*. Работам антиковедов нового времени свойствен критицизм в отношении данных Ливия. Однако нужно ли противопоставлять миф реальности и «очищать» историю от мифологизированных представлений? По мнению докладчика, история не тождественна ни мифу о ней, ни голой эмпирии: для древних народов миф был естественной и неотъемлемой частью коллективного сознания и имел материальную основу в виде общинного уклада, сохранявшегося в той или иной форме на протяжении всей античной эпохи. *Г. С. Самохина* (Петрозаводск) остановилась на проблеме взаимоотношений Рима с населением Балкан в период Иллирийских войн. Установившиеся в результате этих войн отношения римлян с греческими полисами, сдавшими под покровительство Рима, основывались на римском обычае *deditio in fidem*. Эти полисы, как и покоренные римлянами некоторые иллирийские племена, получили статус «друзей» Рима. В сообщении «Испания накануне римского завоевания» *Ю. Б. Циркин* (Новгород) охарактеризовал положение различных территорий Испании с точки зрения этнического состава населения и социально-политического устройства. Население Испании представляло собой сложную мозаику этносов, индоевропейских и неиндоевропейских, которые находились на разных стадиях общественного развития — от раннегосударственных объединений (тартессии на юге и некоторые иберийские племена на юго-востоке и востоке страны) до остальных родовых обществ (племена севера и северо-запада). Условиями, в которых находились те или иные местные народы накануне романизации, и определялся ее темп. В докладе «Республиканские традиции в политике Юлиев-Клавдиев» *Я. Ю. Межеричкий* (Калуга) развивал мысль о том, что адекватное объяснение перипетий первого столетия Империи предполагает восстановление нетривиального смысла, который придавали им современники. По мере осознания происходившего переворота выкристаллизовывался отличный от официального вариант идеологии «республиканизма». Процесс «прозрения», явно обозначившийся в годы правления Тиберия, докладчик усмотрел в неудавшейся попытке будущего императора Клавдия подробно осветить события после смерти Юлия Цезаря, в процессе Кремуция Корда и в тоне некоторых высказываний Веллея Патеркула. Неспособность преемников Августа найти общую с сенатской аристократией трактовку *rei publicae* и предопределила неосуществимость «республиканских» программ, провозглашением которых открывалось правление каждого из Юлиев-Клавдиев. В сообщении *М. С. Садовской* (Горький) был рассмотрен вопрос о социальном и этническом составе населения римских колоний в Британии. Эпиграфические и археологические материалы показывают, что две из четырех колоний Британии — Камулодун (современный Колчестер) и Эборак (Йорк) резко отличались друг от друга и от других колоний. Если в населении Йорка при общей пестроте этнической картины гражданский элемент сравнительно незначителен, то лица, упомянутые в надписях из Камулодуна, могут быть четко разделены на три группы: ветераны, отпущенники и *inerti*, причем среди последних значительный процент составляют местные жители (бритты). Эти различия объясняются не столько временем (49 г.), сколько обстоятельствами основания колонии, прежде всего тем, что Камулодун был выведен на место британского поселения городского типа. Римской Британии было посвящено и выступление *Т. Г. Ворожцовой* (Горький), которая на материалах эпиграфики исследовала вопрос о составе вспомогательных войск римской армии в этой провинции. Данные надписей свидетельствуют, что в I—II вв. ядро *auxilia* составляли галльские, а в III в. — германские племена, причем если первоначально основная часть контин-

гента рекрутировалась из не имевших римского гражданства жителей наиболее романизированных провинций, то после реформ Севера и Каракаллы — из так называемых «новых граждан» и варварских племен, живших в основном в приграничных районах. В докладе А. В. Махлаюка (Горький) были рассмотрены высказанные в советской историографии взгляды на роль армии в кризисе III в. в Римской империи. С точки зрения докладчика, неправомерно отождествлять политические позиции военных кругов с идеологией определенного класса или группы. В условиях, когда армия по своему составу перестала быть классово однородной, произошла определенная бюрократизация армии, что позволило сохранить ее значение как главной опоры императорской власти. Неоднозначная роль армии в событиях III в. объясняется тем, что, с одной стороны, она превратилась в особую корпоративную силу со своими собственными интересами, а с другой — начала постепенно разделяться на различные «фракции», за которыми нередко стояли определенные социально-политические силы.

В сообщении А. В. Подосинова (Москва) «Позднеантичные реплики карты мира Агриппы» шла речь о соотношении античной карты и литературного описания. Основой для рассмотрения этой проблемы послужил анализ связи позднеантичных географических трактатов «Разделение круга земель» и «Разделение провинций» с картой мира и «Хорографией» Марка Випсания Агриппы.

На заключительном заседании Г. С. Кнабе, подводя итоги работы симпозиума, отметил важность подобных встреч ученых, способствующих развитию античной науки как вглубь, так и вширь и созданию новых центров антиковедческих исследований. Горьковский университет, где в 50—60-е годы существовала школа историков древности и медиевистов, создателями которой были член-корреспондент АН СССР С. И. Архангельский, проф. Н. П. Соколов и др., в условиях качественно нового этапа развития советской исторической науки способен возродить частично утраченные традиции и стать региональным центром исследования античной и средневековой истории и культуры.

А. В. Махлаюк

КРЫМСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ»

(Симферополь, 19—24 сентября 1988 г.)

С 19 по 24 сентября 1988 г. в г. Симферополе состоялась научная конференция по проблемам античной культуры, организованная Симферопольским гос. университетом им. М. В. Фрунзе совместно с Отделом археологии Крыма ИА АН УССР. Конференция была приурочена к 70-летию Симферопольского (бывш. Таврического) университета, в числе первых ректоров которого был акад. В. И. Вернадский, а среди студентов — И. В. Курчатов, К. И. Щелкин и другие выдающиеся деятели науки.

В работе конференции приняли участие ученые из 35 городов; всего было заслушано и обсуждено 160 докладов по филологии и истории. Широта и разносторонность научных исследований позволили организовать работу трех филологических секций с семью подсекциями и трех исторических секций: I. Памятники античной литературы и искусства: 1) проблемы античной лирики; 2) проблемы античной прозы; II. Эпиграфика. Античные теории языка и стиля. Художественный перевод; III. Рецепция античности в литературах нового времени: 1) античность в зарубежных литературах; 2) античность в русской классической литературе; 3) античность в русской литературе начала XX в.; 4) античность в советской литературе; 5) античность в украинской и белорусской литературах; IV. Боспор и Восточное Причерноморье; V. Западные районы Причерноморья и Крыма; VI. Античность и варварский мир. Общие вопросы.

Во вступительном слове на первом пленарном заседании проректор Симферопольского гос. университета В. Ф. Шарпа подчеркнул важность проведения подобных конференций, особенно в Крыму, чья древняя история тесно связана с античной культурой.

Доклад Э. И. Соломоник (Симферополь) на первом пленарном заседании был посвящен истории изучения античной культуры в Крыму. В нем был дан обзор археологических открытий начиная с XVIII в. и основных этапов изучения античных городов, поселений и могильников, публикации материалов по градостроительству,

эпиграфике, нумизматике и искусству, а также обобщающих монографий и исследований, подчеркнуты достижения советских ученых, намечены задачи на ближайшее будущее.

В докладе *Н. А. Чистяковой* (Ленинград) «Слово в художественной культуре античного мира» подчеркнуто различие между словесным художественным творчеством и литературой и прослежены изменения функций словесного творчества в эллинистический и римский периоды. Доклад *А. И. Немировского* (Москва) был посвящен результатам археологических раскопок на так называемой «вилле папирусов» в Геркулануме, дающих новый ценный материал по античной истории и философии. *В. А. Кутайсов* (Симферополь) охарактеризовал в своем докладе основные этапы истории Керкинитиды, обобщив материалы раскопок и исследований последних лет.

И. В. Шталь (Москва), выступившая с докладом «Мифопоэтические сюжеты античного изобразительного искусства как источник по истории античной литературы эпохи архаики», проанализировала материал вазовой росписи VII—IV вв. до н. э. в сопоставлении с нарративными данными и пришла к выводу о существовании мифопоэтических вариантов преданий, не зафиксированных в литературе. *Н. В. Вулих* (Ухта) в докладе «Проблема творческой индивидуальности Овидия» на материале «Метаморфоз» и «Тристий» стремилась охарактеризовать личность Овидия согласно созданному им образу автора в качестве образованного высоко нравственного римлянина века Августа. *А. И. Заичев* (Ленинград) в докладе «Упадок греческой поэзии II в. до н. э. и его причины» показал, что в пределах каждой данной культуры в литературном развитии можно разграничить периоды подъема и упадка. О симптомах упадка, по мнению автора, свидетельствуют традиционность тем и способы их выражения, преувеличенное внимание к форме в ущерб содержанию. *В. И. Шароградский* (Ленинград) в докладе «Проблема человека у Гипократа Косского» говорил о намерении древнегреческого врача и мыслителя создать единую науку о человеке, обществе и природе на основе опытного знания.

В докладе *А. И. Опочинской* (Москва) «Античное архитектурное наследие» ввиду общекультурного значения античных памятников Крыма была затронута проблема их сохранности, исторической и эстетической ценности для наших современников. Автор считает необходимым при современном градостроительстве учитывать особенности уникального природного ландшафта Крыма и помнить об античных принципах соразмерности архитектуры и человека. В докладе *А. В. Подосинова* (Москва) «Сакральная ориентация по странам света в древнем Риме» был предпринят комплексный анализ ориентационных систем, бытовавших в древнем Риме. При этом особое внимание докладчик уделил ориентации по странам света в строительстве храмов, молитвах и других сакральных действиях, в ориентации погребенных. Автор приходит к выводу о существовании различных гетерогенных ориентационных принципов в разных сферах жизни римского общества.

Ряд выступлений был посвящен исследованию античного романа. *Н. М. Ботвинник* (Ленинград) в докладе «Легенда о Буцефале в различных древнегреческих редакциях „Романа об Александре“» проследила основные этапы эволюции анонимной версии греческого романа от исторической повести к народной книге. *Л. И. Шевченко* (Куйбышев) в докладе «Папирусные фрагменты и некоторые проблемы древнегреческого романа», выявляя точки соприкосновения между фрагментами, приписываемыми Ксенофону Эфескому и Лоллиану, и произведениями Петрония и Апулея, предполагает возможность влияния греческих авторов на римских романистов. В докладе *В. Н. Илюшечкина* (Москва) «Греческий роман как разновидность „массовой культуры“ периода Империи» рассматривались некоторые общие черты, характеризующие греческие романы, широко распространенные в ранний период Римской империи: по мнению докладчика, большинство авторов греческих романов не только отражало духовные потребности низовой читательской аудитории, но и сознательно ориентировалось на этих читателей. Ряд докладов был посвящен рассмотрению жанровых особенностей античных литературных памятников: *А. С. Крюкова* (Воронеж) «Жанр „Анналов“ Тацита», *Г. С. Самогиной* (Петрозаводск) «О критерии жанра всеобщей истории у Полибия», *А. Н. Полякова* (Москва) «Специфика жанрового самосознания Плутарха-биографа: поиски критериев». *Н. Х. Керасиди* (Симферополь) в докладе «Об утешении в изгнании» на примере судеб грех знаменитых римских изгнанников — Цицерона, Овидия и Сенеки, показав беззащитность личности перед произволом власти, особенно в императорском Риме, рассмотрела причины угнетенности духа изгнанника.

Проблемам античной поэзии были посвящены доклады *Л. В. Поплавской* (Ленинград) — «О поэтике элегий Архилоха», *Л. Н. Мушениной* (Минск) — «Мир Гиппонакта и его современников в слове», *З. А. Рыжиной* (Москва) — «Эволюция гимноэпической традиции и становление энкомия», *И. Я. Румнище* (Рига) — «Место и роль поэта в мировоззренческой системе греческих лириков VI—V вв.», *А. З. Цисик*

(Минск) — «Индивидуально-личностное начало персонажей и поэтики сюжета в идиллиях Феокрита», *В. И. Страдымовой* (Иваново) — «Элегия „К Аллию“ Катутлла», *Е. Ф. Шичалиной* (Москва) — «Гомеровские реминисценции в поэме Стация „Фиваида“», *Е. А. Грановой* (Николаев) — «К вопросу о политическом сервиллизме Горация».

В. П. Завьялова (Москва) в докладе «Александр Этолийский, современник Каллимаха», характеризую творчество поэта, показала, какое важное значение имеет деятельность «вторых» авторов для полного понимания духовной жизни александрийской поэтической школы. *Е. Г. Рузина* (Уфа) в докладе «Поэтическая реминисценция в теории и практике античной поэзии» на материале творчества поэта IV в. н. э. Авсония рассматривает традиционную форму использования реминисценций из предшествующей поэзии.

Проблемам драматического жанра были посвящены доклады *Н. Л. Раевской* (Минск) — «К вопросу об истоках сатировской драмы», *Л. А. Сазненко* (Воронеж) — «„Вавилоняне“ Аристофана: проблемы реконструкций», *Т. Ф. Теперик* (Москва) — «Сентенция в трагедиях Софокла и Сенеки», *Я. Н. Любарского* (Ленинград) — «К проблеме мимических представлений в Византии».

Миф как неисчерпаемый источник сюжетов и образов стал предметом обсуждения в докладах: *Н. А. Деминной* (Саратов) — «Образ богини Артемиды в поэмах Гомера и в гомеровских гимнах», *В. Л. Цымбурского* (Москва) — «Мотив этрусской мифологии в картине заговора Катилины у Саллюстия», *Р. А. Цанаев* (Тбилиси) — «„Любовь“ в мифе об аргонавтах». *В. Н. Слонов* (Саратов) в докладе «Об одном мифологическом сюжете в скифском рассказе Геродота», рассматривая сообщение Геродота о переселении пелов в землю будинов из-за «нападения змей», на основании этнографических данных и привлекая материал из мифологии различных народов, делает вывод о возможности восприятия первобытными народами эпидемии как «нашествия змей». *М. В. Мальгин* (Симферополь) в докладе «Мифологема воды и представления древних о бытии и познании» пришел к выводу, что в многообразных архаических модификациях вода представлена соответственно началам бытия: жизни и смерти, возникновению и уничтожению.

Вопросам художественного перевода посвятили свои доклады *Г. А. Чупина* (Томск) — «В. А. Жуковский — переводчик „Одиссей“ Гомера», *Л. М. Ильасов* (Томск) — «Жуковский — переводчик Вергилия», *Ф. И. Луцкая* (Харьков) — «„Одиссея“ в украинском переводе Потебни», *Л. М. Лукьянова* (Саратов) — «Восьмой стих Катутлла в русских переводах». Проблема влияния латинского языка на развитие русского была рассмотрена в докладе *Т. А. Карасевой* (Москва) «Влияние некоторых особенностей латинского языка на русский литературный язык XVIII столетия»; проблемам семантики, стилистики, формообразования, термнологии, ономастической лексики были посвящены доклады *И. И. Ковалевой*, *Л. В. Мысловской*, *О. Ю. Назаренко*, *Г. М. Шатрова*, *В. П. Губарева*, *В. Н. Михайлова*, *Л. М. Глушенко*. В докладе *Ю. А. Шичалина* (Москва) «Некоторые проблемы перевода „Фиваиды“ Стация» рассматривалась проблема теории и практики перевода.

М. Н. Славянская (Москва), выступившая с докладом «Языковая норма и языковое сознание», отметила, что в языке Гомера нашли свое отражение предшествующие нормы древнегреческого языка. *Н. И. Григорьева* (Москва) в докладе «Учение о слове в „Исповеди“ Августина» рассмотрела изменение функции слова с привлечением материала раннехристианских авторов. *С. И. Курганова* (Симферополь) в докладе «Койнэ в надписях Херсонеса» касалась вопроса о распространении койнэ в эллинистическом мире и, в частности, отмечала, что признаки дорийского диалекта дольше всего сохранялись в Херсонесе.

Рецепции античных сюжетов и образов в русской, украинской, белорусской, зарубежных литературах были посвящены доклады *А. Р. Волкова*, *С. А. Кибальника*, *М. В. Скржинской*, *Л. Н. Болтовской*, *М. В. Рождественской*, *Т. Г. Мальчуковой*, *А. С. Козлова*, *Л. В. Павленко*, *Е. И. Нечепорука*, *Ж. П. Букетовой*.

Доклад *Г. М. Николаенко* и *Л. В. Марченко* (Севастополь) «Антропогенное воздействие на природу в регионе Юго-Западного Крыма в V—III веках до н.э.» был посвящен вопросам экологии. В докладе *А. А. Зедгенидзе* (Севастополь) «Становление херсонесского полиса» говорилось о датировке и оценке материалов из раскопок последних лет. Доклад вызвал большой интерес и оживленную дискуссию. Мнения разошлись, и стало очевидным, что вопрос о времени основания Херсонеса или предшествующего ему поселения требует повторного анализа широким кругом специалистов.

Выступивший с докладом «Античные мозаики Херсонеса и Ольвии» *О. И. Домбровский* (Симферополь) привел ряд аргументов в пользу передатировки античной мозаики, отнес ее к IV в. до н.э.; *А. Г. Авдеев* (Москва) в своем докладе коснулся вопроса о времени пребывания в Херсонесе V Македонского легиона, прибывшего туда, по мнению докладчика, между 114—117 гг. н.э., а не в конце I — начале II в.

Доклады *В. И. Каца*, *С. Ю. Монахова* и *Н. Ф. Федосеева* были посвящены воп-

росам изучения амфорной тары и керамических клейм, а сообщения Н. А. Алексеева и Л. А. Ковальской — вопросам нумизматики.

Ряд докладчиков сообщил о результатах раскопок и исследований последних лет: на поселениях Большой Камень и в урочище Джангуль, где открыто святилище II в. до н.э. — *А. Н. Щеглов* (Ленинград), об итогах изучения некрополя Панское I — *Е. Я. Розов* (Ленинград), об открытии ранней стены на городище Кыз-Кермен — *А. В. Белый* (Бахчисарай), о системе водоснабжения в римской крепости Харакс — *К. К. Орлов* (Симферополь), о границах городской территории Тира — *И. Б. Клейман* (Одесса), о некрополе Никсия — *И. В. Бряко* (Одесса), о раскопках Копарского городища — *Э. А. Левина* (Одесса). *М. И. Золотарев* (Севастополь) рассмотрел взаимоотношения Херсонеса, Геспора и Ольвии в конце V — первой половине IV в. до н.э.

Три доклада было связано с ольвийской тематикой: *А. О. Русаева* (Киев) представила новые лапидарные вотивы IV—II вв. до н.э., *В. И. Денисова* (Ленинград) сообщила о находке плиты с сарматским знаком, *В. П. Яйленко* (Москва) на основе анализа нарративных источников пришел к выводу, что философ Бион, поэт Дионисий и историк Посидоний были уроженцами Ольвии.

В секции археологии и истории Боспора большой интерес вызвал доклад *А. В. Сагонова* (Москва) «Позднеантичный Боспор: периодизация и историческое развитие», в котором автор предложил отличную от общепринятой датировку позднеантичных слоев городов Боспора (Гиритак, Пантикапея, Фанагория, Китея и др.) — не III—IV, а концом IV — второй четвертью VI в. н.э. Пожары же, обычно связываемые с гунским нашествием (конец IV в.), он отнес ко второй четверти VI в. н.э. Выделяются три этапа в истории позднеантичного Боспора: 1) от конца IV до второй четверти VI в. (534 г.); 2) вторая — третья четверти VI в. (534—575 гг.); 3) третья четверть VI — первая половина VII в. Таким образом, история позднеантичного Боспора заканчивается только с образованием Великой Булгарии и последующим приходом хазар.

Привлек внимание слушателей доклад *А. В. Гаврилова* (Симферополь) о сельскохозяйственной территории Европейского Боспора в IV — первой половине III в. до н.э. Анализируя имеющиеся в античных источниках цифры, характеризующие хлебный импорт из Феодосии, а также определяя размеры хоры этого города, автор пришел к выводу, что вывозимый хлеб могли выращивать на феодосийской хоре. *О. А. Мазнева* (Симферополь) сообщила о коллекции клейм (более 500 экз.), собранной у с. Журавки, в 15 км к северо-западу от Феодосии, где, как она предполагает, существовали по крайней мере четыре эллинистические усадьбы, относящиеся к хоре города.

Первым винодельческим комплексам эллинистического времени из Нимфея посвятила доклад *О. Ю. Соколова* (Ленинград). Характерные особенности оборонительной системы античных поселений азовского побережья Восточного Крыма были выявлены в докладе *И. М. Безрученко* (Москва). На некрополе Пантикапея, в районе Глинища, в последние годы были открыты новые подкурганные каменные склепы I—II вв. н.э. Об этих находках доложил *О. А. Чевелёв* (Керчь). Стены большой камеры склепа, открытого в 1987 г. (вторая четверть — середина I в. н.э.), покрыты росписью по штукатурке в так называемом псевдоисодомном стиле. На стенах боковой камеры уникального по планировке склепа (конец II в. н.э.) сохранилось более 20 граффити: изображения торговых, вспомогательных судов, фигурки людей. Новый погребальный комплекс в северной части некрополя Илурата, исследующийся на протяжении четырех полевых сезонов экспедицией Государственного музея религии и атеизма, стал темой сообщения *В. А. Хрипановского* (Ленинград).

Доклад *Н. В. Молевой* (Белгород) был посвящен терракотам Китея, полученным в результате многолетних исследований этого античного города (56 статуэток и фрагментов). Большая их часть происходит из зольника — святилища, где в V в. до н.э. — IV в. н.э. приносились жертвы многим богам, но в первую очередь олицетворяющим идею плодородия.

Ряд докладчиков обратился к политической истории Боспорского государства. В докладе *И. В. Охинько* (Керчь) речь шла о политических контактах Боспора и Синоп в IV—III вв. до н.э., *В. И. Пасленкова* (Евпатория) — о боспорской помощи Афинам в период македонских завоеваний, *Е. А. Молева* (Белгород) — о времени и характере деятельности архонта Гигеонта. *Н. И. Винокуров* (Москва) рассмотрел вопрос о римских денежных субсидиях Боспорскому царству по данным нарративных и нумизматических источников.

Доклад *Э. Б. Петровой* (Симферополь) был посвящен названию Феодосии в древности. Опираясь на письменные свидетельства и легенды феодосийских монет, автор сделала попытку доказать, что первоначальное наименование города было связано с именем его основателя — ойкиста (Теодосса), впоследствии Исвкон I изменил назва-

ние на созвучное «Феодосия» по политическим соображениям. Уникальным памятникам, обнаруженным в некрополе Нимфея во второй половине XIX в. и оказавшимся в музеях Англии, уделила внимание *Э. В. Яковенко* (Керчь). Автор предлагает по-новому подойти к интерпретации этих комплексов. Научное творчество *М. И. Ростовцева* в связи с историей Боспора стало темой сообщения *О. А. Гривы* (Симферополь). В совместном докладе *Т. Н. Сжекаловой*, *А. В. Мельникова* (Ленинград) и *А. А. Масленникова* (Москва) были представлены результаты апробации методических приемов геофизических исследований при изучении античных сельских поселений Керченского Приазовья и намечены этапы проведения такого рода исследований.

Оживленная дискуссия развернулась вокруг докладов, связанных с различными проблемами истории поздних скифов в Крыму. Чередование периодов расцвета и упадка позднескифского государства рассмотрел *И. Н. Храпунов* (Симферополь) в докладе «Основные этапы истории поздних скифов». Вопрос о проникновении элементов античной культуры в скифскую среду через основные центры Северного Причерноморья — Ольвию, Херсонес, Боспор — были затронуты в докладе *Т. Н. Выготской* (Симферополь). Находки из раскопок последних лет на территории Неаполя Скифского интерпретировались в докладах и сообщениях *А. Е. Пузырьковского* (Симферополь) «К проблеме формирования Неаполя Скифского», *Ю. П. Зайцева* (Симферополь) «Исследования района центральных ворот Неаполя Скифского», *И. В. Ачкинази* (Симферополь) «Скилур и Ольвия (в связи с находкой нового типа монет Скилура)».

В докладе *А. В. Гудковой* (Одесса) «Тира, Ольвия и Черняховская культура» был рассмотрен один из предполагавшихся путей воздействия провинциально-римского мира на формирование облика черняховской культуры — через Тир и Ольвию и сделан вывод, что поскольку эти города ко времени расцвета черняховской культуры находились в глубоком упадке, то они не могли оказать на нее непосредственного влияния. В докладе *С. В. Пиговарова* (Черновцы) отмечалось, что античное влияние на земледелие черняховского населения шло в основном через Дакию и Мезию и выразилось в заимствовании орудий труда и некоторых полезных растений. *Л. С. Ильинская* (Москва) выступила с докладом «Антропоморфные стелы Апулии», материалы которого проливают свет на миграционные процессы в бассейне Адриатического моря, на древнейшую историю народа, переместившегося на Запад в «темные века», после крушения микенской цивилизации.

Различные группы античных памятников были рассмотрены в докладах *И. И. Вдовиченко* (Симферополь) «Расписные пелики „керченского стиля“», *В. Л. Мыца* (Симферополь) «Новый позднеантичный памятник Караби-Яйлы», *Г. М. Бурова* (Симферополь) «Крайний северо-восток Европы в I тыс. н.э. и античный мир».

В докладе *С. В. Бахматова* (Москва) ставился вопрос о необходимости разработки конкретной терминологической и хронологической концепции, применимой специально к эпохе эллинизма в Северном Причерноморье. При этом как на главный критерий указывалось на сравнение причин и результатов взаимодействия эллинской и местной культур. В докладе *И. Е. Ермоловой* (Москва), посвященном творчеству Аммиана Марцеллина, было показано, что его «Деяния» являются основным источником по истории Северного Причерноморья IV в. как по объему содержащейся в них информации, так и по достоверности приводимых им сведений.

Ряд докладов освещал историю археологических исследований Крыма. *В. Н. Даниленко* (Симферополь) связал этапы, через которые прошла археологическая наука в Крыму, с экономическим, социальным и политическим развитием России в конце XVIII—XIX в. *И. В. Тункина* (Ленинград) привела интересные архивные материалы, проливающие свет на деятельность в Крыму акад. Е. Е. Кёлера, на обстоятельства появления первого в России распоряжения об охране древностей. В докладе *С. В. Ушакова* были охарактеризованы различные подходы к этнической истории Крыма в период Великого переселения народов, появлявшиеся в отечественной историографии. *И. А. Лисовой* (Львов) посвятил свой доклад вкладу чехословацких ученых в изучение античных памятников на территории ЧССР.

На заключительном пленарном заседании было заслушено два доклада. В докладе *Ю. В. Откупщикова* (Ленинград) «К вопросу об индоариях в Крыму и в Причерноморье» была подвергнута критике возрожденная О. Н. Трубачевым индоарийская гипотеза и показана несостоятельность методики его исследований, а кроме того, дана новая интерпретация ряда этнонимов Крыма античного времени. В докладе *А. А. Масленникова* (Москва) «Крымское Приазовье в античную эпоху» подведены итоги многолетних раскопок и дана общая характеристика указанного региона.

После этого были заслушаны отчеты руководителей секций.

В программу конференции были включены научно-ознакомительные автобусные экскурсии по Крыму: в Херсонесский историко-археологический заповедник, в крепость Каламита, в музейный комплекс Бахчисарая и район средневековых пещерных городов, в Ливадийский дворец-музей в Ялте, в Ялтинский историко-археологический

музей. Участники конференции посетили выставку уникальной коллекции находок предметов античного искусства, ювелирных изделий, бытовых предметов и монет из раскопок святилища на Гурзуфском Седле. Выставка была специально подготовлена сотрудниками Ялтинского музея. Для желающих была организована экскурсия на городище Неаполь Скифский.

Ознакомление с памятниками культуры прошлого в Крыму не могло не вызвать широкого и заинтересованного обсуждения проблем их нынешнего состояния, сохранения и научного изучения, особенно учитывая новый подход к историческому прошлому нашей страны. По этому вопросу участники конференции приняли решение поручить Оргкомитету конференции подготовить специальное письмо в адрес Министров культуры СССР и УССР и Госстроя с просьбой принять необходимые меры для охраны бесценных исторических памятников.

В. Н. Даниленко, Н. Х. Керасиди, Э. И. Соломоник

© ЗАСЕДАНИЕ «ПРОБЛЕМЫ КОПТСКОГО ИСКУССТВА»

(Эрмитаж, 14 декабря 1988 г.)

Во многих музеях мира хранятся памятники искусства египтян-христиан (коптов). К числу наиболее полных и лучших мировых собраний относится коллекция коптских памятников Гос. Эрмитажа. Она насчитывает около 6 тыс. экспонатов (ткани, каменная скульптура, изделия из дерева, металлов, поделки из кости, керамика, вещи из стекла, кожи, перламутра, ostrаки, папирусы, пергамены и др.).

Этому эрмитажному собранию сейчас исполняется сто лет. Основу его заложил Владимир Георгиевич Бок (1850—1898), с 1886 г. работавший в музее в должности хранителя Отделения средних веков и эпохи Возрождения. В 1888—1889 и 1897—1898 гг. Бок совершил две научные поездки в Египет, откуда привез более трех тысяч памятников. Позднее эрмитажная коллекция неоднократно пополнялась (памятники из собраний быв. музея Училища барона А. Л. Штиглица, академиком Б. А. Тураева, Н. П. Лихачева, И. И. Толстого и др.), но ядро ее все же составляют вещи, добытые Бок.

Столетней годовщине образования коптской коллекции Эрмитажа было посвящено научно-техническое заседание «Проблемы коптского искусства» отдела Востока Эрмитажа, состоявшееся 14 декабря 1988 г. На нем присутствовали сотрудники ленинградских научных институтов, коллеги из Москвы, Киева, Ярославля. Во вступительном слове заведующий Отделом Востока А. А. Иванов дал краткую характеристику коптского собрания музея, подчеркнул огромную роль Бока и как собирателя памятников мусульманского искусства. С докладом «В. Г. Бок — собиратель и исследователь коптских памятников и музейный деятель» выступил А. Я. Каковкин. Автор раскрыл многогранную деятельность Бока как археолога, ученого — коптолога и византиниста — и музейного хранителя. Итоги работы Бока в Эрмитаже — две экспедиции в Египет, привоз, размещение, организация хранения, классификация, реставрация, экспонирование памятников, выпуск в свет девяти работ по византийскому и коптскому искусству (большинство из которых, кстати, не утратило научного значения по сию пору), устройство двух больших выставок. Одна из них, развернутая весной 1898 г. в Лоджиях Рафаэля, явилась первой не только в России, но и в мире, представительной — более 3 тысяч экспонатов — экспозицией памятников коптского искусства.

М. Г. Быстрикова в сообщении «Коптский деревянный рельеф с изображением оленя» с искусствоведческих позиций проанализировала эрмитажную пластину (быв. собрание Б. А. Тураева) с изображением газели. По мнению автора, технические и стилистические особенности рельефа больше соответствуют памятникам X в., а не V—VI вв., как считали до сих пор. Выступавшие единодушно отвергли это предположение. В. Н. Залесская выступила с сообщением «О производстве консульских регалий в Александрии». Рассматривая эрмитажный костяной цилиндр с изображением богини победы Ники, она на ряде примеров показала, что бытовавшие представления об этом памятнике как рукоятке ножа или коробочке для лекарств, ошибочны. Костяной цилиндр, скорее всего, служил жезлом византийского императора-консула. Эрмитажный памятник уникален, поскольку только на нем изображена Ника. По сти-

листическим признакам его можно отнести к изделиям косторезов VI в., работавших в Александрии.

Заведующая отделом восточного искусства Киевского музея западного и восточного искусства *Е. В. Герасимчук* сделала доклад о коптских тканях этого музея. Киевское собрание (быв. коллекция Б. И. Ханенко) в количественном отношении невелико (25 экспонатов), но по своим художественным качествам и культурно-историческому значению является лучшим разделом всего восточного собрания музея. Докладчица подробно остановилась на лучших образцах и отметила, что все ткани в 1962 г. были отреставрированы в реставрационной мастерской Эрмитажа (реставратор Т. Н. Волгина). Сотрудница ГМИИ им. А. С. Пушкина *О. Е. Этингhoff* ознакомила собравшихся с последним приобретением московского музея — купленными в 1987 г. шестью фрагментами полотна с пурпурными вставками с изображениями «танцоров», животных, растений. Исследования показали, что они относятся к VI в. и являются остатками одной детской туники, аналогии которой есть в собраниях Эрмитажа и Лувра.

На заседании планировалось заслушать доклады коллег из Исторического музея Армении (Г. В. Саркисян) и Картинной галереи Армении (Л. К. Есаян) о коптских тканях, переданных в 30-е годы из Эрмитажа в эти музеи. Однако трагические события в Армении не позволили докладчикам приехать.

Сообщения и доклады вызвали живой интерес присутствующих, в обсуждении приняли участие А. А. Иванов, Б. И. Маршак, А. А. Иерусалимская, Т. Б. Арапова и др.

А. Я. Каковкин

© ПЕРВЫЕ ВСЕСОЮЗНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА П. О. КАРЫШКОВСКОГО

Памяти выдающегося историка, профессора Одесского гос. университета Петра Осиповича Карышковского были посвящены чтения, проходившие в Одессе с 9 по 11 марта 1989 г. Были представлены доклады и сообщения по тематике, связанной с научными занятиями и интересами П. О. Карышковского в области античной и средневековой истории, эпиграфики и нумизматики Причерноморья. Часть докладов была посвящена научной, педагогической, общественной и литературной деятельности ученого. Конференция была организована Одесским областным Управлением культуры на базе Одесского гос. университета*.

В работе конференции приняли участие более 50 антиковедов и медиевистов из Москвы, Ленинграда, Киева, Кишинева, Одессы, Николаева, Симферополя, Севастополя, Запорожья и других городов, которые представляли Институт всеобщей истории АН СССР, Институт истории СССР АН СССР, Институт археологии АН СССР, Государственный Эрмитаж, Институт археологии АН УССР, Одесский археологический музей, университет и Археологический центр, Николаевский историко-краеведческий музей и пединститут, Херсонесский музей, Запорожский университет и другие учреждения. Конференция сопровождалась заинтересованной и профессиональной дискуссией именно в том духе, который был органично присущ самому Петру Осиповичу, всегда щедро делившемуся с учениками и коллегами не только своими знаниями, но и новыми научными идеями, разработками и неизданным материалом.

На пленарном заседании ректор Одесского гос. университета профессор *И. П. Зелинский* обратил внимание собравшихся именно на эти стороны личности П. О. Карышковского — замечательного педагога, блестящего руководителя кафедры истории древнего мира и средних веков, под руководством которого были подготовлены сотни дипломников и более десятка кандидатов наук — специалистов по античной и средневековой истории Причерноморья.

Размышлениями о некоторых сторонах личности П. О. Карышковского под елился в своем выступлении *Ю. Г. Виноградов*. Коснувшись посмертно вышедшей монографии «Монеты Ольвии», он обратил внимание собравшихся на те прежние идеи и положения, от которых П. О. Карышковский счел необходимым отказаться в книге после

* Древнее Причерноморье. Чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. Тезисы докладов конференции (9–11 марта 1989 г.). Одесса, 1989. 68 с.

строного анализа и пересмотра всей совокупности фактов и всей системы доказательств. В этом пример не только честного и самокритичного отношения к научному творчеству, но и мужества ученого.

Выступления *М. В. Агбунова* и *О. Б. Демина* были посвящены вкладу П. О. Карышковского в изучение древней истории и географии Причерноморья, в преподавание и разработку так называемых вспомогательных исторических дисциплин. *В. П. Ванчугов* рассказал о его участии в работе Одесского археологического музея. Особое внимание привлекло сообщение *О. А. Губаря* о литературной и публицистической деятельности Петра Осиповича, научно-популярные книги и статьи, циклы стихотворений которого говорят о нем и как об одаренном публицисте и поэте.

Серия докладов была посвящена развитию идей П. О. Карышковского в области античной эпиграфики. Интерпретируя эпиграфические памятники первой четверти III в. н. э. из могильника Бельенькое, *И. Я. Бруяко* и *А. А. Росochaцкий* подтвердили предположение Петра Осиповича о том, что сражение тиритов с карпами произошло в районе Будаковского лимана в 214 г. *Э. И. Диамант*, изучив надпись надгробия из Кошарского некрополя, установил статус погребенного как гражданина Ольвии. *М. И. Золотарев*, уточняя выводы П. О. Карышковского о межполисных отношениях Ольвии и Херсонеса, выступил с тезисом о невозможности военного конфликта между ними во второй половине IV в. до н. э., что противоречит высказанной ранее гипотезе *А. Н. Щеглова*. *Н. А. Лейлунская*, трактуя надпись Посидея из Ольвии последних десятилетий II в. до н. э., пришла к выводу об ослаблении протектората Скилура и усилении в это время демократии в полисе. Интерес вызвало сообщение *Ф. В. Шелова-Коведяева* о находке на о-ве Березань поэтического посвящения Ахиллу Понтарху, которое было гимном не только Ахиллу, но и острову.

Другая серия докладов была посвящена нумизматической проблематике. После анализа монетной чеканки VI в. до н. э. храма Аполлона в Пантикапее *О. Н. Мельников* высказал мнение, что толчком к ее возобновлению явилось создание на базе амфикинии симмахии, что должно было подчеркнуть автономность входящих в симмахию полисов. Попытка пришедших к власти Спартокидов передать функции храмовой чеканки городскому монетному двору Пантикапея не состоялась — ответом стал дружный выпуск собственной монеты автономными центрами Боспора. *В. И. Наумов*, изучив технологию изготовления ольвийских монет во второй половине V в. до н. э., проследил тенденцию к схематизации и огрублению их форм, наряду с увеличением выпусков младших номиналов, что свидетельствует о преобладании внутренней мелкооптовой торговли в первых десятилетиях второй половины V в. В докладе *Е. Я. Тудоровского* была предложена новая хронология херсонских монетных выпусков, основанная на определении хронологии монетных магистратов Херсонеса. Эта хронология существенно отличается от хронологии *В. А. Анохина*. *Е. С. Столярик* ознакомил участников конференции с золотыми монетами позднеантичного времени из коллекции Одесского археологического музея — важным источником изучения монетной чеканки, а *Е. Ф. Редина* сообщила о новых находках античных монет в скифских погребениях Днестро-Дунайских степей. *В. В. Гурулёва* рассказала об И. И. Толстом — крупнейшем специалисте в области византийской нумизматики. *С. В. Буйских* посвятил свое выступление денежному обращению на ольвийской хоре в послегетское время. Он обратил внимание на егс-пассивный характер и подчеркнул, что в конце II — середине III в. н. э. полностью исчезают условия для проникновения разменной медной монеты общегосударственного образца в аграрную зону — на смену приходят римские денарии. Это подтверждает мнение П. О. Карышковского об их использовании в качестве денежной платы римским войнам. *Е. Я. Тудоровский* вновь вернулся к спорным проблемам периодичности монетных эмиссий эллинистического Херсонеса.

Выступление *И. Б. Клеймана*, настаивавшего на традиционном расположении оборонительных сооружений Тирф IV—I вв. до н. э. в противовес мнению *Т. Л. Самойловой*, возражений на конференции не вызвало, как и доклад *А. В. Гудковой* о Тире и оседлом населении Буджака в первой половине I тыс. н. э. Были заслушаны также историко-искусствоведческие сообщения *Н. П. Буравчук* о социально-экономических причинах изменения стиля аттической вазописи в IV в. до н. э. и *Е. М. Пашковской* — об эстетике пифагорейцев и каноне Поликтета. *Э. А. Левина* доложила о находке кратера «керченского» стиля на Кошарском поселении, которая позволяет ограничивать время бытования такого типа кратеров серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. *И. В. Тункина* рассказала об истории изучения Ольвии в конце XVIII — начале XIX в.

В совместных докладах *В. Б. Гребенникова* и *И. А. Снытко*, а также *И. А. Снытко*, *И. А. Смирнова* и *С. А. Липавского* было рассказано о новых материалах из античных некрополей позднеархаического, раннеклассического и раннеэллинистического времени в Нижнем Побужье.

В докладе *Ю. А. Виноградова* и *К. К. Марченко* об архаическом периоде Скифии

обосновывалась точка зрения, согласно которой кочевые скифы из центральной зоны евразийских степей проникали в маргинальные области Причерноморья под влиянием климатических колебаний, стимулировавших демографические импульсы. Авторы предложили новую периодизацию пребывания скифов в Причерноморье в архаический период. В выступлении по этому докладу *А. О. Добролюбский* отметил, что предлагаемая концепция подтверждается материалами средневековья, когда наблюдаются сходные закономерности взаимоотношений кочевников и земледельцев. Такие же закономерности можно проследить и в первые века н. э., что показал доклад *А. Н. Дзиговского* о сарматах на западе причерноморских степей. Изучению сарматских погребальных памятников было посвящено и выступление *М. М. Фокеева*.

Дискуссия по докладам касалась разночтений и дополнений гимна Ахиллу Понтарху, датировок и технологических деталей изготовления ольвийских монет, даты сооружения нижнего Бессарабского вала и др.

Конференция продемонстрировала высокий уровень одесской школы нумизматики, эпиграфики и археологии, следующей научным идеям П. О. Карышковского. Участники конференции приняли резолюцию, в которой предлагается проводить чтения памяти П. О. Карышковского в Одессе традиционно, раз в два года, и издавать его труды. Предложено также присвоить имя П. О. Карышковского одной из аудиторий Одесского гос. университета и Одесскому археологическому обществу.

А. О. Добролюбский, Е. С. Столярик

ПРИЛОЖЕНИЕ

ARTEMIDORI DALDIANI

ONEIROCRITICA

АРТЕМИДОР

СОННИК

Перевод с древнегреческого под общей редакцией
Я. М. Боровского

АРТЕМИДОР

СОННИК

Перевод выполнен по изданию Artemidori Daldiani Onirocriticon libri V. Recogn. R. A. Pack. Lipsiae, 1963. Использовался также последний английский перевод этого сочинения: The Interpretation of Dreams: Oneirocritica by Artemidorus. Transl. and comment. by R. J. White. Park Ridge, 1975.;

В основу критического текста положены две рукописи — Лавренцианская XI в. и Маркианская XV в., остальные прямо или косвенно восходят только к ним. Арабский перевод I—III книг был выполнен в IX в. Первое печатное издание появилось в Венеции в 1518 г., латинский перевод — в Базеле в 1539 г.; первое научное издание, опирающееся на сопоставление всех известных рукописей, было опубликовано Р. Герхером в 1864 г. Герхер выделил в наличном тексте «Сонника» отрывки, которые он считает интерполяциями; в нижеследующем переводе они в основном опущены, те же, что сохранены, приводятся в квадратных скобках. Пэк снабдил свое издание обильными ссылками на параллели из античных авторов. Эти параллели послужили основой для

комментария Р. Уайта, во многом являющегося источником нашего комментария. На русский язык «Сонник» переводится впервые. Перевод выполнен под общей редакцией Я. М. Боровского: кн. I — М. Л. Гаспаровым, В. С. Зилитинкевич, кн. II — И. А. Левинской (1—19), М. Л. Гаспаровым (20—70), кн. III — Э. Г. Юнцем, кн. IV — И. А. Левинской, кн. V — Э. Г. Юнцем. Окончательную сверку производил Д. Е. Афиногенов. Комментарии И. А. Левинской.

К Н И Г А I*

Содержание. Вступление. Общие положения (1—11). Рождение (12—14). Младенчество и детство (15—16). Голова (17—22). Лоб, нос, глаза, уши (23—30). Рот (31—34). Лишение головы (35—39). Плечи, грудь, руки (40—42). Туловище (43—46). Ноги, спина (47—49). Превращения (50). Ремесла (51—52). Учение и забавы (53—56). Спорт (57—63). Мытье (64). Пища (65—73). Утварь (74). Умашения, пляски, венки (75—77). Любовное соединение (78—81). Прощание (82).

Артемидор Кассию Максиму шлет привет ¹.

Часто я ощущал в себе желание обратиться к этому труду, однако воздержался «не от праздности низкой или от незнания дела», как говорит наш поэт ², но устрашала меня грандиозность и широта исследований, нужных для него, и тревожили меня возражения людей, идущие в их речах или от убеждения, что ни гадания не существует, ни божественного промысла, или попросту от желания доставить себе упражнение ума и провождение времени. Ныне же насущная нужда заставляет меня не откладывать и не медлить, но изложить мои познания, приобретенные опытом, ибо это полезно не только для нас самих, но и для потомков.

Я полагаю тем самым достигнуть двоякой цели: во-первых, дать отпор тем, кто пытается отвергнуть само искусство прорицания и виды его, выдвигнув против них безукоризненно и целенаправленно собранный опыт и свидетельства исполнения снов, достаточные, чтобы противостать кому угодно; во-вторых, тем, кто хоть и занимается гаданием, но, не умея найти надежные книги, бродит в потемках и рискует разочароваться и отшатнуться от этого занятия, дать спасительное средство против их заблуждений. Ибо почти все недавние мои предшественники ³, желая снискать писательскую славу и полагая, что единственный путь прославиться — это оставить сочинение о толковании снов, умеют только пересказывать друг друга — берут древние сочинения и сказанное хорошо пересказывают плохо или к сказанному кратко добавляют многословный вздор. Ведь они писали не по опыту, а наудачу, что кому придет в голову, причем одним были доступны все книги древних, а другим не все, ибо некоторые книги из-за древности были редкими и испорченными, и остались им неизвестны.

Я же, во-первых, почитал делом чести добыть любую книгу о снотолкованиях, а во-вторых, я много лет, пренебрегая клеветой, водился с теми оболганными рыночными гадалками, которых люди важные и надменные обзывают нищими, обманщиками и шутами; и в эллинских городах и на праздничных сборищах, и в Азии, и в Италии, и на самых больших и людных островах я терпеливо выслушивал рассказы о древних вещих снах и их исполнении, ведь в таких исследованиях нельзя было и действовать

* Перевод М. Л. Гаспарова и В. С. Зилитинкевич.

¹ Большинство ученых идентифицирует Кассия Максима с Максимом Тирским (ок. 125—185 гг. н. э.), софистом, автором 41 философско-риторического сочинения, в которых чувствуется влияние кинизма и платонизма.

² Гомер. Илиада / Пер. Н. Гнедича (здесь и далее). X. 122.

³ Пэк высказал предположение, что одним из упоминаемых здесь предшественников Артемидора может быть Гермипп из Берита, ученик Филона, писавший на астрологические темы в период правления императоров Адриана и Траяна.

иначе. Поэтому я могу подробно рассказать о каждом случае, сообщая истинную правду безо всякого вздора, и для всего, что я помню, предложить ясные и понятные для всех доказательства на основе самых простых рассуждений — разве что иное будет столь уж ясно, что толкование вообще не понадобится.

Теперь, наконец, я перейду к своему предмету, чтобы вступление не оказалось длиннее нужного. Ибо зачем слова без сути дела для тебя, столь красноречивого, что подобного доселе не видано было среди эллинов, и столь понятливого, что, не дожидаясь конца речи, ты угадываешь, куда она ведет? Итак, прежде всего необходимо дать точную меру некоторым основным понятиям.

1. Разница между обычным сновидением (*ἐνύπνιον*) и вещим сном (*ὄνειρος*) есть немалая, о ней я писал в других местах. И теперь, по-моему, хорошо начать именно с этого ...⁴ поскольку сочинение покажется тебе беспорядочным и начинающимся без отправных положений.

Вещий сон и простое сновидение различаются тем, что первый предсказывает будущее, а второй указывает на настоящее. Яснее, пожалуй, будет для тебя так. Некоторые переживания имеют свойство возвращаться, вновь возникать в душе и вызывать сонные видения: так естественно, что влюбленный видит себя во сне с предметом своей любви, испуганный видит то, чего он боится, голодному снится, будто он ест, жаждущему — будто он пьет, а объевшемуся — что его рвет или что его душат из-за возникшей преграды трудноперевариваемой пищи. Стало быть, видно, что эти пережитые чувства содержат не предсказания будущего, но воспоминания о настоящем⁵. Исходя из этого можно видеть, что одни переживания — собственность только тела, другие — только души, а третьи — и тела, и души. Так, когда влюбленному снится, что с ним предмет его любви, а больному — что он лечится и разговаривает с врачами, — это примеры переживаний тела и души вместе; страдать рвотой, спать, пить, есть — надо полагать, переживания, свойственные телу, а радоваться и огорчаться — свойственные душе. Отсюда ясно, что переживания тела являются во сне или из-за недостатка, или из-за избытка чего-либо, а переживания души — или из-за страха, или из-за надежды.

О простом сновидении сказано достаточно. Называется оно точным именем — и не потому, что все спящие (*ὕπνουτες*) его (*ἐνύπνιον*) видят (ведь и вещий сон (*ὄνειρος*) — удел спящих), но потому, что оно имеет действие, только пока снится⁶, а как кончится сон, перестает действовать. Вещий же сон, также будучи сновидением, действует тем, что ведет нас к осуществлению предсказания будущего; и это действие после пробуждения становится толчком к делу, возбуждая и расшевеливая душу. Поэтому и название ему дано от первопричины, или исходя из выражения «произносить сущее» (*τὸ ὄν εἰρεῖν*), что означает попросту «говорить», как

⁴ В тексте лакуна, отмеченная Герхером. По смыслу в данном месте возможно следующее восстановление: «иначе» или «в противном случае».

⁵ Мысль о том, что во сне могут отражаться дневные заботы человека, была достаточно широко распространена в античности. Она стала общим местом для эпикурейцев в отличие от стоиков, которые полагали, что сновидения посылаются божеством.

⁶ Артемидор раскладывает слово *ἐνύπνιον* на составные части: *ἐν* — в и *ύπνος* — сон. Таким образом, название простого сновидения по-гречески указывает на время его действия, т. е. во сне.

⁷ Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского (здесь и далее). XI. 137, слова пророка Тиресия.

У поэта: «да сбудется все, предреченное мною» ⁷. А нищего Ира жители Итаки называли так, «потому что у всех он был на посылках» ⁸.

2. Среди вещих снов в свою очередь различаются прямосозерцательные и аллегорические. Прямосозерцательные сны — это те, совершение которых схоже с тем, что в них привиделось. Например, одному человеку в морском плавании приснилось, что он терпит кораблекрушение, и так оно и вышло. Когда сон его покинул ⁹, то судно его погибло, сам же он еле спасся среди немногих. Еще одному приснилось, что его ранит человек, с которым он договорился завтра идти на охоту; и точно, он был ранен тем самым человеком в плечо, как и во сне. Еще третьему приснилось, что он берет деньги у друга; и поутру он, действительно, получил от этого самого друга на хранение десять мин. Такого рода примеров есть немало.

Аллегорические же сны — это те, которые знаменуют одно через другое, и во время этих снов душа естественным образом намекает на что-то.

Я полагаю нужным по мере сил сказать и о том, почему аллегорические сны именно так снятся и сбываются, а также о происхождении их названия. И прежде всего мне придется дать общее определение вещего сна, не требующее пространного обоснования, разве что для заядлых спорщиков.

Вещий сон есть разного вида движение или измышление души, указывающее на предстоящее добро или зло. В таком случае все то, что исполнится рано или поздно с течением времени, душа предсказывает посредством образов, присущих ее природе и называемых первоэлементами, — в предположении, что между сном и его исполнением мы, размышляя и участь, можем уяснить это будущее. А все то, что свершается без всякого промедления, так что руководящий (кто бы он ни был) не дает нам времени их постичь, душа являет нам самими этими событиями, не тратя времени на косвенные знамения и как бы полагая, что нет пользы в предсказании, если мы все равно поймем не раньше, чем оно сбудется. Душа как бы кричит каждому из нас: «Смотри и будь внимателен, насколько это в твоих силах, то, что ты постиг через меня!». И все согласятся, что это так. Ведь никто никогда не скажет, что не сбывается сразу после видения то, чему не дана была даже малая отсрочка: ведь некоторые сны исполняются быстро, как сама мысль, пока сновидение, так сказать, еще держится: поэтому и наименование их не случайно: «одновременно и видение и исполнение».

Среди рассматриваемых нами разновидностей за незначимым сновидением следует фантазма (о которой рассуждали многие, в том числе и Артемон Милетский и Феб Антиохийский) ¹⁰, а за вещим сном следует сон-видение (*ὄρασις*) и сон-вещание (*ὑπναιτισμός*). Мы умышленно отказались от их детального рассмотрения, ведь кому не ясна суть предмета, тот, верно, не может ни за кем следовать и в толковании его ¹¹.

⁷ Настоящее имя нищего — Ἰραῖος. Жители Итаки придумали ему прозвище, образовав его от имени вестницы богов Ириды. Артемидор возводит имя Ириды к глаголу εἶρω (называть, определять, говорить).

⁸ Здесь мы сохраняем рукописное чтение ἀφ᾽ ἱμεν.

¹⁰ Артемон Милетский в период правления императора Нерона написал трактат о толковании снов в 22 книгах, не дошедший до нас. Об Артемоне Милетском см. *Плиний Старший*. 28.7; *Тертуллиан*. О душе. 46.10. На снотолкователя Феба Антиохийского, определенных сведений о котором нет, Артемидор ссылается часто (см. II.9; IV.48; IV.66). К. Блюм (*Blum C. Studies in the Dream-Book of Artemidorus. Uppsala, 1936. P. 70*) полагает, что Феб жил в I в. н. э.

¹¹ Эту же классификацию находим и у последующих авторов, занимавшихся вопросами снотолкования: у Макробия, Псевдо-Августина, Никифора Григоры, Иоанна Сарсеберийского.

В свою очередь аллегорические сны делятся на пять видов. Сны первого вида я назвал «своевещими»: в них каждый видит самого себя и что он делает, и что с ним делается, а исполнится такой сон во благо или во вред лишь тому, кто его видел. Сны второго вида я назвал «чужевещими»: в них человек видит, что кто-то другой что-то делает или переживает; и если приснившийся — человек более или менее знакомый, то такой сон исполнится во благо или во вред именно ему. Третий вид — сны «общие»: как указывает само название, в таком сне спящий видит себя действующим с кем-либо из знакомых. Те сны, которые относятся к гаваням, стенам, площадям, гимназиям и другим общегородским украшениям, называются «общественными». Убыль или полное затмение солнца, луны и прочих светил, а также нарушение порядка на земле и на море предсказывают перемены космические, и сны об этом в точном смысле слова называются «космическими»...¹²

Однако это общее распределение не вполне отчетливо, так как случается, что своевещие сны в точности сбываются не только для самих видевших сон, но часто и для их близких. Так, одному приснилось, что он умер, вышло же так, что умер его отец: ведь отец был ему «вторым я», единым с ним и телом и душой. Другому приснилось, что его обезглавили, — а случилось и тут, что умер его отец, который дал ему жизнь и свет, как голова для всего тела. Так и приснившаяся слепота предвещает гибель не сновидцу, а детям его, и всякий мог бы привести много примеров такого рода. Точно так же и чужевещие сны, как показывает опыт, сбываются и для самих сновидцев. Например, одному приснилось, что его отец был сожжен; а случилось, что умер сам сновидец, а отец остался погибать, сжигаемый, так сказать, горем, как огнем.

А другому человеку привиделось, что скончалась женщина, которую он любил; но скончался вскоре он сам, лихась близости, самой для него сладостной. Так и сон о том, что болеет мать или жена, означает, что в упадке и беспорядке доходы от ремесла: ведь это вполне последовательно — недаром есть общая поговорка, что ремесло кормит, как мать, и ближе всего человеку, как жена. Видеть же друзей в печали, значит самому печалиться, а радующимися — самому наслаждаться.

Таким же образом требуют оговорок и общие сны, у которых тоже вместо общих исходов иногда сбываются только личные. Такова в обычном своем виде первая классификация, как ее составили древние.

Вторая же классификация применяется редко, но бывает, что те случаи, о которых мы говорим, вводят в заблуждение даже знатоков. Здесь следует дать такое различие. Те из личных снов, которые не затрагивают близких, относясь только к действиям сновидцев, а не к тем, для кого или от кого они направлены, исполняются только для самих сновидцев: это такие действия, как, например, говорить, петь, плясать, биться на кулаках, соревноваться, повеситься, умереть, быть распятым, нырять, находить сокровища, наслаждаться любовью, блевать, испражняться, ложиться спать, смеяться, плакать, говорить с богами и т. п. Сны, касающиеся тела или какой-нибудь его части, а также окружающих спящего вещей, как, например, носилки, шкатулка, ящичек, всякая другая утварь, одежда и так далее, хотя и являются личными, часто имеют обыкновенение исполняться и для родственников, по сходству их роли: так голова указывает на отца, нога — на раба, правая рука — на отца, сына, друга, левая рука — на жену, мать, подругу, дочь или сестру, половой

¹² В тексте лакуна, отмеченная Герхером.

орган — на родителей, жену и детей, голень — на жену и подругу. Из других видов снов мы для краткости так рассмотрим каждый вид. Те из общих снов и посторонних снов, о чужом, которые касаются нас или совершаются через нас, можно назвать нашими личными; те же, которые нас не касаются или через нас не совершаются, будут исполняться для других. Если же во сне являются друг и благие предзнаменования, то, пожалуй, случатся и другу и нам радости и удовольствия; если же дурные предзнаменования, то они исполнятся для друзей, нас же постигнет печаль — и не обязательно из-за их неприятностей, а и просто какая-нибудь своя. А когда в таком сне снятся враги, это должно предвещать противоположное сказанному.

Далее, о снах общественных и космических я могу сказать следующее. То, о чем не заботишься, не увидишь и во сне: ведь и в частных делах о чем не думаешь, того и во сне не видишь. Человеку ничтожному не дано во сне созерцать великие дела сверх его возможностей¹³, само определение противоречит этому, если только сновидец не царь, не архонт, не какой-нибудь вельможа, поскольку эти личные вещи сны должны исполняться для самого сновидца. А цари и прочие пекутся о делах общественных и могут иметь сновидения об этом не как частные лица, которым вверено малое, но как властители, заботящиеся о всеобщем благе. Именно об этом и поэт говорит, когда рассказывает, как про вещей сон Агамемнона судили в совете сами старейшины:

«Если б подобный сон возвещал нам другой от ахейя,
Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати ахейя»¹⁴.

Поэт хочет сказать: «Если бы кто-нибудь из простых ахейцев рассказал такой сон, то мы бы не подумали, что он лжет, но подумали бы, что сам сон лжив и не сбудется для нас, а стало быть, и не обратили бы внимания на него: в данном же случае этот сон не может не исполниться для нас, ибо его видел царь»¹⁵. Правда, говорят, что и некоторые простые люди и бедняки видели общественные сны, объявляя, записывая и представляя которые, они снискали доверие, так как события сбывались по этим снам. Но сами сновидцы не понимали того, что это не сон одного простого человека исполнялся для всех, а совпадающие сны многих сновидцев, из которых одни рассказывали их всенародно, а другие в частном кругу: таким образом сновидцем оказывался не частный человек, но народ, а это не меньше, чем стратег и архонт; всякий слышал тысячи рассказываемых снов, сулящих благо целому городу, снов, которые предсказывают будущее, каждый по-своему и непохоже на других. Это же относится и к обратному случаю: если не многие, а один кто-нибудь увидит общественный сон, то он будет вправе отнести только к себе исполнение такого сна, если он в городе не стратег, не иной какой-нибудь архонт и не жрец, и не гадатель. Такого мнения держатся и Никострат Эфесский и Паниасид Галикарнасский¹⁶, мужи известнейшие и прославленные.

¹³ Ср. *Овидий*. *Метаморфозы*. II. 644—645.

¹⁴ *Илиада*. II. 80—82. Пер. Н. Гнедича.

¹⁵ Ср. описание этого же сна и комментарий к нему у Макробия (*Сон Сципиона*. I.3.15).

¹⁶ Никострат Эфесский — сведений об этом лице мы не имеем, другие античные авторы его не упоминают. Паниасид Галикарнасский — эпический поэт, дядя историка Геродота, жил в V в. до н. э., был убит тираном Лигдамистом. Известны его сочинения «О Геракле» в 14 книгах, «Об Ионии».

3. Далее, знатоки говорят, что благоприятными следует считать видения, согласные с природой, законом, обычаем, ремеслом, именем и временем ¹⁷, не оговаривая, что для сновидца согласные природе сны серьезнее противоречащих ей, если из-за особых обстоятельств оказываются для дела бесполезными. Ведь чудится богатым... ¹⁸, а причастным к таинствам — ясные дни, ночные «звезд хороводы сияющих» ¹⁹, восходы солнца и луны и т. п. Так же и видения, согласные с обычаем, не всегда оказываются уместны применительно к стечению обстоятельств. То же я могу сказать и обо всем остальном. Надобно притом соблюдать и меру: хотя названные шесть основ и не вполне всеобъемлющи, но смехотворно утверждение некоторых, будто их не 6, а 18, 100 или 250, так как все то, что они могли назвать, неизбежно оказывалось из числа все тех же шести.

Для восполнения недосказанного древними я сообщил достаточно. Следует еще принять два общих подхода — родовой и видовой. Начнем с первого.

4. Одни вещие сны предсказывают многое через многое, другие — малое через малое, третьи — многое через малое и четвертые — малое через многое.

Многое через многое. Например, одному человеку приснилось, что он сам собой поднялся в воздух, полетел к намеченной цели, к которой старался попасть, а достигнув ее, обретает крылья и улетает вместе с птицами, а после возвращается домой. Исполнился же сон так: сновидец покинул родину, что и было предсказано полетом; добился успеха в том, что ему предстояло и о чем он очень старался. Это было предсказано тем, что он не сбился во сне с пути; он весьма разбогател — недаром мы говорим, что кто богат, тот крылат, он пожил на чужбине — это было предсказано тем, что ведь человек и птица — не одно и то же; а в конце концов сновидец вернулся на родину.

Малое через малое. Одному человеку приснилось, что у него глаза золотые. И этот человек ослеп: ведь золотых глаз не бывает.

Многое через малое. Одному человеку приснилось, будто он утратил свое имя. Сбылся сон таким образом: во-первых, сновидец потерял сына (не потому только, что это — потеря самого дорогого, но и потому, что у них с сыном имя было одно и то же). Во-вторых, этот человек лишился всего своего имущества — на него подали в суд и он был осужден как государственный преступник. В-третьих, бесправный и гонимый, он покончил с собой, удавившись, и поэтому не поминался по имени после смерти. Ведь только самоубийц родственники на поминках не называют по имени. Тут уж всякому ясно, что все это предсказано одним сном и одинаково из него выводится.

Малое через многое. Одному человеку приснилось, будто Харон играет с кем-то в камешки, и он, сновидец, сочувствует второму игроку. Поэтому Харон, проиграв, приходит в ярость и гонится за сновидцем. Тот пускается бежать, вбегает в гостиницу под названием «Верблюды», укрывается в спальне и запирает дверь. Демон уходит, а спящий видит, что у него на одном бедре вырастает трава. У всех этих видений исход был один: рухнул дом, где жил сновидец, и упавшие бревна сломали ему бедро. В самом деле, Харон, играющий в камешки, указывает, что речь была

¹⁷ Ср. *Псевдо-Гиппократ*. Об образе жизни. IV. 88.

¹⁸ Текст не исправлен.

¹⁹ К. Латте и за ним многие другие ученые считают данные слова цитатой из известного стихотворения.

о жизни и смерти. Не поймав сновидца, Харон ясно дал понять, что тот не умрет; а погоней — что опасность грозит его ногам; а ночлежный дом «Верблюды» — что будет сломано именно бедро, так как животное верблюд при ходьбе сгибает ноги ²⁰ посередине бедра, чтобы сделать их короче, — ведь и само слово верблюд (*κάμηλος*) происходит от «сгиба бедра» (*κάμνηρος*) ²¹, как говорит Эвен в любовных стихах к Эвному ²². Выросшая трава указывала, что бедро у сновидца уже никогда не будет действовать: ведь трава обычно растет на невспаханной земле ²³. Кто умеет хорошо рассчитывать, тот согласится, что все перечисленные случаи сводятся к этим.

5. При видовом подходе сны разделяются на четыре вида: одни хороши внутри и снаружи, другие внутри и снаружи дурны, третьи внутри хороши, а снаружи дурны, четвертые внутри дурны, а снаружи хороши. «Внутри» — это значит то, что во сне видится, а «снаружи» — то, как сон сбывается. Вот примеры снов, которые хороши и в том, и в другом: видеть олимпийских богов радующимися, смеющимся, дающими или говорящими нечто хорошее (как самих богов, так и их статуи, сделанные из негниющего материала); или же видеть родителей, друзей, домочадцев, приумножающих благосостояние дома; или дорогие вещи и телесную силу, привлекательную на вид, и т. п. Ведь на все подобное и смотреть приятно, а когда такое сбывается, это еще гораздо приятнее.

Вот примеры снов, которые изнутри и снаружи дурны: представлять, что падаешь с горы или что попал к разбойникам, видеть Киклопа или его пещеру, видеть, будто ты расслаблен, болеешь или теряешь то, о чем старался. Какие состояния претерпевает душа человека во сне, таковы должны быть и результаты.

А вот сны, хорошие внутри и дурные снаружи. Одному человеку приснилось, что он пирует с Кроносом, а на следующий день он попал в темницу. Ясно, что зрелище пиршества с богом приятно, а оков и заключения — неприятно. Другому приснилось, что он берет у бога Гелиоса два хлеба, — после этого он прожил только два дня, ибо лишь на столько хватило ему полученного от бога пропитания. Если кто видит себя во сне сделанным из золота или находящим клад, или получающим от покойника мир, розу и тому подобное, то это сводится к такой же судьбе.

А вот сны, дурные внутри, но хорошие снаружи: на благо видеть во сне бедняку, что его поражает молния, или рабу — что он отбывает военную службу, или собирающемуся в плавание — что он идет по волнам ²⁴, или холостому ²⁵ — что он сражается, как гладиатор. Ведь первый сон предсказывает богатство, второй — свободу, третий — благополучное плавание, четвертый — брак. Это и есть сны с дурными видениями и хорошими исходами.

6. Нужно иметь в виду, что когда люди чем-то озабочены и сами просят богов о вещем сне, то видения, несходные с их хлопотами, [будут значащими для их будущего], сходные же с их мыслями, будут незначитель-

²⁰ Элиан (О животных. 10.3) передает сообщение Геродота (3.103) о том, что на задних ногах верблюда четыре бедренных мускула и четыре сустава.

²¹ Этимология, приведенная Артемидором, повторяется и в «*Etymologicum magnum*».

²² Эвен с Пароса, софист, сочинитель элегий (400 г. до н. э.).

²³ В греческом тексте употреблено прилагательное *ἀκίνητος*, основное значение которого — «неподвижный».

²⁴ По предположению Герхера, в тексте лакуна. Перевод сделан по одному из предложенных им восстановлений.

²⁵ В данном месте Пэк отмечает лакуну. Перевод сделан по восстановлению Гомперца.

ными, подобно простым сновидениям, как оно и следует из предшествующего рассуждения; некоторые называют такие сны заботными и вымоленными. Напротив, когда человек ничем не озабочен, то видения называются богопосланными. Я не ставлю здесь вопроса, какой ставил Аристотель, — вне ли нас лежит причина сновидения, исходящая от бога, или же внутри нас имеется нечто, задающее расположение нашей душе и естественным образом устраивающее все, что с ней случается ²⁶, — я просто называю богопосланным все неожиданное, как это водится в обиходе.

7. Далее, нужно уделять внимание всем сновидениям, не имеющим видимой причины, приснились ли они ночью или днем: ведь для толкования нет разницы между ночью и днем, между вечерними сумерками и утренними, если только перед сном человек поел умеренно — неумеренная же пища не дает видеть истину даже на утренней заре.

8. Далее, общие людские обычаи и частные — далеко не одно и то же, и кто их не изучил, тот будет введен ими в заблуждение. Вот общие обычаи: почитать и поклоняться богам (ибо нет народов без богов, как нет и народов без властителей; разные народы чтут разных богов, но все обращают мысль к одному и тому же); воспитывать детей, покоряться женщинам и соединяться с ними, бодрствовать днем, спать ночью, принимать пищу, отдыхать от усталости, иметь кров, а не жить под открытым небом. Все это общие обычаи. А частные мы называем также племенными: так, фракийцы татуируют благородных отпрысков, а геты — рабов (геты живут на севере, а фракийцы — на юге); моссийцы понтийские совокупляются с женщинами у всех на виду, как собаки, а у других народов такое считается позором; все люди едят рыбу, кроме лишь сирийцев, поклоняющихся Астарте; зверей и всяких ядовитых гадов чтут как кумиров только египтяне, да и то не все одних и тех же. И в Италии я узнал один древний обычай: италийцы не истребляют коршунов и считают посягнувшего на них нечестивым ²⁷. Эфесцы в Ионии, «чада Афин при урочном исходе годов круговратных» ²⁸ у элевсинских богинь в Аттике и знатнейшие из жителей фессалийского города Лариссы охотно сражаются в бое быков ²⁹, а в других частях света это выпадает лишь на долю осужденных на смерть. Так же и среди всех других обычаев нужно исследовать каждый особо, не соблюдается ли он только у этого народа: ведь местные обычаи служат знаком добра, а чужеземные — зла, если только какое-нибудь обстоятельство не обернет исполнение сна по-иному.

9. И видеющему сон и толкующему было бы полезно, и не только полезно, но необходимо, чтобы снотолкователь знал, кто таков сновидец, чем он занимается, как родился, чем владеет, каков здоровьем и сколько ему лет. Так же тщательно нужно исследовать и самый сон, каков он есть, — ибо, если даже немного добавить или упустить, то результат получится иной, как это видно будет из следующего раздела. Так что если кто не учитывает этого, пусть за ошибки пеняет на себя, а не на нас.

²⁶ См. *Аристотель*. I. 462 В 20—22.2; 463. 12—15. 2; 464 А 20—22.

²⁷ И в Греции, и в Риме коршунов считали птицами, связанными со знаменаниями. О том, что коршунов считали мудрыми птицами, свидетельствует легенда, сохраненная Аполлодором (*Мифологическая библиотека*. I. 9. 12). Плутарх (*Римские вопросы*. 93) объясняет, почему коршуны в почете у авгуров.

²⁸ Илиада. II. 551. Пер. Н. Гнедича.

²⁹ О бое быков см. *Геллиодор*. Эфиопика. 10.28—30. О бое быков в Аттике см. *Феофраст*. Характеры. 27.5; в Фессалии — *Плиний Старший*. 8. 182; *Светоний*. Клавдий. 21.

10. Теперь изложу, как надо толковать вещие сны. Порядок в моем труде будет такой. В отличие от древних я начну не с богов, хотя бы это и показалось кому неблагочестивым. Нет, соблюдая необходимую последовательность, я сначала речь поведу о рождении, затем ³⁰ о воспитании, затем о теле и его частях — избыточных, недостающих, растущих, уменьшающихся и меняющихся по виду или по составу; затем об обучении всевозможным ремеслам, делам и навыкам; после — о юности, упражнении, состязаниях, банях и всяческих купаниях, твердой и жидкой пище, об умощении и венках, о сонитии и о сне. Таково будет содержание первой книги. Во второй книге речь пойдет ³¹ о пробуждении, ласках, разных мужских и женских нарядах, о воздухе и воздушных явлениях, о псовой охоте, рыбной ловле, мореплавании, земледелии, о суде, о государственном управлении, об общественных повинностях, о военной службе, о почитании богов и самих богах, о смерти, а если что еще по ходу дела вспомнится, то и об этом.

11. Изучая вещие сны, толкователь должен рассматривать их иногда от начала к концу, иногда от конца к началу — ибо порой начало проясняет темный и непонятный конец, порой же наоборот. Особенно придется прилагать старание и умение к искаженным снам, в которых как бы нет никакой связи, — особенно, когда являются писания, лишенные смысла, или имена, ничего не значащие: здесь бывает нужно переставлять, менять, прибавлять буквы или слоги, а то даже придумывать равные по числовому значению слова, чтобы только прояснить смысл ³².

12. Поэтому я утверждаю, что снотолкователь должен сам себя готовить и сам соображать, а вовсе не полагаться на одни только руководства. Кто думает преуспеть без природного дарования, но лишь благодаря выучке, останется безуспешен и несовершенен тем вернее, чем упорнее он был в таких наклонностях: ведь сбившись в самом начале, заблуждаешься чем дальше, тем больше.

Сны, запомнившиеся не целиком (когда сновидец забывает середину или конец), считай не подлежащими толкованию: ибо, если нужно здоровое толкование сна, то должна в нем сбыться каждая виденная частность, однако полному толкованию доступно только то, что запоминается целиком. Как жрецы о двусмысленных знамениях не говорят, будто они ложны, но говорят лишь, что не могут их постичь, так и снотолкователь не должен высказываться ни внятно, ни бегло о том, чего сам не может понять, иначе ему последует бесчестие, а сновидцу — вред. Есть еще и такое правило. Когда сны предсказывают несчастье, но душа сновидца не испытывает тревоги, то несчастья окажутся незначительными или вовсе не сбудутся. И наоборот, когда сны предвещают счастье, но душа не испытывает довольства, то счастье окажется несбыточным, ненужным или во всяком случае неполным. Поэтому каждый раз надо спрашивать, с удовольствием видел человек сон или нет.

13. Если кому-то снится, что его рождает какая-то женщина, то толковать надо так. Для бедняка это благо — он, как младенец, будет иметь кормильца и опекуна, если только сновидец не ремесленник, ибо ремесленнику такой сон предсказывает праздность, так как младенцы к делу не способны и руки у них запеленуты. Богачу сон предвещает не иметь

³⁰ В тексте лакуна, отмеченная Герхером; восстановлено по смыслу.

³¹ В тексте лакуна, отмеченная Герхером; восстановлено по смыслу.

³² При сложении числовых значений букв различных слов может получаться одна и та же сумма. Здесь речь идет именно о таких случаях.

власти в своем доме и подчиняться тем, кому не хочется: ведь и младенцами руководят, не спрашивая их согласия. Мужу, жена которого не беременна, сон предвещает лишиться жены: ведь младенец с женщинами не сожительствует. Имеющему же беременную жену сон предвещает, что ребенок будет всем похож на отца, — на то человеку и привиделось, что он заново рожден. Рабу такой сон предвещает любовь господина и снисхождение к провинностям, но отнюдь не свободу, поскольку даже свободные младенцы не самостоятельны. Атлетам такой сон во вред: ведь младенцы не могут ни ходить, ни бежать, ни одолеть кого-либо, так как не в силах даже шагу ступить. Находящемуся на чужбине сон предвещает возвращение домой, чтобы сновидец, как новорожденный, вернулся к своему началу, или же чтобы он вновь явился на землю, т. е. к себе на родину: ведь земля — всем людям родина. Больному сон предвещает смерть, поскольку и мертвецов, как младенцев, заворачивают в пелены и кладут на землю: ведь начало для конца, что конец для начала. Замыслившему побег подобный сон не позволяет скрыться, а желающему уехать на чужбину — покинуть родной дом: ведь младенец не может уберечься от препятствий под ногами, так как всегда спотыкается. Обвинителю в суде этот сон опасен: он не сможет убедить судей, потому что лепет ребенка невнятен. Обвиняемому же, бегущему от обвинения, а особенно — боящемуся приговора этот сон не страшен, так как младенцам и вина прощается.

14. Если кому снится, что он беременен, то если он беден — значит наживет и будет иметь много денег, так что словно надуется; если же богат, у него будут испытания и тревоги. Женатый потеряет жену, уже не нуждаясь в той, которая вынашивает детей. Холостой женится на весьма доброжелательной женщине, так что будет казаться, что он и его жена живут одним и тем же. Остальным сон предвещает болезнь.

Рожать и разрешаться от бремени означает совсем иное, чем быть беременным. Больному это предвещает скорую смерть, поскольку всякое существо при родах выпускает воздух, и как младенец выходит из заключавшего его тела, так и душа. Бедняку, должнику, рабу и всякому, кто в тяжелом положении, сон предвещает избавление от неприятностей, и причина ясна. Кроме того, этот сон предсказывает раскрытие тайн — подобно тому, как младенец, скрытый до поры, показывается на свет. Богачам, ростовщикам, дельцам и людям влиятельным сон во вред: они отдадут то, что имели прежде. А купцам и судовладельцам сон на благо: они продадут свои товары. Многие, видевшие этот сон, потеряли родственников, так как выходящий из тела младенец — одной с ними крови.

15. Если снится, что имеешь или видишь ребенка, особенно — новорожденного, то когда это собственный ребенок — плохо и для мужчины, и для женщины. Такой сон предвещает тревоги, горести и заботы о всяких неотложных делах, ведь без этого не вырастить младенца. И одно старое изречение на то указывает: оно гласит: «Дитя отцу — вечный страх да печаль»³³. Дети мужского пола предвещают благой исход, а женского пола — что исход будет хуже начала, а также убытки: ведь мальчики, выросши, ничего не берут у родителей, а девочкам нужно приданое. Я знаю человека, которому приснилось, что у него родилась

³³ Пентаметр из элегии Эвена Паросского, цитируемый Плутархом (О любви к детям. 4.497 А.2).

дочка, — и он вошел в долги. Другому приснилось, что он хоронит свою умершую дочь, — и ему сбылось отдавать долг. А чужих детей видеть — к добру, если они красивы, радостны и ребячливы. Такой сон предвещает наступление счастливого времени, когда есть больше надежды что-либо удачно осуществить: ведь дети, первоначально сейчас бездельные, выросши, смогут что-то сделать.

16. Если кому снится, что он, как дитя, запеленут и сосет молоко у женщины, знакомой или незнакомой, то сновидец тяжело заболает, если только у него нет беременной жены; если же есть, то родится похожий на него сын, которого будут так пеленать. Женщине сон предвещает, что у нее будет дочь. Если этот сон увидит узник, то не выйдет он на свободу, а обрушит на него судьба новые несчастья. Это понятно; то же самое и в случае болезни — потому что грудные младенцы слабы; да и взрослые, болея, не могут есть твердую пищу, но пьют молоко. Видеть во сне молоко в собственной груди — для молодой женщины предвещает зачать, выносить и родить; а для старой — благосостояние, если она бедна, и расходы, если богата; а для девушки в поре — брак, ибо без брачного сожительства молока в груди не бывает; а для совсем маленькой, которой до замужества еще далеко, — смерть: ведь почти все, что не по возрасту, бывает к несчастью. Бедняку, которому хватает на жизнь, сон сулит достаток в деньгах и имуществе, так что он сможет кормить и других. Я часто наблюдал, что этот сон предсказывал брак холостому и потомство бездетному: один человек потом имел такую любящую жену, что они, казалось, жили одним и тем же; а другой потом завел своих детей. Борцу, гладиатору и всякому, кто заботится о телесной силе, сон предвещает болезнь: ведь молоко содержится только в женском теле. Наблюдал я еще и вот что: один человек с женою и детьми после такого сна потерял жену и сам растил детей, став для них сразу и отцом, и матерью.

Сказанное относится к рождению и воспитанию детей. Теперь же речь пойдет о теле и его частях, избыточных, недостаточных и меняющихся по виду или по составу. Я буду просить о некотором снисхождении тех, кто недоволен слишком тонкими различиями, — потому что сам я очень осуждаю небрежность в таких делах и считаю, что всем нам вредит то, что мы не каждый пункт доводим до предельной точности.

Итак, я начну разъяснения с главной части тела.

17. Видеть во сне, что имеешь большую голову, — к добру для богача, который еще не занимал государственных постов, для бедняка, атлета, ростовщика, менялы, эранарха. Богачу сон сулит какую-нибудь государственную должность, в которой ему потребуется венок, головная повязка или диадема; бедняку — благоденствие и денежное обогащение, от этого его голова станет больше; атлету явным образом сон предсказывает победу, и тогда его голова станет больше; ростовщику, меняле и эранарху тут предведение собрать много денег — ибо деньги иначе называются капитал (*κεφάλαια*)³⁴.

Напротив, богачу, уже занимавшему государственный пост, риторы и демагогу сон предсказывает поношение и глумление толпы, больному — головную боль, воину — тяготы, рабу — долгую неволю, а любителю спокойной жизни — волнения и поношения. Голова, размеры которой

³⁴ Толкование сна основано на игре слов: слово *κεφάλαια* этимологически связано со словом *κεφαλή* (голова).

меньше, чем установлено природой, предвещает в каждом случае исход, противоположный описанному для большой головы.

18. Видеть во сне длинные и прекрасные волосы, вызывающие гордость, особенно хорошо женщине: ведь ради красоты женщины иногда даже пользуются накладными волосами. На благо этот сон также мудрецу, жрецу, предсказателю, царю, архонту и Дионисовым актерам, ибо одним носить длинные волосы велит обычай, а другим — род занятий. Для остальных этот сон — тоже благо, но меньшее: он предвещает богатство, но не отрадное, а обременительное, поскольку длинные волосы требуют тщательного ухода.

19. Волосы длинные, но спутанные, словно не прическа, а лохмы, всем сулят скорбь и печаль. Ведь иметь длинные волосы (*χομεῖν*) — значит еще и «ухаживать», а в несчастях неухоженные волосы отрастают.

20. Видеть во сне, что у тебя выросла свиная щетина, влечет за собой тяжкие опасности — такие, какие выпадают на долю этому животному³⁵. Иметь конскую гриву предвещает благородному человеку рабство и невзгоды, а рабу оковы, так как конскую гриву обычно перевязывают.

21. Видеть во сне, что у тебя вместо волос шерсть, — сулит долгую болезнь и немочь. А тому, кто носит шерстяное на голове, сон о том, что шерсть как бы срослась с головой, часто сулит то же самое. Если же волосы превращаются во что-нибудь иное, нужно толковать на основании того, во что именно они превратились.

Видеть во сне, что вся часть головы вокруг лба лысая, предсказывает насмешки и неудачи. Если же кому приснится, что лыс затылок, то будет тому в старости нужда и немалые тяготы: ведь затылок — символ будущего³⁶, а плешивость подобна нужде и потому, что обе они от недостатка жизненного тепла, и потому, что в обеих не за что ухватиться. Если кому снится, что правая часть головы облысела, то он лишится всех своих родственников мужского пола, а коли у него их нет, пострадает сам; если же левая часть головы, — то лишится женской родни, если она есть, а если нет, тоже пострадает сам. Ибо голова означает родственников, причем правая часть — мужчин, левая — женщин. Если человеку с нечистой совестью снится, что у него облысела какая-то часть головы, то он будет приговорен к принудительным работам: ведь такие головы у осужденных. Если же облысела вся голова, то это к добру для того, кто попал под суд или боится быть схваченным: они легко спасутся, так как их не за что ухватить. Остальным этот сон сулит лишиться всего, что связано с роскошью.

22. Видеть себя во сне с остриженной головой — к добру жрецам египетских богов³⁷, шутам и тем, у кого в обычае стричь волосы, а всем остальным — к несчастью: ибо этот сон сулит то же, что и сон о плешивости, только зло, которое он несет, сильнее и внезапнее. Находящимся в плавании тут ясное предвестие кораблекрушения, а больным — крайне тяжелого состояния, но не смерти: ведь спасшиеся из кораблекрушения

³⁵ Ср. греческую пословицу, относящуюся к человеку, который сам навлек на себя несчастья: *ὅς ὑπὸ ῥόπαλον δραγεῖ*.

³⁶ Возможно, Артемидор намекает здесь на статую Лисиппа Сикионского (бог счастливого случая). Бог изображался с лысым затылком и пышными кудрями на лбу, за которые только и можно было его поймать.

³⁷ Об обычае жрецов Исиды стричь волосы см. *Плутарх*. Об Исиде и Осирисе. 3.352С; *Марциал*. 12.29.19; *Апулей*. *Метаморфозы*. 11.10.

и вставшие после опасной болезни стригут себе волосы, мертвецы же — нет³⁸. Если тебя стрижет брадобрей, это всем одинаково к добру: ведь заменив одну букву в слове *χαῖρειαι* (быть стриженным), мы получим *χαῖρειαι* (радоваться). Кроме того, никто не идет к брадобрею в обстоятельствах тяжелых и опасных, стригутся же те, кто особенно думает о своей внешности, то есть беспечальные и беззаботные. Слово «брадобрей» добавлено, *поскольку, если кто-то, не будучи брадобреем, стрижет во сне самого себя*, то это ему предвещает печали из-за личных дел или нечаянную неприятность, несущую большое зло: ведь именно в подобных обстоятельствах людям приходится самим себя стричь. Стричь ногти предвещает должнику платить проценты, а всем остальным — ущерб со стороны стригущего (если, конечно, он не сам себе стриг ногти): ведь это об обманутых и введенных в убыток обычно говорится, что им «подрезали ногти». А что значит причесывать волосы, заплетать их, глядеться в зеркало и т. п., то об этом я упомяну во второй книге, когда будет речь о всяких женских и мужских нарядах.

23. Здоровый и гладкий лоб всем к добру — он означает прямоту и мужественность; а поврежденный и большой лоб — позор и ущерб. Видеть во сне, что имеешь лоб медный, железный или каменный — к добру мытарям, торговцам и прочим бесстыдникам, остальным же сулит ненависть.

24. Во сне иметь много ушей к добру человеку, который хочет приобрести кого-нибудь послушного — жену, детей или рабов. Богатому такой сон предвещает громкие толки о нем — если уши изящны, и дурные, если уши бесформенны и несоразмерны. К несчастью видеть такое рабу и тяжёбщику, как истцу, так и ответчику: ведь рабу сон сулит долго оставаться в повиновении, тяжёбщику же, если он истец, будет предъявлен встречный иск, а если ответчик — то обвинение еще больше прежнего, ведь сон как бы говорит, что человеку многое придется выслушать. Ремесленнику же это к добру, так как ему предстоит слушать заказы многих работодателей. А лишиться ушей предвещает в каждом случае противоположное написанному выше.

Чистить уши от грязи или гноя сулит какие-то добрые вести, а когда тебя стегают по ушам — дурные вести. Видеть во сне, что в уши вползают муравьи, но благо только софистам: ибо муравьи подобны молодым людям, посещающим софистов; остальным же этот сон предсказывает смерть, ибо муравьи — чада земли и прячутся в землю. Я знаю человека, которому приснилось, будто у него из ушей растут колосья пшеницы, зерна сыплются и он ловит их руками; вскоре он услышал, что стал наследником умершего на чужбине брата, — наследником, потому что снились колосья, брата же, потому что уши — словно братья друг другу. Ослиные уши иметь к добру лишь философам, так как осел не может быстро шевелить ушами; остальным же сон предвещает рабство или бедствия. Львиные же уши, волчьи, барсовы или какого иного дикого животного предвещают сновидцу клевету и зложелательство. Соответственно и сны о других животных толкуются по их свойствам. Уши вместо глаз предвещают сновидцу оглохнуть — и он будет видеть только то, что обычно слышал; а глаза вместо ушей — ослепнуть и слышать то, что обычно видел.

³⁸ Об этом обычае см. *Ювенал.* 12.81; *Петроний.* 103—104; *Лукиан.* *Гермотим.* 86.

25. Густые и пышные брови — к добру всем, а особенно женщинам. Ведь они ради красоты даже красят брови черным. Такие брови сулят наслаждение и благоденствие. Выщипанные же брови предвещают не только неудачи и тяготы, но также траур: ведь есть древний обычай выщипывать брови в знак траура.

26. Иметь острое зрение всем к добру. Слабое же зрение сулит недостаток в деньгах. Ведь в глазах есть зрачки (φῆφοι) ³⁹. Кроме того, оно предвещает неудачи: слабые глазами не видят того, что у них под ногами. Имеющему детей сон предсказывает их болезнь: ведь глаза словно дети — так же желанны и так же указывают дорогу телу, как и дети для состарившихся родителей. Если кому снится, что он ослеп на оба глаза, значит погибнут его дети, братья и родители. Почему дети, понятно из сказанного; братья — так как глаза, что братья друг другу; а родители — потому что благодаря и глазам, и родителям человек видит свет. Потеря же глаз предсказывает потерю чего-то им подобного. Однако узнику, человеку, которого задерживают силой, и нищему приснившаяся слепота сулит благо, ибо первые больше не увидят своих бед, нищий же обретет себе поддержку — ведь немало людей помогает слепому, а он сам свободен от трудов. Уезжающему в чужие края сон предвещает помехи, а уехавшему дает понять, что он не вернется домой: ведь без глаз ни родины, ни чужбины не увидишь. Сон опасен воину и придворному; а из состязателей борцам сулит поражение, бегунам же — победу. Я знаю бегуна, собиравшегося участвовать в италийских Благочестных играх, учрежденных императором Антонином в память его отца Адриана ⁴⁰: он увидел во сне, что ослеп, а потом победил в состязаниях — ведь опередивший всех в беге не видит своих соперников, словно слепой. Но этот сон опасен кормчим, астрономам и предсказателям. Если же такой сон увидит человек, ищущий потерянное, то ничего не найдет, а если преследующий беглого раба, то не поймает его. Наибольшее счастье этот сон сулит поэтам: ведь когда они собираются писать стихи, им нужен полный покой, а больше всего у них будет покоя тогда, когда лишатся глаз и не будут отвлекаться зримыми обликами и красками. [Правый глаз указывает более старое лицо, а левый — более молодое. Это имеет подтверждение и в том, что поэт Гомер был слеп]. Больным такой сон всегда предсказывает смерть, так как в ней — лишение света. Я знаю человека, которому приснилось, будто кто-то, внушающий доверие (что означают люди, внушающие доверие, я упомяну во II книге), сказал ему: «Твой отец не умер. Он спит». В самом деле, отец этого человека уже ослеп, и вскоре сыну сообщили об этом.

Если кому-то снится, что он ослеп на один глаз, то указанное с ним случится лишь частично — так сказать, наполовину. Нужно учитывать еще и то, что правый глаз означает сына, брата и отца, а левый — дочь, сестру и мать; если же у человека два сына, две дочери или два брата, то правый глаз указывает на старших, а левый — на младших.

Иметь три, четыре или больше глаз к добру жениху и бездетному:

³⁹ Одно из значений слова φῆφος — резной камень, вставленный в печатку. В данном же месте имеется в виду зрачок, который, так же как и камень на перстне, обрамлен оправой — радужной оболочкой. В позднее время носили по несколько перстней, что являлось признаком состоятельности. Высокая ценность таких перстней заключалась именно в тонкой обработке. На этом и основано данное толкование сна.

⁴⁰ Видимо, эти игры имеются в виду в биографии Адриана у Спартиана (Жизнь Адриана. 27.3).

у первого будет жена, у второго — ребенок, так что при одном человеке станет больше глаз. К добру этот сон ростовщику, ведь у него будет больше счетов (φῆφοι), но должнику — к несчастью из-за тех же счетов. Богачу сон предвещает заботу о себе и имуществе против неких покушений, как бы говоря, что ему нужно много глаз. Собирающемуся в чужие края — это предсказание скитаний, а мореплавателю — возвращения, так как от света и блеска глаза словно разбегаются во многие стороны. Я знаю человека, которому приснилось, что у него три глаза, и он ослеп; миф о Киклопе тут ни при чем, а слепому предвещал третий глаз, означая, что своего света человеку не хватит и понадобится иной. Человеку-мошеннику и красивой женщине многоглазость к несчастью: за первым будет следить множество глаз, а вокруг второй открыто будут толпиться развратители.

Далее, если кому-нибудь снится, что у него глаза не на месте, а например, на руках или ногах, то он ослепнет, если же еще где-нибудь, то это место будет болеть или окажется повреждено, — тогда сновидец, ощупывая вещи руками или ногами, будет как бы видеть ими, а другим местом, где во сне был глаз, не сможет ничего даже коснуться. Я знаю человека, которому приснилось, будто у него вывалились глаза и упали ему в ноги; он не ослеп, но дочери его сошлись с рабами, и так лучшее случилось с худшим.

Видеть во сне, что имеешь глаза другого человека, — предвещает стать слепым, чтобы тебя водил другой человек. Если это глаза человека знакомого, то сновидец усыновит ребенка того человека [или сделает какое-нибудь великое благодеяние. Один человек мне говорил, что некто однажды увидел во сне, что у него на всех пальцах рук глаза. Это предвещало сновидцу слепоту. И сон сбылся таким образом, потому что руки заменяют глаза потерявшим зрение].

27. Нос иметь красивый и правильный всем к добру. Ведь это означает тонкое чутье, предусмотрительность в делах, знакомство с достойными людьми. Ведь вдыхая носом воздух, люди чувствуют себя лучше. Отсутствие носа всем предвещает бесчувственность или ненависть высоких особ, больному же — смерть: ведь черепа мертвецов безносы. Два носа означают ссоры с домашними: именно ссоры, так как все раздвоенное вопреки природе означает ссоры, а именно с домашними, потому что нос — это свое, а не чужое.

28. Щеки иметь полные — всем к добру, а особенно женщине; впалые же или изуродованные щеки сулят печаль и траур: впалые — печаль, а изуродованные — траур, потому что в трауре люди дарапают себе щеки.

29. Челюсти следует считать знаком кладовой⁴¹, а губы — знаком тех, с кем мы целуемся при встрече. Поэтому, если то или другое не в порядке, значит содержимое кладовой или дорогие нам люди в опасности.

30. Бороду иметь длинную и густую к добру риторам, философам и деловым людям: первым она служит к украшению, последним придает внушительности. Женщине видеть во сне, что у нее растет борода, предвещает, коли она вдова, то выйти замуж, а коли она замужем, то уйти от мужа: тогда у первой будет такой любящий муж, что их лица словно сольются в одно, а вторая, оставшись без мужа, будет управлять своим домом, словно сразу и хозяйка и хозяин. Если, конечно, она не беременна и не ответчица в суде: тогда в первом случае у нее родится мальчик, и,

⁴¹ Возможно, такое толкование сна связано с обычаем хранить мелкие деньги за щекой.

видя его взрослым, ей будет казаться, будто она сама с бородой; во втором же случае она будет вести себя, как мужчина, и стяжает уважение. Совсем маленьким детям сон предвещает смерть, так как в нем они опережают свой возраст. Но юношам, у которых скоро будет борода, как свободным, так и рабам, это предсказание самостоятельности: возмужав, они сами станут о себе заботиться. А видеть, что борода вылезла, подстрижена или насильно выпципана, — это значит гибель кровных родственников, а себе ущерб и поношение ⁴².

31. О зубах сны очень разнообразны, но лишь немногие наши снотолкователи умеют судить о них правильно. Больше всего и лучше всего дал здесь советы Аристандр Телмесский ⁴³. Они таковы. Верхние зубы указывают на самых дорогих и важных членов семьи сновидца, а нижние — на меньших. Ведь надо полагать, что рот — это дом, а зубы — домочадцы. Те зубы, что справа, означают мужчин, а те, что слева, — женщин, за исключением некоторых редких случаев: например, если сновидец — содержатель публичного дома, так что живут у него лишь женщины, или, если он занимается земледелием и в доме его только мужчины. Тут правые зубы означают старших мужчин и женщин, а левые — младших. Далее, передние зубы, называемые резцами, указывают на молодых, клыки — на людей средних лет, а коренные — на стариков. Какой зуб кто теряет, такого человека и лишится. А так как зубы указывают не только на людей, но и на имущество, то надо полагать, что коренные означают сокровища, клыки — не очень ценные вещи, а резцы — домашнюю утварь. Соответственно выпадение каких-нибудь зубов сулит утрату имущества ⁴⁴. Еще зубы означают житейскую деятельность: коренные — тайную и скрытую, клыки — видимую многим, а резцы — самую явную, где действует слово и речь. Выпавшие зубы сулят ущерб в том, что им соответствует.

Теперь введем различия. Должникам любые выпавшие зубы сулят выплату долгов. Если кто теряет один зуб, то уплатит долг одному человеку или же многим, но сразу; если же много зубов, то уплатит многим или же одному, но много раз. Если зуб теряется безболезненно, сновидец выплатит долг из своих заработков; если же снится, что зубы выпадают с болью, то придется продать что-нибудь из домашней утвари. Потерять передние зубы — значит ничего не добиться словами. Если зубы выпадают мучительно, с кровью или с мясом, значит, долги будут полностью погашены; а если легко, значит, выплата будет лишь отложена. Если зубы выпадают все сразу, то людям здоровым и свободным, коли они не торговцы, это предвещает запустение в доме; больным же это сулит долгую болезнь и угасание, но заведомо не смерть: без зубов, конечно, нет здоровой пищи, но есть каша и отвар, мертвец же зубов не теряет. [Ибо

⁴² Ливий (5.41.9), Плутарх (Камилл. 22), Валерий Максим (3.2.7) сообщают, что римский патриций Марк Папирий ударил своим жезлом галла, погладившего его бороду.

⁴³ На Аристандра Телмесского ссылаются многие античные авторы: *Плутарх*. Александр. 2.5; *Арриан*. I. 11.2; *Элиан*. Пестрые рассказы. XII. 64; *Плиний*. XVII. 243 и др.

⁴⁴ Ср. рассказ Геродота (6.107) о сне Гиппия, связанном с символами выпадающего зуба. Гиппию приснилось, будто он спал со своей матерью. Он решил, что ему суждено вернуться в Афины, отдать там власть и провести свою старость на стороне. Однако вскоре Гиппий стал страдать сильным кашлем и один из его шатавшихся от старости зубов выпал и упал на землю. Упавший зуб Гиппий не нашел. В результате Гиппий иначе понял свой сон, сказав своим соратникам: «Нет! Это не наша земля, и мы ее не покорим. Ту часть ее, принадлежащую мне, по праву взял теперь мой зуб».

все, что не может случиться с мертвецом, оказывается спасительным для больных. Лучше потерять больным все свои зубы, так как они быстрее оправятся.] Рабу беззубость предвещает освобождение: или он не будет платить оброк, как не будет кормить свои зубы, или его самого не будет кормить другой человек, как не будут кормить его зубы, и он станет совершенно свободным. Торговцам же такой сон сулит быстро распродать товар, особенно если он перевозной.

Если отдельные зубы увеличиваются в размере и разрастаются в одну сторону, значит в доме сновидца будут ссоры, потому что между ними не станет склада.

Кто видит во сне, что теряет зубы, черные или гнилые, или поломанные, тот избавится от всяких хлопот и несчастий. Часто в таких случаях теряют стариков.

Видеть во сне, будто у тебя зубы из слоновой кости, всем к добру. А именно, людям словесным сон сулит красноречие, остальным же роскошь в доме. Видеть же у себя золотые зубы к добру только людям словесным, ведь тогда их голос раздается как бы сквозь золотые зубы; остальным же сон сулит пожары в собственном доме. Видеть у себя восковые зубы — предвестие неожиданной смерти: ведь такими зубами не раскусишь пищи. Свинцовые и оловянные зубы сулят бесчестие и позор, а стеклянные или деревянные предвещают насильственную смерть. Серебряные зубы сулят заработать деньги красноречием; богачам же такой сон предвещает расходы на пищу.

Если кому снится, будто на месте выпавших прежних зубов растут другие, значит, вся жизнь его переменится к лучшему, если вторые зубы лучше первых, и к худшему, если наоборот.

Видеть во сне, что у тебя между зубами кусочки мяса, косточки или еще что-нибудь, предсказывает затруднения в необходимых разговорах и даже остановку дел. Если же снится, будто что-нибудь такое застряло в зубах, но вытаскивается, — значит, преодолеешь неуспешность и добьешься чего-нибудь убеждением.

Иметь язык соразмерный, соответствующий рту, с ясным выговором — всем к добру. Но язык бессильный или косный сулит бездействие и нужду: ведь нужда и словам не дает свободы. Тут можно сказать словами Феогнида:

«Скованный бедностью муж ничего не может ни сделать, —
Ни даже слова сказать, связан язык у него»⁴⁵.

Опухший язык сулит болезнь жене сновидца, если он женат, а если холост — ему самому. А выпавший изо рта язык сулит вред от опрометчивых слов; такой сон часто изобличал жену сновидца как изменницу.

Видеть во сне, что у тебя из языка растут белые или черные волосы, пожалуй, не к добру, хотя некоторые говорят, что это на благо тем, кто зарабатывает на жизнь красноречием. По моим же наблюдениям, этот сон оказывается дурным для всех: ведь волосами обрастает только то, что лежит без действия и без пользы, языку же не подобает бездействовать. Черные волосы означают скорое исполнение сна, а белые — более медленное, пищу то, что сам наблюдал. Зарабатывающему речами такой язык предсказывает недостаток в работе, остальным — недостаток в пище: они или недолго заболели и не могли есть обычную еду, или, уже бу-

⁴⁵ Феогнид. 177—178. Пер. Ю. А. Голубца.

дучи больными, умирали. И Аполлоний Атталийский подтверждает это во второй книге своего сочинения, много говоря о таком сне. А из самого ли языка растут волосы, из нёба, из десен, из зубов или из губ, безразлично: значение сна одно и то же.

33. Обильно блевать кровью естественного цвета и неиспорченную — к добру бедняку: это сулит накопление и богатство, ибо, как и древние мудрецы признавали, деньги равнозначны крови. На благо такой сон бездетному и имеющему родственника на чужбине: оба увидят того, что одной с ними крови, первый — новорожденного ребенка, а второй — вернувшегося родственника. Если кровь льется в сосуд, то ребенок вырастет, и возвратившийся выживет; если кровь льется на землю, оба умрут... и путешественник вернется к себе, то есть в землю — общую для всех родину. Видеть струящуюся кровь — нехорошо для человека скрывающегося — он будет изобличен. Испорченная кровь всем одинаково сулит болезни. Если крови очень мало, так что кажется, будто не блюешь, а только плюешь, то это, по моим наблюдениям, указывает на раздоры с домашними.

Блевать желчью или лимфой — для человека в беде предвещает избавление от напастей: ведь все это, отделившись, уже не беспокоит, а для человека, следующего принятому решению, сон сперва несет какие-то опасности, а затем избавление от них.

Извергать пищу — означает какой-то вред от недостаточного питания тела. Извергать внутренности и утробу через рот предвещает и мужчине и женщине смерть детей, бездетному же — потерю того, что всего дороже. Больному этот сон предвещает смерть. Какая тому причина, будет показано в следующей книге.

34. Видеть язву или иную болезнь шеи или верхней губы — предвестие болезни для всех без исключения. Ведь в известном смысле все тело зависит от головы и шеи. Здоровы они — здорово и тело, они слабы — тело недужно и бессильно.

35. Видеть себя обезглавленным — все равно, по приговору суда, разбойниками, в гладиаторском бою или как-то иначе — это к несчастью для тех, у кого есть родители и дети: ведь голова как причина жизни подобна родителям, а лицом и сходством — подобна детям. Кроме того, некоторые после такого сна теряли жену, друга или хорошего управляющего, так что уже некому было присматривать за имуществом, а домовладелец терял свой дом, — ибо голова, так сказать, есть жилище чувств. Если же кто-то обладает всем этим сразу, то сон, конечно, коснется не всего, но лишь того, о ком больше всего заботится сновидец, кто ему всего дороже и нужней: сужу об этом по наблюдениям.

На благо этот сон обвиняемому, которому грозит смертная казнь, ибо чему с человеком раз бывать, дважды не бывать, сбывшись во сне, не повторится наяву, ибо уже успело произойти.

Менялам, ростовщикам, эранархам, судовладельцам, торговцам и всем, наживающим деньги, сон сулит потерю капитала (*κεφάλαιον*), ибо слово это значит «голова». По той же причине сон к добру должникам. Находящемуся на чужбине сон сулит возвращение, а тому, кто судится из-за земли, — удачу. Ибо отрубленная голова падает на землю и остается на ней лежать, а остальное тело уже больше не страдает.

Доверенному рабу сон сулит потерю господского доверия. Ведь без обвинительного приговора никого не казнят, а кто без головы, тому не доверяют: ведь «безголовым» мы называем пораженного в правах. Однако прочим рабам сон предвещает свободу: так как голова — телу госпожа,

то коли ее отрубают, значит раб разлучится с господином и будет свободен. Тем не менее многие рабы после этого сна были только лишь проданы.

В тяжбах, касающихся гражданских прав или денег, сон предвещает сновидцу обвинительный приговор, и причина тут ясна.

Когда кто-то видит такой сон в плавании, значит корабль лишится реи, если только сновидец не какой-нибудь моряк. Как я наблюдал, этот сон сулит смерть старшим над сновидцами; так вот — старше простого матроса — боцман, выше боцмана — помощник кормчего, выше помощника — кормчий, а выше кормчего — владетель корабля; головою же торговцев и пассажиров корабля можно считать рею. Я знаю человека, которому приснилось, будто его обезглавили: и он, будучи греком, получил римское гражданство и таким образом лишился прежнего имени и положения.

Иметь две или три головы к добру атлету: он получит победный венок в стольких же состязаниях. К добру это и бедняку: у него будет много капиталов, много имущества, а к тому же и дети хорошие и жена по сердцу. Богачу же сон сулит противодействие от кого-нибудь из родственников; если передняя голова выше, то противодействующие не одолеют его, если же ниже, то это сулит опасность и смерть.

36. Сон, будто твоя голова поворачивается так, что видишь позади себя, — это препятствие переселению из родных мест, ибо он предсказывает раскаяние в таком решении, а также препятствие и всякому другому делу, ибо он велит смотреть не на то, что приятно теперь, но на то, что будет приятно потом. А кто уже выселился, тем сон предсказывает возвращение домой, позднее и неожиданное, ибо предвещает увидеть дом даже вопреки возможностям.

37. Видеть во сне, что вместо своей имеешь голову льва, волка, барса, слона, — к добру: сновидец возьмется за дела, которые выше его возможностей, добьется успеха, и одоление пойдет ему на пользу — он будет страшен врагам и приятен ⁴⁶ близким. Многие, добивавшиеся должностей и начальствований, после этого сна их достигали ⁴⁷.

Видеть во сне, что у тебя вместо собственной головы песья, лошадиная, ослиная или какого-нибудь другого четвероногого, сулит рабство и невзгоды. Если же голова птичья, то сновидец покинет родные места — оттого, что птицы — твари перелетные, или потому, что птичий род покидает родителей.

38. Держать свою голову в руках к добру бездетному и холостому или ждущему возвращения отлучившегося. Если кто при этом приводит голову в лучший вид, то ему удастся уладить свои неприятности и справиться с разными житейскими трудностями. То же самое значит, если видишь, будто держишь свою голову в руках и в то же время другая остается на природном своем месте.

39. Иметь на голове рога быка или какого-нибудь другого бодливого зверя, означает насильную смерть, чаще всего — через отсечение головы, ведь таков удел рогатого скота.

40. Плечи полные и крепкие к добру всем, кроме узников и заключенных, так как такие плечи сулят мужество и благоденствие, всем, кроме них. А узникам не к добру, потому что им придется дольше страдать — пока плечи в силах выдержать. Если же плечи — больные, это предвещает противоположное сказанному: часто — смерть или болезнь брата, так как плечи — друг другу братья.

⁴⁶ В рукописях читается неподходящее по смыслу *ἐπαχθής* (тягостный). В переводе мы принимаем весьма вероятную поправку *ἐπιχαρής*, предложенную Пэком.

⁴⁷ В тексте лакуна, отмеченная Герхером.

41. Грудь здоровая и выносливая к добру, а волосатая, густо заросшая — к добру и выгоде для мужчин, женщинам же сулит вдовство: они запускают себя и обрастают волосами, когда с ними нет тех, ради кого они заботятся о своем теле.

Соски также к добру, коли они никак не повреждены. Если чья-то грудь становится больше, сохраняя изящество и прелесть, это сулит приумножение детей и рабов. Больные соски, например изъязвленные, предвещают болезнь. Если же соски отпадают, это сулит смерть детям сновидца; а коли детей нет, — нужду, часто даже траур, особенно для женщин, ибо они, лишившись близких, бьют себя в грудь. У кормилицы (коли у нее самой есть ребенок) такой сон исполнится для вскармливаемого. Иметь много сосков сулит то же, что иметь большие соски: женщины не это предсказывает прелюбодеяние.

Быть раненым в грудь человеком знакомым — это старикам предсказание печальных вестей; молодым же мужчинам и женщинам — любовь.

42. Руки красивые и сильные означают благоденствие в первую очередь для ремесленников и для тех, кто зарабатывает на жизнь, давая и получая. Человеку же, страшащемуся заключения, сон усиливает тревогу.

Скажу и в отдельности о каждой части рук. Если что-то случилось с предплечьем, это траур, а если с локтями — остановку дел и потерю помощников.

Я слышал от знатока одно суждение, с которым согласен, так как оно подтверждается исполнением снов; если же кому-нибудь мои слова неубедительны, пусть тот судит, как ему угодно. А именно, тот человек говорил, что правая рука указывает на приобретаемое, а левая — на приобретенное, так как правая рука приспособлена брать, а левая хранить. Есть и другое давнее и то же правильное различие: правая рука означает сына, друга и любого другого, кого мы называем «своей правой рукой»; левая же рука означает жену, мать, сестру, дочь и рабыню. Которую во сне руку теряешь, такого и человека придется лишиться. Обе руки вместе означают ремесла, почерк и речи: ремесла, так как это ручная работа, почерк, потому что о нем говорят «рука такого-то», речи, так как руки риторы движутся вслед словам. Всем ясно, что морякам, танцорам и фокусникам не иметь рук, конечно, к несчастью, — ведь без них они не могут работать.

Пальцы, когда они отваливаются, все или частично, означают потерю помощников; писцам и словесникам сон сулит безработицу и праздность, должникам — выплатить больше, чем они должны, а займодавцам — получить меньше, чем они дали. Я знаю человека, который, собираясь брать займы, увидел во сне, будто у него нет пальцев, — и займодавец поверил ему даже без расписки.

Иметь больше пальцев, чем положено, сулит противоположное сну, будто их меньше. Ведь пальцы, сверх тех, которые есть от природы, сами бесполезны и делают бесполезными те пальцы, из которых растут⁴⁸. Заблуждение — полагать, как некоторые, что этот сон к добру.

Волосы, растущие из рук, если они не запястьях, предвещают узы, а если на ладонях — безработицу и праздность, особенно же земледельцам и ремесленникам: ведь когда руки уже больше не трутся и поверхность их не мозолится, то на них впору появиться и волосам. Иметь много рук к добру для ремесленника — значит он не перестанет трудиться, по-

⁴⁸ См. аналогичные рассуждения у Цицерона (О природе богов. I. 99) и Диона Хризостома (X.10—11).

тому что сон ему как бы говорит: «У тебя будет много работы, и понадобится больше рук». Сон к добру и людям праведным: как я часто наблюдал, он предвещал, что больше станет и детей, и рабов, а также денег. Злодеям же сон сулит оковы, и тогда вокруг одного тела окажется много рук.

43. Бок, брюхо и все вплоть до паха следует считать знаком телесной силы и состоятельности: стало быть, если что-то случится с этими частями, то для тела это означает болезнь, а для дома нехватку средств. Пуп же означает родителей, если они живы, если же нет, то родину, откуда, как от пуповины, человек является. Стало быть, если что неладное случится с пупом, это сулит потерять родителей или покинуть родину, а если ты уже на чужбине — то не вернуться домой.

44. Видеть себя вскрытым и наблюдать свои внутренности в их естественном виде, на своих местах к добру человеку бездетному и бедному: первый увидит у себя детей, второй — имущество, так как детей, как и внутренности, называют «утроба» (σπλάγχνα), и так как внутренности скрыты в животе, словно имущество в доме. Но богачу и тому, кто хочет скрыться, сон сулит изобличение и позор. Всем опасно, когда кто-то изучает их внутренности, так как это сулит дурной поворот в делах и тяжбах и раскрытие секретов.

Видеть себя вскрытым и пустым, без потрохов внутри, предвещает запустение дома сновидца, гибель детей, больному же — смерть. К добру этот сон лишь удрученному многими бедами и опечаленному, так как предвещает конец наличным несчастьям: ведь обеспечен тот, кто потерял вместилище забот.

Нужно еще иметь в виду, что сердце для мужчины-сновидца означает жену, а для женщины-сновидицы — мужа, так как он полностью распоряжается ее телом. Еще оно означает дух (θυμός) и дыхание, ибо оно — вместилище их. Легкое означает то же самое: печень — ребенка, жизненные средства, заботы; желчный пузырь — гнев, деньги и жену; селезенка — радости, смех и домашнюю утварь; брюшная полость и внутренности — прежде всего детей, а затем заимодавцев, так как принуждает тратиться на их прикорм⁴⁹; почки же — братьев, родителей и ...детей. Поэтому, если все это в обычном своем виде, то означаемые ими предметы не меняются; если же эти органы удваиваются (вместе или порознь), это значит, что и означаемых предметов будет вдвое больше.

45. Половой член, во-первых, подобен родителям, ибо в нем основа семени; во-вторых — детям, ибо он — причина их рождения; далее — жене или любовнице, потому что он нужен в любви; далее — братьям и всем кровным родственникам, так как им складываются все родственные связи. Еще он означает силу и телесное мужество, потому что он сам — причина этих качеств, и оттого некоторые называют его «мужской силой»; а также — речь и воспитание, так как он плодотворен, как плодотворна речь. Недаром я видел в Киллене статую Гермеса, по естественному подобию изваянную, как настоящий мужской половой орган⁵⁰.

Еще он означает достаток и собственность, потому что он то напрягается, то расслабляется и может производить или испускать выделения; означает потаенные помыслы, так как и помыслы и половой член назы-

⁴⁹ Плиний (XXVI.43) считает, что брюшная полость создает человеку больше всего хлопот, и сравнивает ее с заимодавцем.

⁵⁰ Об этой статуе упоминают Павсаний (6.26.5), Филострат I (Жизнь Аполлония Тианского. 6.20) и Луклан (Зевс Трагический. 42), Ипполит (Псевдо-Ориген). Опровержение всех ересей. 5 (Migne. PG 16. 3142 C).

ваются словом *μῖδρα*; означает нужду, рабство и узилище, потому что называется «нужным местом» (*ἀναγκάσιον*) и служит знаком принудительности (*ἀναγκή*); означает достоинство сана, потому что достоинство называется *αἰδώς*, а член — *αἰδοῖον*.

Стало быть, член, находящийся на своем месте, предсказывает, что все, что ему подобно, сохранится в прежнем состоянии; разросшийся — что увеличится, исчезнувший — что утратится, удвоенный — что удвоится (если это не жена и не любовница: их сновидец потеряет, потому что нельзя использовать два члена сразу). Я знал одного раба, которому приснилось, что у него даже три члена, — и он был отпущен на свободу, получив вместо одного имени три (в дополнение к своему — два имени отпустившего). Но это — единственный случай; основываться же надо не на том, что редко, но на том, что обычно.

46. Пах находится недалеко от полового члена и не означает ничего другого; поэтому истолковывать их следует одинаково.

Бедра также всегда означают то же, что и член, кроме случая, когда они толстеют, — тогда, судя по наблюдениям, они предвещают богачам несприятности, так как обычно сулят расходы на любовные утехы и даже не расходы, а ущерб.

47. Колени следует считать силою, мужеством, а также подвижностью и деятельностью. Поэтому колени крепкие и здоровые предвещают сновидцу путешествие или какое-нибудь иное передвижение, а также дела и здоровье; если же с коленями что-то неладно, это означает противоположное. Если кому снится, что у него из колен растет побег, то колени перестанут действовать, если же сновидец болен, то он умрет, — ибо побег вырастает из земли, и в землю же расточаются разложившиеся трупы. Я знаю человека, которому приснилось, будто из его правого колена вырос тростник, — и потом у него образовался свищ (*σφρίγξ*): в самом деле, у тростника есть коленья и из него делаются свирели (*σφρίγξ*).

Часто колени имеют отношение к братьям и товарищам, ведь они — братья друг другу и товарищи в пути. Еще колени означают вольноотпущенников, так как они помогают ступням, но находятся выше их, а стало быть, указывают не на рабов, но на свободных.

48. Берцовые кости (и спереди, и сзади) означают то же, что и колени. Так же — лодыжки и пальцы ног (только они означают не вольноотпущенников, а рабов).

Иметь больше ног к добру купцу, судовладельцу и всякому, у кого есть наемные работники: у них будет больше подчиненных. Кормчему такой сон сулит штиль, так как в штиль корабль идет на веслах как бы на многих ногах. Бедняку этот сон к добру: значит, он обзаведется рабами. А богачу — к болезни, чтобы ему служили не только собственные ноги, но и ноги помощников, и от этого казалось бы, что у него больше ног. Многим этот сон принес даже слепоту, чтобы их вели поводыри; а преступникам — оковы, чтобы они шли не одни, но со стражей.

Я знаю человека, которому приснилось, будто тело его неподвижно и только ступни куда-то идут, но все нисколько не сдвинутся с места. Сновидцу после этого случилось быть приговоренным к откачиванию воды — а кто откачивает воду, те шагают (у ворота), как при ходьбе, но все время остаются на месте. Другому человеку приснилось, что у него из-под ног течет вода, — и он тоже был осужден на откачку за преступление, так что у него из-под ног и впрямь текла вода. Третий человек, не будучи преступником, увидел тот же сон и заболел водянкой.

Видеть во сне свои ступни горящими всем одинаково во вред и сулит

утрату и порчу всего, чем распоряжаешься, включая детей и рабов (ибо дети повинуются родителям и работают на них, как домашние рабы; это не учитывают многие снотолкователи, полагающие, что ступни означают лишь домашних рабов). На пользу этот сон лишь бегунам, если они видят его перед состязанием: значит они будут быстрее двигать ногами, убегая, как от огня.

49. Спину и задние части мы считаем знаком старости, поэтому иные справедливо называют эти места достоянием Плутона. Стало быть, каковы эти части во сне, такова будет и старость сновидца⁵¹.

50. В снах о превращениях прежде всего нужно обращать внимание на количество (как меняется величина); затем на качество (как меняется вещество); затем на форму (как меняется обличье).

«Количество» — это значит вот что. Сделаться из небольшого большим или из большого еще больше — это к добру, если только эта величина не превосходит человеческого роста: такой сон означает приумножение не роста, а благополучия и благосостояния сновидца. Вырасти же сверх человеческого роста означает для сновидца смерть⁵²; точно так же, если кому приснится, что малое дитя его сделалось взрослым, то дитя умрет; точно так же и для старца опасно сделаться младенцем — это предвещает ему смерть. Зато к добру для взрослого — сделаться юношей, а для юноши — сделаться ребенком, потому что каждый при этом прибавляет свежести. К добру также и превратиться ребенку в юношу, а юноше во взрослого, а взрослому в старца, потому что каждый при этом прибавляет достоинств. Если же юноша представится старцем, то он не умрет, как дитя, но будет хворать; и если взрослый представится ребенком, то он будет неразумно вести свои дела и пострадает, потому что справедливо сказано у поэта: «Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно»⁵³.

«Качество» — это значит вот что. Если мужчина делается женщиной, то это к добру для бедняка и для раба: первый найдет себе кормильца, как женщина, а второму станет легче в рабстве, потому что у женщин работа легче. А не к добру это для богатого и особенно для политика, потому что женщинам свойственно сидеть дома; поэтому кто видит этот сон, тот лишится всякой власти. Для занимающихся телесными упражнениями этот сон означает болезнь, потому что женщины слабее, чем мужчины. Если же, наоборот, женщина делается мужчиной, то незамужняя выйдет замуж, а бездетная родит мальчика, обратясь тем самым в мужскую породу; а у которой есть и муж и сын, та осиротеет, потому что мужчине не мужчине нужен, а женщина. Для рабыни такой сон сулит сугубое рабство, для блудницы же он к добру: первой достанется больше работы, подобно мужчине, и второй придется трудиться без устали.

Если кому приснится, что он или она стал золотым или серебряным, то рабу это предвещает быть проданным, то есть превратиться в золото или серебро; бедняку — разбогатеть, чтобы золото и серебро оказалось вокруг него; а богатому — стать жертвой покушений, потому что на золото и серебро всегда много покушений. Для больного такой сон предвещает

⁵¹ Ср.: Светоний (Домициан. 23.4) — Домициану приснилось, что у него вырос золотой горб, и он считал, что это означало, что после его смерти начнется процветание государства.

⁵² Призраки мертвых обычно изображаются в античной литературе выше человеческого роста; см., например, Креуса (*Вергилий. Энеида*. II. 773), Ромул (*Овидий. Фасты*. II.503); вещательница будущего, представшая перед Курцием Руфом (*Плиний Младший. Письма*. VII. 27.2), и т. д.

⁵³ Илиада. III.108.

верную смерть⁵⁴, точно так же как и превращение в медь (кроме как для атлета и для раба: атлет одержит победу и удостоится статуи, а раб получит свободу, потому что медные статуи ставятся лишь свободным людям; видеть, что тебе поставлена медная статуя или бюст на площади, означает то же самое). Сделаться железным — это предвещает непереносимые бедствия, однако сновидец их переживет и доживет до старости, потому что железным человеком мы называем того, кто стоек в невзгодах. Стать во сне земляным или глиняным означает смерть для всех, кроме тех, кто кормится от земли или от глины; а стать каменным означает для сновидца ушибы и рану, потому что ничто каменное не возникает без посредства железа. Подобные же умозаключения следует делать и относительно всякого иного материала.

Если кто обратится в животное, толкование должно исходить из породы этого животного; но об этом будет рассказано во второй моей книге в разделе об охоте.

Вообще, по моим наблюдениям, для всех людей к добру и красота, и стройность тела, и сила, но лишь когда они не превосходят человеческую меру; чрезмерная же красота, стройность или сила означают тот же исход, что и безобразие, и расслабленность, и немощь, — для больных все это предвещает смерть⁵⁵, а для здоровых бездеятельность и долгую хворь.

51. Обучение искусствам, ремеслам и занятиям в общем и для всех означает с достоверностью следующее. Что из искусств и ремесел человек знает, изучил, делает и практикует, в том ему к добру видеть себя занимающимся, трудящимся и преуспевающим: это значит, что он совершит задуманное и доведет дело до конца по своему намерению; неудача же — не к добру, потому что это означает противоположное его намерению. А что человек делает во сне без знания и опыта, в том удача сулит ему добро, но дающееся тяжело и трудно, неудача же сулит во всяком начинании впустую потраченный труд и к тому же осмеяние. В частности же это означает вот что.

Возделывать землю, сеять, сажать деревья и пахать — к добру для тех, кто хочет жениться и иметь детей, ибо пашня есть не что иное, как жена, а семена и сеянцы — дети: пшеница — сыновья, ячмень — дочери, а овощи — недоношенные выкидыши⁵⁶. Но для всех остальных это означает труды и неприятности; а если в доме у сновидца есть больной, то он умрет, ибо семена и сеянцы мы закапываем в землю, как покойников.

Собирать урожай, собирать виноград, подрезывать деревья в недолжную пору — этот сон означает задержку во всех делах и предприятиях до настоящей их поры и времени.

Вести корабль, если он благополучно входит в гавань и безопасно выходит в море, к добру для всех, хотя и не без трудов и забот; если же он попадает в бурю или терпит крушение, то это, как я наблюдал, крайне плохо.

Сапожничать и плотничать к добру для всех законопослушных граждан (потому что означает меру), и для тех, кто хочет вступить в брак или в товарищество, потому что означает швы и связи.

⁵⁴ Ср. о золотом горбе Домициана в прим. 51.

⁵⁵ Призраки мертвых представлялись прекраснее живых людей — см. те же примеры, что и в прим. 52.

⁵⁶ Ср. замечание Пэка: «Может быть, потому, что бобовые стручья вредны для других растений — *Феофраст*. О происхождении растений. V.15.1».

Кожевничать ни для кого не к добру, потому что кожевник имеет дело с мертвыми телами и селится от города вдали; а запах означает также разоблачение тайн. Более всего неблагоприятен этот сон врачам.

Быть золотых дел мастером означает козни против сновидца, потому что таков материал его для работы и потому что он употребляет в ней скрытые скрепления.

Ваять, живописать, чеканить и изготовлять статуи к добру для прелюбодеев, для риторов, для поддельщиков и для всех обманщиков, потому что все эти искусства представляют несуществующее как существующее; а для всех остальных это предвещает шумиху и стечение народа, потому что такие работы выставляются на общий показ.

52. Быть кузнецом и стоять у наковальни означает беспокойства и огорчения, а тому, кто хочет жениться, сулит жену добрую, потому что меха дышат в лад, но сварливую, потому что молоты производят шум.

Точно так же и об остальных занятиях следует составлять умозаключения по этим образцам, принимая во внимание существенные черты как занятия, так и сновидца. При этом значение таких снов одно и то же, видишь ли за ремеслом самого себя, или других ремесленников, или их мастерские, или их орудия. Только относительно орудий наблюдается небольшая разница: те орудия, которые кроют и режут, означают разномыслие, раздор и вред; те, которые скрепляют и спивают, предвещают выгоду, товарищество и брак, но не благоприятствуют дальним поездкам; те, которые ровняют поверхность, означают прекращение вражды; те, которые служат выпрямлению или являют прямизну, означают разоблачение тайн (оттого и считаются способствующими этому сны, в которых видишь землемера и землемеров).

53. Учиться грамоте для человека неграмотного предвещает добро, но не без труда и страха, потому что учащиеся учатся себе на пользу, однако терпят при этом и труд и страх. Для грамотного же человека вновь учиться грамоте неуместно и не к добру, потому что такое учение пристало детям, а ему оно сулит безуспешную работу, сопряженную с угнетением и страхом. К добру это лишь для того, кто хочет иметь детей: тогда грамоте будет учиться не он, а сын, который у него родится.

Если римлянин обучается греческому языку или грек латинскому, то это обещает одному греческий образ жизни, а другому римский; многие видевшие этот сон римляне женились потом на гречанках, а греки на римлянках. Я знал человека, которому приснилось, что он изучает латинский язык, — и потом он был приговорен к рабству: и в самом деле, именно рабы греческому языку никогда не учатся. А на варварском языке читать хорошо и складно означает уехать в варварские края с их обычаями и достигнуть там больших успехов; дурно же читать по-варварски означает терпеть неприятности в варварских краях или заболеть и сойти с ума, потому что говорит он не своим языком.

Если же человек во сне не может писать или читать, то это означает безработицу: если затруднение лишь в немногих буквах, то на несколько дней, а если во многих, то на несколько месяцев.

54. Видеть себя эфебом для раба означает освобождение, потому что по закону только свободные бывают эфебами. Для ремесленника или ритора это означает безработицу и праздность на целый год, потому что эфебу полагается целый год держать руки под военным плащом и не браться ни за какие дела и речи. Я сказал «год», потому что таков срок эфебии; а если где эфебия длится три года, там нужно толковать сообразно с этими местными условиями. Этот сон неблагоприятен для дальних поез-

док, а уехавшим сулит возвращение, потому что эфебу полагается не покидать свою страну. Неженатым сон предвещает женитьбу, потому что как плащ эфеба надевают по закону, так и жену в дом вводят по закону. Если плащ белый, то жена будет из свободных, если черный — то из отпущенниц, а если пурпурный — то из более знатного рода, и уж никак не рабыня. Для того, кто имеет или хочет иметь сына, этот сон значит, что эфебом будет не он, а его сын. Человеку пожилому и преклонного возраста этот сон предвещает смерть, а законопреступнику — изобличение, законопослушным же гражданам этот сон к добру, потому что служба эфеба — едва ли не образец жизни правильной и здоровой. Только атлету перед испытанием этот сон не к добру, потому что сулит отвод за превышение возраста, ибо эфеб — это уже почти взрослый; а борцу перед состязанием предвещает не поспеть к сроку, если же поспеет, то не участвовать в борьбе, ибо эфебы-переростки к состязаниям не допускаются.

55. Катать обруч означает заботы, от которых, однако, будет сновидцу удовольствие. Ловить и перехватывать мяч означает бесконечные ссоры, а нередко также и любовь с гетерой: ибо мяч похож на гетеру тем, что переходит из рук в руки и ни у кого не задерживается⁵⁷. Гири и упражнения с гириями означают в настоящем бездеятельность и затруднения, но в будущем хорошие дела и облегчение от них, ибо такое упражнение служит лишь развитию мышц. Прыгать на вздутом мехе, играть клиньями, скакать чехардой и забавляться иными подобными ребячествами предвещает ссоры. А о борьбе, чтобы не повторяться, мы напишем в разделе о состязаниях.

56. Трубить во сне на священной трубе к добру для тех, кто ищет какой-нибудь встречи или кто потерял раба или слугу, потому что на войне такой трубой собирают разбежавшихся. Но означает это также и разоблачение тайн, потому что труба эта очень громкая, а для больных — смерть, потому что сделана она из кости и меди, а дыхание из нее выходит, но обратно не входит. Для рабов и всех услужающих такая труба означает избавление от рабства, потому что играют на ней свободные. А трубить на круглой трубе не к добру, потому что она служит не для священнодействий, а для войны, и что исходит у трубача изо рта, то обращается на его собственную голову; поэтому такой сон не благоприятствует выступать ни с какими обвинениями. Если спящий услышит такого трубача, это сулит тревогу, если же только увидит трубу, то будет лишь напрасный страх. Быть глашатаем означает то же, что быть трубачом, только для рабов это означает свободу не по милости хозяина, а по собственному провозглашению.

Играть на погребальной флейте означает траур или иное подобное горе, а для недужных — смерть. Напротив, играть на тростниковой флейте или же при возлияниях — для всякого к добру.

Играть на кифаре и иных струнных инструментах для свадеб и пирушек — к добру, потому что в их звуках есть согласие, для других же надобностей — не к добру и вызывает раздоры, потому что струны их натянуты; многим оно сулит и подагру, потому что струны эти — из жил. Пение под кифару тоже должно толковаться таким же образом.

Играть в трагедии, выступать в трагических представлениях и импровизациях, слушать трагических актеров и говорить ямбические стихи — это значит, что если ты помнишь слова, то сбудется по содержанию

⁵⁷ Ср. Невгий (г комедии), фр. 75 (Рибб.): «Слоено мяч в игре, гетера отдается в руки всем...» (в аппарате Пэка эта параллель не отмечена).

этих слов, а если не помнишь, то сбудутся невзгоды, рабство, кровопролитие, обиды и прочее, еще того злее и хуже, потому что именно этим полны трагедии. А играть в комедии, слушать комических актеров и иметь дело с комическими представлениями или сочинениями — это означает насмешки и стычки, если комедия древняя, если же комедия нынешняя, то все то же, что и в трагедии, только с хорошим и благополучным концом, потому что именно таковы предметы комедии.

Хоровые и гимнические песнопения означают притворство и обман, потому что сочинители таких песен ради собственной корысти прославляют даже то, чего у воспеваемого нет. Стихотворцы, сочинители похвальных речей и прочие прозаики означают то же самое, что и исполнители хоров, причем нет разницы, сам ли ты сочиняешь или присутствуешь при этом.

О военной пляске и о пляске с поворотами мы скажем в разделе о венках; там же лучше будет разобрать и вопрос о песнях. А теперь рассмотрим по порядку упражнения конные и телесные.

Скакать верхом на лошади, которая хорошо слушается узды и ездока, одинаково к добру для всех, потому что лошадь подобна жене и любовнице — так же, как они, гордится красотой и носит наездника. Подобна лошадь и кораблю — недаром поэт называл корабли «водяными конями»⁵⁸, а мы зовем Посейдона «Конным»: ведь лошадь на суше — то же, что корабль в море. Подобна лошадь также хозяину, и работодателю, и кормильцу-другу, и всякому, кто несет свою ношу. И каково сновидцу на лошади, таково же ему будет с женой, любовницей, хозяином, другом и кораблем. Упряжная лошадь означает то же, что верховая, и лишь для больных предвещает смерть⁵⁹ — точно так же, как упряжка четверней⁶⁰; в остальных отношениях и четверня не отличается от верховой лошади, и только для атлетов-тяжелоборцев она снится к добру и к победе (ибо их ввезут в город на колеснице), а для бегунов, наоборот, к поражению (ибо сон говорит, что на собственных ногах они не выстоят).

Женщинам и девицам, свободнорожденным и состоятельным, ехать на колеснице через город, по-моему, к добру — это сулит им хорошие жреческие саны; а женщинам бедным ехать на конях через город означает блудный промысел, а рабам — свободу, потому что только свободные разъезжают по городу на конях. Въезжать в город к добру для атлета и для больного — первый победит в священных играх, а второй избежит смерти. А выезжать из города для обоих не к добру: одного вынесут мертвым, а другой останется побежден. Наконец, ехать в колеснице по безлюдью для всякого сновидца предвещает смерть и притом в недолгом времени.

57. Заниматься пятиборьем означает, по моим наблюдениям, в любом случае, — во-первых, дальнюю поездку, потому что бег указывает на перемещение из места в место, а во-вторых, штрафы, непредвиденные расходы и нерассчитанные дорожные издержки; на это указывает диск, потому что он медный и вырывается из рук. Далее, часто это означает заботы и огорчения; на это указывают прыжки с тяжестями⁶¹ — недаром, на

⁵⁸ Одиссея. IV. 708.

⁵⁹ Может быть, из-за древнего обычая сжигать лошадей вместе с умершими хозяевами; ср. *Лукиан*. О скорби. 14.

⁶⁰ У Цицерона (О гадании. II. 144) рассказывается, как бегуну приснилось, что он едет четверней, и один гадатель объяснил, что он будет быстр, как четыре лошади, а другой — что его опередят по меньшей мере четыре соперника.

⁶¹ Как известно, для усиления инерции при прыжках атлеты держали в руках гантели (*ἀλτήρες*).

кого внезапно свалилось несчастье, о тех говорят «сбил с ног». Далее, это означает пререкания и драки; на это указывает копьё с его быстротой и свистом, как у раздраженных слов. Далее, богатым это предвещает распря из-за земли, а бедным болезнь: на это указывает борьба. Дальнейшее обоснование всему этому покажет дальнейшее изложение.

58. Бег на стадий и победа в этом состязании к добру для всех, кроме больных: все достигнут предела своих намерений (так, рабы после такого сна получают волю), а больные — жизненного своего предела, то есть умрут. Двойной бег означает то же, что и бег на стадий, только с задержкою; дальний бег — то же, только с большими задержками. Что касается женщин, то для них дальний бег означает блудный промысел и непотребный образ жизни.

59. Быть допущенным к состязаниям — для всех к добру. Но для атлетов, если это мальчики, этот сон ничего не значит, потому что они и так в допустимом возрасте; если же они взрослые, этот сон к неудаче, потому что допуск нужен лишь для мальчиков. А не быть допущенным к состязаниям — для всех не к добру, а больным предвещает смерть. Я знал человека, которому приснилось, что он не допущен к олимпийским играм, — и он оказался осужден на работу в рудниках, потому что его отлучили от священных состязаний.

60. Бороться с родственником или другом означает раздор с ним или ссору; и кому из борющихся будет победа во сне, тот и наяву одержит верх, если только спор у них не из-за земли⁶². В спорах же о земле лучше упасть самому (только не на опрокинутого противника), потому что кто окажется на земле, тому и достанется земля. Я знал человека, которому приснилось, что он борется и побивает соперника приемом, который называется «два пальца вокруг одного»⁶³; и он оказался победителем в тяжбе, заполучив документы, писанные его противником. Бороться с незнакомцем означает опасную болезнь, потому что как борец хочет повалить борца, так и болезнь хочет больного предать земле; кто упадет, того ждет смерть, кто одолеет, того — выздоровление. Бороться с мальчиком для взрослого не к добру: если он побороет мальчика, то ему придется хоронить кого-то близкого, если же мальчик побороет его, то это означает напрасные усилия, а сверх того насмешки и болезнь — насмешки из-за неудачи, а болезнь оттого, что победил слабосильный. Для мальчика же побороť взрослого — к добру: это значит, что он добьется успеха сверх ожиданий. Не к добру это только для мальчика-атлета: это значит, что его не допустят к состязаниям мальчиков. Бороться же с мертвецом означает ссоры с его потомками или наследниками. Вообще же во всякой борьбе победа лучше поражения.

61. Кулачный бой — для всех во вред, потому что означает позор и убыток: лицо становится безобразным, а потеря крови почитается за потерю денег. К добру это лишь для тех, кто от крови кормится, например, лекарям, жертвоприносителям и поварам.

62. Разноборье означает то же, что <борьба и>⁶⁴ кулачный бой порознь (кроме лишь убытка), только ссоры будут еще тяжелей из-за драки. Но и в том и в другом всегда лучше быть победителем. Если раб выступит на священных состязаниях, победит и получит венок, то быть ему всенародно отпущенным на волю, потому что такие состязания — удел свобод-

⁶² Ср. борьбу Иакова с ангелом — Бытие. 32. 24—28.

⁶³ Темное (может быть, испорченное) место.

⁶⁴ Дополнение Герхера.

ных; однако следует помнить, что это относится лишь к священным состязаниям, а в других бывает и по-другому. Для всех остальных состязания, на которых удается стяжать венок, тоже означают завершение всех дел, благополучных и неблагополучных.

63. Бег в оружии для всех означает всяческие промедления, потому что из состязаний это самое последнее. По этой же причине для больных такой сон означает смерть.

64. Мытье у самых старых толкователей не считалось дурным сном, потому что торговые бани еще не были известны, а мылись у себя в ваннах. Более поздние авторы, уже знавшие о банях, считали, что и мыться не к добру, и даже не мывшись, видеть баню не к добру: по их мнению, бани означают беспокойство, потому что в банях шум; означают убыток, потому что там исходишь потом; означают душевный страх и мучения, потому что в бане меняется цвет и вид всего тела. А некоторые и в наше время следуют этим старым мнениям, а не собственному опыту, и поэтому заблуждаются. Понятно, что в старину баня была не к добру, потому что бань было не так много, и мылись люди не часто, а тогда, когда или возвращались из похода, или переводили дух после тяжелой работы, так что баня и мытье были для них напоминаниями о работе или походе. Нынче же иные люди и за стол не сядут, не помывшись, иные даже после еды не упустят помыться, а потом еще моются перед ужином; и в наше время, можно сказать, баня не что иное, как путь к роскошеству. Вот почему мытье в банях красивых, светлых и хорошо протопленных — к добру и для всех здоровых означает успех и благополучие, а для больных — выздоровление, ибо мыться без нужды — обычное дело для тех, кто здоров.

Но если кто во сне моется непривычным образом, то это для него не к добру. Например, если кто входит в парильню одетым, это означает для него болезнь и большие страдания, потому что это больные входят в баню одетыми и страдающие потеют под плащами. Не к добру также для бедняка мыться попечительно и с прислужниками: это предвещает ему тяжкую болезнь, потому что только тогда бедняк моется с чужой помощью. А для богача, наоборот, по той же причине нехорошо мыться одному.

Для всех одинаково дурно, когда не можешь вспотеть или когда видишь баню без крыши под открытым небом, или не оказывается воды в водоеме: это очень дурно, ибо означает несбывшиеся надежды, особенно если сноваидец зарабатывает на жизнь перед толпой или в толпе. Я знал одного кифареда в Смирне, который должен был участвовать в Адриановых священных играх, но ему приснилось, будто он моется в бане и не может найти воды, и потом его избличили во взятках судьям, наказали и отлучили от состязаний, а все потому, что сон предвещал ему не найти того, что ищет, и баня в этом сне означала театр.

Купаться в горячих источниках означает для больных здоровье, а для здоровых безработицу, потому что к таким источникам ездят или выздоравливающие, или бездельные. Купаться же в чистых и прозрачных источниках, прудах, ручьях и реках — к добру, но плавать — не к добру, потому что плавать — для всех дурной знак опасности и болезни, а почему — это подробно изъяснено у Паниасида Галикарнасского.

Скребницы, щетки, полотенца означают прислужников: стало быть, кому приснится, будто он потерял такой предмет, тот потеряет раба, полезного в услужении. Впрочем, сами по себе скребницы означают убыток, потому что соскребают с тела пот, а давать ему ничего не дают; иногда же это служит намеком и на блудных женщин, потому что и они с нашим телом делают то же самое. Сосудец с маслом и ларец со скребницами озна-

чают кому домовитую жену или верную служанку, а кому хозяйственного раба.

65. Говоря о пище, следует ради однозначного толкования различать сухую пищу и жидкую и не смешивать их значения; поэтому о свойствах сухой и жидкой пищи мы будем говорить по отдельности. Начнем с жидкой.

66. Пить холодную воду — к добру для всех; пить же теплую воду для тех, у кого нет к этому постоянной привычки, означает болезнь или безработицу, потому что теплая вода — вещь в природе неестественная.

Пить вино понемногу из небольших чаш и не пьянеть — к добру, потому что, по-моему, очень точно сказано у сократика Ксенофонта ⁶⁵: «...вино печали усыпляет, как мандрагора людей, а веселость будит, как масло огонь». Оттого и хорошо, когда снится, что пьешь немного, в меру потребности; пить же много и без меры для всех одинаково бывает причиной многих бед. Поэтому справедливо Феогнидово слово ⁶⁶:

Пить сверх меры немалое зло. Но пить с разумением —
Это, коль здорово судить, вовсе не зло, а добро.

Я бы сказал даже, что не только самому пить много вина не к добру, но и находиться в обществе пьющих, потому что за выпивкой бывает опьянение, а от него раздор, родитель войн.

Пить мед с вином, мед с соком, мед с водою или вино, настоящее на мирте или еще на чем-нибудь, для богатого к добру, потому что это роскошь, а для бедного к худу, потому что такие напитки ему приходится пить не иначе, как в болезни. Пить уксус означает домашние ссоры, потому что от него сводит рот. Пить рыбный соус означает разложение, потому что в нем нет ничего, кроме гнили. Пить оливковое масло означает болезнь или отраву ⁶⁷.

Пить в жажде всегда хорошо. Напротив, когда нечего пить или когда подходишь к реке, источнику или колодцу и не можешь зачерпнуть воды, то это означает неисполнение желаний, потому что жажда есть не что иное, как желание, а питье — утоление желания.

Далее, следует обращать внимание и на сосуды. Золотые, серебряные или глиняные сосуды означают для всех добро и надежную безопасность, потому что золото и серебро прочны, а глина всегда рядом с нами. Роговые сосуды тоже к добру, потому что они старинные и не бьются; стеклянные же не к добру и предвещают опасности, ибо стекло хрупко, и разоблачение тайн, ибо оно прозрачно. Есть также и другое толкование, тоже правильное — что сосуды означают тех, кто подходит с поцелуями; стало быть, если сосуд разобьется, то кто-нибудь из таких родственников умрет, а если человек одинок, то смерть грозит ему самому; я и сам наблюдал такое. Для мореплавателей разбитый сосуд означает крушение. Это старое толкование; а в недавнее время, говорят, часто сбывается вот какой сон. Есть среди сосудов один узкогорлый, недавно выдуманный; так вот, если он разобьется, то это сулит избавление от стеснения и гнета.

(Продолжение следует)

⁶⁵ «Пир», 2. 24.

⁶⁶ Феогнид. 211—212.

⁶⁷ Потому что масло считалось противоядием (Диоскорид. I. 30. 2).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
- ВВ — Византийский Временник
- ВИ — Вопросы истории
- ВФ — Вопросы философии
- ЗОАО — Записки Одесского Археологического общества
- ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
- ИФЖ — Историко-филологический журнал
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НАА — Народы Азии и Африки
- НДВШ — Научные доклады высшей школы
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика
- ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
- ПС — Палестинский сборник
- СА — Советская археология
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
- СЭ — Советская этнография
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
- АА — *Archäologischer Anzeiger*
- Annales ESC* — *Annales (Economie, Sociétés, Civilisations)*. Paris
- ASNP* — *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, Cl. di Lettere e Filosofia*. Pisa
- BaM* — *Bagdadische Mitteilungen*
- BCH* — *Bulletin de correspondance hellénique*
- BICS* — *Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London*
- Class. et Med.* — *Classica et Mediaevalia*. *Revue danoise d'Histoire et de Philologie* publiée par la Société danoise pour les Etudes anciennes et médiévales. København
- IOSPE* — *B. Latyshev. Inscriptiones Antiquae, Graecae et Latinae Orae Septentrionalis Ponti Euxini*
- JHS* — *Journal of Hellenic Studies*
- JRAS* — *Journal of the Royal Asiatic Society*
- Ktèma* — *Ktèma. Civilisations d'Orient, de la Grèce et de Rome antiques*. Strassburg
- PCPS* — *Proceedings of the Cambridge Philological Society*
- RE* — *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll*
- REA* — *Revue des études anciennes*
- REG* — *Revue des études grecques*
- REL* — *Revue des études latines*
- Rev. Arch.* — *Revue Archéologique*
- SHA* — *Scriptores Historiae Augustae*
- Quad. Urb.* — *Quaderni Urbinati di Cultura classica*. Urbino

**УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» в 1989 г.**

<i>От редакционного совета и редакционной коллегии. О перспективном плане журнала</i>	1	3
<i>Андреев Ю. В. (Ленинград) — Минойский Дедал</i>	3	29
<i>Афанасьева В. К. (Ленинград) — Аккадские правители в шумерском эпосе. Саргон Древний</i>	2	3
<i>Видаль-Наке П. (Париж) — Возвращение к черному охотнику</i>	4	11
<i>Гаврилов А. К. (Ленинград) — SI VIS PACEM (Arsph. Ach. 1018—1068)</i>	2	14
<i>Гамкрелидзе Т. В. (Тбилиси), Иванов Вяч. Вс. (Москва) — Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии</i>	1	14
<i>Иванчик А. И. (Москва) — О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского</i>	2	29
<i>Коптев А. В. (Вологда) — Изменение статуса римских колонов в IV—V вв. (По данным императорского законодательства)</i>	4	33
<i>Маяк И. Л. (Москва) — Populus, cives, plebs начала Республики</i>	1	66
<i>Перепелкин Ю. Я. — Жрец царя во главе государства</i>	3	4
<i>Пиотровский Б. Б. (Ленинград) — Скифия и Урарту</i>	4	3
<i>Погребова М. Н., Раевский Д. С. (Москва) — К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod., IV, 22)</i>	1	40
<i>Шелов Д. Б. (Москва) — Танаис — эллинистический город</i>	3	47

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Анисимов А. И. (Ростов-на-Дону) — Неопубликованная монета и некоторые вопросы чеканки Рискупорида II (68—93 гг.)</i>	1	93
<i>Арзаманов Г. Ф. (Москва) — Архаическая капитель из Гермонассы</i>	4	49
<i>Болтунова А. И. (Москва) — Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы</i>	1	86
<i>Глущенко В. П. (Чернигов) — Новый клад римских денариев</i>	2	68
<i>Гуляева Н. П. (Ленинград) — Бронзовые кувшины из Помпей</i>	3	55
<i>Зундерман В. (Берлин) — Еще один фрагмент из «Книги гигантов» Мавни</i>	3	67
<i>Лившиц В. А., Никитин А. Б. (Ленинград) — Парфянские надписи с Гёбеклы-депе</i>	3	80
<i>Островерхов А. С., Охотников С. Б. (Ильичевск) — О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея</i>	2	50
<i>Столба В. Ф. (Ленинград) — Об особенностях культа Геракла в Херсонесском государстве</i>	4	55
<i>Янковская Н. Б. (Ленинград) — Среднеассирийский акт самоосвобождения из рабства</i>	1	82

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

**Возникновение производящего хозяйства и его роль
в развитии древнего общества**

<i>Алексеев В. П. (Москва) — Микроочаги, очаги и области влияния в окультуривании растений, поведенческие предпосылки в доместикации животных</i>	1	111
<i>Антонова Е. В. (Москва) — О некоторых особенностях мировосприятия в эпоху раннего производящего хозяйства</i>	1	119
<i>Березкин Ю. Е. (Ленинград) — Становление земледелия: взгляд американиста</i>	1	114
<i>Куббель Л. Е. — Производящее хозяйство и политическая организация</i>	1	117

<i>Милитарев А. Ю.</i> (Москва) — Еще раз о происхождении земледелия по данным праафразийской (прасемито-хамитской) лингвистической реконструкции	1	128
<i>Пейрос И. И.</i> (Москва) — О соотношении археологии и лингвистики при изучении производящего хозяйства	1	126
<i>Този М.</i> (Рим) — Проблема доместикации: побережье Аравии	1	124
<i>Франкфор А.-П.</i> (Париж) — Данные о доисторическом земледелии в Центральной Азии и их историческая интерпретация	1	121
<i>Шнирельман В. А.</i> (Москва) — Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки	1	99

Античный мир. Возникновение государства

<i>Андреев Ю. В.</i> (Ленинград) — Гражданская община и государство в античности	4	71
<i>Большаков О. Г.</i> (Ленинград) — Общество, классы и государство: важность дискуссии	2	90
<i>Кузицин В. И.</i> (Москва) — О формировании государства в Риме	2	92
<i>Маяк И. Л.</i> (Москва) — К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима	2	94
<i>Николс К.</i> (Париж) — Римская республика и современные модели государства	2	97
<i>Смышляев А. Л.</i> (Москва) — Античные гражданские общины: отсутствие или особый тип государственности	2	99
<i>Трухина И. Н.</i> (Москва) — Римская civitas III—II вв. до н. э.: архаичный раннеклассовый социум или государство?	4	74
<i>Штаерман Е. М.</i> (Москва) — К проблеме возникновения государства в Риме	2	76
<i>Якобсон В. А.</i> (Ленинград) — Государство и социальная психология	4	75

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Вигасин А. А.</i> (Москва) — Наем в древней Индии	3	108
<i>Гаспаров М. Л.</i> (Москва) — Неполнота и симметрия в «Истории» Геродота	2	117
<i>Дарбанова Е. М.</i> (Улан-Удэ) — Древнемесопотамский сборник снотолкований (К вопросу о структуре построения текста)	2	102
<i>Зубарь В. М.</i> (Киев) — К пониманию IOSPE. I ² . 550	2	123
<i>Йоффи Н.</i> (Тусон, Аризона) — «Чужеземцы» в Месопотамии	2	95
<i>Кондратьев М. А.</i> (Москва) — Теорикон	1	137
<i>Кузнецов В. Д.</i> (Москва) — Ремесленники Элевфина	3	127
<i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — Табличка из Бет-Шемеша	1	144
<i>Медведская И. Н.</i> (Ленинград) — К уточнению маршрута похода Саргона в 714 г. до н. э.	2	100
<i>Молчанов А. А.</i> (Москва) — Типология минойских сфрагистических формул	3	117
<i>Ольдерогге Д. А.</i> — Трагедия Эсхила «Умоляющие» в свете этнографии	1	132
<i>Скржинская М. В.</i> (Киев) — О степени достоверности числовых данных в скифском рассказе Геродота	4	79
<i>Пугаченкова Г. А.</i> (Ташкент) — Об одном иконографическом образе в искусстве Бактрии	4	96
<i>Цецхладзе Г. Р.</i> (Харьков) — Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического	4	91

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Проблема возникновения зороастризма в Средней Азии

<i>Гаибов В. А., Кошеленко Г. А.</i> (Москва) — Тоголок-21 и проблемы религиозной истории древней Маргианы	1	171
<i>Грене Ф.</i> (Париж) — Некоторые замечания о корнях зороастризма в Средней Азии	1	170
<i>Дандамаев М. А.</i> (Ленинград) — Некоторые замечания к обсуждаемой проблеме	2	170
<i>Иванов Вяч. Вс.</i> (Москва) — О соотношении археологических, лингвистических и культурно-семиотических реконструкций (На материале комплекса Тоголок-21)	2	171

<i>Лившиц В. А., Стеблин-Каменский И. М.</i> (Ленинград) — Протозороастризм?	1	174
<i>Литвинский Б. А.</i> (Москва) — Протоиранский храм в Маргране?	1	177
<i>Ньоли Г.</i> (Рим) — Археология и проблема происхождения зороастризма: новые перспективы	2	175
<i>Пьянков И. В.</i> (Душанбе) — Тоголок-21 и пути его исторической интерпретации	1	179
<i>Сарианиди В. И.</i> (Москва) — Протозороастрийский храм в Маргране и проблема возникновения зороастризма	1	152
<i>Сарианиди В. И.</i> (Москва) — Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий	2	178

Новое о древней Южной Аравии

<i>Амирханов Х. А.</i> (Москва) — Древняя Аравия: проблемы заселения и протоисторический культурный субстрат	3	164
<i>Бауэр Г. М.</i> (Москва) — Городище Райбун по данным эпиграфики	2	153
<i>Бретон Ж.-Ф.</i> (Париж) — Работа Французской археологической миссии в Южном Йемене	3	148
<i>Виноградов Ю. Г., Седов А. В.</i> (Москва) — Греческая надпись из Южной Аравии	2	162
<i>Грязневич П. А.</i> (Ленинград) — Древний Хадрамаут в свете полевых исследований Советско-йеменской экспедиции	2	129
<i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — Надписи Внутреннего Хадрамаута (<i>Общая характеристика</i>)	2	142
<i>Мегрэ де А.</i> (Неаполь) — Работы Итальянской археологической миссии в Северном Йемене	3	155
<i>Наумкин В. В.</i> (Москва) — Полевые исследования на острове Сокотра	2	158
<i>Пиотровский Б. Б.</i> (Ленинград) — Введение	2	128
<i>Пиотровский М. Б.</i> (Ленинград) — Граффити Хадрамаута и Махры	2	148
<i>Седов А. В.</i> (Москва) — Археологические исследования в вадии Хадрамаут	2	135

<i>Дандамаева М. М., Чехович Н. О.</i> (Ленинград) — Итоги раскопок в Уруке (1982—1985 гг.)	4	117
<i>Карагеоргис В.</i> (Никозия) — Новые археологические открытия на Кипре	4	106
<i>Крюков В. М.</i> (Москва) — Новые археологические открытия в КНР	1	185
<i>Лопухова О. Б.</i> (Москва) — Архаическая Греция (<i>По материалам раскопок последних лет</i>)	4	120
<i>Лордкипанидзе О. Д.</i> (Тбилиси) — Новая находка в Вани (<i>Предварительное сообщение</i>)	3	178
<i>Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О.</i> (Москва), <i>Большаков О. Г.</i> (Ленинград) — Работы Советской археологической экспедиции в Сирии (<i>Первые результаты</i>)	1	181
<i>Пилипко В. Н.</i> (Ашхабад) — Голова в шлеме из Старой Нисы	3	167
<i>Пичикян И. Р.</i> (Москва) — Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия)	4	113

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Зуев В. Ю.</i> (Ленинград) — М. И. Ростовцев и неизвестные главы книги «Скифия и Боспор»	1	208
<i>Кузицын В. И.</i> (Москва) — О публикации новых глав труда акад. М. И. Ростовцева	1	206
<i>Ростовцев М. И.</i> Государство, религия и культура скифов и сарматов	1	192
<i>Ростовцев М. И.</i> Глава VI. Государство и культура Боспорского царства	2	183
<i>Ростовцев М. И.</i> Глава VI. Государство и культура Боспорского царства (<i>продолжение</i>)	3	184
<i>Ростовцев М. И.</i> Глава VI. Государство и культура Боспорского царства (<i>продолжение</i>)	4	124

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Акопян А. М.</i> (Москва) — The Sabacan archaeological complex in the wādi Yālā. A preliminary Report. Ed. by A. de Maigret. Ismeo—Rome, 1988	4	160
<i>Бадер А. Н.</i> (Москва) — Проблема возникновения и политического устройства Парфянского царства в современной историографии	1	216
<i>Вишнев О. В.</i> (Москва) — Центры по изучению древней истории в Федеративной Республике Германии и Западном Берлине	3	208
<i>Илюшечкин В. Н.</i> (Москва) — С. В. Полякова. «Метаморфозы» или «Золотой осел» Апулея. М., 1988	4	134
<i>Йорданов Кирил</i> (София) — И. Т. Никулца. Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. Кишинев, 1987	4	139
<i>Лариовер Р.</i> (Остин, Техас) — Новое издание «Нарада-смити».	1	211
<i>Лопухова О. Б.</i> (Москва) — W. Schuller. Frauen in der griechischen Geschichte. Konstanz, 1985	2	203
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Об искусстве библиографа (Platon 1958—1975 par Luc Brisson // Lustrum. T. 20. 1977; Platon 1975—1980 par Luc Brisson, avec la collaboration d'Hélène Ioannidi. T. 25. 1983; T. 26. 1984; Platon 1981—1985 par Luc Brisson. T. 30. 1988)	3	215
<i>Орел В. Э.</i> (Москва) — I. M. Diakonoff. S. A. Starostin. Huro-Urartian as an Eastern Caucasian Language. München, 1968	3	204
<i>Пашаева Н. М.</i> (Москва) — Из новых поступлений Государственной публичной Исторической библиотеки	1	237
<i>Подосинов А. В.</i> (Москва) — W. Schuller. Frauen in der römischen Geschichte. Konstanz, 1987	2	207
<i>Савельев В. А., Смышляев А. Л.</i> (Москва), <i>Никитина И. П., Якушева А. Ю.</i> (Свердловск) — А. И. Косарев. Римское право. М., 1986.	2	198
<i>Сапрыкин С. Ю.</i> (Москва) — H. Weimert. Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen: die antike Landschaft Pontos. Eine Fallstudie. Frankfurt am Main, 1984	1	231
<i>Согомонов А. Ю.</i> (Москва) — Восточные истоки раннегреческой культуры по исследованиям Вальтера Буркерта	4	146
<i>Скорин-Чайков Н. В.</i> (Москва) — Settlement and Society: aspects of West European prehistory in the first millenium B. C. Ed. by T. C. Champion and J. V. S. Megow. Leisester Univ. press. 1985	4	155
<i>Старицын А. Н.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1986 г.	4	165
<i>Трофимова М. К.</i> (Москва) — А. Ч. Козаржевский. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985	1	215
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Новые литературные тексты из собрания оксиринхских папирусов (The Oxyrhynchus papyri. V. 53. L., 1986)	3	205

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Виноградова Н. А.</i> (Москва) — Древнекитайская бронза в собрании музея Гугун (Пекин)	3	221
<i>Марининович Л. П.</i> (Москва) — Искусство ранней Греции в Национальном Археологическом музее в Афинах	1	238
<i>Щапова Ю. Л.</i> (Москва) — Западноазиатское стекло в Британском музее	2	216

PERSONALIA

К 75-летию Е. М. Штаерман	3	227
К 60-летию Валерия Павловича Алексеева	4	179
К 60-летию Тамаза Валериановича Гамкрелидзе	4	181
К 60-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова	4	183

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Аверинцев С. С.</i> (Москва) — Памяти Алексея Федоровича Лосева	1	250
<i>Берлев О. Д., Дандамаев М. А., Фихман И. Ф.</i> (Ленинград) — К 100-летию со дня рождения академика Василия Васильевича Струве	1	244
<i>Гроссман Ю. М., Лисовой И. А.</i> (Львов) — Чтения памяти профессора С. Я. Лурье	3	228

Даниленко В. Н., Керасиди Н. Х., Соломоник Э. И. (Симферополь) — Крымская научная конференция «Проблемы античной культуры» (Симферополь, 19—24 сентября 1988 г.)	4	192
Добролюбский А. О., Столярик Е. С. (Одесса) — Первые Всесоюзные чтения памяти профессора П. О. Карышковского	4	198
Иванов Вяч. Вс. (Москва) — XXXIV Международная встреча ассириологов (Стамбул, июль 1987 г.)	4	187
Каковкин А. Я. (Ленинград) — Заседание «Проблемы коптского искусства» (Эрмитаж, 14 декабря 1988 г.)	4	197
Махлаук А. В. (Горький) — Симпозиум «Общество и государство в античную и средневековую эпохи»	4	190
Научные чтения памяти С. Л. Утченко	4	184
Опочинская А. И. (Москва) — Античное архитектурное наследие в Крыму. Проблема его сохранения	3	233
Памяти М. М. Кобылиной	3	232
«Пятое Сергеевские чтения» на кафедре истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова	2	220

ПРИЛОЖЕНИЕ

Луций Ампелий. Памятная книжка. Перевод с латинского и вступительная статья А. И. Немировского (Москва)	1	253
Луций Ампелий. Памятная книжка. Перевод с латинского А. И. Немировского	2	229
Штаерман Е. М. (Москва) — «Сонник» Артемидора как исторический источник	3	236
Артемидор Далдианский. Сонник. Перевод с древнегреческого М. Л. Гаспарова и В. С. Зилитинкевич под общей редакцией Я. М. Боровского	4	201

Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» в 1989 г.	4	233
---	---	-----

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Пиотровский Б. Б.</i> (Ленинград) — Скифы и Урарту	3
<i>Видал-Наке П.</i> (Париж) — Возвращение к Черному Охотнику	11
<i>Коптев А. В.</i> (Вологда) — Изменение статуса римских колонов в IV—V вв. (По данным императорского законодательства)	33

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Арзаманов Г. Ф.</i> (Москва) — Архангелская капитель из Тамани	49
<i>Столба В. Ф.</i> (Ленинград) — Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве	55

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Возникновение античного государства

<i>Андреев Ю. В.</i> (Ленинград) — Гражданская община и государство в античности	71
<i>Трухина Н. Н.</i> (Москва) — Римская civitas III—II вв. до н.э.: архаичный раннеклассовый социум или государство?	74
<i>Якобсон В. А.</i> (Ленинград) — Государство и социальная психология	75

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Скрябинская М. В.</i> (Киев) — О степени достоверности числовых данных в Скиф- ском рассказе Геродота	79
<i>Цецхладзе Г. Р.</i> (Харьков) — Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического	91
<i>Пушаченкова Г. А.</i> (Ташкент) — Об одном иконографическом образе в искусстве Бактрии	96

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Карагеоргис В.</i> (Никозия) — Новые археологические находки на Кипре . . .	106
<i>Пичикян И. Р.</i> (Москва) — Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия)	113
<i>Дандамаева М. М., Чехович П. О.</i> (Ленинград) — Итоги раскопок в Уруке (1982—1985 гг.)	117
<i>Лопухова О. Б.</i> (Москва) — Архаическая Греция (По материалам раскопок последних лет)	120

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Ростовцев М. И.</i> — Глава VI. Государство и культура Боспорского царства .	124
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Илюшечкин В. Н.</i> (Москва) — С. В. Полякова. «Метаморфозы», или «Золотой осел» Апулея. М., 1988	134
<i>Йорданов Кирил</i> (София) — И. Т. Никитич. Северные фракийцы в VI—I вв. до н.э. Кипшинев, 1987	139
<i>Согомонов А. Ю.</i> (Москва) — Восточные истоки раннегреческой культуры по исследованиям Вальтера Буркерт	146
<i>Ссорин-Чайков Н. В.</i> (Москва) — Settlement and Society: Aspects of West Euro- pean Prehistory in the First Millennium B. C. / Ed. by T. C. Champion and J. V. S. Megow. Leicester Univ. Press, 1985	155
<i>Акопян А. М.</i> (Москва) — The Sabaeen Archaeological Complex in the Wādī Yālā (Eastern Ḥawlān a'-Tiyāl, Yemen Arab Republic). A Preliminary Report / Ed. by A. de Maigret // IsMEO. Reports and Memoirs. XXI. Roma, 1988 . .	160
<i>Старицын А. Н.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1986 г.	165

PERSONALIA

К 60-летию Валерия Павловича Алексеева	179
К 60-летию Тамаза Валериановича Гамкрелидзе	181
К 60-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова	183

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научные чтения памяти С. Л. Утченко	184
<i>Иванов Вяч. Вс.</i> (Москва) — XXXIV Международная встреча ассириологов (Стамбул, июль 1987 г.)	187
<i>Махлаюк А. В.</i> (Горький) — Симпозиум «Общество и государство в античную и средневековую эпохи»	190
<i>Даниленко В. Н., Кerasиди Н. Х., Соломоник Э. И.</i> (Симферополь) — Крымская научная конференция «Проблемы античной культуры» (Симферополь, 19—24 сентября 1988 г.)	192
<i>Каковин А. Я.</i> (Ленинград) — Заседание «Проблемы коптского искусства» (Эрмитаж, 14 декабря 1988 г.)	197
<i>Добролюбский А. О., Столярик Е. С.</i> (Одесса) — Первые Всесоюзные чтения памяти профессора П. О. Карышковского	198

ПРИЛОЖЕНИЕ

Артемидор Далдианский. Сонник. Перевод с древнегреческого <i>М. Л. Гаспарова и В. С. Зилитинкевич</i> под общей редакцией <i>Я. М. Боровского</i>	201
---	-----

C O N T E N T S

<i>B. B. Piotrovsky</i> (Leningrad) — Scythians and Urartu	3
<i>P. Vidal-Naquet</i> (Paris) — Return to the Black Hunter	11
<i>A. V. Koptev</i> (Vologda) — The Change of Status of Roman <i>Coloni</i> in the Fourth and Fifth Centuries A. D.	33

PUBLICATIONS

<i>G. F. Arzamanov</i> (Moscow) — An Archaic Capital from Hermonassa	49
<i>V. F. Stolba</i> . A New Dedication from the North-Western Crimea and Aspects of the Cult of Herakles in the Chersonese State	55

DISCUSSIONS

The Classical World. The Rise of the State

<i>Yu. V. Andreev</i> (Leningrad) — Civil Community and the State in Antiquity . .	71
<i>N. N. Trukhina</i> (Moscow) — Roman <i>civitas</i> in the III—II Centuries B.C.: an Archaic Society of the Early-Class Type or a State?	74
<i>V. A. Jacobson</i> (Leningrad) — The State and Social Psychology	75

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>M. V. Skrzhinskaya</i> (Kiev) — On the Authenticity of the Numeral Data Cited in Herodotus' Scythian Logos	79
<i>G. R. Tsetskhladze</i> (Kharkov) — Coins of Dioskuriada from the Taurian Chersonese	91
<i>G. A. Pugachenkova</i> (Tashkent) — An Iconographic Image in Bactrian Art . . .	96

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW FINDS

<i>V. Karageorgis</i> (Nicosia) — New Archaeological Finds in Cyprus	106
<i>I. R. Pichikian</i> (Moscow) — Discovery of the Temenos of a Temple of Oxus (Northern Bactria)	113
<i>M. M. Dandamayeva, N. O. Chekhovich</i> (Leningrad) — Results of the Exploration in Uruk (1982—1985)	117
<i>O. B. Lopukhova</i> (Moscow) — Archaic Greece (<i>Recent Excavations</i>)	120

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>M. I. Rostovtseff</i> . Chapter VI. The State and Culture of the Bosphorus Kingdom	124
	239

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

<i>V. N. Iliushechkin</i> (Moscow) — S. V. P o l y a k o v a. Apuleius' 'Metamorphoses or the Golden Ass'. Moscow, 1988 (in Russian)	134
<i>Kiril Jordanov</i> (Sofia) — I. T. N i k u l i t s e. The Northern Thracians in the Sixth to First Centuries B. C. Kishinev, 1987 (in Russian)	139
<i>A. Yu. Sogomonov</i> (Moscow) — Oriental Sources of Early Greek Culture after the Studies of Walter Burkert	146
<i>N. V. Ssorin-Chaikov</i> (Moscow) — Settlement and Society: Aspects of West European Prehistory in the First Millennium B. C. / Ed. by T. C. Champion and J. V. S. Megow. Leicester Univ. Press, 1985	155
<i>A. M. Akopyan</i> (Moscow) — The Sabacan Archaeological Complex in the Wādī Yālā (Eastern Hawlān at-Tiyāl, Yemen Arab Republic). A Preliminary Report / Ed. by A. de Maigret // IsMEO. Reports and Memoirs. XXI. Roma, 1988	160
<i>A. N. Staritsyn</i> (Moscow) — Index of Literature on the Ancient World Published in the USSR in 1986	165

PERSONALIA

The 60-th Birthday of V. P. Alekseev	179
The 60-th Birthday of T. V. Gamkrelidze	181
The 60-th Birthday of Vyach. Vs. Ivanov	183

SCIENTIFIC EVENTS

Readings of Memory of S. L. Utchenko	184
<i>Vyach. Vs. Ivanov</i> (Moscow) — «XXXIV Rencontre Assyriologique Internationale» (Istanbul, July 1987)	187
<i>A. V. Makhlayuk</i> (Gorky) — Symposium on Society and State in the Classical and Mediaeval Ages	190
<i>V. N. Danilenko, N. Kh. Kerasidi, E. I. Solomonik</i> (Simferopol) — Crimean Conference on Problems of Classical Culture (Simferopol, 19—24 September 1988)	192
<i>A. Ya. Kakovkin</i> (Leningrad) — Meeting on Problems of Coptic Art (The Hermitage, 14 December 1988)	197
<i>A. O. Dobrolyubsky, E. S. Stolyarik</i> (Odessa) — In Memory of P. O. Karyshkovsky	198

SUPPLEMENT

<i>Artemidorus</i> . Oneirocritica. Book I. Translated by <i>M. L. Gasparov</i> and <i>V. S. Zilitinkevich</i> . Ed by <i>Ya. M. Borovsky</i>	201
---	-----

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 24.08.89	Подписано к печати 17.11.89	Формат 70×100 ^{9/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 19,5+2 вкл. Усл. кр.-отт. 130,1	Уч.-изд. л. 24,8 Бум. л. 7,5
Тираж 6511 экз.	Зак. 3359	Цена 2 р. 50 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237

Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6